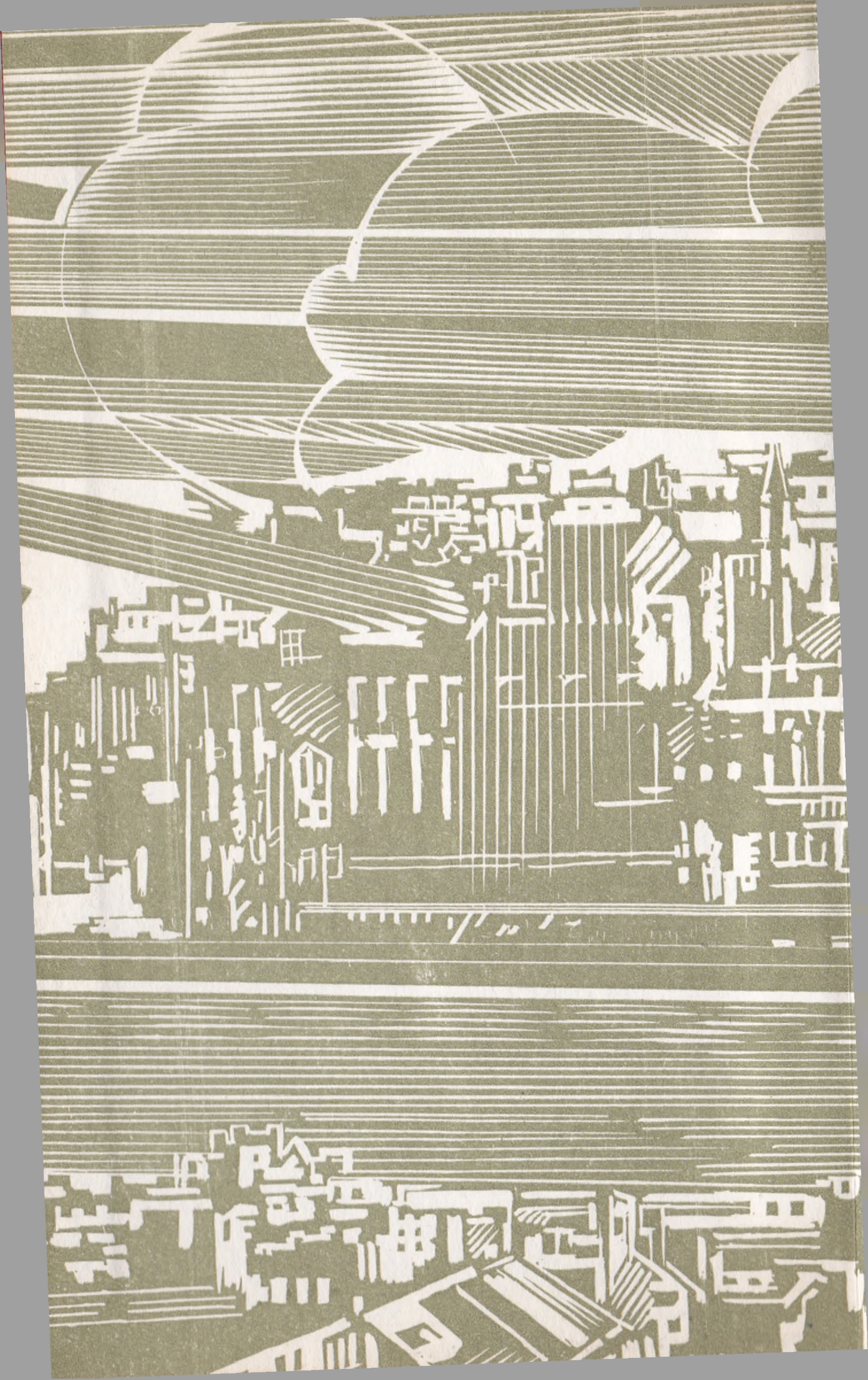
АНДРАШ БЕРКЕШИ

ИСПЫТАНИЯ

АНДРАШ БЕРКЕШИ

ИСПЫТАНИЯ

РОМАН

Авторизованный перевод с венгерского Г.Г. Афанасьева

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84.4Вн
Б48

BERKESI ANDRÁS

SZERELEM
HÁROM TÉTELBEN

MAGVETŐ — ZRÍNYI
BUDAPEST

Б $\frac{4703000000-112}{068(02)-88}$ 157—88

ISBN 5—203—00151—0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Андраш Беркеши... Это имя появилось в литературе Венгрии в конце 50-х годов и с тех пор занимает в ней прочное место. Более того, Беркеши стал одним из самых читаемых в стране авторов, конкурируя с классиками Кальманом Миксатом и Мором Йокаи. В чем же секрет такой популярности?

Родился Андраш Беркеши в 1919 году. Еще в юные годы, учась в коммерческом училище, проявлял склонность к литературной деятельности: писал стихи, небольшие рассказы, участвовал в молодежных литературных конкурсах. Однако нужда заставила его бросить школу и пойти на фабрику. Затем война, служба в армии, работа на военном заводе.

Весной 1945 года, когда Советская Армия освободила Венгрию, а народ покончил с ненавистным хортистским режимом, А. Беркеши вступил в Коммунистическую партию Венгрии. В том же году его направили в армию — в военно-политический отдел Министерства обороны.

Осенью 1950 года Беркеши по ложному обвинению был арестован и осужден. В 1954 году его освободили и полностью реабилитировали. После этого он занимал пост коммерческого директора завода точной механики в Будапеште. Тогда же попытался издать цикл патриотических стихов, написанных в заключении, но все его попытки оказались безуспешными, ибо реакционно настроенным деятелям Союза венгерских писателей и некоторых издательств они были явно не по вкусу.

В дни контрреволюционного мятежа осенью 1956 года коммунист А. Беркеши одним из первых с оружием в руках встал на защиту народно-демократического строя. После разгрома мятежа он активно сотрудничает в центральном органе Венгерской социалистической рабочей партии — газете «Непсабадшаг» («Народная свобода»), в газете «Елет еш иродалом» («Жизнь и литература») и центральной армейской газете «Непхадшерег» («Народная армия»), публикуя там новеллы и очерки на современную тему.

За три десятилетия непрерывной и плодотворной деятельности Беркеши написано более тридцати романов, повестей и пьес, многие из которых не только издавались сказочными для Венгрии тиражами, но и неоднократно переиздавались как в самой стране, так и за рубежом — в братских социалистических странах и на Западе. И думается, главной причиной их успеха является то, что автор берет, как правило, злободневные, подсказанные самой жизнью темы и на их основе создает увлекательные в большинстве случаев остросюжетные произведения, несущие ярко выраженный социально-политический заряд.

В этой связи уместно привести высказывание автора, характеризующее его отношение к собственным книгам: «Я считаю неправильным, когда книги о борьбе социалистической контрразведки против империалистических агентов относят к традиционно развлекательной, детективной литературе. Художественная ценность книги, приносимая ею польза никогда не исчерпываются формальными признаками какого-либо жанра... Содержание, общественная значимость, цели, преследуемые автором того или иного литературного произведения, — вот что главное... Романы о действиях социалистической контрразведки порой бывают похожи на детективы, однако их социальная направленность и содержание, цели, к которым стремятся герои, отличаются коренным образом. Борьба, которую ведут герои моих книг, отнюдь не развлечение и не приключение, а вынужденная необходимость, обусловленная политическими факторами и такими священными чувствами, как любовь к родине, осознанный долг охранять правое дело, защищать добро от зла...»

Большая часть произведений Андраша Беркеши, включая первые книги — «Октябрьская буря» и «После бури», а затем и более поздние, такие, как «Одиночество», «Последний порог», «Копьеносцы», трилогия «Свежий ветер», «Верность», «Особенная осень», «Стать человеком» и другие, посвящена острым социальным морально-нравственным проблемам.

Таким образом, предопределяющим фактором популярности книг Беркеши является их тематика, близкая и понятная читателю, живо его волнующая. Вторым несомненным слагаемым успеха следует назвать динамичность повествования, увлекательную фабулу. Читатель никогда не остается равнодушным, сюжет держит его в постоянном напряжении, как бы вынуждая проглаты-

вать страницу за страницей, чтобы узнать, а что же произойдет дальше. Наконец, немалую роль в популярности романов и повестей Андраша Беркеши играет их образный, но невычурный язык, четкая и психологически убедительная прорисовка характеров основных действующих лиц, мотивированность их поступков.

Как уже говорилось, многие произведения Андраша Беркеши изданы за рубежом. Его книги хорошо известны и у нас в стране. Некоторые из его романов переведены не только на русский язык, но и на языки народов СССР.

Роман А. Беркеши «Испытания» (оригинальное название «Любовь в трех проявлениях»), опубликованный в 1985 году, воссоздает сложный, противоречивый и во многом трагический в истории Венгрии период 40-х годов, хотя автор касается событий и более ранних. И здесь нельзя не согласиться с аннотацией, помещенной на суперобложке венгерского издания: «Вниманию читателя предлагается роман о любви и одновременно о волнениях и страстях, вызванных к жизни неожиданными историческими поворотами, которые определили характер десятилетия 1940—1950 гг.».

Действительно, рассказывая о любви двух главных героев романа Габора Лукача и Сулиты Читари, писатель не только воссоздает конкретные события отдельных периодов (1941—1944 гг. и 1949—1950 гг.) десятилетия, но и уверенно рисует его панораму в целом. Такая композиция позволяет ему ввести читателя в атмосферу жизни Венгрии того времени, насыщенную событиями, которые ставили людей перед сложными нравственными, а порой и физическими испытаниями, заставляли занимать четкую позицию как по отношению к самим событиям, так и по отношению к тем, кто в них участвовал.

Сюжет романа в общем-то несложен — это повесть о венгерских Ромео и Джульетте XX века, повесть, которой, по словам Шекспира, нет печальнее на свете. Так же как и их далекие предшественники, Габор и Сулита становятся жертвами вражды, но не двух родов, а двух противоборствующих классов. Сулита — дочь состоятельного дипломата, вышедшего из семьи богатых землевладельцев, Габор — типичный пролетарий, незаконнорожденный сын уборщицы. Правда, судьбе было угодно, чтобы он попал во Францию (туда вынужден был эмигрировать его отец-коммунист после поражения венгерской революции 1919 года). Там он учился, овладел французским, но это не изменило ни его социального, ни ма-

териального положения. Читатель встречается с Габором летом 1941 года, когда он, будучи учеником последнего класса гимназии, во время каникул работает в цеху окраски шелка ткацко-набивной фабрики и подрабатывает, разнося по домам молоко.

Друг Габора знакомит его с Сулитой (девушка хочет изучать французский язык, и ей нужен преподаватель) и мистификации ради выдает за политэмигранта, лейтенанта французской армии Жана Дюрана. Молодые люди влюбляются, между ними завязываются близкие и, казалось бы, довольно прочные отношения. Однако, когда спустя некоторое время совершенно случайно выясняется, что Габор не французский лейтенант, а будапештский бедняк, Сулита с презрением отталкивает его и, стремясь побольнее унизить, вручает деньги за молоко и... за любовь.

Вряд ли стоит пересказывать все перипетии романа, занимательность которого нарастает с каждой страницей. О любовной же его линии достаточно сказать, что судьба не раз еще сведет Габора и Сулиту и чувство их разгорится с новой силой.

Что касается Габора, то с первых месяцев войны, в которой Венгрия участвовала на стороне фашистской Германии, он оказался втянутым — сначала случайно, а затем и вполне осознанно — в движение Сопротивления. Ему довелось сполна испытать «прелести» хортистских и гестаповских застенков. Спустя четыре с половиной года после освобождения Венгрии и окончания войны Габор Лукач — уже майор военной контрразведки, активный строитель и защитник народной Венгрии. Однако впереди его ждут новые испытания...

Здесь, пожалуй, необходимо ввести читателя в обстановку, сложившуюся в Венгрии к концу сороковых годов. В апреле 1945 года венгерский народ обрел наконец подлинную независимость, в стране создались условия для проведения коренных социально-экономических преобразований, укрепления основ народно-демократической революции, которая затем переросла в революцию социалистическую. В результате проведения земельной реформы земля перешла к ее подлинным хозяевам — венгерским крестьянам. Были национализированы недра, промышленность, шахты, транспорт, банки, торговля; народное хозяйство прочно стало на рельсы плановой экономики; в стране широким фронтом развернулась культурная революция; в августе 1949 года была принята

Конституция, которая провозгласила Венгрию народной республикой и узаконила руководящую роль венгерского рабочего класса, руководимого своим авангардом — партией и опирающегося на демократическое единство всего народа.

Однако начиная с середины 1948 года, когда народная власть, преодолев сопротивление внутренней реакции, завоевала ключевые позиции, по существу, во всех сферах жизни и деятельности государства, Венгерской партией трудящихся[1] были допущены ошибки. Сказались и негативные явления, в значительной степени проистекавшие от все усиливавшегося культа личности Матьяша Ракоши. Эти ошибки привели к трудностям в народном хозяйстве, в результате чего заметно снизился жизненный уровень населения. Особенно пагубно сказалось распространение в стране методов администрирования, произвола, вопиющих нарушений социалистической законности. В 1949—1950 гг. с ведома и по указанию руководящей группы Ракоши прокатилась волна судебных процессов. В ходе следствия и во время самих процессов по отношению к обвиняемым применялись противозаконные, жестокие методы. В результате многие верные сыны Венгрии, честные деятели партии, государства и вооруженных сил были либо казнены (Ласло, Райк, Дьердь Палфи и другие), либо осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

В обстановке все усиливавшегося взаимного недоверия и подозрительности, усугублявшейся известиями о судебных процессах, казнях и арестах людей, совсем недавно занимавших видное положение в той или иной сфере жизни государства, и развертывается действие третьей части романа. В двух первых частях герои романа с бóльшими или меньшими потерями выдержали те испытания, которым судьбе было угодно их подвергнуть, но испытания, выпавшие на их долю в период культа личности, приводят обоих к трагическому концу. После тяжких физических и нравственных мучений был незаконно осужден и казнен Габор Лукач. Не выдерживает свалившихся на нее бед и Сулита Читари — она добровольно уходит из жизни.

[1] Венгерская партия трудящихся (ВПТ) — была создана на базе объединившихся в июне 1948 г. коммунистической и социал-демократической партий. В ноябре 1956 г., после разгрома контрреволюционного мятежа, была реорганизована и получила название Венгерской социалистической рабочей партии. — *Здесь и далее примечания О. Громова.*

Роман заканчивается краткой информацией о том, что 28 сентября 1954 года военный трибунал посмертно реабилитировал майора Габора Лукача. Комиссии, производившей перезахоронение его праха, было предъявлено предсмертное письмо Сулиты Читари, в котором она выражала желание быть погребенной вместе с любимым. Комиссия удовлетворила ее последнюю просьбу.

Вместе с тем хочется еще раз подчеркнуть, что роман Андраша Беркеши «Испытания» не сводится к изложению истории трагической любви. В нем автор дает исторический срез жизни Венгрии в период 1940—1950 гг., намечает контуры движения Сопротивления, прошедшего весьма непростой путь, еще раз напоминает о далеко не равноправных отношениях «союзников» по войне — фашистской Германии и хортистской Венгрии. Он показывает рост самосознания венгерского пролетариата, обнажает те негативные явления, которые получили развитие в стране в годы культа личности Матьяша Ракоши.

Предлагаемый вниманию читателя роман А. Беркеши «Испытания» обильно населен действующими лицами. Одни персонажи очерчены бегло, другие, пусть эпизодические, обрисованы выпукло и ярко. И все же наиболее запоминающиеся образы — это Габор и Сулита, к которым читатель проникается искренней симпатией.

Предваряя роман, уместно привести слова самого Андраша Беркеши, объясняющие, какими чувствами и мыслями руководствовался он при создании этого произведения: «Для чего я написал этот роман? Для того, чтобы те ужасные годы никогда не повторились. Я знал многих выведенных на страницах романа людей, сам принимал участие в трагических событиях. Многое в образе главного героя Габора Лукача я списал с самого себя. Но я хорошо знал и Сулиту, эту очень порядочную, честную девушку из буржуазной семьи, проделавшую долгий путь, прежде чем принять умом и сердцем социалистический строй, идеи социализма. В конце концов, являясь владелицей большого состояния, она могла бы эмигрировать в Швейцарию, но не сделала этого из любви к родине и самому дорогому для нее человеку, нашла место при новом строе, хотела честно трудиться... Я должен был рассказать о ней и Габоре, их чистоте, верности и горькой судьбе, чтобы их жизнь и смерть могли предостеречь живых».

О. Громов

Первое испытание

1

Габор Лукач работал в красильном цехе. Во время обеденного перерыва к нему часто забегал Бела Колесар из слесарной мастерской. Ничего странного в их встречах не находили, так как все хорошо знали, что Колесар приходится парню крестным отцом. Однажды в конце лета Бела, как обычно, навестил своего крестника. От внимания Габора не ускользнуло, что Колесар явно не в духе...

Мощные вентиляторы уже высосали пар из красильни, так что были хорошо видны шкивы трансмиссий, прикрепленные к стенам многочисленные трубы и огромные красильные чаны.

Все рабочие находились на своих местах: одни сидели на скамьях и табуретах, на грудах ткани, предназначенной для окраски, другие по привычке перекусывали стоя.

Габор устроился у красильного чана на рулоне подкладочного шелка. Он ел тушеную капусту из алюминиевой чашки.

Колесар присел рядом с юношей. В свои неполные пятьдесят он был худощав, в коротко подстриженных волосах уже серебрилась седина. Колесара считали хорошим специалистом, называли мастером на все руки. После подавления революции 1919 года он эмигрировал во Францию, долгие годы работал слесарем-механиком в типографии в Этапле, затем — механиком на шахте близ Турукэна, небольшого городка на севере страны.

Однако мало кто в красильне знал о том, что Габор с шести до двенадцати лет, то есть до двадцать пятого года, тоже жил в Этапле. У его дядюшки Пьера был большой дом на рю де Бальзак — улице, по которой Габор вместе с Робертом, Шарлоттой и Франком каждое утро ходили в начальную школу. Типография «Легран», в которой работал Колесар, находилась здесь же, но мальчик почему-то так ни разу и не встретился со своим крестным перед ее зданием.

По обыкновению, чтобы не забыть язык, Габор и Бела разговаривали по-французски.

— Почему ты такой грустный? — поинтересовался юноша.

— Меня снова призывают. Завтра утром я должен явиться на призывной пункт. Поговаривают, что теперь наши войска будут развивать наступление и не остановятся до самой Украины.

Услышав такое объяснение, Габор уже не удивлялся столь хмурому виду крестного. С тех пор как начался процесс приобретения новых территорий, в стране каждый год проводилась мобилизация. Так было при захвате северных районов, в Карпатском бассейне, в Трансильвании, на юге. Габор хорошо помнил рассказ Белы о том, как в Бач-Топойе их обстреляли не то четники, не то местные партизаны. Полевые жандармы схватили какую-то учительницу из Сербии и четырех студентов, которых тут же и повесили на центральной площади небольшого городка. Повешенных даже сфотографировали. Один такой снимок достался Колесару, и он по непонятной для Габора причине бережно хранил его.

Габору до боли в сердце было жаль крестного, который, как-то скорчившись и сникнув, сидел рядом с ним. Юноша невольно подумал о том, что скоро призовут и его: ведь ему уже почти двадцать три года, отсрочки больше не дадут. Страна увязла в этой войне, требовавшей все больше и больше солдат. Габор вспомнил, что, когда правительство официально объявило о начале войны против Советского Союза, многие венгры встретили это известие с воодушевлением. «Вот когда мы надаем русским!» — говорили они. «И как только они осмелились бомбить Кашшу?» «Ну, они за это как следует получат!» Подобные хвастливые заявления можно было услышать в пивной Холшнаха. И напрасно Габор и его крестный пытались объяснить, что на самом деле все обстоит не так, что гитлеровцы рвутся к Москве, занимая один город за другим, и советскому командованию сейчас вовсе не до бомбежки какой-то далекой Кашши...

Они даже не боялись того, что в такой большой пивной могут оказаться доносчики, ведь их в последнее время повсюду хватало. Но люди болтали по-прежнему, несли всякую чепуху, не зная устали.

— Не прошло и месяца, как я демобилизовался, — с горечью сказал Бела.

Чтобы хоть как-то утешить Колесара, юноша начал

говорить о том, что вот-вот и его забреют и он не знает, как будет обходиться без него мать. Закончив, Габор посмотрел на Колесара, а потом добавил:

— Реже уже целый месяц на фронте. И до сих пор не написал ни одного письма. — Габор встал и, подойдя к крану, вымыл миску и ложку. — Перерыв еще не кончился, давай покурим, — предложил юноша.

Они прошли в уборную. Курить, правда, и там не разрешалось, но все, кто не мог обходиться без табака, нарушали этот запрет. Габор, свернув тоненькую цигарку, передал табакерку крестному. Они закурили. Несколько минут оба молчали, а затем Колесар заглянул в кабинки, желая убедиться, что они пусты. Габор с улыбкой наблюдал за ним — ему казалось забавным, что Бела и в сортире не забывает о правилах конспирации. Бела, где бы он ни был, всегда осторожничал. Если и рассказывал что-то, то только шепотом; наверно, и посреди безбрежной Альфельдской низменности он бы сначала внимательно огляделся, убедился бы, что его никто не подслушивает. Габор по молодости считал поведение крестного немного смешным.

— Никого нет, — сообщил Колесар.

— И что из этого? — поинтересовался Габор.

— Да так, ничего, — ответил Колесар и тут же спросил: — Ты сегодня до половины девятого работаешь?

Габор молча кивнул и прислонился плечом к стене.

— Как освободишься, приходи ко мне, — сказал Бела. — Матери я скажу, что ты остаешься у меня. Идет? Объясню ей, что мы отмечаем мой призыв в армию.

— А на самом деле мы разве не этим будем заниматься? — обеспокоенно спросил Габор.

Крестный снова осмотрелся.

Габор почувствовал, что Бела, видимо, собирается сказать ему что-то важное.

— Я тебя кое с кем познакомлю, — услышал он тихий шепот. — С тобой хотят поговорить.

Юноша бросил окурок в раковину и открыл кран. Вода заурчала в трубах.

— Знаешь, крестный, я не хочу участвовать в ваших «играх», — начал Габор. — Хочу спокойно закончить последний класс гимназии, получить аттестат зрелости, а потом устроиться на новую работу. Вот и все.

— Это твое дело, но ты все же зайди ко мне.

Габор кивнул, проводил Колесара во двор и долго стоял и смотрел, как тот переваливающейся походкой шел

в мастерскую. Был конец августа, но солнце палило по-летнему жарко.

Едва Габор вернулся в красильню и подошел к чану, во дворе мрачно заревел фабричный гудок, возвещая конец обеденного перерыва. И в тот же миг заработали моторы, закрутились оси зубчатых передач, захлопали ременные трансмиссии. Все опять принялись за работу.

«Теперь до половины девятого дышать смрадом от этих проклятых красителей», — раздраженно подумал Габор.

Вентиляторы хотя и работали вовсю, но не могли разогнать пар, валивший из чанов. Он был настолько густым, что полностью скрывал хрупкую фигурку Луизы, стоявшей у соседней машины.

Закрепив свободный конец ткани за ось барабана, Габор вылил в чан с теплой водой краску и запустил мотор. Наблюдая за пришедшей в движение тканью, юноша думал о Луизе, на редкость красивой работнице, которой недавно исполнилось пятнадцать лет. Однажды в самом начале лета, когда девушка хлопотала у чана, почти невидимая в клубах пара, Габор подошел к ней и поцеловал, коснулся ее грудей, небольших, но твердых, как недозрелые персики. Девушка сначала не противилась, но когда его рука, скользнув по талии, опустилась ей на колено, испугалась и резко отступила в сторону. С тех пор она больше не подпускала Габора близко к себе, не разрешала целовать и слышать даже не хотела о том, чтобы он проводил ее до дому...

Луиза спросила тогда, почему он так добивается этого, хотя живет совсем в другой стороне. Габор откровенно признался, что, не доезжая до ее дома одну остановку, они сойдут с трамвая и пойдут дальше пешком, забредут по дороге в кусты и нацелуются вдоволь...

Луиза прервала его на полуслове и сказала, что она не какая-нибудь потаскушка, к тому же у нее уже на примете жених. Правда, она не отрицала, что Габор ей нравится — он много знает и умеет интересно рассказывать, да и внешне он довольно симпатичный, — однако даже с ним она не опустится до легкой интрижки, обычно оканчивающейся в постели...

«Бедная Луиза, — думал о ней Габор, — вряд ли ей удастся избежать судьбы красивой фабричной девчонки. Все кончится тем, что ее заметит какой-нибудь богатый господин, подкупит деньгами и подарками, а когда она

надоест блудливому повесе, он передаст ее другому. Так и пойдет по рукам».

Габор остановил красильную машину, вырезал из полотнища образец и, высушив его на горячем барабане и натянув на специальную рамку, направился в конторку. Давид Сабо, мастер-красильщик, рассказывал инженеру Михаю Диньешу какой-то анекдот. Оба громко смеялись. Сабо было немногим за пятьдесят. Невысокого роста, слегка располневший, с седыми, коротко постриженными усиками над полной верхней губой, он слыл на фабрике известным бабником. Частенько Сабо сам во всеуслышание хвастался тем, что на фабрике осталось не так уж много красивых женщин, которые не побывали бы в спальне его виллы на Римском берегу Дуная.

Габор хорошо знал, что эти слова Давида Сабо отнюдь не пустое бахвальство. Дело в том, что женщинам обычно платили сдельно, от восемнадцати до двадцати четырех филлеров за час, а плату устанавливал сам Сабо. Те из работниц, кто отвергал любовные притязания мастера, разумеется, не могли рассчитывать на высокую оплату.

Подойдя к конторке мастера, Габор постучал в окошко. Диньеш, увидев парня, дружелюбно улыбнулся, а Сабо открыл раздвижное окошечко. Габор отдал мастеру рамку с образцом. Сабо, что-то напевая себе под нос, поискал в лежавшем на столе каталоге нужный эталон, а затем сказал:

— Ваш образец немного посветлее, чуть-чуть покраснее, но мы вас очень скоро отучим от красного цвета. — С этими словами он написал на листке бумаги распоряжение по доводке окраски ткани и передал его Габору. — Да, скажите-ка мне, месье Лукач, действительно ли рай находится по ту сторону решетки? — И мастер, довольный, рассмеялся.

Он совсем не случайно задал этот вопрос, так как в те дни модный киноактер Пал Явор довольно часто распевал по радио песенку про гимназиста Габора.

— Что верно, то верно, я тоже гимназист, и зовут меня тоже Габор, но за решеткой я пока что не сидел. А если попаду туда, то обещаю написать вам и сообщить, есть ли там рай. Хотя у нас на фабрике, да и за ее воротами, все говорят, что рай господина Сабо находится в вилле на Римском берегу Дуная.

Мастер громко захохотал.

— Хвалю за ответ, гимназист. Мой рай действительно находится там.

В этот момент к окошечку подошел инженер Диньеш.

— Когда начинается учебный год, Габор? — обратился он к парню по-французски. Сабо по-французски ничего не понимал, и поэтому он растерянно заморгал, уставившись сначала на бородатого инженера, а затем на Габора.

— Девятого, — ответил юноша. — Слава богу, учиться мне остался последний год. — Заметив недовольную мину на лице Сабо, которого так неожиданно выключили из общего разговора, Габор добавил уже по-венгерски: — Надеюсь, что на второй год меня не оставят.

— Насколько я тебя знаю, сынок, — снова включился в разговор Сабо, — ты не подкачаешь и получишь аттестат зрелости с превосходными отметками.

— Не стану скрывать, хотелось бы. — Сказав это, Габор уже направился было в красильню, но Сабо остановил его новым вопросом:

— И чем же ты займешься после гимназии?

Габор пожал плечами.

— Вполне возможно, что меня призовут в армию. Больше мне отсрочку никто не даст.

— А она тебе и не потребуется, — убежденно заметил мастер. — Война закончится еще в этом году. Немцы предприняли крупное наступление на Москву. Как только Москва падет, так и войне конец. Вы так и запишите в своем дневнике, молодой человек, чтобы не забыть.

— Обязательно запишу, господин Сабо. Как только приду домой, так сразу же и запишу...

— И еще запишите, — перебил парня инженер, — что пока немцы находятся еще довольно далеко от Москвы.

— Они подойдут к ней ближе, дорогой Диньеш, — не без ехидства заметил Давид, — как раз вовремя поспеют. Точно по расписанию. Это ясно как день. Можем поспорить.

Диньеш пригладил свою бородку и сказал:

— Спорить с тобой я не стану, так как ты ничего не понимаешь в стратегии. Насколько мне известно, ты в детстве даже бойскаутом не был.

— Чтобы быть уверенным в том, что я сказал, вовсе не обязательно разбираться в стратегии, — ехидно проговорил Сабо, — для этого вполне достаточно внимательно следить за событиями. Гитлер не зря был художником и маляром — вон как за какие-нибудь два года раскрасил карту Европы. Бог свидетель, я не люблю его, но

должен признать, что все то, что он сделал до сих пор, заставляет задуматься.

— Это верно, — согласился Диньеш, опираясь руками на стол, — но давайте подождем до конца. По-моему, Гитлер может выигрывать лишь отдельные бои и сражения, а войну в целом он все-таки проиграет. — Тут он посмотрел на Габора и спросил: — А вы как думаете, Габор?

Юноша на миг задумался, оценивая, может ли он говорить откровенно. С одной стороны, он боялся их обоих, особенно Сабо, а с другой стороны, ему нравилось, что к нему обращались как к равному. И инженер, и мастер ждали его ответа. Но кто из них прав? Кого поддержать? Диньеш нравился Габору, но он не был его начальником; Сабо он не любил, но как раз от мастера и зависела его судьба, по крайней мере до девятого сентября.

— Я хочу стать экономистом, — начал юноша, — и потому стараюсь смотреть на происходящие события, в том числе и на войну, опираясь на цифры. Я еще в прошлом году подсчитал, какими ресурсами располагает каждая из воюющих сторон: у кого сколько имеется угля, нефти, стали, железа, электроэнергии и так далее. Причем когда рассматривал Великобританию, то прибавлял к возможностям англичан все сырьевые запасы Соединенных Штатов и их промышленный потенциал.

— Почему? — спросил Сабо. — Ведь США не вступили в войну?

— Но они вступят в нее! — Эти слова Диньеш произнес с такой уверенностью, будто он только что получил секретное послание от самого американского президента.

— Этого я не знаю, — признался Габор, — но факт остается фактом: американцы поставляют англичанам различное сырье и военное снаряжение. Они не могут отказаться от такого бизнеса.

Юноша предусмотрительно умолчал, что эту мысль ему внушил преподаватель географии Хенрик Вольдемар, который в свое время объездил почти весь мир и по складу ума был способен к крупномасштабным обобщениям. Гимназисты буквально обожали Вольдемара, хотя внешне он отнюдь не был похож на этакого романтического героя, который с саблей наголо сражается за правду. Роста он был невысокого, худой, с большим лбом и редкими седыми волосами. Зато какие у него были глаза: большие, выразительные! Ими Вольдемар и рассказывал, и ласкал, и подбадривал, и убеждал, и осуж-

дал, и стыдил, но больше всего учил. Да еще как учил! У Вольдемара было невозможно не знать урок, хотя выучить для этого нужно было очень много. Учитель всей душой ненавидел разного рода диктаторов и был горячим сторонником подлинной демократии. Не любил он и господина регента[1]. Правда, открыто он никогда и нигде не распространялся об этом, но зато ни разу и не хвалил его.

Однажды, когда речь зашла о Венгрии, он прямо на уроке сказал:

— Венгрия — это страна больших возможностей, однако мы пока что никак не можем эти возможности реализовать. У нас слишком много показного, бахвальства, рисовки, шпор и сапог со шнуровкой, слишком много паркетного шарканья и подхалимства...

А когда Гитлер и Муссолини передали Венгрии часть территории, отнятой у нее по Трианонскому мирному договору, Вольдемар сказал, что он, разумеется, рад этому, но очень боится, что за все эти земли придется дорого платить.

Габор стоял у окошка конторки, переводя взгляд с инженера на Сабо, и думал о Вольдемаре. Именно ему одноклассники Лукача были обязаны тем, что среди них не было ни одного фашиста. Потом мысли Габора переключились на Сабо. Юноша не мог понять, почему тот примкнул к правым и чего он, собственно, ждет от фашистов. Работает он на фабрике по восемь—десять часов в сутки и не может не видеть, какие ограниченные люди все нилашисты. Так и не найдя ответа на свой вопрос, Габор пожал плечами, решив, что это, собственно, личное дело Сабо.

— Я больше не нужен? — спросил юноша.

— Да, можете идти, — задумчиво проговорил Сабо. — Через полчаса принесите мне новые образцы. — Габор успел уже отойти, когда Сабо снова остановил его: — Вообще-то, у вас довольно оригинальные мысли. Вы интересуетесь политикой?

— Только этого мне и не хватает, — ответил Габор и направился в красильню.

---

[1] Регент — в монархических государствах временный правитель, исполняющий функции главы государства. Здесь имеется в виду Миклош Хорти (1868—1957) — фашистский диктатор Венгрии. После подавления при самом активном его участии венгерской пролетарской революции 1919 г. объявил себя регентом Венгрии.

Записку с распоряжением мастера он передал Гезе Такачу, столичному специалисту, о чем, однако, знали лишь те, кто давно был с ним знаком. Такач кивнул и заученными движениями, почти не глядя, отсыпал краску, размешал ее в небольшом ведре и, не отдавая ведерка Габору, начал по привычке наставлять его, убеждать в том, что для обеспечения своего будущего тот должен ориентироваться только на нилашистов, в безупречности которых он, Геза Такач, твердо уверен. То же самое он говорил и матери Габора, которая, хотя и делала вид, что не желает его слушать, все же задумывалась над его словами, ибо хорошо знала, что Геза Такач не будет болтать попусту. Веронике Лукач было далеко не безразлично, что получится из ее сына...

Габор сказал Гезе, что сейчас он очень спешит, но как-нибудь вечером зайдет к Холшнаху и поговорит с ним, так как все, сказанное Гезой, заинтересовало его.

— Хорошо, — успокоился старый Такач, — ты же меня знаешь, тебе я хочу только добра. К тому же нам сейчас очень нужны грамотные парни из пролетарских семей. Мы ведь хотим, чтобы наша несчастная Венгрия никогда больше не стала прибежищем красных... Ну, ладно, иди занимайся своими делами, но только не забывай того, что я тебе сказал.

Габор подошел к чану. Пару в красильне набралось так много и был он настолько густым, что сквозь него невозможно было разглядеть даже конторку мастера. Лицо, шея, все тело под рубашкой мигом покрылись потом. «Черт бы побрал эти заумные беседы, вода в чане сильно остыла», — со злостью подумал Габор и, выпустив пар, осторожно вылил краску в воду и включил мотор.

Почти без перерывов юноша работал до половины девятого. Точно по звонку он остановил красильную машину, привел ее в порядок, быстро помылся, переоделся и заспешил к проходной. К счастью, когда он проходил через контроль, сигнальная лампочка не загорелась, так что ему не пришлось посещать кабинку, в которой обыскивали подозрительных рабочих.

У фабричных ворот Габор столкнулся с Михаем Диньешем, который, как показалось юноше, специально поджидал его. Габор хотел было пройти мимо, но Диньеш остановил его:

— Задержись на минутку, Габор.

Юноша подождал, пока инженер подойдет к нему.

— Не хочешь выпить со мной по кружке пива? — спросил Диньеш. — У Вебера еще открыто.

Габору не хотелось обижать Диньеша отказом. Посмотрев на противоположную сторону улицы, он увидел, что окна корчмы и на самом деле ярко освещены.

— Охотно, господин инженер. Спасибо!

Они пошли вдоль трамвайной линии. В заведении стоял табачный дым, хоть топор вешай. Народу набилось столько, что с трудом можно было протолкнуться к стойке. Запах дешевого рома и палинки смешался с неприятным запахом потных человеческих тел. Многие здоровались с инженером. Диньеш и Габор не без труда протолкнулись к стойке. Инженер заказал два коктейля и два бокала пива. Его здесь хорошо знали и обслужили быстро.

— Надеюсь, после получения аттестата зрелости вы не собираетесь работать у нас? — поинтересовался Диньеш.

— Пока еще я не знаю, где буду работать. Наверняка меня заберут в армию. — Отпив несколько глотков пива, он добавил: — Кто знает, вернусь ли я живым с войны...

— Знаете, Габор, мне хотелось бы помочь вам. Мой старший брат руководит заводом, который выпускает моторы. Он подыскивает себе способных молодых парней. На всякий случай я скажу ему о вас: вдруг вы сговоритесь? И еще кое-что. Поскольку тот завод военный, мой брат, вероятно, сможет выхлопотать для вас бронь.

— Благодарю вас, господин инженер, — сказал Габор.

Выпив заказанное инженером, они разошлись по домам. Габор уже на следующий день забыл об этом разговоре.

2

Раздался резкий телефонный звонок. Сулита сняла трубку.

— Это вилла Читари? — услышала она знакомый голос телефонистки Марики.

— Да, это вилла Читари, — ответила девушка. — Вы что, Марика, не узнали меня? — Ожидая ответа телефонистки, Сулита смотрела на ротмистра Сикорского, сидевшего на террасе и в свою очередь не сводившего с девушки глаз.

— Соединяю вас с Балатонфеньвешем... Алло, Будапешт на проводе! Соединяю, говорите, пожалуйста!

— Я слушаю, — повторила Сулита.

— Сулита, дорогая моя, — послышался в трубке голос матери. — Случилось так, что папа задержится на день-другой. Его не отпускают из клиники: хотят еще раз хорошенько обследовать, чтобы определить, что же именно явилось причиной воспаления радужной оболочки. Алло, ты меня хорошо слышишь?

— Слышу, мама.

— Короче говоря, если все будет хорошо, то послезавтра утром мы выедем.

— Ты сама будешь вести машину? — спросила Сулита.

— Придется. Ты только не беспокойся, доченька, я поеду осторожно, на небольшой скорости. Машина в полном порядке, так что все будет хорошо. Прошу тебя, Сулита, будь осторожна, береги себя.

— О чем ты, мама? — спросила девушка, хорошо зная, что имеет в виду мать.

— Ты сама прекрасно знаешь. Не забывай, что тебе всего лишь семнадцать лет.

— Не беспокойся, мама. Ты лучше береги папу, а уж о себе я позабочусь сама. Мамочка, если у тебя будет время, будь добра, купи у Идуша флакон «Шанели». Идуш знает, какой запах мне больше подходит.

— Хорошо, девочка, я все сделаю. А какая у вас сейчас погода?

— Тридцать два градуса в тени. Представь себе, сколько на солнце! Вода теплая, двадцать шесть градусов. Мы встаем на рассвете и все хорошенько поливаем водой...

Девушка еще долго разговаривала с матерью, а когда положила трубку, телефон зазвонил снова.

— Все в порядке, мадемуазель Сулита? — спросила телефонистка.

— Все хорошо, дорогая Марика. — Сулита хорошо знала, что телефонистка прослушивает все разговоры, но девушку это нисколько не волновало.

Сулита вышла на террасу и увидела у садовой калитки Грету Шармани в сопровождении длинноногого лейтенанта, своего ухажера. Они что-то кричали ей. Девушка махнула им рукой и побежала открывать калитку.

— Не беспокойтесь, мадемуазель, — заметила подоспевшая горничная. — Я сама открою.

— Занимайся лучше своими делами!

Сулита расцеловалась с Гретой.

— Пал Берци, — представился офицер и, поцеловав руку Сулите, добавил: — Грета мне много о вас говорила.

— Представляю, что она говорила, — улыбнулась Сулита и предложила гостям пройти в сад. Неожиданно она остановилась: — Берци... Если я не ошибаюсь, мой папа знаком с вашим отцом. Кажется, он у вас военный инженер?

— Точно, но сейчас он на дипломатической службе. Насколько мне известно, одно время он действительно работал вместе с вашим отцом.

— Мне тоже так кажется. — Сулита обняла подругу. — Ах, как же я рада, что ты приехала! — проговорила она, целуя ее в щеку.

— Неужели рада? — Грета засмеялась.

— Конечно.

По дороге к дому Сулита сказала, что у них сейчас гостит один поляк, беженец, ротмистр.

Когда поднялись на террасу, девушка представила ротмистра, а затем попросила Жофи принести им что-нибудь выпить, фруктов и пирожных.

— Вы говорите по-английски или по-немецки? — спросила Сулита, обращаясь к лейтенанту.

— Нет, — ответил он, — но зато говорю по-французски, правда, не очень хорошо. Во всяком случае, я все понимаю и кое-как могу выразить свои мысли.

Выяснилось, что и ротмистр говорит по-французски.

— Замечательно, — обрадовалась Сулита. — Господин лейтенант, располагайтесь поудобнее, снимайте френч, а если не стесняетесь, то и сорочку: мы же на курорте. Я полагаю, вас заинтересует польская трагедия. Мы же с Гретой ненадолго вас оставим, так как нам надо кое о чем посекретничать. За обедом встретимся. — Все это Сулита повторила по-английски, обращаясь к ротмистру.

Грета прошла в комнату Сулиты, где переоделась в черный купальник своей подруги.

— Ой, как же хорошо он сидит на тебе, — похвалила Сулита, — правда, он несколько тесноват тебе в груди, но она от этого только лучше смотрится.

Сулита и Грета были школьными подругами, начиная с первого класса, сидели за одной партой. Сулита считала, что у них нет тайн друг от друга. По происхождению Грета была полукровкой-еврейкой, но Сулиту это нисколько не смущало. Адвокатскую контору отца Греты хорошо знали не только в Венгрии, но и за границей. Советником по юридическим вопросам у Читари тоже

был Иштван Шармани. Мать Греты, урожденная Эдит Лацко, преподавала историю искусств в университете и была внештатной сотрудницей Музея изящных искусств. Недавно вышла ее книга, в которой рассматривались различные вопросы искусства, начиная от наскальных рисунков далекого прошлого до живописи Пикассо. Книгу эту перевели на несколько иностранных языков. Грета тоже готовилась работать в области истории искусств, как и ее мать, однако, согласно антиеврейским законам, ее не могли принять в университет, какой бы талантливой она ни была.

Подруги спустились на берег озера.

— Хочешь покататься на лодке? — спросила Сулита.

— Если ты хочешь, то и я хочу.

Подруги уселись в лодку друг против друга и отплыли довольно далеко от берега. Сулита невольно подумала, не завела ли Грета с кем-нибудь интрижку за время каникул. Сулита знала, что весной подруга стала любовницей Пала Шипки, который был лечащим врачом ее матери. Сорокалетний терапевт был довольно красив и представителен, но Сулита отнюдь не была от него без ума, как Грета. Сулита находила доктора весьма привлекательным, считала его высокообразованным человеком, который не только очень много знает, но и умеет показать свои знания. По характеру он был на удивление спокойным и очень откровенным человеком, которого, казалось, было невозможно вывести из себя. Грету доктор знал с малых лет. Между ними установились такие дружеские отношения, что маленькая Грета могла делать с дядей Палом все что угодно. Она залезала к нему на колени, забиралась на плечи, по-детски доверчиво целовала его. Шли годы, и Грета незаметно превратилась в очаровательную девушку с пепельными волосами и сверкающими темными глазами. Сулита, впрочем, не уступала в привлекательности своей подруге, соперничая с ней красотой темно-каштановых волос и светло-голубых, редкого для шатенок цвета, глаз под густыми, почти черными ресницами.

Еще зимой Грета сказала Сулите о том, что у нее установились какие-то странные отношения с Палом. Сначала девушка даже не поняла, что именно крылось за этими словами. Тогда Грета объяснила, что ей все время хочется быть рядом с Палом, хочется, чтобы он постоянно находился в их доме, обедал у них и даже ночевал.

— Грета, дорогая, да уж не влюбилась ли ты в доктора?! — спросила ее тогда Сулита.

— Может, и влюбилась, — как-то неуверенно ответила ей подруга. — Во всяком случае, меня охватило какое-то великолепное, ни с чем не сравнимое чувство.

— А Пал знает об этом?

— О чем?

— Да о том, что ты влюблена в него!

— Я ему ничего не говорила, но, думаю, он и так должен почувствовать это. Даже, мне кажется, уже почувствовал — временами он как-то странно поглядывает на меня, тайком, так, чтобы моя мама не видела. Он так и сверлит меня взглядом, от которого меня всю кидает в жар. Хочется броситься к нему, обнять, поцеловать...

— Ты нравишься Палу, — заметила Сулита.

Весной Иштван Шармани вместе с женой уехал в Швейцарию, а Грета осталась дома.

Однажды вечером, когда прислуга была отпущена, неожиданно пришел доктор Шинка.

— Ты одна в доме? — спросил он Грету.

— Одна, а что?

— Запри дверь.

Грета повиновалась.

Они вошли в комнату девушки, где Шинка, бормоча что-то, обнял Грету и усадил на диван.

— Какая же ты красивая, — прошептал он. — Ну прямо-таки обворожительная!

Он так поцеловал девушку, что всю ее охватило сладостное, ранее никогда еще не испытанное чувство раскованности и счастья... Когда весной она рассказала об этом Сулите, то как бы еще раз, заново пережила все очарование того вечера.

Грета сидела на деревянной скамье лодки, и на лице ее была улыбка молодой женщины, которая ждет ребенка.

— Уж не забеременела ли ты? — с тревогой в голосе спросила Сулита.

— Нет, нет, а если бы это и случилось, то я не испугалась бы.

— Ты счастлива?

— Очень. Я даже никогда не думала, что можно быть такой счастливой.

— А что тебе надо от этого лейтенантика?

Грета немного помолчала, а затем сказала:

— Абсолютно ничего. Мне, кроме Пала, никто не нужен.

— Палу сорок три года, а тебе всего лишь семнадцать. Вот и прикинь.

— А зачем? — с удивлением спросила Грета. — К чему? — Она шаловливо поболтала в воде ногами. Сощурив глаза, продолжила: — Сулита, ты хочешь стать дипломатом или политиком, и когда ты такое говоришь, я не смеюсь над тобой. Выслушай меня внимательно. Ты же знаешь, что я полуеврейка. Знаешь, какая судьба уготована евреям в Германии, Австрии, Польше. Папа привез из Швейцарии несколько газетных статей, множество фотографий голых молодых евреек. Все они вряд ли старше меня. Папа ездил в Швейцарию не для того, чтобы покататься на лыжах, а чтобы узнать, какая судьба ждет нас в ближайшем будущем. Он лично разговаривал с беженцами, с писателями, артистами, простыми людьми. И все они, словно сговорившись, рассказывали нечто ужасное. В Польше на оккупированной территории для нацистских солдат открыли публичные дома, в которых содержатся только молодые еврейки. Такая же участь ждет здесь и нас. Пал это знает, и, собственно, поэтому он и хочет, чтобы мы были вместе и я познала бы, что такое счастье. Он даже сказал моим родителям о том, что я стала его любовницей. И в этом нет ничего плохого, так как он любит меня, хочет на мне жениться и увезти отсюда в Швейцарию или в Америку.

— А сам Пал еврей?

— Нет, что ты, — испуганно сказала Грета. — Он христианин.

— И когда же вы уезжаете?

— Сразу же, как только он выхлопочет необходимые для выезда из страны документы. Перед этим мы, разумеется, поженимся.

Сулита заметила, что на глаза у подруги навернулись слезы.

— Ты плачешь? — удивилась она.

— Я очень счастлива, и все же мне грустно: как-никак я здесь родилась, выросла, здесь живут все мои друзья.

Сулита молчала, хотя ей хотелось сказать: «Все это так, но здесь живут и твои будущие убийцы». Но она предусмотрительно промолчала, осторожно соскользнула с лодки, немного отплыла в сторону и, опустив лицо в воду и делая энергичные гребки, поплыла. Она удали-

лась метров на двадцать, оглянулась и увидела, что Грета по-прежнему сидит в лодке.

— Плыви ко мне! — крикнула она подруге. — Только не прыгай с лодки.

Дождавшись, когда Грета подплыла к ней, Сулита легла на спину и, почти не двигаясь, распласталась на воде. Время от времени она посматривала в сторону лодки, стараясь держаться недалеко от нее. Грета тоже плыла на спине; приблизившись к подруге, она взяла ее за руку.

— Мне будет очень недоставать тебя.

— Давай не будем пока говорить об этом, ведь мы еще не прощаемся. Ты здесь — и это самое главное.

— Хорошо, — согласилась Грета, — давай не будем.

Перевернувшись на живот, Сулита поплыла к лодке. Грета старалась не отставать от нее. Выбравшись из воды, девушки отдышались и закурили. Сулита начала курить несколько месяцев назад. Хотя отцу это не нравилось, он ничего не сказал дочери, так как считал табак слабым наркотиком, от которого вряд ли кто откажется только потому, что его запрещают. «Ну и что из того, что и я курю вместе с полутора миллиардами курильщиков на земном шаре, — думала Сулита. — Одним больше, одним меньше. Многие выдающиеся женщины курили...»

— А какие отношения у тебя с этим ротмистром? Он симпатичный.

— Симпатичный, — согласилась девушка. — Он мне нравится, и даже чуть больше. Правда, у него есть жена и двое детей.

— И они тоже здесь?

— Нет. Застряли где-то в Варшаве. Точно никто не знает, что там с ними случилось. Мне очень жаль его.

— И как же его зовут?

— Ян Сикорский, кавалерист, а по-нашему гусар. К слову говоря, где-то под Варшавой у него есть или было, точно не знаю, имение с тысячью гектаров земли и большим конным заводом.

Грета выпустила дым и спросила:

— А каким образом он попал к вам?

— Собственно говоря, случайно. У папы есть один знакомый польский дипломат, Анджей Риковский. Они познакомились давно, в Мадриде. Когда гитлеровцы оккупировали Польшу, несколько тысяч польских солдат и офицеров перешли венгерскую границу. Их разоружили и разместили в лагерях. Несколько лет назад в Жепе-

ву приехал один сотрудник американского посольства в Будапеште, кажется, военный атташе, который и встретился там с другом папы, с Анджеем Риковским. Он попросил американца по возвращении в Будапешт разыскать моего отца и сказать ему, что где-то в Венгрии находится его племянник ротмистр Ян Сикорский, которому хорошо бы помочь. Американец сдержал слово и действительно разыскал отца, который сделал все, что требуется в таких случаях, — то ли через органы госбезопасности, то ли через военное министерство. Более того, однажды папа, отправляясь в Фюрьеш, в имение Гайдара Абрахама, взял с собой ротмистра и представил его дядюшке Гайдару как члена нашей семьи.

— У него и документы имеются?

— У него все есть. Папа взял на себя всю ответственность за этого поляка. А в начале лета он отправил его вместе с нами в Феньвеш.

— Фантастично, — проговорила Грета. — Бедняга, я представляю, что он переживает. Он еще не начал ухаживать за тобой?

— Нет. Он очень дисциплинирован.

— И как же он обходится без женщины?

— А об этом ты спроси своего Пала: он же врач и к тому же мужчина. А как обходятся без женщин военнопленные или, скажем, заключенные в тюрьмах? А священники? Выходит, что можно и без этого прожить.

Бросив окурок в воду, Сулита взялась за весла и начала грести к берегу.

За обедом лейтенант Берци с жаром начал расхваливать капитана, как он назвал ротмистра-поляка.

— Это замечательный человек, я даже слов не нахожу!.. Фантастично, но факт остается фактом: кавалерийская атака против танков! Какой храбрый народ! Чем измерить вину польских политиков, которые посылали столь плохо вооруженную армию в бой? Неудивительно, что гитлеровская военная машина захватила Польшу за несколько недель!

— А разве наша армия хорошо вооружена? — спросила Сулита, стараясь произнести эти слова так, чтобы в них не чувствовалось иронии. — Мой отец, например, считает, что мы посылаем своих солдат на фронт с устаревшим оружием.

— Я полагаю, — заговорил снова лейтенант, — что в недалеком будущем мы получим от немцев самое современное оружие. К тому же должен вам заметить, что и

Красная Армия вооружена тоже не ахти как хорошо, и это, конечно, нам на руку.

Сулита перевела слова лейтенанта Сикорскому, который в это время расправлялся с мясом. Перестав есть, ротмистр спросил, подняв взгляд на Берци:

— По вашему мнению, русских можно победить?

— Разумеется, — сказал лейтенант. — Сейчас конец августа, и лично я уверен, что до конца сентября немцы возьмут Москву, а после этого наступит конец и всей кампании. Советская власть как таковая будет полностью сокрушена.

Поляк молчал. Отрезая небольшие кусочки мяса, он медленно клал их в рот и тщательно разжевывал.

— Я этого не стал бы утверждать, лейтенант, — проговорил он наконец.

«Как странно, — думала Сулита, — вот мы тут сейчас мирно сидим, обедаем, болтаем о всякой ерунде, спорим о том, каким должен быть традиционный выпускной бал, сколько человек и кто именно примет участие в гонках на яхтах, сплетничаем, смеемся, а ведь вполне возможно, что уже завтра будем враждебно относиться друг к другу. Ведь мы стоим на позициях завоевателей. Грета не сегодня завтра станет преследуемой. Польский офицер, возможно, сбежит куда-нибудь, может, примкнет к партизанам. Интересно, что будет делать лейтенант, когда получит приказ сражаться против партизан и в одном из боев судьба, быть может, сведет его с Сикорским лицом к лицу. А что он станет делать, когда отец Греты попадет к нему в подчинение как солдат рабочей роты? [1] Ведь все это вполне возможно». От этих мыслей Сулита так разволновалась, что у нее даже вспотели ладони. Она посмотрела на лейтенанта, который как раз разливал по бокалам красное вино, и спросила:

— Господин лейтенант, вы можете быть полностью откровенным?

Берци, держа слегка дрожащей рукой бокал с вином на уровне подбородка, удивленно взглянул на Сулиту.

— Я не понял вас, — сказал он, и в его взгляде отразилось любопытство.

— Сейчас поймете, — продолжала девушка. — В присутствии Греты и ротмистра я хотела бы задать вам не-

---

[1] Рабочие роты — подразделения типа штрафных рот в венгерской фашистской армии в период второй мировой войны, состоявшие из евреев и так называемых неблагонадежных элементов.

сколько серьезных вопросов и интересуюсь, сможете ли вы ответить на них честно и откровенно.

Лейтенант кивнул и сделал несколько глотков из бокала. Остальные тоже пригубили вино.

— Могу ли я откровенно ответить на ваши вопросы? — переспросил лейтенант.

— Да, — подтвердила Сулита и тут же пояснила ротмистру, о чем сейчас пойдет разговор.

Берци закурил и сказал:

— Я весь в вашем распоряжении, если только не будут затронуты офицерская честь и присяга.

— Я думаю, что ни того, ни другого мы касаться не будем. Я бы хотела, чтобы вы сами и переводили то, что я буду говорить.

— А вы будете переводить мои ответы.

— Да, я полагаю, что так будет лучше всего.

Берци кивнул. Сулита дождалась, пока горничная Жофи, подав кофе, вышла из комнаты, и заговорила:

— Господин лейтенант, вы, конечно, знаете, что Грета полукровка и поэтому антиеврейский закон распространяется и на нее, не так ли? — Грета побледнела и растерянно посмотрела на подругу, которая подмигнула ей, одарив обнадеживающей улыбкой. — Итак! — Сулита не отводила взгляда от лейтенанта.

— Да, я знаю это. — Ответ прозвучал серьезно.

— И это нисколько не смущает вас?

— Я не являюсь антисемитом, — решительно проговорил Берци.

— Вы, разумеется, знаете, что в оккупированных немцами странах евреи обязаны носить на одежде желтую шестиконечную звезду и жить в гетто?

— Я слышал об этом, но Венгрия отнюдь не является оккупированной страной, и у нас нет гетто.

— Пока нет! — воскликнула девушка.

— Я не занимаюсь предсказаниями будущего, Сулита.

— Понятно. А о рабочих командах, которые формируют из евреев-мужчин, вы знаете?

— Да.

— И, естественно, слышали о том, как там с ними обращаются?

— Этого я не знаю, но могу допустить, что кое-где имеются злоупотребления.

— Безусловно, имеются, и довольно серьезные. Вполне возможно, что отца Греты тоже призовут и зашлют в одну из таких команд.

— Возможно, — согласился лейтенант, дословно переводя сказанное Сулитой капитану. — С тех пор как мы вступили в эту войну, в рабочие команды призвано довольно много евреев. Но этот закон выдумал не я. Более того, меня даже не спросили, согласен ли я с ним или нет. Однако я хотел бы обратить ваше внимание на то, что на военную службу призвали огромное количество мужчин нееврейской национальности и послали их на фронт. Если же вас интересует мое личное мнение, то вам я могу сказать, что я считаю бесчеловечным и незаконным проводить разделительную черту между евреями и христианами. Евреи — граждане нашего государства, и было бы неправильным ограничивать их в правах. Если бы меня, как кадрового офицера, назначили командиром так называемого рабочего батальона, я, разумеется, стал бы им командовать, строго придерживаясь закона, и самым решительным образом пресекал бы любые злоупотребления. А если бы дядюшка Пишта оказался в моем подразделении, я не стал бы делать для него исключения и обращался с ним точно так же, как и с остальными. Вас, видимо, это интересовало?

Переведя ответ лейтенанта поляку, Сулита невольно задумалась над тем, каким откровенным человеком оказался Пал Берци. «Возможно ли, чтобы офицер, окончивший военную академию, думал именно так? А почему бы и нет? Есть же среди венгерских высокопоставленных военных люди, отнюдь не являющиеся почитателями немцев. Знаю же я нескольких офицеров, которые терпеть не могут Гитлера».

— И еще вопрос, — проговорила Сулита, обращаясь к Берци, без прежней, правда, уверенности в голосе. — Вы, конечно, знаете, что польские партизаны вместе с русскими сражаются и против немцев, и против венгров?

Лейтенант на миг задумался, а затем ответил:

— Если хорошо подумать и быть полностью откровенным, тогда я должен признать, что и те и другие защищают свою родину, хотят ее освободить.

Сулита перевела сказанное Берци на английский язык. Сикорский, которому пришлась по душе откровенность лейтенанта, понимающе закивал.

— Положение сейчас очень и очень трудное, — продолжал лейтенант. — Нас, венгров, связывает с поляками тысячелетняя дружба, по крайней мере нас так учили. И это утверждение не лишено оснований. Сам факт, что польский офицер находится сейчас среди нас, а Сулита

переводит ему мои слова, — разве это не красноречивое доказательство нашей дружбы? К тому же до сих пор венгерские власти хорошо обращались с польскими беженцами и эмигрантами. Правда, никто не знает, что будет завтра... — Задумавшись, он нахмурился, а потом улыбнулся. — Извините, возможно, все это ерунда, но я говорю только от своего имени. Правильнее бы было сказать, что я, как лейтенант танковых войск, не знаю, что будет завтра. Хотя на самом деле кое-что мне и известно... — Тут он снова закурил и угостил остальных. Все ждали, что еще скажет человек, который все же кое-что знает. — Одно мне известно точно: самую большую ошибку в моей жизни я совершил тогда, когда, уступив уговорам родителей, стал офицером.

Сулита с удивлением посмотрела на лейтенанта:

— Вы не хотели быть военным?

— Я хотел выучиться на врача, но, как видите, это желание не осуществилось. Ну, пойдемте, барышня. —С этими словами он взял Грету под руку. — Поблагодарим хозяйку за великолепный обед и покатаемся верхом на лошадке, хорошо?

— Хорошо, — согласилась Грета, — нам пора идти, уже поздно.

Сулита отвела подругу немного в сторону и тихо спросила:

— Скажи, а Пали не знает о твоих отношениях с Шинкой?..

— Нет, не знает.

— Послушай, милая, — шепнула Сулита, — этот молодой человек влюблен в тебя.

— Я знаю. Мне очень жаль его. Я иногда думаю: кто знает, сколько мне осталось жить... Быть может, мне следовало бы вести себя совсем иначе.

Сулита понимала опасения Греты и от души жалела ее.

— Можешь пройти с ним в мою комнату посекретничать, если есть желание. Я же покатаюсь с Яном на лодке. — Подруги обнялись и расцеловались...

Сикорский сидел на веслах, а Сулита смотрела на удаляющийся берег, с которого махали им руками Грета и лейтенант, стоящие под развесистой ивой. И чем больше увеличивалось расстояние между лодкой и берегом, тем меньше становились их фигуры. Когда лодка отплыла довольно далеко, ротмистр перестал грести и они оба заку-

рили. Сулита видела, что ее спутник очень печален. Он закрыл глаза, подставив лицо теплым солнечным лучам.

— Сулита, — произнес Сикорский своим мягким, спокойным голосом. — Что это за имя? Я впервые встречаю такое.

— Вы и не могли его встретить,—ответила девушка,— так как я одна-единственная на белом свете имею имя Сулита: такого женского имени вообще не существует в святцах. У меня, собственно говоря, даже своего дня ангела нет, так что подарки к этому дню мне обычно дарят в день рождения.

Она опустила руки в воду и смочила плечи.

— Каким же образом вы стали Сулитой?

— Рассказать?

— Если это, конечно, не тайна.

— А почему это должно быть тайной? — спросила девушка. — Сулита — это одно небольшое село в Румынии, между Яссами и Ботошани. Дедушка моего отца жил в свое время в Румынии, в Трансильвании, которая в ту пору принадлежала Венгрии. По Трианонскому мирному договору эта территория отошла от нас. Все семейство Читари родом из Трансильвании. У папы и сейчас там много родственников. Мой дедушка крупный помещик и владелец шахты. По характеру он очень веселый человек, любит богемную жизнь, и многие считают его чудаком. В том числе и моя мать. Не скрою, странности у него есть, но они его нисколько не портят. Я лично обожаю его. Знаете, в основном он прослыл чудаком потому, что твердо придерживается своих принципов и никогда не отступается от них. Ну скажите, разве это не замечательное качество?

— Да, конечно, — согласился поляк, — без всякого сомнения. Только, я думаю, оно не всегда приносит практическую пользу.

— Возможно, но моего дедушку это мало интересует. У него много идей, и довольно оригинальных. Он никому не подражает, не уважает традиции, за исключением одной — говорить людям правду в глаза. Это у нас фамильное. Меня он с детских лет учил тому, что ложь есть смертный грех. И теперь я ненавижу людей, которые лгут. — Откинув со лба волосы, она засмеялась, глядя Сикорскому в глаза. — Кажется, я уклонилась от темы нашего разговора. Ведь вы хотели узнать о том, как я стала Сулитой? Все очень просто. У дедушки есть один хороший друг — румынский художник, Эмиль Попеску. Он

большую часть года живет либо в Париже, либо где-то на юге Франции, но недалеко от села Сулита у него есть красивый барский дом. Мои родители в 1923 году ездили в Бухарест по делам и все лето провели в имении Попеску. Как они рассказывают, потом никогда и нигде в жизни они не чувствовали себя такими счастливыми. Вот тогда-то папа и пообещал, что если мама родит ему дочку, то он обязательно назовет ее Сулитой — в память о тех счастливых днях. Вот так я и стала Сулитой. Как видите, мой папа тоже не без причуд.

Сикорский подался немного вперед и взял девушку за руку. Это прикосновение было таким приятным, что Сулита не стала противиться.

— Рассказывайте дальше, — попросил Сикорский.

Девушка начала говорить о своей матери, урожденной Хельге Петени; оканчивая школу в Швейцарии, она познакомилась с молодым дипломатом Читари... Сулите казалось, что ротмистра интересует не столько история семьи Читари-Петени, сколько она сама, и сейчас он, возможно, ломает голову над тем, как бы поухаживать за ней. Девушке пошел восемнадцатый год, она уже полностью сформировалась, была красива.

Сулита не удивлялась тому, что ротмистр не сводил с нее глаз. При его воздержании он, пожалуй, засматривался бы и на какую-нибудь дурнушку, не то что на нее. Ни о какой любви или даже влюбленности, конечно, и речи быть не может, и если он вдруг решится заговорить об этом, Сулита отчитает его как лжеца.

Поляк пересел на скамейку к девушке и обнял ее за плечи. Сулита пришла в некоторое замешательство. С тех пор как она стала взрослой девушкой, ей приходилось не раз целоваться, то с Янчи Будаи, то с кем-нибудь другим. И хотя такие моменты были весьма опасны, она никогда не теряла головы. Сейчас же с ней легко могло это случиться.

Сикорский поцеловал Сулиту, а затем положил руку на грудь девушке, опустив другую на ее колено.

Каким-то чудом Сулита сумела овладеть собой и проговорила несколько циничным тоном:

— Дорогой ротмистр, я, разумеется, не ханжа, но все же строго придерживаюсь определенных принципов и вовсе не намерена заводить интрижки на водной глади Балатона, вот в этой лодке. Для этого, правда, мне совсем не обязательна шикарная кровать с балдахином, однако принципы остаются принципами...

— Извините меня, пожалуйста, — почти прошептал Сикорский, неожиданно вздрогнув всем телом. Разум подсказал ему, что не следует подобным образом злоупотреблять гостеприимством хозяев, приютивших его в этой стране. Он быстро пересел на свое место, чувствуя себя настолько смущенным, что не осмеливался даже посмотреть на девушку...

Лето в тот год выдалось на редкость жарким, и Сулита охотнее всего проводила бы все свое время на озере, посвятив оставшиеся дни каникул плаванию и гребле...

На следующий день ротмистр вежливо попросил девушку не говорить родителям о вчерашнем инциденте, так как ему очень стыдно за свое поведение.

— Пустяки, — приободрила его Сулита, — вам вовсе нечего стыдиться. Я считаю вполне нормальным, когда здоровый взрослый мужчина, находящийся в силу обстоятельств долгое время вдали от семьи, пускается в любовные приключения. Я вас прекрасно понимаю, однако надеюсь, что и вы в состоянии понять меня.

— Дорогая Сулита, в данный момент вы рассуждаете не как юная девушка, а как опытная женщина лет сорока — сорока пяти. По-видимому, вы почти все знаете о любви, вот только не уверен, пойдет ли это вам на пользу.

Судя по всему, Сикорский полностью успокоился, так как через минуту уже заговорил о своей жене — красивой блондинке, которую звали Анной, и ребятишках — трехлетней Ванде и шестилетнем Яне.

— Знаете, дорогая Сулита, если гитлеровцы обидят мою семью, я даю вам честное слово, что не пощажу ни одного фашиста, который попадется мне в руки.

Девушка заметила, что месть и ненависть, как известно, являются плохими советчиками, но, видимо, в войне без ненависти к врагу победить нельзя. И тут же мысленно ответила себе, что такие чувства по отношению к напавшим на твою родную землю вполне естественны. Разве смогла бы она остаться спокойной, если ее родителям и близким причинили бы зло? Разумеется, она ненавидела бы обидчиков всей душой, более того, наверное, даже была бы в состоянии мстить, убивая врагов.

Польский офицер нравился ей, но все же не так, как тот французский лейтенант, с которым ее познакомил скульптор Каройи. Порой, когда она была с Сикорским любезнее, чем того требовали приличия, Сулита чувствовала как бы угрызения совести, будто изменила Жану Дюрану, хотя они и обменялись в мастерской скульптора

всего лишь несколькими ничего не значащими словами, которые люди обычно говорят друг другу в самом начале знакомства. Однако женское чутье сразу подсказало Сулите, что и она не безразлична ему.

Спустя несколько дней отец Сулиты выписался из клиники. У него уже давно болели глаза, и это причиняло ему много неприятностей. Каждые четыре часа приходилось закапывать в них лекарство. Но главным было то, что он не мог долго читать. Однако, несмотря на болезнь, Читари все же не потерял веселого настроения, хотя, возможно, он просто искусно притворялся, не желая своей болезнью ввергать домашних в панику.

Сулита чувствовала, что отец играет, и очень беспокоилась за него, но невольно сама начинала ему подыгрывать. Бывая дома, она помогала отцу, вслух прочитывала ему донесения, которые привозил из Будапешта специальный курьер, после чего отец обычно диктовал ей свои ответы на полученную почту.

Сулита живо интересовалась международными отношениями и разбиралась в текущих событиях гораздо лучше многих людей старше ее. Зато ее мать, далекая от политики, все чаще стала наносить визиты своим знакомым и друзьям, надеясь найти молодого человека из порядочной семьи, за которого можно было бы выдать Сулиту. Сулита будет своему супругу верной женой и со временем наградит его, да и их, стариков, двумя-тремя детишками; она с мужем еще больше упрочит доброе имя семьи, увеличит нажитое, так как только оно является надежной основой жизни, необходимым условием независимости и покоя, без которых не может быть семейного счастья.

По вечерам вся семья собиралась на террасе. Тогда еще не было опубликовано распоряжение о необходимости соблюдать строжайшие правила светомаскировки, но света все равно не зажигали, опасаясь нашествия полчищ комаров, ночных мотыльков и жуков.

Читари и ротмистр обычно говорили о войне. Читари не являлся сторонником тех, кто поддерживал немцев, напавших на Советский Союз. По его мнению, солдатам венгерской армии нечего было делать за пределами своих государственных границ. С точкой зрения некоторых политиков, утверждавших, что Красная Армия угрожает безопасности Венгрии, он был категорически не согласен.

Ротмистр, куря сигарету за сигаретой, говорил о том, что, вероломно напав на Советский Союз, Гитлер совершил непоправимую ошибку и его войска истекут кровью на бесконечных просторах России. Сикорский был уверен, что венгры вовремя порвут с Гитлером и выйдут из войны.

— Нелегкое это дело — порвать с Гитлером, — заметил Читари, раскуривая сигару, — и отнюдь не потому, что среди нас, политиков, нет людей, критически к нему относящихся, приверженцев идеи скорейшего выхода из войны, а потому, что многие наши военные, в особенности среди высшего командования, настроены пронемецки.

Сулита удивлялась, что отец так откровенен с польским офицером.

Несколько позже мужчины разговорились о том, вступят ли в войну Соединенные Штаты Америки. По мнению Читари, это должно было произойти наверняка, и притом в самое ближайшее время, что, со своей стороны, несомненно скажется на исходе всей войны. Немецкая военная промышленность не сможет соперничать с американской, даже если гитлеровцы начнут использовать фабрики и заводы оккупированных стран. Однако это им вряд ли удастся, так как патриоты везде, начиная с Норвегии на севере и кончая Грецией на юге, все решительнее включаются в борьбу против захватчиков. Особенно широкий размах приобрела партизанская война в Югославии.

Ротмистр долго молчал, потом залпом выпил бокал вина и сказал:

— Господин посол, скажите мне, пожалуйста, что будет с нами, беженцами, когда немцы потребуют от венгерского правительства выдать им польских эмигрантов?

— Такое вполне может случиться, господин ротмистр,—ответил поляку Читари. — Немцы с каждым днем оказывают на нас все большее и большее давление, постоянно что-то требуют. Кто знает, что им завтра придет в голову.

— Я должен признаться, господин посол, что мне становится стыдно за самого себя: в то время как я, пользуясь вашим гостеприимством, сижу здесь сложа руки, у меня на родине, в Югославии, да и в других странах мужчины и женщины, молодые и старые уже сражаются против гитлеровских оккупантов. Я тоже хочу бороться...

— Так боритесь же, — перебила капитана Сулита, — поезжайте в Варшаву или куда-нибудь еще и сражайтесь.

Сикорский бросил на девушку быстрый взгляд и сказал:

— Я хочу сражаться, мадемуазель. Возможно, я проберусь в Югославию и там присоединюсь к местным партизанам. Господин посол, не могли бы вы помочь мне в этом?

Прежде чем ответить, Читари долго думал.

— Завтра я выезжаю в Будапешт. Наберитесь терпения и дождитесь моего возвращения.

Казалось, эти слова успокоили Сикорского.

— Благодарю вас, — проговорил он, вставая. — Я буду ждать вас. Если разрешите, я пройдусь по берегу озера.— Поклонившись, он повернулся и вышел из комнаты.

Читари посмотрел на дочь и тихо спросил:

— Он тебе нравится?

— Он симпатичный, — ответила Сулита откровенно.— Однако тебе не следует беспокоиться: я в состоянии владеть собой. Мне просто жаль его: он такой одинокий и грустный.

— Запомни раз и навсегда, моя девочка, что одинокие и грустные мужчины — самые опасные.

Девушка взяла отца за руку и сказала:

— Папа, я не люблю, когда ты беспокоишься. — Она закурила сигарету и, поскольку отец ничего не сказал ей, продолжала: — Скажи, ты ничего не перепутал, говоря о поездке в Будапешт, о завтрашнем дне?

— Это почему же?

— А потому, что завтра к нам приедет скульптор Каройи. Ты же сам просил его об этом.

— А ведь и правда! Черт бы меня побрал! И нужно было мне связаться с этим делом! Ну зачем, скажи, мне этот бюст?

— Не тебе, а маме. По крайней мере будь добрым и выполни ее желание.

— Я только этим и занимаюсь в последнее время. Разве сюда я приехал не только потому, что уступил ее просьбам?

— Да, конечно, и именно поэтому ты—самый лучший муж и отец. — С этими словами она поцеловала его.

— Скажи мне, Сулита, сколько лет этому пьянчужке скульптору?

— Сорок пять. И хотя он действительно пьет, но художник великолепный. А ты знаешь, когда именно он начал пить регулярно?

— Нет. Я не влезаю в чужую жизнь, как моя милая дочь.

— Да, я влезаю. Меня, например, очень интересуют человеческие характеры, особенно противоречивые.

— То есть ты хочешь знать, почему кто-то одновременно является алкоголиком и превосходным художником, не так ли? Но это отнюдь не противоречие.

— Хорошо, пусть так, — согласилась с отцом Сулита. — Но я очень часто беседую с Каройи и его дочерью Мари...

— Где? — удивился Читари.

— В его мастерской на улице Яноша Фиата. И однажды скульптор сказал мне, что он начал пить после того, как узнал, что Мари не его дочь.

Читари покачал головой и произнес:

— И чего ты только не знаешь!

— В девичестве мать Мари была влюблена в одного офицера. Он был женат, имел двоих детей, да и с женой вовсе не собирался разводиться. Скоро мать Мари забеременела от него и решила родить ребенка. А чтобы скрыть все это, быстро вышла замуж за Каройи, который написал с нее несколько портретов. Она родила девочку, семимесячную, как сказала своему мужу. Каройи был без ума от дочки... Но однажды он получил анонимное письмо из родильного дома, того самого, в котором рожала его жена. В письме сообщалось, что ребенок был вполне доношенный и, следовательно, отнюдь не Каройи является отцом девочки. Скульптор напился в корчме, находившейся напротив его мастерской, пьяным пришел домой и в гневе и отчаянии разбил вдребезги многочисленные мраморные бюсты своей супруги, украшавшие мастерскую, а затем избил и жену, которая тут же во всем ему призналась. Вот с того времени он и начал пить.

— А что же стало с женой? — поинтересовался Читари.

— Она покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна квартиры своего любовника.

Оба немного помолчали, потом Читари встал и решительно заявил:

— Завтра я еду в Пешт и постараюсь помочь ротмистру.

— Мама тоже поедет с тобой?

— Нет, она останется здесь. А сейчас я схожу за ней к Шомлаи, иначе раньше полуночи она домой не вернется.

3

Габор чувствовал, что Колесар, приглашая его к себе, что-то явно недоговаривает, потому что раньше ни о каком прощальном вечере и речи не было.

Когда юноша пришел к крестному, то застал его одного. Бела был чем-то сильно взволнован. Габор поинтересовался, что случилось, и Колесар, пробормотав сначала что-то непонятное, чуть не плача сказал:

— Я влип в дерьмо, сынок. Мне просто необходима твоя помощь.

— Но что, собственно, произошло? — повторил свой вопрос Габор, опускаясь на стул возле кухонного стола.

— Слушай внимательно, сейчас я все тебе расскажу...

И рассказал...

Оказалось, что после возвращения из Франции Колесар первое время жил тихо и спокойно, устроился на работу и весь как бы ушел в себя, затаился. Но однажды он встретил Тибора Ковача, одного из активистов нелегальной Коммунистической партии Венгрии. Они познакомились в 1919 году, во времена Венгерской советской республики... Сначала поговорили о том, о сем, а затем Ковач спросил, как Колесар теперь относится к революции и ее идеям.

У Колесара не хватило смелости признаться в том, что он сильно напуган прошлым и теперь как огня боится и политической полиции, и допросов, и уж тем более тюрьмы, что ему так хочется хоть немного пожить в мире и спокойствии. Своей жене Йолан Колесар пообещал, чуть ли не поклялся, что никогда больше не станет заниматься политикой. И он обманул Тибора Ковача, сказав, что на него партия по-прежнему может рассчитывать.

— Тибору, сынок, я всегда говорил о том, что оргработа идет превосходно, что все члены партийной ячейки самоотверженно делают то, что им положено.

— Подождите, крестный, насколько мне известно, у нас никогда не было никакой партячейки, — заметил Габор.

— Вся беда в том и заключается, что не было, но Тибор об этом ничего не знает, так как, соблюдая строжайшие правила конспирации, встречался только со мной.

— Фантастика, да и только!

— Однако Тибор Ковач знает о твоем существовании, — тихо проговорил старик.

— О моем?

— Да. Однажды, разговаривая с ним, я соврал, сказав, что ты являешься моим заместителем, и заверил его, что, если меня мобилизуют, ты станешь руководителем ячейки.

— Сумасшествие какое-то! Чудовищный обман!

— Возможно, так оно и есть, — упавшим голосом проговорил Колесар. — Я один работал за целую ячейку... Сынок, вытащи меня из этой неприятной истории; сейчас сюда придет Тибор Ковач, скажи ему, что все у нас идет хорошо, что на заводе имеется ячейка, состоящая из десяти членов, намного больше число симпатизирующих компартии, и стоит нам только захотеть, мы в любое время можем организовать забастовку на заводе. — Говоря это, Колесар посмотрел на своего крестника. — Габорка... — продолжал он со слезами на глазах. Вид у него был такой потерянный, что парню от души стало жаль старика.

— Вы мне только объясните, зачем все это нужно!

— Зачем?.. Зачем?.. Знаешь, крестник, было время, когда я, нисколько не жалея себя, сражался за идеи революции. Можешь мне поверить, я был стойким коммунистом, а потом за несколько лет со мной произошло что-то непонятное: я незаметно превратился в труса. Стал бояться за свою свободу, за жизнь. Теперь же я боюсь любых испытаний, пыток, страданий... Поверь мне, я и сегодня чувствую себя коммунистом, а вот пойти на риск уже не могу. Но разве я могу рассказать об этом Тибору Ковачу, который до сих пор видит во мне учителя, чуть ли не героя? — Колесар замолчал, немного подумал, а потом продолжал: — В девятнадцатом году, когда Тибору было всего шестнадцать, его назначили ко мне. Вместе со мной он ходил на все наши операции... Ты меня понимаешь, Габорка?

— Я не понимаю одного: почему бы вам не рассказать Тибору Ковачу всю правду... Что, мол, все это пустая болтовня, не было и нет на заводе никакой партячейки и вот уже несколько лет тебя, попросту говоря, водят за нос.

— Я скорее покончу с собой, чем скажу ему об этом.

Габор чувствовал себя как никогда скверно. Он по-настоящему любил своего крестного отца и не забыл, что тот всегда помогал им. Когда мать Габора оказалась в трудном положении, Колесар постоянно был рядом, защищая ее от злых языков. Вера Лукач родила двух мальчиков, но никто так и не узнал о том, кто был их отцом.

Как только братьев ни оскорбляли, сколько ни насмехались, лишь один Бела Колесар ни разу не обидел их. Более того, бывали случаи, когда этот худой как жердь механик бросался с кулаками на оскорбителя. Все это мигом промелькнуло в голове Габора, и он понял, что не сможет не выполнить просьбы крестного, не сможет оставить его в беде.

«В конце концов, — подумал юноша, — чем сейчас, собственно, занимаются коммунисты?.. То тут, то там разбросают свои листовки, а то и просто нарисуют мелом на стене серп и молот... Не такое уж это трудное дело... Я со своими дружками, если нужно, легко справлюсь с ним...»

— Хорошо, — сказал он, — я согласен на ваше предложение. Скажите только, что именно я должен делать.

Колесар с облегчением вздохнул, на глазах у него показались слезы.

— Я знал, что смогу на тебя рассчитывать...

Он тут же назвал десять фамилий, мол, они-то и являются членами ячейки. Сказал, что друг о друге эти люди ничего не знают: каждый действует самостоятельно, выполняя порученное ему задание, которое, как правило, заключается в проведении устной агитации и распространении листовок, время от времени получаемых от Тибора Ковача. Колесар сам проносил их на завод и в мастерские, а Ковачу докладывал о работе целой ячейки.

— А теперь объясните мне, как вы это делали.

— Очень просто, — ответил крестный. — Листовки я прятал в ящике для инструментов — в двойном дне. Проносил их так через проходную, а по субботам и воскресеньям, когда меня вызывали отремонтировать тот или иной станок, по одной оставлял там, где найти их могли только рабочие. Короче говоря, это дело я освоил неплохо — спустя некоторое время листовки находили уже совсем в других местах: в шкафчиках для рабочей одежды, на полках в складе и даже в ящиках письменных столов... Разумеется, действовал я очень осторожно.

Габор понял, что все партийные задания Колесар выполнял, и выполнял на совесть, обманывая руководство только в том, что у него есть помощники.

Времени для дальнейших объяснений у них оказалось немного, так как вскоре появился сам Тибор Ковач вместе с незнакомым Колесару мужчиной. Оказалось, что Габор уже давно знает Ковача — он не раз встречался с ним у дома крестного. Юноша всегда считал, что это тех-

ник по медицинским инструментам, у которого Колесар нередка подрабатывает.

Ковачу на вид можно было дать лет тридцать пять—сорок. Это был высокий, стройный мужчина с рыжеватыми волосами, с серыми глазами на слегка тронутом мелкими рябинками лице. Незнакомцу же не было и тридцати; темно-каштановые кудри спадали ему па лоб, едва не закрывая почти сросшиеся, вразлет, брови. Карие глаза смотрели задумчиво, тонкий горбатый нос как бы нависал надо ртом, верхняя губа несколько выпирала вперед; взгляд у мужчины был задумчивым. Незнакомец никому не представился и поздоровался, не подавая руки. Затем он сел за кухонный стол, прислонившись спиной к стене и забросив ногу на ногу.

Разговор начал Ковач. Он сказал, что положение их несколько изменилось: товарища Колесара забирают в армию, а его самого перебрасывают на выполнение другого задания. Отныне связь с вышестоящей организацией будет осуществлять пришедший с ним человек, а руководство заводской ячейкой, само собой разумеется, переходит в руки Габора.

В довершение Ковач добавил, что товарищи наверху очень довольны работой Габора, разумеется, как и работой самого Колесара. В отношении последнего принято решение — как только Колесар окажется на передовой, оп должен при первой же возможности перейти на сторону Советской Армии.

— Очень жаль, конечно, — закончил Тибор Ковач, — что Колесара мобилизовали в армию. Я с радостью работал бы с ним и дальше, тем более что за долгие годы знакомства многому научился у него.

Попрощавшись, Тибор Ковач ушел.

— Ну что же, теперь настало время и нам познакомиться друг с другом, — сказал незнакомец, обращаясь к Габору. Голос у него был мягкий и очень тихий. — Зовут меня Винце Деме. По профессии я журналист. Думаю, что для первого знакомства вам этого вполне достаточно.

— По-моему, этого даже многовато, — не без иронии заметил Габор. — Можно было бы назвать себя просто Виде.

— Возможно, — согласился с юношей журналист.

Колесар с немым упреком посмотрел на Габора, затем достал из кармана портсигар и, оторвав клочок бумаги, сделал себе тонкую самокрутку.

— Вы курите? — спросил старик у Деме.

— Нет.

— А я курю, — проговорил Габор и, пододвинув к себе портсигар крестного, тоже закурил.

— И давно вы курите? — поинтересовался Деме.

— Если не ошибаюсь, лет этак с десяти.

— Довольно рано начали. Я бы хотел познакомиться с вами поближе, тем более что товарищи имеют на ваш счет кое-какие планы.

— А что вам обо мне известно? — спросил Габор.

— Собственно, ничего, а точнее говоря, только то, что вы закончили среднюю школу, в недалеком будущем сдаете экзамены на аттестат зрелости и хорошо говорите по-французски.

— И это все?

— Да.

— Не густо.

— Не понимаю, — вмешался в разговор Колесар. — Я в свое время довольно подробно рассказывал Ковачу о Габоре.

— Возможно, — заметил Деме, — только мне об этом Ковач ничего не говорил. И видимо, не без причины. — Он внимательно посмотрел на юношу. — Можно спросить вас кое о чем?

— Разумеется.

— Ваши родные живы?

— Я незаконнорожденный, поэтому знаю только свою мать. Она жива.

— А отца вы вообще не знаете?

— Не имел чести.

— А родственники у вас есть?

— Старший брат, он тоже незаконнорожденный. Работал на текстильной фабрике. Сейчас его забрали в солдаты. По своим политическим взглядам он примыкает к правым.

— К правым? Неужели?

— Да, он антисемит. Он убежден в том, что нашу мать совратил какой-то еврей.

— А почему вы только сейчас готовитесь сдавать экзамены на аттестат зрелости?

— О, это довольно длинная история. Когда я из Франции вернулся на родину, мне было всего двенадцать лет. Разговаривать по-венгерски я почти полностью разучился. Писать и читать умел только по-французски.

— Это и сейчас чувствуется по вашему произношению.

— Прошел почти целый год после моего возвращения на родину, прежде чем я снова научился сносно говорить по-венгерски. Тогда-то по настоятельной просьбе моей матери меня и записали в начальную школу, из-за чего я, собственно говоря, и потерял два с лишним года. В нормальных условиях я должен был бы окончить ее не почти в семнадцать лет, как получилось, а в четырнадцать. Приобрести какую-нибудь профессию. После школы устроился на текстильную фабрику. Мне уже пошел девятнадцатый год, когда я заявил матери о том, что намерен учиться дальше. Моему старшему брату это вовсе не понравилось.

«За твою учебу придется платить слишком много, — сказал он мне тогда, — а я не затем работаю, чтобы тратить деньги на такого великовозрастного оболтуса...» Бедняжка мама от таких слов сильно огорчилась, но возражать моему брату не посмела, просто промолчала и тихо заплакала...

— Все было несколько иначе, — перебил Габора крестный, — она вовсе не заплакала. Ты видел когда-нибудь, чтобы твоя мать плакала? У тебя неважная память, сынок. Я твою мать ни разу не видел плачущей. Ты, видимо, позабыл, что при том разговоре и я присутствовал? — Колесар бросил взгляд на Деме и продолжал: — Дальше дело было так: я решительно заявил Реже — так зовут брата Габора, — что я, Бела Колесар, беру на себя всю ответственность за дальнейшую учебу своего крестника и Реже не придется платить ни одного филлера. Вот как все это было! А мать твоя вовсе не плакала, даже не прослезилась. Она только сказала, что очень хочет, чтобы ее Габор окончил гимназию и получил аттестат зрелости.

Габор не стал спорить со стариком, понимая, что крестному могло показаться одно, а ему — совсем другое.

— Хорошо, пусть мама тогда не плакала, — не очень охотно согласился Габор. — Я, собственно, говорил о другом, — повернулся он к Деме. — Мы тогда договорились, что я продолжу обучение, но не возьму для этого из семейного бюджета ни филлера. Буду сам вносить плату за учение, буду покупать себе учебники, тетради, обувь, гимназическую форму.

— Это из каких же средств? — поинтересовался Деме.

Габор тем временем свернул новую сигаретку и, сделав несколько глубоких затяжек, продолжал:

— Из каких средств, спрашиваете? Уже на первом году учебы я стал давать уроки французского языка, а

помимо этого на рождественские праздники и на пасху нанимался в почтовое отделение разносить праздничные посылки. Зимой я чистил тротуары от снега, а с июля по сентябрь работал на заводе.

— Габор, расскажите поподробнее о своей матери. Мне бы хотелось получше понять ее. Она необычная женщина, верно?

— Да, безусловно, — согласился с Деме юноша. — Однако много рассказывать о ней нечего. Она росла круглой сиротой. Родителей своих не знала. Одно время воспитывалась в приюте для сирот, но недолго — одна семья взяла ее на воспитание и увезла в провинцию. На самом деле этим людям нужна была девочка-прислуга, а не дочь. Вот мама и прислуживала. Когда и каким образом она окончила четыре класса начальной школы, я и по сей день не знаю.

— Вы знали ее приемных родителей?

— Нет, не знал. Вполне возможно, отца и в самом деле звали Лукачем, а может быть, Вероникой Лукач моя мать стала еще в приюте. Однако это не столь важно. Приемные родители плохо обращались с мамой, но от этого, по ее словам, она становилась только выносливее. В двенадцать лет ее забрала к себе одна сердобольная старушка, какие встречаются повсюду. Звали ее Анной Балог, в молодости она работала воспитательницей. Был у нее в свое время жених, француз, по профессии инженер, но он скоропостижно скончался за несколько недель до свадьбы. Тетушка Анна после смерти своих родителей получила небольшое наследство и купила в Обуде, на улице Касаш, домик с садовым участком. Скромная, одинокая женщина, она ухаживала за цветами и предавалась воспоминаниям о прошлом. Она жила этими воспоминаниями — пока не приютила у себя маму. Мама всегда была очень благодарна тетушке Анне—добрая женщина обращалась с ней как с родной дочерью и многому ее научила. Она приучила ее к чтению и еще ко многим полезным делам. Мама убирала в доме, стирала и гладила белье, заботливо ухаживала за тетушкой Анной, которая часто болела.

Если бы вы только видели мою маму — худенькая такая, стройная как тростиночка. До сих пор я удивляюсь, откуда только в ней брались силы, откуда она черпала выдержку и терпение. Маме еще не исполнилось и двадцати лет, когда тетушка Анна умерла. После ее смерти стало известно, что свой домик с садом, небольшие сбере-

жения и имевшиеся у нее драгоценности — все это она завещала моей маме. Правда, денег было не очень много, но все же их вполне хватило на красивый мраморный памятник, который мама сразу же заказала и установила на могиле доброй старушки. С тех пор каждое воскресенье мама ходит на кладбище, ухаживает за могилой...

— А чем сейчас занимается ваша мать?

— Убирает в нескольких домах, но с каждым годом работает все меньше и меньше, так как стала часто болеть. Да и необходимости в этом уже нет, поскольку теперь я тоже работаю. До призыва старшего брата в армию у нас втроем выходило в неделю по семьдесят — семьдесят пять пенгё. Сейчас, когда брат находится на фронте, наш общий заработок уменьшился на двадцать пять пенгё.

— Наверное, трудно учиться и работать?

— Я вот уже третий год подрабатываю в продуктовой лавке на улице Фе: разношу молочные продукты и хлеб по квартирам. Начинаю работу в пять часов утра, а заканчиваю без четверти восемь. За это меня кормят завтраком и платят по восемь пенгё в неделю. Работа очень тяжелая, так как далеко не каждая привратница разрешает пользоваться лифтом. Вот и представьте себе, каково ходить по этажам с двумя огромными корзинами, в каждой из которых по пятнадцать бутылок молока, а весят эти две корзины вместе без малого сорок килограммов. Это не считая хлеба и булочек. А после занятий в гимназии я чуть ли не бегом отправляюсь к своим ученикам, родители которых наняли меня репетитором. К одним я хожу каждый день, там меня кормят обедом, а остальных натаскиваю через день.

— И к кому же именно вы ходите каждый день? — поинтересовался Деме.

— К сыну летчика подполковника Золтана Вирага.

Габор рассказал все, что знал о витязе[1] Золтане Вираге, а затем о Михае Кульчаре, с отпрыском которого он обычно занимался по понедельникам, средам и пятницам, сообщив мимоходом, что Михай Кульчар возглавляет один из отделов общества «Адриатика». О своем третьем ученике, Миклоше Банвельди, Габор сказал только, что его отец — госсекретарь и ярый приверженец Ференца Салаши. Охотнее всего он рассказывал о Мари

[1] Витязь — звание, которое присваивалось членам реакционного «Ордена витязей» за особые заслуги перед правительством.

Каройи, которой тоже давал уроки. Отец девушки, Мартон Каройи, — гениальный скульптор, но, к сожалению, законченный алкоголик. Когда выпьет, он позволяет себе весьма смелые шутки о сильных мира сего. Пить Каройи начал с тех пор, как узнал, что Мари вовсе не его дочь. С Мари, собственно говоря, у Габора забот совсем немного, так как девушка она умная и вполне достаточно время от времени попрактиковаться с ней в разговорной речи. Однако после того как ее мать покончила жизнь самоубийством, Мари потеряла всякий интерес к занятиям. Эта трагедия угнетает девушку до сих пор... Она очень красивая, прямо-таки глаз не отвести. В мае Габор пригласил ее на финальные соревнования по водному поло и познакомил со своим другом — Роби Фюрьешем, которого ребята прозвали Тарзаном. После окончания встречи они втроем пошли в кондитерскую Томаи. Габор вскоре заметил, что Мари не сводит глаз с Роби. В тот вечер он впервые увидел, как она смеется.

— В семье Каройи меня зовут Жаном...

— Это почему же?

— Дело было в прошлом году, зимой, перед самым рождеством. Каройи устроил вечеринку в своей мастерской, — помню, у него собралось довольно много известных художников и скульпторов. Когда я вошел, Каройи вдруг совершенно неожиданно начал представлять меня своим друзьям как французского эмигранта Жана Дюрана. Все, разумеется, приняли это за чистую монету. Начали расспрашивать, где я учился венгерскому языку. И тут я вспомнил рассказ мамы о женихе тетушки Анны. Я включился в игру взбалмошного Каройи и сказал, что в свое время мой отец работал в совместном французско-венгерском текстильном обществе и я частным порядком изучал венгерский язык, главным образом разговаривая с венгерскими детишками, которые там жили. С тех пор я для всех Каройи превратился из Лукача в Жана Дюрана. Теперь вы знаете обо мне все, — закончил свой рассказ Габор.

Деме понимающе кивнул и встал.

— Пойдемте, Габор, я вас провожу до дому.

Габор и Колесар обнялись и расцеловались. Юноша попросил крестного не волноваться, пообещав приглядывать за тетушкой Йолан.

Деме тоже попрощался с Колесаром: сначала крепко пожал ему руку, а затем по-дружески обнял, пожелав удачи. На глазах у Колесара показались слезы.

— Кто знает, удастся ли нам еще свидеться когда-нибудь, — проговорил он, расчувствовавшись. — Война — вещь страшная и жестокая.

— Встретимся еще, обязательно встретимся, — попытался утешить его Габор.

Колесар проводил гостей до калитки и долго смотрел им вслед.

Вечер был теплым. Некоторое время Деме и Габор молчали. Они шли неосвещенной улочкой, вымощенной давным-давно, и потому спотыкались чуть ли не на каждом шагу.

— Скажите, Габор, к чему была вся эта игра? — первым заговорил Деме.

— Какая игра? — неподдельно удивился Габор.

— Игра в ячейку, — пояснил Деме, внимательно разглядывая юношу. — Я хорошо знаю, что у Колесара не было никакой партячейки и что вы вовсе не являетесь его заместителем. Это нам точно известно, более того, даже проверено нами. В то же время нельзя оставить без внимания такой факт, как распространение листовок, которые ходят по цехам вот уже несколько лет. Мы внимательно приглядывались к рабочим, которые, по словам вашего крестного, являлись членами партячейки. Ни один из них не имеет ни малейшего представления ни о какой ячейке, в том числе и вы сами.

От неожиданности Габор так растерялся, что не смог ничего ответить. Время затемнения пока не наступило, фонари на улицах горели, хотя и вполнакала, и лицо Деме в их свете показалось Габору очень серьезным. Внезапно юношу охватил страх — а вдруг его приняли за провокатора или за жандармского доносчика?..

— Скажите, почему вы вмешались в это дело, ведь вы не являетесь коммунистом? — спокойно, почти по-дружески спросил Деме. Спокойствие собеседника успокоило Габора, он понял, что тот не сделает ему ничего плохого.

— Когда вы узнали, что мой крестный водит вас за нос?

— Несколько месяцев назад. Я считаю вас умным и порядочным парнем и поэтому могу сказать, что на заводе на самом деле имеется партийная ячейка, не фиктивная, а самая настоящая, активно действующая. Так вот, члены этой ячейки очень хорошо отзываются как о Беле Колесаре, так и о вас. Они уже давно наблюдают за вами. Им известно, например, что вы не поддерживае-

те никакой связи с полицией. Однако, несмотря на это, мне все же непонятно, почему вы включились в игру.

Габор откровенно рассказал все Деме, и ему сразу стало легче, будто с плеч свалилась огромная тяжесть.

— С ума можно сойти, — произнес Деме, выслушав юношу. — И вы готовы были продолжать эту вредную деятельность? Но ради чего?

Габор остановился и, свернув себе цигарку, закурил.

— Вы мне, наверно, не верите, но все это правда. Я на самом деле являюсь сторонником левых взглядов. Однако должен сказать откровенно, что выходка крестного не особенно беспокоила меня. Я, конечно, не хотел попусту рисковать, но мне стало от души жаль старика, и я уступил его просьбе.

— Ну а как бы вы вышли из столь неловкого положения?

Юноша пожал плечами.

— Не знаю. Я, конечно, со всем бы не справился, но кое-что наверняка сделал бы. Есть у меня три-четыре дружка, они ради меня готовы на все что угодно.

Когда они вышли на площадь Флориан, Габор повернулся к Деме и сказал:

— Видите ли, господин журналист, я во что бы то ни стало хочу окончить гимназию и получить аттестат зрелости. Нацистов я ненавижу. И если обстановка сложится так, что нужно будет бороться против них, вы вполне можете рассчитывать на меня. А вот что касается листовок и разных там плакатов, которые вы расклеиваете на стенах домов и на афишных тумбах, то это я считаю делом не совсем серьезным. Очень сожалею, если разочаровал вас.

— Разочарования не было, — заметил Деме, и Габору показалось, что он слегка улыбнулся.

Начали прощаться.

— Забудьте, пожалуйста, о нашей встрече, будто ее и не было вовсе, — посоветовал Габору журналист. — Я, со своей стороны, тоже не стану об этом вспоминать.

Габор медленно пошел домой, чувствуя себя очень уставшим. Неожиданно он, сам не зная почему, подумал о своем отце, которого ни разу в жизни не видел. С детских лет ему всегда хотелось знать о нем как можно больше: кто он, чем занимается, о чем думает, чем тревожится. Иногда он целыми днями размышлял об отце, мысленно пытался представить себе его образ, а вечером, придя домой, забрасывал мать вопросами: «Кем был мой

отец? Я хочу знать это. Почему вы мне ничего не рассказываете о нем? Почему скрываете? Я должен знать о нем все, чтобы проклинать его или же вспоминать с благодарностью...»

Мать в таких случаях либо упрямо отмалчивалась, либо нервно обрывала сына: «Оставь меня в покое!»

Когда Габор после встречи с Деме вернулся домой, мать сидела в кухне за столом и читала, ожидая возвращения сына. Она встала и, подойдя к нему, поцеловала.

— Ты пил вино? — спросила с тревогой в голосе. Ей показалось, что от сына попахивает спиртным.

— Я был на прощальном вечере, а когда люди прощаются, то, по давно заведенной традиции, немного выпивают. — Положив свой портфель на шкаф, он подошел к раковине и вымыл руки. — Возможно, я больше никогда не увижу этого человека.

Мать молчала.

Книга, которую она читала, была уже закрыта. «Нищие», — прочитал Габор на ее обложке. Тетушка Анна в свое время научила Веронику не только читать, но и выбирать книги для чтения. В одном из ящиков шкафчика лежала тетрадка, в которую тетушка Анна старательно записывала книги, которые Вероника, по ее мнению, обязательно должна прочесть. Почти все они находились в соседней комнате — Анна Балог была не только поклонницей художественной литературы, но и регулярно покупала книги, собрав тем самым небольшую библиотечку. Вероника, хоть и читала усердно, до сих пор еще не дошла до конца списка.

— Я не люблю, когда ты выпиваешь. Я вообще ненавижу пьяных мужчин и даже боюсь их.

— Но я же не пьяный.

— Я не хочу, чтобы ты меня пугал. Ты ужинал?

— Нет, — ответил Габор, у которого от слов матери несколько испортилось настроение. — Тетушка Йолан работает сегодня в ночную смену.

— Тогда садись к столу, — проговорила мать и, подойдя к печке, разворошила еще не совсем потухшие угли, сильно подула на них и положила сверху несколько нетолстых поленьев. Через минуту пламя охватило сухие дрова. Вероника положила на стол вилку с ложкой, поставила тарелку и, достав из шкафа буханку хлеба, отрезала большой ломоть. — У нас сегодня на ужин тушеная картошка.

Габор ел с волчьим аппетитом. И неудивительно — мать даже самые простые и недорогие блюда готовила очень вкусно. Глядя, как сын уплетает ужин, Вероника о чем-то задумалась. Затем налила в стакан немного вина, не больше чем на два пальца, и, долив содовой воды, поставила его перед юношей. Габор с удивлением посмотрел на мать и неожиданно рассмеялся.

— Если я, по вашим словам, пьян, тогда зачем же вы даете мне вино?

— Немного вина с содовой ты можешь пить хоть каждый день. И ешь не спеша, не торопись. Можно подумать, что ты все время ходишь голодным.

— Я так быстро ем, мама, потому что вы великолепно готовите. Более того, мне даже кажется, что я никогда не женюсь — во всяком случае до тех пор, пока у меня есть возможность так вкусно питаться дома.

Женщина прислонилась спиной к стене, опустив руки на колени. Волнистые каштанового цвета волосы были уложены на затылке в пучок, под красиво изогнутыми густыми бровями светились голубые глаза. Прямой нос, полные губы и мягкая линия подбородка делали Веронику весьма привлекательной.

— Все вы так говорите... Но однажды появится в твоей жизни какая-нибудь девка, какой была я в свое время, и ты мигом позабудешь о родной матери. И не спорь со мной, сынок. — Она устало махнула рукой.

Габор кусочком хлеба дочиста вытер тарелку и, выпив вино с содовой, закурил.

— Вы несправедливы к себе, мама, — заметил он. — Вы были совсем не такой, какой стараетесь сейчас себя представить: родили двух детишек, а ведь не будь их, ни один мужчина не оставил бы вас одну. Вы, мама, в молодости, видимо, были очень красивы! — Сын внимательно посмотрел на мать, чувствуя, что она сейчас в мыслях своих где-то далеко-далеко.

Вероника в эти минуты действительно уже не видела ни лица сына, ни стен своей кухни, она вся ушла в далекие воспоминания.

— Вы, наверное, думаете, мама, что я стану хуже своего отца?

Но мать и на этот вопрос ничего не ответила. Габору хотелось отгадать, о чем она думает. Возможно, о том, зачем она произвела его на свет божий? И кому она этим сделала хорошо? Себе самой? Или сыну? Или, быть может, она только сейчас начинает понимать, какой тяже-

лой она сделала собственную жизнь и жизнь своих сыновей? Она сама завязала узел, и такой тугой, что уже не могла развязать его, и он затягивался все туже, становился все тяжелее. Реже люто ненавидит своего отца, которого и в глаза не видал. Последнее, пожалуй, к счастью — если бы он его знал, то, возможно, зарезал бы или задушил собственными руками. «Уж не поэтому ли молчит мама? Но ведь рано или поздно все равно настанет момент, когда ей придется рассказать об этом человеке», — думал Габор.

Но мать упорно молчала. Она даже не спросила Габора, наелся ли он и не дать ли ему добавки. Собрав со стола грязную посуду, она начала мыть ее.

Габор вышел во двор и сел на скамеечку возле двери. Тусклый свет уличного фонаря еле пробивался сквозь поредевшую листву каштановых деревьев. Скоро глаза Габора привыкли к темноте, и он смог различить в конце сада низкий заборчик из подстриженных колючих кустов, а за ним домик Кальмана Буйдошо. Ветер переменился и принес нежный и тонкий запах роз.

Затем он услышал, как заскрипела дверь кухни и во двор вышла мать. Она почти неслышно села рядом, и, хотя Габор из-за сгустившихся сумерек не мог видеть ее лица, он ощутил всю глубину материнской любви и заботы, переполнявших ее.

— Ты почему спать не ложишься?

— Что-то не хочется.

— Тебе же завтра рано вставать.

— К этому я уже привык. С тех пор как я немного поумнел, я всегда встаю на рассвете.

— Может, ты меня винишь? А что я могу сделать?..

Сам не понимая почему, Габор вдруг захотел как-то досадить матери и спросил:

— А как вы думаете, мама, кого в этом можно винить?

— Эту проклятую жизнь, нашу бедность.

— Конечно, виновата жизнь, проклятая и бедная. Как просто можно ответить на этот вопрос. Но нужно ли все валить на жизнь? — Габор свернул цигарку, закурил.

Со стороны луга позади хутора Коллара слышалось кваканье лягушек.

— Вы мне вот что скажите, мама, — продолжал Габор. — Эта паршивая жизнь — разве она принудила к тому, что вы родили меня? Или же вы были такой наивной и не знали, от чего рождаются дети? — Озлобление

росло в нем как снежный ком. — Зачем же вы меня тогда родили? Выходит, что не только жизнь, но и вы сами виноваты. Вы же хорошо знали, какая судьба ждет незаконнорожденного ребенка. Что и кому вы хотели доказать? Что вы не такая, как все? — Мать заплакала, и Габор замолчал.

«Вероятно, мама страдает? Вполне возможно. Но разве сам я не страдаю всю свою жизнь? Она ведь не знает, сколько раз мне приходилось драться с мальчишками, защищая ее имя, ее честь. И все потому, что незамужняя женщина, родившая ребенка, по мнению общества является чуть ли не проституткой...»

— Перестаньте плакать, мама, и не сердитесь на меня. Когда-нибудь нам все равно пришлось бы откровенно поговорить об этом. Поймите же меня наконец: мне двадцать два года, сейчас идет война, вступил в силу так называемый «закон о евреях». Скоро меня заберут в армию, где мне придется доказывать свое происхождение. А когда я начну работать по специальности, мне снова нужно будет объяснять, кто я такой, в какой семье и от кого родился. Если же я не смогу доказать, что я не еврей, меня безо всяких разговоров направят в рабочую команду, где придется кормить вшей и вкалывать до тех пор, пока не подохнешь.

— Нет, — прошептала бедная женщина. — Ты у меня, как говорят, родился в сорочке, и я за тебя не боюсь. Вот за Реже... Сегодня ночью я видела его в очень плохом сне.

— Мама, сейчас мы говорим не о Реже... Прошу вас, скажите: кто был мой отец?

Они немного помолчали. В полуночной тишине было слышно, как на станции у Кёкаполна с шумом остановилась электричка, а затем, быстро набирая ход, отправилась дальше. Размеренный перестук вагонных колес на какое-то время заглушил лягушачий концерт.

— Ты слишком много вопросов мне задал, сынок, слишком много. Но я все же отвечу тебе. Отвечу по доброй воле, так как принудить меня к этому никто не может. В том числе и ты. И скажу я только то, что пожелаю сказать. — Мать поправила юбку, тяжело вздохнула. — Я тоже не знаю своих родителей, однако родилась на этот свет и стала человеком. — Она уже не плакала. Преодолев минутную слабость, взяла себя в руки и вновь стала женщиной, способной постоять за себя в жизни, какой бы трудной она ни была.

В молодости Вероника много читала. У нее было богатое воображение, и очень часто, читая тот или иной роман, она сживалась с судьбой его героини, страдала вместе с ней, радовалась ее радостями.

Поэтому Габору иногда казалось, что говорит с ним вовсе не его мать, а героиня какого-то романа.

— Хорошо запомни, сынок, все, что я тебе сейчас скажу, — продолжала мать. — Любая женщина имеет право на любовь, на счастье, независимо от того, красивая она или дурнушка, независимо от того, знает она своих отца и мать или нет. И любая женщина вправе самостоятельно решать, рожать ей или не рожать. Вот я и решила в свое время родить тебя с братом. Родила и не отдала ни в дом призрения, ни на воспитание к чужим людям.

— А разве супруги Гинде не были нашими воспитателями? — спросил Габор.

— Ты обижен тем, что до шести лет жил в этой семье?

— Дело не в обиде, мама... Тогда я был ребенком, и моей судьбой распоряжались другие люди. Но сейчас-то я уже взрослый! Скажи, мое пребывание во Франции каким-нибудь образом связано с моим отцом? — Мать не проронила ни слова. — Мама, очень прошу тебя, ответь мне! Где мой отец?

— Он умер.

— Когда? — Сердце у Габора билось не в груди, а где-то в горле.

— Как раз в то самое время, когда ты родился, — тихо проговорила она. — Тебя он, правда, видел... Поцеловал в лобик, а затем попрощался со мной и ушел. С тех пор я его больше никогда не видела.

— Куда он ушел? От чего он умер?.. — торопливо задавал вопросы Габор.

Где-то неподалеку залаяла собака. Сначала юноша подумал, что это пес Коллара, но потом узнал собаку дядюшки Пьера: только она могла так долго и протяжно завывать.

Мать молчала, надеясь, что сын перестанет мучить ее своими вопросами.

— Мама, неужели вы не понимаете, что... — начал снова Габор.

— Как не понимать — все я хорошо понимаю. Ты, вероятно, прав. И если вдруг отвернешься от меня, откажешься, я не вправе буду тебя осуждать.

Габор взял руку матери в свои руки, посмотрел ей в лицо, расплывчатое и бледное в темноте.

— Мама, вы не сделали ничего такого, чтобы я отказался от вас.

Мать прерывисто вздохнула, сжала его руку. Габор почувствовал ее теплое дыхание: она наклонилась к нему и поцеловала в лоб, как обычно целовала, когда они прощались.

— Когда ты родился, твоему отцу было всего двадцать три года. Мы хотели пожениться, но, к сожалению, дело до этого не дошло — ему пришлось эмигрировать.

— Почему? — нервно спросил Габор.

— Точно я и сама не знаю. Твой отец был коммунистом, он занимал какую-то видную должность в Йожефовароше, в рабочем районе.

— Такой молодой?

— В те времена партийные руководители все были молодыми. Твой же отец успел даже побывать на Итальянском фронте. После разгрома Венгерской советской республики в 1919 году белые по всей стране разыскивали оставшихся в живых красных. Я лежала с тобой на кровати, когда в квартиру ворвалось несколько белых офицеров и румын-интервентов. Тетушка Анна заговорила с одним из румынских офицеров по-французски. Думаю, только благодаря ей у нас не устроили настоящего погрома, как в других местах. А твой отец в это время прятался в подвале соседнего дома.

— У Буйдоша?

— Да. Мы с ним об этом заранее договорились. Это была очень порядочная семья. Буйдош первый предложил спрятать у себя твоего отца, специально оборудовал свой подвал так, что он стал пригоден для жилья. А потом пошел в военную комендатуру и заявил, что мой жених в дни республики был политкомиссаром в Йожефовароше. Через несколько дней к нам заявились офицеры, произвели обыск в квартире, а к доносчику, как мы и предполагали, и ногой не ступили. При обыске присутствовал и сам Буйдош. Я обругала его, назвав мерзавцем, а он меня в свою очередь обозвал стервой. Весь этот спектакль мы разыграли так искусно, что рассмешили румынских офицеров. Те вдоволь нахохотались. Они даже пытались науськивать нас друг на друга, хотели, наверное, чтобы мы подрались у них на глазах. Ушли только после того, как перевернули всю квартиру вверх дном. Мне же было сказано, что если я что-либо узнаю

о местонахождении своего жениха, то должна немедленно доложить об этом в полицию или комендатуру.

— И как долго отец скрывался у Буйдошей?

— Две недели, потом он эмигрировал за границу.

— Каким образом?

— Сейчас расскажу. Я уже говорила тебе, что у тетушки Анны в молодости был жених — французский инженер. Французы у нас в ту пору не то строили, не то расширяли какую-то текстильную фабрику, и тогда в Венгрии их было довольно много. Жили вместе с семьями; словом, целая колония с детским садом, столовой и магазином. Тетушка Анна работала у них старшей воспитательницей в детском саду. Инженер, правда, вскоре умер, и тетушка так и не вышла замуж. А потом были первая мировая война, провозглашение советской республики, подавление ее, кризис и разгул белого террора. В Будапеште в тот период существовала французская военная миссия. В ней служил один капитан. Помнится, в конце сентября, когда он вместе с двумя солдатами заявился к нам, мы сильно перепугались, но тетушка Анна, переговорив с нежданными гостями, успокоила меня: «Вероника, не бойся их, это наши друзья».

Потом они долго о чем-то говорили. В то время тетушка уже чувствовала себя неважно.

Когда французы ушли, она объяснила мне, что навестивший нас офицер приходился племянником ее жениху. А приходил он для того, чтобы познакомиться с невестой своего дядюшки. Перед этим он побывал на кладбище, на его могилке, и был очень удивлен, увидев, какая она чистенькая и ухоженная. Выражая благодарность тетушке Анне, он несколько раз целовал ей руки. Они вместе долго рассматривали фотографии покойного. Капитан спросил, не нужна ли тетушке какая-нибудь помощь, ведь жизнь в то время была совсем не легкой. У меня тогда как раз почти пропало молоко, а тебя нужно было чем-то кормить, и тетушка Анна попросила француза помочь нам с продуктами. Буквально на следующий день нам принесли муки, свиного сала и разных консервов. Капитан заверил, что с этого дня нам нечего бояться, так как теперь мы находимся под покровительством французской миссии. Перед уходом он спросил, не нужно ли нам еще чего-нибудь.

И вот в очередной приход капитана тетушка Анна сказала ему, что в подвале соседнего дома скрывается твой отец, которого по всей стране разыскивают хорти-

сты, и если они арестуют его, то обязательно убьют. Жак, так звали капитана, поинтересовался, что же натворил твой отец. Ничего особенного, ответила ему Анна, просто он коммунист. А потом добавила, что, несмотря на революцию и все последующие события, на твоем отце нет ничьей крови. Тогда Жак спросил, не умеет ли он водить автомобиль. Тетушка Анна ответила, что не знает этого. Слышала только, что он работал наборщиком в типографии, а при такой специальности, как ей кажется, вовсе не обязательно уметь водить машину.

Тогда француз сказал, что хочет сам поговорить с твоим отцом. Бедняжку тайком привели из подвала; он был очень бледен и слаб.

— Мама, вы любили моего отца? — спросил Габор, уверенный, что отрицательного ответа не получит.

— Если бы я его не любила, то никогда бы не стала его возлюбленной. Он был очень хорошим человеком. Я была готова ради него на все. И он тоже любил меня — так, как никто другой. — Она на миг замолчала, погрузившись в воспоминания.

Габор молчал, понимая, что не следует торопить мать. Теперь она сама все расскажет ему и тем самым не только освободит свою душу и память от тяжких воспоминаний, но и избавит родного сына от терзающих его подозрений.

Через несколько секунд мать, очнувшись, посмотрела на Габора.

— На чем же я остановилась?.. Ах да! Словом, отец твой предстал перед французским капитаном. А потом, к моему огромному удивлению, они вдруг заговорили по-немецки. Я и не подозревала, что он владеет этим языком. Капитан задал несколько вопросов и обрадовался, узнав, что его собеседник, будучи солдатом, служил на автотреке и научился вождению.

На следующий день твоего отца переодели в форму французского солдата, вручили необходимые документы, и в тот же день он вместе с капитаном выехал в Вену, откуда, имея рекомендательное письмо от Жака, уже самостоятельно перебрался во Францию, в семью Пьера Гинде, родственника капитана.

— Теперь понятно, каким образом я оказался у дядюшки Пьера.

— Когда отец решил и тебя забрать во Францию, он уже был тяжело болен.

— А чем он болел?

— У него были поражены легкие: их разъел типографский свинец. Когда ты садился в поезд, его уже не было в живых, но тогда я этого еще не знала.

— Почему Гиндены не показали мне могилы отца?

— Возможно, что тебя и водили на нее, только не говорили, чья это могила. Думаю, они просто жалели тебя.

— А как попал во Францию мой крестный? Его тоже вывез туда капитан?

— Нет. Когда Колесар эмигрировал из Будапешта в Вену, он уже знал, что твой отец во Франции. Написал ему и, получив ответ, сразу же собрался в дорогу. Некоторое время они работали в одной типографии: отец — наборщиком, а дядюшка Бела — слесарем-ремонтником. Правда, вскоре Бела перешел на работу в шахту, так как там больше платили.

— А как звали моего отца?

— Габор Шимон — это его настоящее имя.

— Он же был и отцом Реже?

— Нет, но это уже не имеет никакого отношения к тебе. Это касается только нас двоих: меня и Реже. Когда я буду умирать, я расскажу ему все.

— А если он умрет первым?

— Тогда ему будет уже все равно, и мне останется лишь оплакивать его.

Мать встала и вошла в кухню, а Габор продолжал сидеть на скамейке, прислонившись спиной к стене. Он думал об отце.

Типография «Легран» находилась недалеко от дома дядюшки Пьера, всего метрах в пятистах. Мальчик каждый день проходил мимо нее по дороге в школу и даже не догадывался, что здесь несколько лет подряд работал его отец. Габору об этом ничего не говорили. Даже знай он правду, разве стало бы ему от этого легче? Наверное, принялся бы расспрашивать рабочих об отце, интересоваться, не рассказывал ли он о своем сыне. А в самом деле, говорил ли отец хоть что-нибудь о своей жизни на далекой родине? Вряд ли — в маленьком французском городке многие и не подозревали о том, что в Европе есть такое государство — Венгрия.

Голова Габора была полна дум. Только теперь он начал догадываться, почему крестный считал его отца коммунистом. Точно он этого, видимо, не знал, но предполагал, что тот был членом Коммунистической партии Фран-

ции. По словам дядюшки Пьера, также состоявшего в ней, в этом шахтерском крае все были либо социалистами, либо коммунистами...

Тут Габор вспомнил один вечер. Они ужинали за большим столом. В центре восседал дядюшка Пьер, справа от него — шестнадцатилетний Франк с двенадцатилетним Робертом, а напротив них он, Габор, и четырнадцатилетняя Шарлотта.

Габору тогда шел пятнадцатый год. Венгерский язык он почти полностью забыл, хотя иногда ему снилось, что он разговаривает на языке своей родины. Был он рослым, сильным парнем, с которым с большим трудом мог справиться даже Франк. Габор несколько месяцев назад по-юношески влюбился в черноглазую светловолосую Шарлотту. Росли они вместе, вместе голышом валялись на песчаном берегу речки. Однако девочка ни капельки не стеснялась Габора. Ее поведение начало меняться, лишь когда она стала походить на взрослую девушку. Когда они бывали вдвоем, Шарлотта не стеснялась Габора, как и раньше, более того, даже начала учить его целоваться. Габору такое заигрывание почему-то нравилось.

Вот и в тот вечер, когда они сидели за ужином и дядюшка Пьер, по обыкновению, завел разговор о политике, Габор украдкой дотронулся под столом до голой коленки Шарлотты и погладил ее.

С тех пор как началась война, он часто думал о том, что же сталось с семьей Гинде: с дядюшкой Пьером, Шарлоттой, тетушкой Клареттой... Ребят, конечно, забрали в армию. Шарлотта, возможно, вышла замуж. Габор не раз писал ей на прежний адрес, но ни разу не получил ответа, хотя и его письма назад не возвращались...

Размышляя обо всем этом, Габор решил, что, как только кончится война, он поедет во Францию и разыщет на маленьком кладбище знакомого городка могилу отца, положит на нее цветы...

Юноша почувствовал себя уставшим. Завтра ему опять предстояло рано вставать, а через десять дней он должен будет подниматься еще раньше, чтобы уже в пять утра быть на улице Фе у Ононди. Мама, наверное, уже уснула... В ванной Габор побрился и принял душ. Выкурив перед сном сигарету, он, осторожно ступая, прошел в свою комнату.

Сулита очень любила дядюшку Петера, мужа сестры своей матери. Ни для кого не было секретом, хотя, разумеется, все об этом дипломатично помалкивали, что доктор Петер Ботар обожал женщин и его внимание в равной степени могла привлечь как горничная, так и аристократка, занимающая в обществе самое высокое положение. Помимо прекрасного пола он питал слабость к хорошим сигарам, любил вкусно поесть и отнюдь не был противником спиртных напитков.

Петер Ботар работал главным врачом в Уйвидеке[1], на самом севере Словении, очень давно, и Сулита порой задумывалась над тем, рад ли был дядюшка Петер тому, что северные районы Словении вместе с южными землями Словакии вновь отошли к Венгрии. По-видимому, все-таки рад, так как теперь он мог чаще и без всяких препятствий наведываться в Будапешт, чтобы навестить свою очередную любовницу или же завязать новое приятное знакомство.

Однако на сей раз Петер Ботар приехал в столицу вовсе не по зову своего любвеобильного сердца, а по телеграмме, которой его вызывал Читари. Господину послу было хорошо известно, что его свояк тайно поддерживал связь с партизанами. Читари надеялся уговорить доктора Ботара взять с собой ротмистра Сикорского и помочь ему попасть в один из партизанских отрядов. Сулита знала, чувствовала, с каким нетерпением Сикорский, все еще находившийся в Балатонфепьвеше, ожидает приезда Ботара или самого Читари, который будет означать конец его вынужденного бездействия.

Петер Ботар достал из коробки темно-коричневую сигару марки «Франц-Иосиф», не торопясь понюхал ее, затем одобрительно прищелкнул языком. Сигара была привезена не откуда-нибудь, а с самого острова Ява, и только из-за одного этого, по его мнению, стоило приехать в Будапешт.

От Сулиты не ускользнуло, что, раскуривая сигару, дядюшка Петер не спускает глаз с Жофи. Дядюшка, очевидно, не прочь был поухаживать за девушкой, но мать Сулиты постоянно держала его в поле зрения.

Жофи поставила на столик поднос с ароматным кофе

---

[1] Уйвидек — венгерское название югославского города Нови-Сад и прилегающей территории.

и, сделав книксен, как ее учила хозяйка, бесшумно вышла из салона.

Дядюшка Петер наслаждался своей сигарой, время от времени отхлебывая кофе крошечными глотками.

— Хорошо доехал? — поинтересовался Читари у доктора, беря со столика чашку.

— Великолепно, — ответил Ботар. — Я даже не почувствовал, что сейчас идет война. Правда, вагон-ресторан, в который я прошел сразу же, был буквально забит голодными немецкими солдатами. Они не ели, а, прошу прощения, прямо-таки пожирали то, что им подавали, набивали свои желудки, насыщались, как звери. Я, разумеется, сразу нашел место, так как все официанты знают меня в лицо. Мы ели, пили, разговаривали и таким образом незаметно прибыли в Пешт. — Он перевел взгляд на супругу Читари. — Твоя сестрица просила меня узнать, когда ты приедешь к нам в гости.

— Об этом ты должен спрашивать не у меня, — ответила хозяйка с жеманством, которого Сулита терпеть не могла, поднося к губам кофейную чашечку. — Об этом лучше поинтересуйся у свояка. Ты же прекрасно знаешь, что я всегда делаю только то, что позволено моим супругом и господином. — Она отпила немного кофе.

Дочери не нравилось, когда мать начинала философствовать и разглагольствовать, делая при этом обиженный вид. «Моим супругом и господином»! Это было неправдой, на самом деле она всегда поступала так, как ей хотелось. Сулита недолюбливала мать, никак не могла простить ей того, что не она вскармливала ее грудью, а наняла для этого кормилицу: хотела сохранить фигуру после рождения ребенка. Сулита никогда не говорила матери о своей обиде, появившейся у нее лишь с годами, — будучи грудным ребенком, она, естественно, нисколько не интересовалась, из чьей груди сосет молоко. И лишь много позднее девушка узнала о том, что в семье Петенине стало чуть ли не правилом брать на кормление малышей из богатых семей.

Читари выслушал супругу, и лицо его слегка дрогнуло.

— Уж не желаешь ли ты поехать к своей сестрице? — спросил он.

— А почему бы и нет, я еще ни разу не была в тех краях. — Лицо госпожи Читари приняло серьезное выражение. — Знаешь, мой дорогой Петер, мне не разрешено быть где-нибудь, кроме дома.

— Это правда, — заметил ее супруг, — если забыть, что ты восемь лет жила в Швейцарии, когда училась, а затем мы несколько лет провели в Испании, Англии, Франции и Италии. Я, разумеется, сильно виноват в том, что ты еще не успела побывать на севере Венгрии. — Голос его заметно повысился. — Короче говоря, ты хотела бы туда поехать?

— Хотела бы, и даже очень.

— Хорошо, — согласился Читари, — мы обсудим с тобой этот вопрос. Девятнадцатого у Сулиты начинаются занятия, так что ты можешь погостить у сестры несколько дней.

— По-моему, мама может поехать и на более длительный срок, — сказала Сулита.

Мать с упреком посмотрела на дочь:

— Я хорошо знаю, что ты не была бы против, если даже я уеду совсем.

— Ну что ты, мама... — начала было Сулита утешать мать, но, заметив энергичный жест отца, замолчала. Однако замечание матери обидело девушку, и она невольно подумала: «Почему я не могу любить мать так, как люблю отца?»

— Ты когда собираешься ехать обратно? — спросил Читари, посмотрев на Петера.

— По мне, хоть сегодня вечером,—ответил доктор.— Но сначала мне хотелось бы узнать, зачем ты вызвал меня в Будапешт? Уж не хочешь ли ты со мной проконсультироваться по поводу какой-нибудь срочной операции?

Читари допил свой кофе и молча посмотрел на жену.

Сулита сразу же поняла, что им с матерью надо уйти. Однако госпожа Читари не пожелала этого понять. Девушка, решив сделать последнюю попытку, подошла к Ботару и, наклонившись к нему, ласково спросила:

— Дядюшка Петер, скажите, пожалуйста, какие у вас связи с правительством Тито?

Ботар с изумлением уставился на девушку, затем медленно проговорил:

— Я, откровенно говоря, не знаю, чем оно дышит, это правительство... и вообще, не пойти ли тебе лучше погулять или ко всем чертям?

— Хорошо, сейчас уйду. С таким грубияном, как ты, я больше не желаю находиться в одной комнате. Однако прежде чем уйти, я все же объясню тебе, кто такой Тито...

Но до объяснений дело не дошло, так как отец резко оборвал ее:

— А тебе не кажется, дорогая, что ты слишком много болтаешь лишнего? Я был бы не против, если бы ты удалилась в свою комнату.

— Хорошо, сейчас, — голос девушки зазвучал обиженно, — только скажу...

— Сулита! Я, кажется, просил тебя оставить нас одних! Изволь сделать это, не продолжая своих сентенций.

Госпожа Читари встала и, обращаясь к дочери, сказала:

— Пойдем, Сулита.

Девушка с недовольным видом вышла из кабинета отца, даже не попрощавшись с дядюшкой Петером. Мать повела ее в гостиную. Сулита усмехнулась, поняв, что впереди очередной «урок». Ее мать была далеко не глупой женщиной, но интересы ее не распространялись на такие серьезные вещи, как, например, международные отношения. Сулита же, наоборот, живо обсуждала со своими подружками самые различные вопросы, начиная с событий далекого прошлого вплоть до последних слухов, просочившихся из спальни регента. Хотя, честно говоря, Сулиту мало занимали светские сплетни, которые с таким увлечением пересказывали ее подруги... Поэтому, когда мать начинала поучать ее, будто она все еще была маленькой несмышленой девочкой, Сулите с трудом удавалось сдержать смех.

— Садись, — строго проговорила госпожа Читари, показав на кресло.

Девушка села и забросила ногу на ногу, отлично зная, что мать терпеть не может такой позы.

— Как ты сидишь?!

— Так, как мне удобно, — ответила Сулита, — или мне уже нельзя и сесть так, как мне нравится?

— Нет, конечно, — продолжала наставлять свое дитя Читарине [1]. — Порядочная девушка не должна забрасывать ногу на ногу.

Сулите хотелось разозлить мать.

— А почему ты вдруг решила, что я порядочная? И вообще, что, по-твоему, значит—порядочная девушка?

---

[1] Читарине — окончание «не» в венгерских фамилиях означает супругу носителя этой фамилии; как вариант перевода: госпожа Читари.

Мать с изумлением уставилась на дочь.

— Да уж не сошла ли ты с ума? — удивилась она.

— Почему я должна сойти с ума? Уж не потому ли, что села так, как мне удобно?

— Ты сидишь так, как это делают непорядочные девушки.

— Будь добра, скажи наконец, кто же я такая: непорядочная или сумасшедшая?

— Ты решила меня рассердить?! — воскликнула госпожа Читари. — Что с тобой случилось? Отдых на Балатоне, видимо, пошел тебе во вред?..

Она еще долго говорила что-то, но Сулита почти совсем не слушала ее. В этот момент девушка думала о том юноше, с которым ее недавно познакомил в своей мастерской скульптор Каройи...

— Он эмигрант, — объяснил тогда девушке скульптор. — Гитлеровцы силой забрали его на принудительные работы и отправили в эшелоне куда-то под Мюнхен, но по дороге Жан Дюран сбежал и пробрался в Венгрию...

Именно тогда Габор Лукач, не желая разочаровывать скульптора, молча принял его версию и протянул руку девушке, так глядя на нее, как обычно смотрят на редкой красоты скульптуру. Он не в силах был отвести от нее глаз, но ему пора было уходить.

— Надеюсь, мы еще увидимся? — сказал юноша, обращаясь к Сулите.

— Кто знает? — вопросом на вопрос ответила девушка, а когда он ушел, спросила у Каройи: — А где этот Дюран научился говорить по-венгерски?

— Мать у него венгерка. Еще в детстве она попала во Францию, где и окончила школу, и вышла замуж, — объяснил скульптор.

— Она и сейчас живет во Франции?

— Нет, где-то в Индокитае, вместе со своим мужем. Отец Дюрана колониальный служащий, кажется, генерал по чину.

— И этот юноша вместе с родителями тоже жил в Индокитае? — поинтересовалась девушка.

— Парень, насколько мне известно, оставался в Париже, чтобы закончить Сорбонну. А когда началась война, он уже не смог выехать из Франции.

— И чем же он теперь занимается в Венгрии?

— Репетиторством. Мари он преподает французский язык и математику.

— А где он живет?

— У кого-то из родственников, но точно я не знаю. Красивый парень, правда? — спросил Каройи.

— Да, — согласилась девушка, — очень красивый...

И перед мысленным взором Сулиты вновь предстал Жан Дюран — черноглазый, с вьющимися светлыми волосами. Девушка вспомнила, что в тот же вечер она спросила отца, есть ли в Венгрии французские эмигранты.

— Несколько сотен, — ответил ей Читари.

— И как они оказались у нас?

— Кто сбежал из гитлеровских концлагерей, кто — из рабочих команд и рот.

— И наше правительство не выдает их немцам?

— До сих пор до этого дело не доходило, — ответил отец. — А почему тебя это так интересует?

— В мастерской Каройи я случайно познакомилась с одним молодым эмигрантом... — И Сулита рассказала отцу о Жане все, что узнала от скульптора.

— Такой случай вполне возможен, — заметил Читари. — Если у него здесь имеются родственники и если они к тому же ему выхлопотали разрешение работать. Правда, положение может резко измениться: немцы ведут себя так, что поневоле ожидаешь всего что угодно...

Сулита вздрогнула — окрик матери вернул ее к действительности.

— Я, кажется, с тобой разговариваю?! Или тебя вообще не интересует, что тебе говорит родная мать?

— Интересует, просто я задумалась.

— И о чем же таком ты задумалась, если не секрет?

— А думала я о том, что ты скажешь, если я обручусь с Жаном Дюраном.

Глаза у матери округлились.

— С каким это еще Жаном Дюраном?

— С сыном одного французского колониального наместника...

— Не говори глупостей... — рассерженно оборвала девушку мать. — Каким образом мог попасть в Будапешт сын французского наместника?

— Сам наместник с женой живет в Индокитае, а их сын Жан — в Будапеште. Он сбежал из немецкой рабочей команды.

— И ты собираешься обручиться с ним?..

— Да, — твердо ответила дочь, желая еще больше вывести мать из себя. — Хотя пока еще твердо не уверена,

люблю ли я его. Думаю, когда я стану невестой Жана Дюрана, то тогда мы с ним смогли бы поселиться в одном из приличных отелей... Или же я переберусь к нему на квартиру, ты понимаешь...

Лицо госпожи Читари покраснело от возмущения. На миг она почти потеряла дар речи.

— Ты хочешь сказать... — пробормотала она, не сводя глаз с дочери.

— Я хочу сказать, что семнадцать лет мне уже исполнилось, — спокойно продолжала Сулита. — Ты была в таком же возрасте, когда вышла за папу... Более того, это не помешало тебе с отличием закончить гимназию и получить аттестат зрелости...

Госпоже Читари стало плохо. Сулита знала, что поступает нехорошо и жестоко и в конце концов доведет мать своими выдумками до обморока. Мысленно она оправдывала свое поведение только тем, что терпеть не могла лицемерия и лжи и не могла простить их даже родному человеку.

Сулита потому любила отца, что он всегда был откровенен и во многом помог ей этим. Мать, напротив, только и делала, что читала ей проповеди на этические темы, не имея на это никакого морального права.

Девушка позвала Жофи, и они вдвоем привели госпожу Читари в чувство. Сулита заранее знала, как будут дальше развиваться события.

— Уйди с глаз моих, — прошипела мать. — Я не желаю тебя видеть. Не для того мы тебя воспитывали, чтобы ты выкидывала такие фортели...

Сулита молча вышла из комнаты.

Вечером того же дня отец позвал ее к себе. Он был мрачен. Сулита поняла, что мать уже успела пожаловаться на нее и постаралась в силу своих способностей драматизировать положение.

— Что, собственно, случилось? — спросил отец.

— Если ты спокоен, то я все тебе расскажу, а если ты очень расстроен, то я лучше помолчу, — сказала Сулита.

— Я абсолютно спокоен. — Читари раскурил сигару.

— Папа, — начала девушка, глубоко вздохнув, — рано или поздно нам с тобой необходимо откровенно поговорить о той роли, которую мама играет в нашей семье и в моем воспитании в частности. — Заметив, что отец хочет перебить ее, она сделала протестующий жест: — Прошу тебя, выслушай меня, не перебивая, до конца.

То, что случилось сегодня, по сути дела, не что иное, как мелкая подлость, допущенная мною по отношению к матери. Хотя речь шла о сущем пустяке. Если бы мама обладала хоть самой малой толикой юмора или хотя бы немного знала собственную дочь, то она просто-напросто посмеялась бы над моей глупой выходкой, а не падала в обморок.

Коротко Сулита рассказала отцу о случившемся, а затем продолжала:

— А сейчас, папа, я буду с тобой предельно откровенна. Я не люблю маму. Знаю, что тебе очень больно это слышать, но это так. Более того, я думаю, что никогда не любила ее. Жаль, конечно, что мне приходится говорить об этом. Мама всегда так обращается со мной, будто я ее личная вещь. Но я не вещь! Возможно, мои слова кажутся тебе излишне резкими, но иначе я не могу говорить о том, что накопилось во мне. Конечно, она родила меня на свет, и сейчас не так уж важно, хотела она этого или нет. Важно, что я, Сулита Читари, появилась на белом свете. Человек — думающее существо и требует определенного рода заботы. Ты понимаешь, что я говорю не о материальной стороне дела. Возникает законный вопрос: что именно я получила от матери в духовном отношении? Где та духовная убежденность, которую я должна была впитать в себя с ее молоком? Где то родительское волшебство, если можно так сказать, от которого девочка за семнадцать лет жизни превращается в личность и формируется как будущая женщина? С чистой совестью перед богом и людьми я могу заявить, что все то, что духовно обогатило меня, я получила от тебя и дедушки, которого мать считает безумцем. Моя мать, когда мне исполнилось тринадцать лет, ни слова не сказала мне о том, что не сегодня завтра я стану девушкой, созрею физически. Не успокоила меня, не сказала, что мне вовсе не следует волноваться, так как все это — закономерный процесс развития. И только по твоему совету наш семейный врач просветил меня — маме, видите ли, было неприятно говорить со мной об этом. Скажи мне, пожалуйста, советовала ли мне мама хоть раз прочитать ту или иную повесть или роман, а потом обсудила со мной прочитанное? Это ты заставлял меня читать классиков, помогал выбрать действительно ценное. Я никогда не забуду тот летний вечер, когда мы сидели на берегу озера и ты так просто и доходчиво рассказывал о Льве Толстом, о его творчестве и учении,

Это ты обратил мое внимание на венгерских писателей, о которых в школе нам вообще ничего не говорят, а ведь без их книг вряд ли можно разобраться в основных вопросах современности. Мне продолжать?

И тут Сулита не выдержала и так горько разрыдалась, будто ее мучила страшная боль или кто-то сильно обидел ее.

Отец обнял дочь, прижал к груди и, гладя по голове, начал ласково утешать.

— Я тебя хорошо понимаю, моя малышка, по крайней мере, мне кажется, что понимаю. Но пойми и ты меня, дочка. Нам всем нужно жить вместе. И тут мы ничего изменить не можем, поскольку это необходимо и тебе, и мне. Нам придется, так сказать, пойти на компромисс с собой, с другими людьми, обстоятельствами. Прошу тебя, моя малышка, попроси прощения у мамы. Ради меня сделай это, пожалуйста!

В тот же день Сулита попросила прощения у матери, но в их отношениях после этого не произошло никаких изменений.

Утром Читари вместе с супругой куда-то уехал. Посол любил водить автомобиль и, как всегда, охотно уселся за руль своего «альфа-ромео».

Сулита осталась в обществе доктора Ботара. Удалившись в кабинет посла, доктор просматривал лежавшие на письменном столе газеты, выпивая время от времени рюмочку коньяка. Когда Сулита вошла к нему, в комнате висело сизое облако сигарного дыма. Девушке пришлось открыть оба окна.

— Ну и неженка же ты, — заметил доктор, кладя на стол свежий номер газеты «Мадьяр немзет».

— Я вовсе не неженка — сказала Сулита, — но дым такой плотный, что глаза щиплет.

— Сядь! — предложил Ботар.

Сулита послушно села.

— Выпьешь рюмочку?

— Ладно, так уж и быть. С вами, дядюшка Петер, можно позволить себе такое.

Доктор наполнил рюмки. Губы его, полускрытые под густыми, слегка посеребренными сединой усами, тронула улыбка.

— За наше здоровье! — предложила Сулита.

— И за гибель нацистов! — дополнил ее тост доктор.

— Полностью согласна с вами, — сказала девушка.

Оба выпили.

— Послушай, девица, тебе уже кто-нибудь говорил, что ты еще глупа?

— Пока никто не говорил.

— Тогда я тебе это говорю. И еще кое-что скажу. Если ты решила по-настоящему пофлиртовать с кем-нибудь из парней, будь он венгром или французом, не следует объявлять об этом родителям, в особенности матери.

— А я вовсе и не собиралась ни с кем флиртовать. — Сулита на миг задумалась и вдруг спросила: — Неужели и в ваших кругах так называют интимные отношения между мужчиной и женщиной?

— Не всегда, — засмеялся доктор. — Это, так сказать, для утонченности. А чаще употребляют слово, которое менее благозвучно. Я тоже порой использую его в своем лексиконе, да и другие тоже.

— Я, дядюшка Петер, терпеть не могу грубых выражений. Скажите, а вы когда-нибудь изменяли тетушке Илке?

— Если представлялся удобный случай, бывало и такое. Из тебя получится очень красивая женщина. Со временем ты еще больше похорошеешь и станешь еще привлекательнее. Но и тебе все равно будут изменять. Это говорит тебе врач Петер Ботар.

Сулита пожала плечами.

— Выходит, мужчины изменяют любой женщине? — спросила девушка.

— Думаю, что да. Правда, из этого следует, что и большинство женщин изменяют своим супругам, так как в противном случае мужья просто не смогли бы быть неверными. — Он сбил пепел с сигары в пепельницу и, смерив девушку долгим взглядом, спросил: — Ты уже прошла через это крещение?

— Еще нет, — откровенно призналась Сулита. — Я даже не могу себе представить, как такое может случиться. Правда, порой мне хочется, чтобы это уже осталось позади. Однажды, правда, я была близка к падению, но вовремя испугалась.

— Послушай меня внимательно, Сулита, — серьезно сказал доктор. — Не будь слишком нетерпеливой, придет время, и ты через это переступишь. Но только предупреждаю: не жди бог знает каких перемен и удовольствий, может случиться и так, что тебя постигнет разочарование. Кстати, мать еще не объясняла тебе, что физическая любовь или близость, как хочешь это называй, связана и с большими опасностями?

— Шутить изволите? — спросила девушка. — Мама страшится разговора на эту тему еще больше, чем я.

— А может, только вид делает, — заметил доктор и, немного подумав, спросил: — А знаешь что? Приезжай-ка ты к нам в гости на несколько недель. Тетушка Илка и я объясним тебе все, что необходимо знать девушке твоего возраста о любви.

— Хорошо, — согласилась Сулита, — я поговорю об этом с папой. Вполне возможно, что на рождественские праздники и приеду.

— Браво! Вот это разговор! А теперь честно скажи мне, — резко переменил тему разговора доктор, — что за человек этот поляк? На него можно положиться?

— Откровенно говоря, я не настолько хорошо его знаю, — призналась девушка. — Кто может сказать, надежен ли он? Хочется верить всему, что он говорит, и только. А как вы хотите ему помочь?

— Как? — переспросил доктор и сразу же сам ответил: — Если твой отец или кто-нибудь другой достанет ему документы, он сможет рискнуть поехать вместе со мной, ну а остальное уж будет зависеть только от меня. Вся сложность заключается в том, что сейчас в поездах очень часто проверяют документы.

— Это делают немцы? — полюбопытствовала Сулита.

— Нет, до этого еще не дошло, — ответил доктор. — Но наши жандармы мало чем от них отличаются. Вот и представь себе, что жандармы обнаружили молодого человека, который не разговаривает по-венгерски и не имеет необходимых документов. Нетрудно догадаться, что его снимут с поезда на ближайшей станции, начнут допрашивать. А если выяснится, что он польский подданный, которого твой отец каким-то образом вызволил из лагеря для перемещенных лиц, тогда совсем плохо... Дальше можно и не продолжать, не так ли?

— И какие же документы сможет достать ему папа?

— Поскольку ваш польский знакомый, как мне известно, хорошо говорит по-английски и по-французски, то было бы лучше всего достать для него швейцарский паспорт, поскольку в Швейцарии французский язык является одним из официальных.

— А что нужно швейцарскому подданному в Уйвидеке? — спросила Сулита. — Зачем ему туда понадобилось ехать?

— Ну, скажем, он является представителем Международного Красного Креста, — нашелся доктор. — Я по-

лагаю, что другого объяснения и не потребуется, так как оно вполне удовлетворит жандармов. Возникает только вопрос: действительно ли ваш ротмистр хорошо говорит по-французски?

Сулита закивала:

— Намного лучше, чем по-английски: как-никак мать у него француженка.

— Это уже хорошо, — повеселел доктор, — в таком случае все зависит от твоего отца. — Он налил себе в рюмку коньяку. — Если ты на самом деле решила посвятить себя дипломатии, то тебе обязательно нужно хорошо владеть французским: как-никак дипломатическим языком до сих пор все-таки является французский. Останется ли он им и после войны, этого я уже не знаю. Твое здоровье!

Доктор выпил.

«Боже мой, — мелькнуло в голове у Сулиты, — если я и дальше буду с ним разговаривать, то он просто-напросто напьется».

— Вам, видимо, смешно, что я решила стать дипломатом? — спросила девушка.

— Нисколько, я даже одобряю твой выбор.

— Видите ли, дядюшка Петер, я вовсе не желаю стать только домашней хозяйкой или же только матерью. Я хочу быть равноправной со своим мужем.

— Великолепно! — воскликнул доктор Ботар и рассмеялся. — Теперь дело остается только за тем, чтобы найти мужчину, который решился бы жениться на тебе. Хочу обратить твое внимание на то, что большинство мужчин не очень-то любят умных женщин.

— Это мне известно, однако я все же хочу быть равноправной по отношению к своему будущему супругу.

— Хорошее, я бы сказал, мужественное желание. Желаю тебе успехов. А как же быть с французским? — спросил Ботар.

— Я начну его учить, обязательно начну, в этом же году, — заверила доктора Сулита и рассказала ему о Жане Дюране; она его еще плохо знает, но почему-то уверена, что он согласится учить ее.

— Только будь осторожна, французы довольно напористы, — предупредил доктор. — В особенности в молодом возрасте.

Сулита улыбнулась.

— С этой опасностью, дядюшка Петер, я справлюсь.

Габору казалось, что вино сделало Мартона Каройи безумным или, по крайней мере, на время лишило его рассудка. Ради собственного развлечения он выдумал эту глупость, а спустя некоторое время сам начал верить в собственную выдумку. Друзья посмеивались над Габором, называя его Жаном Дюраном, и он, не придавая никакого значения причуде Каройи, смеялся вместе с ними. Он знал, что представители богемы в своих шутках зачастую не знают границ, подтрунивая порой друг над другом довольно жестоко.

В сильное замешательство от этой шутки Габор по-настоящему пришел лишь весной, после пасхальных каникул, когда Мартон познакомил его в своей мастерской с темноволосой голубоглазой девушкой, назвав его при этом французским эмигрантом Жаном Дюраном. Габору тогда показалось, что такую красивую девушку он видит впервые в жизни. Юноша пожал протянутую ему руку и пробормотал что-то маловразумительное. Несколько позже он узнал, что это дочь богатого дипломата и ходит она в ту же самую гимназию, что и Мари, только в более старший класс.

Красота девушки буквально ошеломила его, но Габор знал, что, поскольку она принадлежит к аристократическому кругу, ему глупо даже мечтать о ней. К тому же ему нравилась Мари. Однако Мари была влюблена в Роби, так что Габору ничего не оставалось, как продолжить затеянную скульптором игру, хотя делал он это неохотно, скрепя сердце.

Прошла ровно неделя с тех пор, как возобновились занятия в гимназии, а Габор еще не был у Мари. В середине сентября Габору передали, чтобы он зашел в мастерскую Мартона, которая находилась на улице Яноша Фиат. Каройи был сильно выпивши, а в такие периоды фантазия его не знала предела.

Скульптор с радостью встретил Габора и расцеловал в обе щеки. Юноша даже растерялся от такого радушия, не зная, чем оно вызвано и как ему следует себя вести. Длинные, почти до плеч, сальные волосы Каройи были взлохмачены, сорочка тоже была не первой свежести, но он, казалось, не замечал этого. Они сели на скамью, стоявшую напротив громадного окна.

Габор ждал прихода Мари, думая, что, видимо, из-за нее его сюда и пригласили.

— Знаешь что, юноша, пора уже нам перестать друг другу выкать: не к лицу это двум порядочным венграм. Впредь называй меня только на «ты». Договорились?

Габор утвердительно кивнул:

— Сервус[1], брат Мартон.

— Ты уже обедал?

— Еще нет.

Мартон быстро вскочил:

— Подожди! Мари мастерица делать голубцы. Разогреть?

— Голубцы в такое время?

Скульптор быстро подошел к плите и, обернувшись, сказал:

— Я их каждый день могу есть.

Голубцы и в самом деле оказались очень вкусными.

— Габор, дружище, скажи, у тебя уже была любовница из благородной семьи?

— Откуда? Меня к таким и близко-то не подпустят.

— Тогда считай, что скоро будет.

— Любовница? Из благородной семьи?

— Да, да, ты не ослышался. Думаю, тебе здорово повезло. Ты помнишь Сулиту?

— Помню, а разве она из очень благородной семьи?

— Уж, разумеется, не из рабочей. Не стану слишком распространяться, но скажу, что ее дедушка — крупный землевладелец, имеет очень богатое имение в Трансильвании... Сулита втюрилась в тебя как кошка.

— В меня или в Жана Дюрана?

— А ты и есть Дюран!

— Я — нищий, разве что только задница не просвечивает сквозь портки. Знаешь, сколько я зарабатываю за год? Как раз на днях высчитывал... Не хочешь ли полюбопытствовать?

— Нет, не хочу. Плевать мне на это. Когда мне было столько же лет, сколько тебе, я побирался в Париже и в Мюнхене. Я рисовал мелом на стенах домов. Давай не будем вспоминать о бедности, неинтересно это.

Худое лицо его преобразилось, приняло совершенно другое выражение. Длинные сальные волосы спадали на лоб, глаза казались похожими на глаза волшебника. Воспоминание о трудной, бедной молодости расстроило Каройи.

---

[1] Сервус — венгерское приветствие, схожее с русским «Привет!»; предполагает взаимное обращение на «ты».

— Знаешь ли ты, Габор, каким бедным я был? Пожалуй, намного беднее тебя, и это при живом отце. Мы с ним вместе нищенствовали, так как он все деньги до последнего филлера пропивал. Но главное заключалось отнюдь не в этом. Я сейчас не об этом хочу тебе рассказать, а о том, как меня разные господа унижали в ту пору. Сколько я плакал от обиды, от стыда! Вот тогда-то я мысленно и решил со временем отомстить им. Мать Мари тоже происходила из благородной семьи, и я бил ее. Да еще как! Я люблю свою дочь Мари, а ведь мог бы и возненавидеть ее, так как не я являюсь ее отцом. Ты вот молоко разносишь по домам, а разве тебя не унижают каждый день господа и их жены?..

Скульптор ждал ответа Габора, но юноша молчал, невольно вспоминая оскорбления, которым он так часто подвергался. Он тяжело переносил их, так как был гордым, но, пожалуй, больнее и обиднее всего ему было на прошлой неделе, когда госпожа Петени начала тыкать его своей тростью с серебряным набалдашником.

— Это ты и есть?

Не успел Габор ответить, как заговорила тетушка Мария.

— Милостивая государыня, этот парень носит нам молоко. Зовут его Габором, Габор Лукач, целую ручку. Он гимназист.

— И с какого времени ты носишь нам молоко? — С этими словами старуха снова ткнула его тростью. — Пусть сам ответит.

— Уже третий год, милостивая государыня, — тихо ответил Габор.

— А почему вы мне об этом не говорили? — спросила старуха.

— А почему я должен был вам об этом говорить? — в свою очередь спросил юноша.

— Да потому, что таким, как ты, беднякам я каждый месяц подаю по пятьдесят филлеров на чай.

— Благодарю вас, милостивая государыня. — Габору ничего не оставалось, как поцеловать старухе руку.

...Чтобы поскорее освободиться от этого неприятного воспоминания, Габор даже закрыл глаза, однако, чувствуя, что скульптор ждет ответа, он открыл глаза и, встретившись с ним взглядом, сказал:

— Еще как унижали. Каждый день, и так на протяжении многих лет.

— Вот и я тебе о том же говорю. А Сулита — это же

девица из господского сословия, которое нас оскорбляет. Красивая девица, а теперь вот вдруг захотела изучать французский язык.

— С моей помощью?

— Да, с твоей, вернее говоря, с помощью Жана Дюрана.

— Но я же никакой не Жан Дюран и к тому же не учитель.

— Глупости, я уже дал ей согласие от твоего имени.

— Неважно, все это обман.

— Ну и что из того? А разве вся жизнь — это не сплошной обман? Или тебе не понравилась Сулита?

— Почему не понравилась? Понравилась: она очень красивая.

— А может, ты против знакомства с ней?

— Об этом я и не думал. Что ты наговорил ей обо мне?

— Разумеется, самое лестное для тебя. Сказал, что ты учился в Сорбонне, когда началась война. Родители твои живут в колонии, отец — крупный чиновник, а мать, как и положено в порядочных семьях, не работает.

— А что это значит — чиновник в колонии? И в какой именно?

— Он комендант одного гарнизона в Индокитае. Где-то неподалеку от Сайгона. Он — генерал. — Тут Каройи рассмеялся. — Я создал тебе хорошую рекламу. А почему бы, спрашивается, твоему отцу на самом деле не быть генералом, а?

— И в самом деле! До сих пор у меня не было папаши-генерала. Да еще в Индокитае. Скажи, а по новой легенде я уже бывал там?

— Полагаю, что бывал.

— Но я даже представления не имею, где находится этот Сайгон, что там за люди, какой климат и прочее...

— Все это ты легко узнаешь, — засмеялся Мартон. — Прочтешь в какой-нибудь книге, может, еще и пользу из этого извлечешь.

Габор с подозрением посмотрел на скульптора и спросил:

— А тебе-то какая от этого польза?

— Мне — никакой, а тебе я нашел ученицу, которая станет платить по три пенгё за каждый час твоего репетиторства.

Юноша задумался.

— А каким образом я по твоей легенде попал в Венгрию?

— Это уж ты сам придумаешь и сам расскажешь ей об этом.

— А у кого я здесь живу?

— Я сказал, что не знаю этого, — боялся наговорить лишнего.

— И где же я буду давать ей уроки? Ходить к ней в дом я не могу, так как не хочу встречаться с ее отцом. К себе же я ее тоже не могу пригласить.

Скульптор на миг задумался.

— Ты знаешь, это действительно закавыка, — согласился он. — Но я могу тебе помочь: занимайся в моей мастерской. Три раза в неделю по одному часу. Согласен?

— А что скажет на это Мари?

Каройи от души рассмеялся. Нетрудно было заметить, что ему понравилось собственное предложение.

— Видишь ли, дело в том, что я и своей дочери рассказал ту же самую выдуманную историю о тебе, добавив при этом, что Габор Лукач — это твой, так сказать, псевдоним, так что на этот счет не беспокойся. А знаешь, что странно? Мари тоже поверила в эту легенду. А почему бы ей не поверить, ведь она тоже девушка.

В душе Габор не был уверен, что Мари поверила отцу на слово, однако он не стал спорить со скульптором. Выходку Мартона он считал глупостью, но в то же время она его странным образом заинтриговала, хотя он и сам не знал, почему именно. Возможно, потому, что теперь кое-кто будет принимать его за богатого француза. Ладно, пусть хоть три раза в неделю, да и то лишь на один час в день, но он сможет забыть о своей нищете. Разумеется, всем этим он только пытался оправдаться перед самим собой в том, что пошел на поводу у скульптора. Но его очень заинтересовала красивая, какая-то необычная девушка со странным именем Сулита, а для продолжения знакомства с ней легенда Каройи могла сыграть положительную роль. Ведь узнай она о том, что Габор из низов, да еще незаконнорожденный, она бы с ним и разговаривать не стала. К тому же в этой игре юношу увлекало нечто романтическое, заманчивое, желание как бы перевоплотиться в другую личность, что присуще не только одним актерам. Словом, он решил войти в роль совсем не потому, что хотел посмеяться над Сулитой или унизить ее. Этого у Габора и в мыслях не

было. Более того, Габор обещал себе, что если он все же понравится Сулите, то тотчас же признается ей в своем обмане, и они оба от души посмеются над этой шуткой. И еще Габор подумал, что, прежде чем встретиться с девушкой, неплохо было бы поговорить о ней с Мари.

В тот день занятия Габора с Мари должны были состояться на квартире скульптора на улице Баттьяни. Когда юноша пришел, Мари была уже дома. Габор обратил внимание на ее шоколадный загар, говоривший о том, что летние каникулы были проведены не зря. Девушка даже немного поправилась, однако это нисколько не портило ее, наоборот, делало еще более привлекательной. Выглядела она совершенно спокойной и уравновешенной. Судя по виду, она была полностью счастлива — конечно, ведь Роби, которым она увлекалась, не один раз приезжал к ней из Будапешта в Балатонфюред, где Мари отдыхала у своих родственников.

Девушка по-дружески встретила Габора и пригласила его пройти в ее комнату. Это была настоящая девичья светелка, в которой все так и светилось чистотой и опрятностью: на дверцах платяного шкафа и спинках деревянной кровати красовались резные букеты цветов, диван был покрыт пестрым покрывалом, на полу разостлан пушистый персидский ковер, а в углу стояла огромная керамическая ваза с великолепным букетом орхидей, на одной из стен висело несколько полок, тесно заставленных книгами. Мари была большой любительницей чтения.

Габор сел к столу, а девушка расположилась на диване. Она была чудо как хороша, от одного взгляда на нее сердце юноши билось чаще, и он снова от души позавидовал счастливчику Роби.

— Ты уже обедал? — поинтересовалась девушка.

— Да, отведал голубцов у твоего папаши.

Мари рассмеялась.

— Мартон знает, на что можно тратить деньги, — проговорила она.

Мари давно уже знала, что Каройи не является ее родным отцом, и потому запросто называла его по имени.

— А я очень люблю голубцы, — признался Габор. — Тем более в эту пору — в сентябре.

— Он уже пьян? — спросила девушка.

— Отнюдь нет, но мысленно — да.

Мари бросила на юношу подозрительный взгляд.

— Как тебя следует понимать?

Габор закурил, придвинул пепельницу.

— Скажи, Мари, что ты обо мне знаешь?

— Все, что при мне говорилось.

— Значит, ты считаешь, что я — Жан Дюран?

— Да, конечно.

— А что тебе сказал отец относительно того, почему я хожу в гимназию?

— Об этом он ничего не говорил. — Мари с удивлением взглянула на юношу. — А правда, почему ты ходишь в гимназию? — И в тот же миг ее удивление переросло в подозрение. — Сейчас, когда ты сам заговорил об этом, до меня только дошло, что тут что-то не так.

— А именно?

— От Роби я слышала, что начиная с тридцать восьмого года вы учились вместе. Париж же немцы захватили в сороковом году, тогда возникает вопрос: каким образом ты стал эмигрантом?

— Я такой же эмигрант, как, к примеру, и ты сама, — признался Габор. — Всю эту чушь выдумал твой папаша, однако, делая это, он вовсе не продумал ряд важных деталей, ну, например, где и когда я учился. Однако вся беда заключается в том, что всю эту чушь он уже преподнес Сулите.

— Об этом мне известно, — заметно оживилась Мари. — Я с ней сегодня разговаривала на большой перемене.

— Обо мне?

— Да.

— И что она говорила?

— Ну как бы тебе это сказать? Сейчас я постараюсь вспомнить поточнее. Короче говоря, на большой перемене она подошла ко мне, взяла меня под руку, и мы вышли во двор. До этого Сулита была у моего папаши, который намеревается высечь ее бюст. К тому же из красного мрамора. Мартон уже давно говорил ей о том, что хотел бы запечатлеть ее в мраморе, так как она, по его мнению, является носительницей классической красоты. Я подтвердила, что отец так на самом деле считает. Сулита же только усмехнулась, заметив, что это далеко не так, и начала расспрашивать меня о тебе. Интересовалась, порядочный ли ты парень, — по ее словам, все молодые французы немного не от мира сего и ведут себя в жизни как представители мира богемы. Я в свою очередь ответила, что ты очень порядочный и к тому же обладаешь великолепными педагогическими способ-

ностями, в чем я имела возможность убедиться лично. И тут она, наклонившись ко мне, спросила шепотом, а не пытался ли ты приставать ко мне, она слышала, что французы большие любители красивых женщин, а я, по ее мнению, очень красива. На это я твердо ответила, что ты не из таких, всегда ведешь себя корректно и вежливо, ну разве что порой отпускаешь комплименты в мой адрес, только и всего. Затем я, как бы между прочим, спросила, почему ее так заинтересовала твоя персона. Она откровенно ответила, что решила изучать французский язык, а мой папаша порекомендовал ей в репетиторы именно тебя, сказав, что лучшего учителя и желать не надо. — Мари откинулась назад, прислонившись спиной к стене. — Так что ты должен быть очень благодарен Мартону за его рекомендацию. Ну, что будешь делать?

— Мари, ты умница, скажи, как мне следует поступить в данном случае?

— Откровенно говоря, не знаю. — Девушка несколько задумалась, перебирая заколки для волос, а затем, закрепив длинную прядь, продолжала: — Давай подумаем, кому может быть плохо, если ты выдашь себя за Жана Дюрана. В самом худшем случае лишь тебе самому, но уж ни в коем случае не Сулите. Как я думаю, ей все равно, кто будет учить ее французскому, ведь главное — это научиться. Мартон же утверждает, что ты намного лучше говоришь по-французски, чем по-венгерски.

— Ну, это он преувеличивает. А как ты думаешь, что сделает Сулита, если вдруг узнает, что я вовсе не Жан Дюран?

— Если она не лишена чувства юмора, то будет долго смеяться, а насколько мне известно, она этого чувства не лишена. Но ты только не рассчитывай на то, что тебе удастся пофлиртовать с ней. Сулита — девушка гордая, так что и не старайся — дело безнадежное.

Юноша улыбнулся.

— Мари, ты себе даже представить не можешь, какой я олух и простофиля. Сейчас я могу признаться в том, что чуть было разум не потерял, так сильно я в тебя втрескался. А ты, как я понял, даже ничего и не заметила...

Мари опустила глаза.

— Ты заблуждаешься. Я прекрасно знала, что нравлюсь тебе, и если бы ты был понастойчивее, то еще неизвестно, как бы я повела себя.

— Боже мой, каким же дураком я был!

— А потом я попала на состязания по водному поло, где познакомилась с Роби.

— Ты любишь его?

— Да. Я счастлива, что познакомилась с ним.

— И не боишься последствий?

— Если у меня будет ребенок, я воспитаю его. К счастью, Мартон много зарабатывает.

— Но ведь ты еще так молода!

— В следующем месяце мне исполнится семнадцать. Но не будем больше об этом, все это касается нас двоих — меня и Роби.

— Знай, Мари, мало ли что может случиться, но ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо, Жан, — девушка рассмеялась, — а теперь давай заниматься. Только бы мне тебя как-нибудь случайно не назвать Габором. Вы все поняли, месье Дюран?

— Да, мадемуазель.

Перед уходом Габора девушка спросила, когда он встретится с Сулитой.

— Завтра я провожу с ней первое занятие в мастерской твоего отца, — ответил Габор.

На следующий день Габора, как и было условлено, к пяти часам ждал его ученик Мики Банвельди. Отец Мики занимал высокий пост государственного секретаря и жил на улице Бимбо, в шикарной двухэтажной вилле, прекрасно обставленной и, разумеется, со всевозможными удобствами. Жил госсекретарь на широкую ногу: содержал повара, горничную, садовника и имел личного шофера.

Мики Банвельди в прошлом году успешно перешел в шестой класс и в качестве поощрения получил за это от любящего родителя приличную сумму — сто пятьдесят пенгё.

Мики сильно обрадовался приходу Габора и болтал обо всем на свете, ни на секунду не закрывая рта. Оказалось, что семья госсекретаря провела лето в Италии и у парня накопилась масса самых различных впечатлений, от которых он теперь хотел поскорее освободиться. Во время путешествия он завел много интересных знакомств с молодыми итальянками, правда, дальше знакомств дело не пошло, так как решиться на более смелый шаг ему не позволила собственная трусость.

Габор с любопытством рассматривал парня, который

заметно вырос за лето, раздался в плечах и даже оказался на несколько сантиметров выше самого Габора. Затем разговор зашел о спорте. Мики заявил, что он сейчас усиленно занимается гимнастикой и во что бы то ни стало намерен войти в состав молодежной сборной и даже занять на соревнованиях одно из призовых мест.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил парень Габора, азартно блестя глазами. Сам он сидел на столе, а его репетитор удобно расположился в мягком кресле.

— Заранее поздравляю тебя и желаю успеха, — сказал Габор.

— Спасибо. А теперь смотри. — С этими словами он оперся о крышку стола и легко, почти безо всяких усилий, сделал стойку на руках. В этот момент в комнату неожиданно вошел отец, и не один, а со своей супругой.

Мать Мики была дамой средних лет, с вечно усталым лицом и длинными белокурыми волосами. В облике ее угадывалась былая красота.

— Боже ты мой! — испуганно воскликнула она. — Миклош, ради бога, что ты делаешь?!

Сын-верзила засмеялся, элегантно спрыгнул со стола и раскланялся, словно клоун в цирке:

— Сударыня, мое почтение...

На лице женщины появилась легкая улыбка.

— Ты с ума сошел, — пробормотала она, но однако протянула сыну руку для поцелуя.

Габор встал и почтительно произнес:

— Целую ручку, сударыня.

Хозяйка дома ответила репетитору чуть заметным кивком головы, а затем сказала, протянув ему руку:

— Добрый день, Габор!

Юноша деликатно взял мягкую руку женщины, от которой исходило благоухание, и, как подобает в таких случаях, прикоснулся к ней губами.

— Прошу вас, садитесь, пожалуйста, — предложила она.

Габор предупредительно подождал, пока сядет сама госпожа.

— Как вы провели лето, Габор? — вежливо поинтересовалась хозяйка дома.

— Я работал, сударыня, и притом довольно удачно.

— Но сколько-нибудь вы все же, видимо, отдыхали?

— По ночам и по воскресеньям.

— О, бедный юноша, — пожалела госпожа и, повер-

нувшись к сыну, сказала: — Вот видишь, сынок, как живут другие люди.

— Вижу, мама, но уж если ты так переживаешь за отдых Габора и хочешь, чтобы он летом отдыхал, то изволь платить ему за уроки, которые он мне дает, столько, сколько он зарабатывает на фабрике. К тому же это не ахти какая сумма...

— Миклош, умоляю тебя, не нервируй меня, пожалуйста...

— Извини, мама, я всего лишь предложил вариант. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты дала право своему дурачащемуся сыну еще на одно замечание.

— Сделай милость, — произнесла госпожа таким тоном, каким сильные мира сего снисходят до своих рабов.

— Я всего лишь хотел добавить, дорогая мама, что твое сочувствие мало что дает Габору.

— Ну, хватит! Оставим этот разговор!

— Прошу прощения, мама. Я хочу остаться в своей комнате...

— Но только больше не говори ни слова. — Она повернулась к Габору и сказала: — Габор, мы посоветовались с супругом и приняли решение, чтобы вы и в этом году занимались с Миклошем три раза в неделю. Ну, скажем, по понедельникам, средам и пятницам. Мы полагаем, что за ваши старания мы будем платить вам десять пенгё в неделю, не говоря уж о том, что вы будете ужинать у нас.

— Благодарю вас, досточтимая госпожа, но мне бы хотелось заметить, что программа седьмого класса чрезвычайно трудная. И раз уж Миклош так хорошо закончил шестой класс, то...

Однако хозяйка не дала Габору договорить:

— За успехи нашего сына в прошлом году вы, дорогой Габор, получите от нас в награду двести пенгё.

— Благодарю вас, милостивая государыня. Не сочтите меня, ради бога, нахалом, но мне бы хотелось получить пятьдесят пенгё сейчас.

Хозяйка немного подумала, а затем согласилась и тут же вышла. Горничная тем временем принесла им ужин: сардины, бутерброды и какао. Ребята быстро расправились с едой.

Когда же Габору принесли деньги, он сказал Мики:

— Пойми меня правильно, дружище, мне на самом деле сейчас очень нужны деньги. Ты же не только хороший спортсмен, но еще и мировой парень, если захо-

чешь, то справишься с чем угодно. Только тебе вряд ли следует чересчур стараться: твой папаша госсекретарь, и ты при любых обстоятельствах получишь аттестат с хорошими оценками. И я все же хочу, чтобы ты прислушивался и к моим советам.

Мики пришлась по душе откровенность Габора, настолько, что он удивил своего репетитора несколько неожиданным для того предложением:

— Господин учитель, давайте заключим с вами одну сделку!

— И какую же?

— Мне уже исполнилось семнадцать лет, но я еще до сих пор не знал ни одной женщины.

— Ну и что из этого?

— Познакомьте меня с кем-нибудь.

— Знаешь, Мики, я не сводник.

— Не имеет значения. Если ты хочешь, чтобы твои дела в нашем доме шли хорошо, то познакомь; у тебя ведь, наверное, много знакомых.

Габору весь этот разговор явно не нравился, но в то же время он не хотел потерять место репетитора в таком богатом доме и поэтому ответил уклончиво:

— Ладно, что-нибудь придумаем.

Затем они просмотрели домашнее задание на следующий день. Оно было небольшим и не отняло много времени. Мики очень быстро перевел небольшой текст с латинского, к тому же без единой ошибки, правильно передав дух Овидия. Габор покинул своего ученика в хорошем настроении.

Едва он пришел домой, мать, поцеловав сына в щеку, сказала, что она уже давно затопила печку, так что, пока он помоется, ужин будет уже на столе. Желая сделать приятное матери, Габор дал ей двадцать пенгё, сказав, что эти деньги она должна истратить лично на себя, а не на еду.

— Истратить на себя? И что же я должна купить на них? — удивилась она и села к столу — худенькая, слегка сгорбленная, похожая на птицу, которая вот-вот сорвется с места и улетит.

«Болезненная она какая-то стала», — подумал Габор.

— Купи себе в магазине Юхоша меховые сапожки на зиму, — посоветовал он ей, — знаешь, те самые, о которых ты давно мечтала. — Мать даже не запротестовала, когда Габор вдруг назвал ее на «ты».

— Сапожки хороши, ничего не скажешь, но я ни за что

на свете не заплачу за них восемнадцать пенгё. Такие же сапоги на рынке в Уйпеште я могу купить всего за десять пенгё, а то и дешевле.

Габор опустился перед матерью на старенький коврик и, обняв ее ноги, посмотрел снизу вверх и с чувством сказал:

— Дорогая мама, купи именно эти. Купи ради меня, сколько бы они ни стоили. Клянусь тебе, я честно заработал эти деньги. И еще заработаю, ты не беспокойся.

Бедная женщина наклонила голову и погладила сына по голове, как в далеком детстве, когда он никак не хотел засыпать.

Улыбаясь, Габор невольно задумался над тем, чем бы он еще мог помочь матери. Что сделать для нее такого, чтобы ей не пришлось больше брать в стирку белье, а потом его гладить. Пора уж и ей отдохнуть, сидя по вечерам у окна и дожидаясь возвращения сына с работы.

«Какая глупость! — тут же отругал сам себя Габор. — Какая мать может быть спокойна и счастлива, когда один из ее сыновей подвергает себя постоянной опасности на фронте, где вынужден воевать за дело, к которому он не имеет никакого отношения! Да если бы он его и имел, мать все равно не смогла бы быть спокойной. К тому же, — думал юноша, — сколько же денег мне нужно зарабатывать каждый месяц, чтобы мама могла не работать?» На самое скромное прожитие потребуется не меньше чем сто пятьдесят пенгё. Это не считая платы за учение... А он от господина Оподи получает в неделю несчастные восемь пенгё и завтрак. Если в месяц, то получается всего лишь тридцать два пенгё. От Вирагеков ему в неделю перепадает и того меньше, лишь шесть пенгё, что в месяц составляет двадцать четыре пенгё, а вместе с предыдущими это всего только пятьдесят шесть пенгё... Кулчары в этом году, судя по всему, его нанимать вовсе не собираются, и все из-за этой Лонки, которая так и вешалась ему на шею... Правда, к этим пятидесяти шести можно приплюсовать еще сорок пенгё в месяц, которые он будет получать от Банвельди, и, следовательно, сумма сразу вырастает до девяноста шести пенгё, а это уже неплохие деньги, но, как ни ряди, для того, чтобы прожить вдвоем, и их не хватит... Габор продолжал свои расчеты: от Каройи он тоже будет иметь двадцать четыре пенгё, вместе с которыми его суммарный заработок уже достигает ста двадцати пен-

гё. И опять-таки мало. На эти деньги можно было прожить, но с большим трудом. Ну а Сулита? Сколько ему запросить с нее? Этого он пока не знал. Во всяком случае, и ее не следует сбрасывать со счетов...

Помывшись, Габор уселся за стол с твердым намерением объявить матери о своем решении.

— Мама, с завтрашнего дня бросайте свою работу, я не хочу, чтобы вы и дальше надрывались! И не задавай мне никаких вопросов: как-никак я в нашем доме являюсь главой семьи, единственным мужчиной. Каждый месяц я буду приносить тебе сто пятьдесят пенгё, а на эти деньги, как я думаю, мы безбедно проживем. — Заметив, что мать хочет ему что-то возразить, Габор опередил ее и сказал: — Мама, не говори ни слова. Хватит, ты на своем веку поработала. Остальное — это уже мое дело.

Бедная женщина продолжала молчать. Вид у нее был такой, что сыну стало еще больше жаль ее. Он подошел к ней и крепко прижал к груди.

— Мама, что с тобой? Может, ты не веришь мне? Ты должна мне верить. Ты за свою жизнь столько работала, столько гнула спину, что этого вполне хватило бы и на троих человек. Теперь пришла моя очередь трудиться, а ты отдохни.

Мать молчала, уткнувшись лицом в грудь сыну, и вдруг разрыдалась.

Габор посмотрел на часы. Тери кончает работу в десять вечера, и, следовательно, у него еще есть время. Раз уж он вошел в эту игру, то не стоит отступать. В первую очередь ему необходимо уточнить историю своей «эмиграции». Достав карту Франции и пропагандистскую книжонку, в которой прославлялся так называемый французский поход гитлеровских войск, он сначала долго рассматривал цветные снимки в книге, а потом мельком прочел историю вторжения нацистов во Францию, запомнив несколько дат и цифр.

«Так вот какую военную форму носили в ту пору французские солдаты и офицеры, и вот каким оружием они были вооружены», — подумал он, внимательно рассматривая одну из фотографий. В книге было очень много снимков пленных французов. На одном из них Габор увидел колонну пленных, которых под конвоем гнали в лагерь, судя по всему, находящийся в Германии.

Юноша закрыл книгу. Материала он собрал достаточно, теперь следовало положиться на фантазию, бедностью которой он не страдал.

«Для начала и этого достаточно, — решил он, — позже я придумаю красочные и впечатляющие подробности. А теперь необходимо продумать легенду о своих родителях, живущих в далекой Азии, кое-какие детали о матери, урожденной венгерке, и об отце, французе по национальности, который в чине генерала служит в Индокитае, где-то неподалеку от Сайгона... Любопытно, что можно прочесть о тех краях в энциклопедическом словаре? И вообще, о том далеком и загадочном восточном мире?..»

Достав с полки «Энциклопедический словарь» Ревай, он углубился в чтение истории Индокитая и его географии.

«Эти знания мне никогда не помешают, — подумал он, — совсем неплохо знать, как и когда эти огромные территории стали французскими колониями». Он так внимательно запоминал все прочитанное, словно готовился к экзамену на аттестат зрелости.

Ровно в десять вечера он дожидался у заводской проходной появления Тери Ней. Кем работала девушка, Габор не знал. Очевидно, обслуживала какую-нибудь машину. Тери была небольшого роста, но очень хорошо сложена. Ей еще не исполнилось двадцати лет. Свой небольшой заработок она дополняла посторонними доходами: иногда приводя к себе на квартиру одиноких мужчин. Следует сказать, что она была разборчива и выбирала всегда жадных до любви, но состоятельных мужчин. Одним из них был доктор Гюнтер, главный инженер шелкового цеха, который раз в две недели почевал у нее, пользуясь, так сказать, правами содержателя скромной, но уютной квартирки на улице Медьфа. Будучи женщиной умной и осторожной, Тери каждые две недели наносила регулярные визиты гинекологу доктору Палу Фехеру, который внимательно осматривал ее, а взамен гонорара изредка пользовался ее благосклонностью. На улице Шельмеци у доктора была хорошо оборудованная приемная, где, при соблюдении строжайшей секретности, помимо всего прочего, делал аборты, не испытывая при этом особого страха, так как пользовался репутацией строгого поборника законов. Обо всем этом Габор узнал из рассказов самой Тери, которой юноша нравился.

Увидев Габора, девушка очень обрадовалась. Она обняла его за шею и поцеловала.

— Габор, дорогой, как давно я тебя не видела!

Отработавшие смену рабочие спешили домой, многие из них знали и Габора и Тери, но не обращали на них особого внимания: молодые — они и есть молодые.

Габор обнял девушку за плечи и привлек к себе.

— Пошли скорее, — сказал он и почти потянул Тери за собой. Она нисколько не противилась. Пройдя мимо здания школы, они свернули на улицу Элека Бенедека. Вскоре дошли до насыпи, так и не встретив по дороге ни одной живой души, уличные фонари и те в этом районе не горели. Однако их нисколько не смущала и не пугала эта темнота, так хорошо они знали каждую колдобину в этом районе. Спустившись к набережной Дуная, они уселись на каменные ступени, которые вели к воде, совсем недалеко от проходной газового завода. Не очень далеко от берега на водной глади реки чернела рыбацкая лодка, о борта которой тихо плескались небольшие волны.

Тери крепко обняла юношу и, засунув свою горячую ладошку под его рубаху, поцеловала в щеку. Некоторое время оба сидели молча. Габор первым нарушил молчание, сказав:

— Тери, мне бы хотелось познакомить тебя с одним парнем...

— С кем это?

— С одним моим учеником.

— Ну и что?

— Паренек еще не знаком ни с одной девушкой. Вообще-то он порядочный парень, семнадцати лет, чемпион по гимнастике.

— Так и быть, только ради тебя.

— Я благодарен тебе, Тери. Очень даже, для меня это страшно важно. К тому же, имей в виду, он сынок богатых родителей, его папаша — госсекретарь. Если будет давать деньги, не стесняйся, бери.

— Как хочешь.

Утром Габор проснулся на рассвете, в начале пятого. Мать звенела посудой в кухне, приготавливая завтрак. Юноша помылся холодной водой, оделся и, выпив, по обыкновению, только чашку чая с бутербродом, поцеловав мать и сунув под мышку сумку, вышел из дома. Утро оказалось очень свежим, на небе еще не погасли звезды. Габор быстро шагал по направлению к улице Сентендреи.

«Как было бы хорошо, — думал он, вышагивая по шоссе, — если бы первая электричка от остановки Кекаполна отправлялась не в пять часов три минуты, а несколько позже...»

Он уже не шел, а почти бежал, а сам не переставал думать о том, что он, выдающий себя за французского эмигранта Жана Дюрана, сегодня встретится с Сулитой, которая так понравилась ему с первого взгляда.

«Что же это со мной делается? — размышлял он.— Еще вчера вечером я обнимался и целовался с Тери, сидя на берегу Дуная, и даже ни разу не вспомнил о Сулите, а теперь вот даже лица Тери не могу себе представить, ее облик побледнел, размылся. Зато Сулита, ее лицо, фигурка, хотя и видел ее всего лишь один-единственный раз и обменялся с ней несколькими, ничего не значащими словами, стоят перед глазами. Неужели я влюбился в нее? Но как можно влюбиться в человека, не зная, что он думает о тебе? Самое главное для меня теперь — это не забыть, что я Жан Дюран... Этот Мартон большой болтун, придумает бог знает что... Если отец Сулиты действительно был послом, да и сейчас занимает в министерстве иностранных дел важную должность, то его не проведешь, он мигом разоблачит меня. Одно из самых слабых мест в легенде — учеба в Сорбонне. Я знаю только, что Сорбонна — это университет, и ничего, кроме этого. Даже не имею ни малейшего представления о том, какие в нем есть факультеты, не знаю, в какой части Парижа он расположен. А если Сулита вдруг начнет интересоваться, что я изучал, кто были мои преподаватели, что ей ответить? А самое главное — бывший посол Читари в любое время может проверить сказанное мною...»

Думая обо всем этом, Габор все больше и больше убеждался в том, что скульптор Каройи сыграл с ним очень злую шутку, высосав, как говорят, из пальца легенду, по которой его может легко разоблачить любой здравомыслящий человек. Но уж коль он влип в эту неприятную историю, то, по крайней мере, нужно выдумать такую «сказку», чтобы в нее поверили. От всех этих невеселых дум Габора бросило в пот.

«Черт возьми, за какие-то паршивые восемь пенгё я несусь как угорелый! Более того, я еще счастлив, что у меня есть работа!»

Проходя мимо бани «Часарфюрде», славившейся своей лечебной минеральной водой, юноша взглянул на ча-

сы, которые показывали без четверти пять. Его товарищи по гимназии в это время еще спят без задних ног и, быть может, видят приятные сны, а он бежит как марафонец. И все это будет продолжаться в таком же бешеном темпе до лета будущего года. Однако другого выхода у него нет.

Почти одновременно с Габором к магазину подошел и господин Оноди. Было без нескольких минут пять. Габор бросил взгляд на ряд молочных бидонов, выставленных на мостовой, и невольно снова подумал о том, что через какие-нибудь двенадцать часов, то есть в пять часов вечера, он встретится с самой очаровательной девушкой на свете, увидит снова Сулиту Читари, которая пожелала, чтобы он давал ей уроки французского.

6

Ротмистр Сикорский уехал вместе с доктором Петером Ботаром и матерью Сулиты так внезапно, что девушка даже не смогла попрощаться с поляком.

«А может быть, это и к лучшему, — подумала она.— Как хорошо, что мы с ротмистром остались только друзьями». За ней в то время усиленно ухаживал Янчи Будаи, который был готов сделать для Сулиты все, однако и ему не удалось покорить сердце девушки, которая, сама не зная почему, никому из своих друзей не позволяла переступать определенную черту, держала их на расстоянии.

Шел урок истории, на котором преподавательница Ферике объясняла материал о Святой короне, который входил в экзаменационный билет. Слушать нужно было очень внимательно, так как учебник почти ничего не давал.

Грета, соседка Сулиты по столу, коленкой дотронулась до ноги девушки, а затем пододвинула ей вырванный из тетради листок, на котором была нарисована пара целующихся голубей, а под ними надпись: «Грета + Пали».

Сулите такая выходка подруги показалась глупой, но она ничего не сказала ей, так как знала, что Грета способна обижаться даже по пустякам, а с тех пор как ее отца забрали в рабочую команду, девочка стала еще раздражительнее. Читари, правда, удалось помочь подруге дочери: вместо того чтобы отправить отца Греты на фронт, немолодого новобранца оставили в тылу, на са-

харном заводе в Обуде. Адвокатской конторой теперь руководил через подставное лицо молодой адвокат доктор Геза Самоши. На каких условиях они договорились, не знала не только Сулита, но и сама Грета, которую, вообще-то, не слишком это и интересовало.

«Грете сейчас, кроме любви, ничего не нужно, — подумала Сулита, — девица совсем потеряла голову, делится со мной всем, что имеет хоть какое-нибудь отношение к предмету ее воздыханий». Сулита знала и чувствовала, что сама она никогда болтливой в таких вопросах не будет, считая, что любовь — это настолько высокое и чистое чувство, что о нем должны знать только двое — сами влюбленные.

«Кто-то понравится мне? Возможно, Жан Дюран или кто другой? Дюран на самом деле мне приглянулся, но, спрашивается, почему? Ведь мы с ним только познакомились и даже почти не говорили. Может, причина заключается только в том, что он француз? Не знаю...» — такие мысли были в голове у Сулиты, почти не слушавшей объяснений преподавательницы.

А вечером того же дня девушка пристала к отцу, чтобы тот рассказал ей все, что он знает о французах. Отец рассказал кое-что, не забыв при этом подчеркнуть, что они, венгры, в большой степени должны «благодарить» именно французов за появление на свет Трианонского мирного договора, последствия которого так трагически сказались на судьбе Венгрии.

— Наш народ имеет вескую причину, — продолжал посол, — сердиться на французов, но, несмотря на это, после захвата Франции гитлеровскими войсками довольно много французов эмигрировали именно в Венгрию...— Немного помолчав, Читари спросил у дочери: — С каких это пор тебя заинтересовали французские дела?..

— Я решила изучать французский язык.

— Где? У кого?

— У скульптора Каройи: у него в мастерской я познакомилась с одним французским эмигрантом... Да я, кажется, уже говорила тебе об этом.

— Я что-то не припомню, — заметил Читари. — Что он за человек, и вообще, как ты о нем узнала?

Девушка рассказала отцу все, что она слышала о Жане Дюране.

Читари внимательно выслушал дочь и заговорил только тогда, когда та замолчала:

— Дюран... Дюран... Такая знакомая фамилия. Ты говоришь, что его отец служит в Сайгоне? Комендантом гарнизона?..

— Что-то в этом роде, точно я не знаю, так как еще почти не говорила с ним.

— А сколько ему лет?

— Не то двадцать четыре, не то двадцать два. Завтра я встречаюсь с ним у Каройи.

— Хорошо, — согласился Читари, — только веди себя достойно.

— Все время только и слышно: веди себя достойно, веди себя достойно! Почему ты мне не доверяешь? А как я еще могу себя вести? Прошу тебя, говори яснее.

Читари раскурил сигару и, выпустив изо рта клуб дыма, спросил:

— Не пойму, почему ты так нервничаешь? Я твой отец и потому, естественно, постоянно беспокоюсь за тебя. Ты же знаешь, что я занимаю видный пост, а это кое к чему обязывает. Тебе хорошо известно, что я далеко не симпатизирую нацистам, и вполне допускаю, что об этом знают и другие люди. Я пошел на большой риск, решив помочь польскому ротмистру выехать из страны. Если его схватят и он во всем сознается, я легко попаду под трибунал. Не забывай, что вокруг нас постоянно крутятся всевозможные доносчики, а это обязывает нас обращать внимание на каждый свой шаг. За тобой тоже вполне могут следить. А что, если этот французский юноша всего лишь провокатор? Он разговаривает по-венгерски?

— Да, — ответила девушка, невольно задумавшись над словами отца.

— Ну вот видишь! Хотел бы я знать, где и у кого он учился венгерскому. Ты его обязательно спроси об этом. Вот, собственно, почему я и призываю тебя быть внимательной.

Сулите стало совестно, она поцеловала отца в щеку и попросила у него прощения, а сама в душе с благодарностью подумала о том, как хорошо, что у нее такой умный отец.

— Когда ты, папа, призываешь меня чего-то остерегаться, я всегда отношу твое предостережение к вопросам секса.

— Разумеется, отнюдь неплохо и в этом плане быть рассудительной. — Читари улыбнулся.

— Ах, папа, неужели уж так грешно, если девушка

в семнадцать или восемнадцать лет однажды влюбится и что-нибудь позволит себе?

— С точки зрения твоей матери это расценивалось бы как большой грех, — ответил отец.

— Я ведь тебя спрашиваю, а не маму.

— Доченька, любому отцу нелегко отвечать на такой вопрос, когда его задает дочь. Если быть предельно откровенным, то должен признаться, что греха в этом, разумеется, нет. Может быть, оставим эту тему?

— Хорошо, — согласилась Сулита, — а чтобы ты полностью успокоился, могу сказать тебе, что я пока еще грехопадения не совершала.

Оба они рассмеялись. Лицо девушки при этом слегка раскраснелось...

Сулита настолько глубоко ушла в свои воспоминания, что даже не заметила, что учительница, видимо, уже давно наблюдает за ней.

— Читари, встань! — неожиданно донесся до Сулиты ее строгий голос.

Девушка встала. Преподавательница медленными шагами приближалась к ней — худая, с огненно-рыжими волосами. Гимназистки знали, что их учительница, которую они должны были называть не иначе как тетя Ферике, некогда была монашкой. Случилось так, что она влюбилась, и это заставило ее покинуть монастырские стены. Однако спустя некоторое время ее возлюбленный изменил ей, бросил. С тех пор Ферике невзлюбила молодых, в особенности красивых, девушек, в душе завидуя им и ожидающему их счастью. Гимназистки чувствовали эту неприязнь.

Тетя Ферике тем временем уже остановилась у стола Сулиты. Лучи яркого сентябрьского солнца падали на лицо учительницы, ярко освещая волосики над ее верхней губой, которые она, видимо, регулярно обесцвечивала перекисью водорода.

— Ты слушаешь меня, Читари? Или, быть может, ты занята чем-то другим?

— Почему вы так считаете, тетя Ферике? Ведь я ничего не сделала. Сижу, рта не раскрываю, не разговариваю. Не понимаю, в чем я виновата?

— О чем мы сейчас здесь говорили? — Тетя Ферике бросила на девушку строгий взгляд.

— О Святой Короне, вернее, об ее истории.

— И что же именно говорили?

Сулита растерялась, хотя когда-то она что-то и чи-

тала об этом. Чтобы выиграть время, она не спеша начала:

— Скажите, пожалуйста, о чем мне сейчас следует рассказать вам?

— Твое дело, Читари, отвечать, а не спрашивать...

— Прошу прощения, я этого не знала. Я уже восемь лет учусь здесь, и нам всегда говорили...

— Я сказала, хватит! — перебила девушку учительница. — Отвечай на мой вопрос!

— Хорошо, — проговорила Сулита, чувствуя, как неприятна ей сейчас эта ханжа. — Святая Корона,— начала девушка, — это символ венгерской государственности, так сказать, основа государственного права и обязанностей. В этом самое главное ее значение. Если вам угодно, тетя Ферике, то я более подробно расскажу вам о том, что по этому поводу говорили Дьюла Секфю или же профессор Малус и чем отличаются их мнения. — Девушка на миг замолчала, а затем тут же продолжила, решив позлить учительницу:—К слову, профессор Дьюла Секфю замечательный историк. Этим летом он навещал папу...

— Довольно, довольно! — нервно перебила ее учительница. — Садись и внимательно слушай обо всем, что говорится на уроке.

Однако Сулита вовсе не собиралась следить за ходом урока, сосредоточенно думая о встрече, которая предстояла ей вечером. У нее было такое чувство, будто она уже была влюблена в Жана Дюрана.

«Какая глупость! — мысленно ругала она себя. — А что, если этот француз окажется самым обычным, а может, и вовсе глупым, примитивным парнем?..»

За обедом Сулита спросила у отца:

— Скажи, папа, а что будет с нами?

— Что будет с нами? — повторил вопрос дочери Читари и, не ответив, положил себе на тарелку кусок жареного мяса, а уж потом сказал: — Немцы нас ограбят. Им все мало. Сейчас они не только требуют от нас еще большего количества солдат, им подавай все больше нефти и пшеницы. А наш премьер-министр пообещал им и то, и другое, и третье. Премьер все обещает...

Но девушка уже без особого внимания слушала отца, в душе ругая себя за то, что задала ему этот вопрос, а теперь, вместо того чтобы слушать ответ, опять думает о сегодняшней встрече с молодым французом, будто от нее зависит вся ее дальнейшая жизнь.

В мастерскую скульптора Сулита пришла раньше назначенного — Габора там еще не было. Мастер Каройи принял ее восторженно, не зная, куда усадить, чем угостить, но девушка попросила скульптора не обращать на нее внимания и продолжать работу, а она пока осмотрит мастерскую. Вскоре Сулита заинтересовалась небольшими статуэтками, которые Каройи изготовил не по заказу и не на продажу, а просто для себя.

Скульптор, запустив руки в длинные лохматые волосы, проговорил, как бы поучая:

— Настоящую творческую работу ни в коем случае не следует рассматривать как забаву или же развлечение. Это одновременно и страдания, и удовольствие, и борьба с материалом, с которым ты работаешь, и борьба с самим собой... Развлечение... А вы знаете, дорогая, что такое развлечение? Я вам сейчас объясню. Вы уже не ребенок, а вполне взрослая девушка, и потому я уже могу объяснить вам это...

Однако до объяснения дело не дошло, так как в этот момент в мастерскую вошел Габор.

Он поздоровался и, когда девушка протянула ему руку, по-мужски крепко пожал ее. Ладонь у юноши оказалась сухой, что в душе обрадовало Сулиту, так как она не любила мужчин с влажными от пота руками.

— Я рад встрече с вами, — проговорил Габор, провожая девушку к креслу. — Садитесь, пожалуйста.

Сулита села, поправив юбку на коленях. На ней была плиссированная юбка светло-серого цвета и белая поплиновая блузка с длинными рукавами, поверх которой она набросила кофейного цвета жакет затейливой вязки. Небольшую сумочку из натуральной кожи она положила перед собой на стол. Волосы у нее были расчесаны на прямой пробор и убраны за уши. На ногах — тонкие шелковые чулки и кожаные ботинки на полувысоком каблучке. Косметики на лице девушки не было: она не пользовалась ею, прекрасно понимая, что и так достаточно привлекательна. От ее внимания не ускользнуло, что взгляд юноши временами скользил по ее фигуре.

Габор тоже выглядел довольно элегантным. Костюм для столь важного визита он попросил у Роби: коричневую твидовую куртку спортивного покроя, серые фланелевые брюки и коричневые ботинки, отделанные строчкой. Из-под куртки виднелась кремовая сорочка с шел-

ковым галстуком коричневато-зеленого цвета в мелкий горошек.

Только сейчас, сидя напротив юноши, Сулита рассмотрела, какие красивые у Габора глаза — темные, почти совсем черные, с такими же черными ресницами и темно-коричневыми, почти прямыми бровями. Волосы же были почему-то светлые и волнистые. Кожа лица и рук юноши слегка загорела, а когда он наклонялся вперед, то было заметно, как ладно облегает куртка его сильное тело.

Тем временем Каройи, переодевшись, подошел к молодым людям и сказал:

— Я вас ненадолго оставлю. Сулита, Жан будет временно исполнять обязанности хозяина. Если вам что-нибудь понадобится, скажите ему. — Тут скульптор перевел взгляд на Габора и продолжал: — Если я не вернусь, Жан, ключ можешь забрать с собой, только не забудь, пожалуйста, запереть дверь.

Габор кивнул, а затем спросил:

— А когда ты вернешься?

— Точно я и сам не знаю. Когда вы обо всем договоритесь, ты спокойно можешь проводить Сулиту до дома, если она, конечно, разрешит тебе это. Итак, до встречи. Целую ручку.

Закрыв за собой дверь, скульптор ушел. Габор поднялся и запер за ним дверь.

Сулите все нравилось в этом молодом французе. Более того, ее даже умиляла его манера говорить по-венгерски: он совершенно правильно выговаривал слова, но только как-то нараспев, излишне грассируя звук «р» и звук «е». В целом это звучало очень мило и шло ему.

О деле они договорились очень быстро, решив встречаться три раза в неделю — по понедельникам, средам и пятницам — с шести до восьми в мастерской скульптора.

— А почему бы вам не приходить к нам домой? — спросила девушка. — Там нам никто мешать не будет, и мы сможем спокойно заниматься.

— Я даже не знаю. — Габор на миг задумался, а затем спросил: — Могу я называть вас просто Сулитой?

— Да, конечно,

Юноша улыбнулся, обнажив два ряда белоснежных зубов.

— А меня зовите просто Жаном.

— Хорошо, договорились и об этом, — согласилась

девушка. — Так почему вы считаете, что у нас в доме нам будет хуже заниматься?

— Просто я не хотел бы мешать: представляю, сколько людей бывает на квартире у господина советника министерства иностранных дел.

— Людей у нас действительно бывает очень много, но только не в моей комнате. Впрочем, не буду настаивать, но рано или поздно вам все же придется зайти к нам, поскольку папа хотел бы лично познакомиться с вами.

— Разумеется, я почту это за большую честь. Ваш папа, вероятно, хорошо говорит по-французски.

— Довольно сносно, — ответила девушка и, как бы объясняя, добавила: — Правда, папа работает в англосаксонском секторе и превосходно говорит по-английски. А вообще-то он владеет несколькими иностранными языками.

— Вы не возражаете, если я закурю? —спросил Габор, вынимая из кармана египетский портсигар, в котором, однако, лежали не сигареты, а табак и бумага.

Это несколько удивило Сулиту, которая сказала:

— Я тоже курю. — С этими словами она достала из сумочки изящную сигаретницу и зажигалку.

Юноша с любопытством следил за ловкими движениями пальцев Сулиты. Улыбнувшись, он объяснил:

— К самокруткам я привык в лагере для военнопленных. Этот способ курения имеет свое преимущество: сворачивать цигарку удобно не везде и не всегда, что заставляет человека меньше курить. Другое же преимущество заключается в том, что я могу свернуть сигаретку по собственному желанию.

Сулита тоже закурила.

— А вы меня научите вертеть такие самокрутки?— спросила она.

— Охотно, но только не пойму, зачем вам это.

— Зачем? — Девушка засмеялась. — Представьте себе такую картину: я приглашена на какой-нибудь бал, который дает высокопоставленное лицо, и вдруг среди присутствующих на нем снобов и пустоголовых особ, разодетых в шелка и бархат, я достаю жестяную табакерку, отрываю кусочек бумаги и, помусолив ее языком, начинаю скручивать самокрутку!.. Вот умора-то будет! Какой поднимется переполох!.. А я тем временем как ни в чем не бывало протяну свою жестянку какому-ни-

будь аристократу и спокойно так спрошу: «Досточтимый господин, не желаете ли закурить?»

— И вы способны на такой поступок? — поинтересовался Габор.

— Думаю, что способна.

— А вы уже бывали на балах?

— Еще в прошлом году, когда мне исполнилось семнадцать... Было это в Фюреде, на так называемом балу Анны, но вы, вероятно, не знаете, что это такое. Впрочем, это был мой последний бал.

— Почему же?

— Я дала себе слово, что, пока не закончится война, ни за что больше не пойду ни на какой бал, чтобы меня не мучила совесть. — Говоря это юноше, Сулита считала, что может так поступать, поскольку родина Жана оккупирована немцами и он должен ненавидеть захватчиков.

— Вы интересуетесь политикой? — спросил Габор.

Девушка бросила на него беглый взгляд.

— Как вы думаете, почему я вдруг решила заняться французским?

— Не знаю.

— Хочу в будущем серьезно заняться политикой.

— Любопытно. Знаете, у нас во Франции женщины готовы поболтать о политике, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из них стремился серьезно заняться ею.

— А в Сорбонне разве девушки не интересуются политикой?

— Не знаю, ведь я не учился в Сорбонне. Мартон ошибся, когда сказал вам об этом.

— Вы не учились в университете?

— Нет. Сам очень сожалею, но это так. Я учился в офицерском училище, и вскоре после нападения немцев мне было присвоено звание лейтенанта. Гитлеровцы как раз прорвали фронт на участке нашего полка, рассеяли все подразделения... Вот, собственно, почему нам и не удалось прорваться к Дюнкерку и соединиться с английской экспедиционной армией. Произошло это в конце мая, а четвертого июня Дюнкерк пал. Тогда мы попытались выйти с боями к Парижу, но понесли большие потери. — Юноша говорил взволнованно, и Сулита подумала о том, что это от нахлынувших на него воспоминаний. Лицо его в этот момент было таким печальным, что ей вдруг захотелось погладить его, пожалеть. — Наш полк, вернее, то, что от него осталось, в конце концов

вырвался из окружения и присоединился к войскам генерала Вейгана, — продолжал Габор. — В течение нескольких дней мы от Парижа пробивались в северном направлении. Пикирующие бомбардировщики, вы что-нибудь слышали о них?

— Да, слышала. Правда, что они жутко воют, когда летят к земле?

— Действительно, жутко завывают, и к этому вою невозможно привыкнуть. Тогда мы узнали, что мирные жители бегут из Парижа, и не только простой люд, но даже министры.

— Это когда же было? — поинтересовалась девушка.

— Подождите, скажу точно, числа десятого июня. А затем гитлеровцы прорвали фронт и мы оказались в плену. Колонна пленных растянулась на несколько километров. Нас пригнали в пересыльный лагерь, расположенный неподалеку от Реймса. Там мы узнали, что после падения Лиона Петен попросил у немцев прекращения огня. Все буквально плакали. Извините, дальше я рассказывать не буду: слишком печальные эти воспоминания... — Габору казалось, что он неплохо сыграл свою роль, однако эта игра не принесла ему ни капли радости.

— Понимаю вас, бедный Жан. — Сулита положила свою руку на ладонь юноши.

— Ну что ж, — тихо произнес Габор, — тогда начнем заниматься—ведь не за рассказы же вы мне будете деньги платить. — Он с улыбкой взглянул на девушку.

— А почему бы и нет?

— Вы не спешите? — спросил Габор.

— Нет. И мне о многом хочется вас спросить.

— Что ж, спрашивайте, — согласился Габор.

Она закурила. Юноша подошел к окну и поправил занавес затемнения, затем вновь сел на диван.

— Идите сюда, здесь вам будет гораздо удобнее, — произнес он так, будто они были давным-давно знакомы.

Сулита не испытала ни тени страха или опасения, так как считала вполне естественным, что юноша предложил ей сесть рядом. Пепельницу они поставили перед собой на низкую табуретку.

— Жан, скажите, где вы научились говорить по-венгерски?

— А разве Каройи не рассказывал вам об этом?

— Он только сказал, что вы хорошо владеете венгер-

ским. — Тут Сулита утаила, что Каройи сказал ей о том, что мать Жана была венгеркой.

— Моя мать венгерка, и потому было бы очень скверно, если бы я не говорил по-венгерски. Или у вас другое мнение?

— Ваша мать поступила совершенно правильно, научив вас родному языку. И когда же вы попали во Францию?

Габор, не задумываясь, рассказал ту самую легенду, что он придумал заранее.

— Мама родилась неподалеку от Эперйеша: там жили ее родители, то есть мои бабушка и дедушка. Деда звали Винце Лукачом, он был врачом, и притом, как говорили, очень неплохим. К сожалению, его уже нет в живых. Мама в молодости жила в Париже, училась в университете на философском факультете. Однако сдать государственные экзамены и получить диплом ей помешала мировая война, и она, как подданная Австро-Венгерской монархии, должна была выехать за пределы Франции. Ей еще сильно повезло: один только день промедления — и она попала бы в лагерь для интернированных...

Юноша говорил, а девушка пыталась представить себе красивую черноглазую студентку Веронику Лукач, которая, плача, садилась в вагон, а капитан Пьер Дюран, чтобы хоть как-то утешить ее, шептал ей на ухо разные нежные слова, обещая, что, как только закончится эта проклятая война, он первым делом во что бы то ни стало разыщет ее и, сделав предложение, женится на ней.

— Отец не ради красного словца обещал матери жениться, — продолжал свой рассказ Габор, повернувшись в сторону девушки. — Дело в том, что они уже некоторое время были близки друг с другом. Во Франции такие отношения между мужчиной и женщиной являются делом вполне нормальным, и, следовательно, молодые люди передовых взглядов могут жить, так сказать, по-семейному еще задолго до свадьбы...

— У нас в этом отношении, — заметила девушка, воспользовавшись тем, что юноша на минуту замолчал, — слишком много лжи и лицемерия. Девушки и у нас не прочь поцеловаться с мужчинами, но, если их спросить об этом, наотрез все отрицают, а если разговор зайдет о любовных увлечениях, могут даже упасть в обморок.

— Я слышал об этом, но я бы хотел досказать исто-

рию моей матушки. Короче говоря, она простилась со своим возлюбленным и уехала в родной Эперйеш. А дедушку забрали в армию и послали на фронт, где он попал в плен к русским. Его увезли в далекий Иркутск и поместили в лагерь для военнопленных. Из лагеря он бежал летом шестнадцатого и каким-то почти фантастическим образом, через Китай, попал на остров Цейлон. Там дед выучился на врача и со временем разбогател. Через Красный Крест он переписывался с моей бабушкой. После окончания войны дед не вернулся на родину, а, послав деньги и билет бабушке, упросил ее приехать к нему на Цейлон. Мама же, живя в Эперйеше, с нетерпением ожидала своего возлюбленного. И что вы думаете, в один прекрасный день Пьер Дюран, то есть мой папаша, приехал к ней. В то время он работал во французской военной миссии в Вене и уже имел чин майора. Маму он забрал с собой, женился на ней, а через девять месяцев на белый свет появился и я. Вот и вся история. — С этими словами Габор взял руку девушки в свою. — Вот видите, Сулита, какая бывает на свете любовь. Мои отец и мать по-настоящему любили друг друга, верно и честно. — Склонившись к руке девушки, он поцеловал ее, слегка коснувшись губами.

Сулита почему-то не отняла руки и даже не пришла в замешательство. Она словно ожидала, что юноша именно так и поступит. А когда Габор осмелел еще больше и обнял ее, она и это восприняла как нечто вполне естественное. Она нисколько не сопротивлялась. Под действием каких-то неизвестных ей чар она потеряла разум, начисто позабыла о том, что этого парня она знает всего три часа, что ей лишь семнадцать лет, что она из приличной семьи, что еще учится в гимназии и родители целиком полагаются на ее благоразумие. В тот момент она хотела лишь безумно любить этого лейтенанта с печальным лицом и чтобы он, приехавший откуда-то издалека, полюбил бы ее так, как умеют любить только настоящие мужчины. Правда, где-то в глубине души у нее все же зародился какой-то страх, вернее говоря, даже не страх, а опасение, что, возможно, ей придется расплачиваться за свое желание, однако все опасения как-то незаметно рассеялись под напором нахлынувших на нее чувств.

Габор был по-мужски нежен. Он целовал Сулите щеки, губы, плечи... Девушка погрузилась в странное, не испытанное еще ею состояние; она молча, словно давая

этим свое согласие, прильнула к юноше, обхватила его за плечи и так крепко обняла, что у Габора на миг перехватило дыхание...

Домой Сулита пришла немного уставшая, но безмерно счастливая. Приняв горячую ванну, она быстро легла в постель и мысленно подвергла самое себя допросу.

«Правильно ли я поступила? — спросила она себя и тотчас же ответила: — Мне нечего стыдиться, к тому же я сама этого хотела... Разве я сделала что-нибудь плохое, отдавшись Жану? Какую вину я совершила? Жан — великолепный юноша, он воспитывался в хорошей семье и вполне мне подходит. Он честен. И кто знает, быть может, после окончания войны увезет меня в Париж, где познакомит со своими родителями, друзьями... Каждую неделю мы все вместе будем выезжать куда-нибудь на лоно природы... А как интересно Жан умеет рассказывать! Его откровенность так расковывает слушателя. Удивительные люди — эти французы!..»

Сулита уже погрузилась в приятную дрему, когда к ней в комнату вошел отец.

— Ты спишь? — спросил он, так как ночник на прикроватной тумбочке был погашен.

— Нет, еще не сплю, — ответила дочь и включила свет.

— Где ты была сегодня так поздно?

— Еще совсем не поздно. — Сулита посмотрела на часы. — Всего лишь тридцать три минуты десятого, это ты сам лег сегодня раньше обычного.

— Ты не слушаешь музыку по радио, не читаешь, как обычно, перед сном... Плохо себя чувствуешь?

— Совсем нет.

Читари присел на краешек кровати и взял руку дочери в свои руки. Лицо его было озабоченным.

— Что нового, дочка? — спросил он таким тоном, словно ему уже было известно о том, что произошло всего несколько часов назад.

— А у тебя какие новости, папа? — поинтересовалась дочь, уклоняясь от заданного ей вопроса.

— Мама звонила от родственников. Разговаривала так, как мы с ней договаривались: ты, наверное, знаешь, что немцы часто прослушивают разговоры, которые ведут сотрудники нашего ведомства.

— А как же это можно сделать? — полюбопытствовала Сулита и сразу же немного успокоилась, почувствовав, что отец уже увлекся ее вопросом.

— Делается это очень просто, — начал он объяснять. — Так называемая пятая колонна у нацистов действует очень активно. С германским послом в Венгрии поддерживает тайные связи не только сам Салаши, но и Имреди[1], более того, даже порвавшие с нилашистской партией[2], такие, как, например, Палфи или Руппрехт. Но вернемся лучше к разговору о маме. Она сказала, что, возможно, съездит в Белград, а домой вернется не раньше как через пять дней, что следует понимать так: пятеро суток назад Петер вместе с Сикорским выехали дальше на юг. Помолись, доченька, чтобы они благополучно миновали все пограничные посты, контролируемые немцами.

— А куда, собственно говоря, они направляются?

— В Сараево, — ответил Читари. — но не прямым, а окольным путем. Думаю, что им это удастся. У Сикорского на руках документы от Красного Креста, согласно которым он командируется в Истамбул якобы для проведения там официальных переговоров с представителями Красного Полумесяца.

Неожиданно Сулиту охватило чувство приближающейся опасности, и ей стало страшно за отца.

— Скажи, папа, а тебе лично не угрожает никакая опасность?

— Как тебя следует понимать?

— Я и сама не знаю. — Она поправила на себе одеяло. — Ты не являешься членом какого-нибудь антигерманского общества?

— Я обязательно скажу тебе, если вступлю в такое общество, договорились?

— Договорились.

Читари погладил дочь по волосам.

— Ну как тебе показался твой французский репетитор?

— Он великолепный человек! — с воодушевлением призналась Сулита и рассказала отцу все, что она узнала о жизни Жана.

---

[1] Имреди Бела (1891—1946) — политик фашистского толка, не раз возглавлял правительство в хортистской Венгрии, проводя политику на максимальное сближение с фашистской Германией. В 1946 г. был казнен по приговору Народного трибунала как военный преступник.

[2] Нилашистская партия (партия «Скрещенные стрелы») — венгерская фашистская партия, созданная в 1938 г. В 1945 г. запрещена, ее лидеры осуждены как военные преступники.

— Уж не влюбилась ли ты, дорогая? — Отец с подозрением посмотрел на дочь.

Сулита некоторое время молчала; заметив, что отец явно обеспокоен, она взяла его за руку и тихо произнесла:

— Может быть, папа. Разве это плохо?

— Нет, отнюдь не плохо, но мне хотелось бы, чтобы ты успешно закончила учебу в гимназии.

— На этот счет ты, папа, можешь не беспокоиться: для меня любовь учебе не помеха.

Читари задумчиво посмотрел на дочь и, как бы размышляя вслух, сказал:

— Значит, его мать — венгерка по происхождению, и потому он, собственно, знает венгерский. — Наклонившись к Сулите, он поцеловал ее в лоб. — Спи спокойно! Приятных сновидений!

— Тебе тоже, папа. — Дождавшись, пока дверь за отцом закроется, она потушила ночник и, крепко обняв подушку, уснула.

7

Шла четвертая неделя, как Сулита влюбилась в Жана, а он все еще находился под впечатлением той первой, незабываемой встречи. Три раза в неделю они встречались для того, чтобы заниматься языком, что, однако, не мешало им обниматься и целоваться.

Габор настолько увлекся Сулитой, что думал о ней ежечасно. Проснувшись на рассвете, он сразу же вспоминал о ней, а когда пешком шел от улицы Касаш до улицы Фе, то еще больше погружался в свои мечты, мысленно подгонял время, желая как можно скорее снова встретиться с ней.

Проходя мимо тюрьмы, Габор на миг остановился. Огромное здание с множеством окон, забранных решеткой, почему-то вдруг пробудило в нем чувство страха. Отец Роби, перед тем как его отправили в Сегед, где он находился и по сей день, целый год сидел здесь. Когда дядюшку Фюрьеша приговорили к тюремному заключению, некоторые школьные учителя добивались, чтобы Роби исключили из школы.

И тут Габор задумался о том, какой будет его собственная судьба, если вдруг узнают, что он стал коммунистом. Наверняка в первую очередь его разлучат с Сулитой, а потом посадят за решетку, в это мрачное здание. Он был так влюблен, что не мог себе предста-

вить дальнейшую жизнь без Сулиты. Рассуждая сам с собой таким образом, он решил порвать свои легкомысленные отношения с женой подполковника Вирага и быть верным Сулите...

На его звонок дверь открыла сама Бланка.

— Целую ручку, — поздоровался юноша и положил свой туго набитый портфель на стул в прихожей.

— Сервус, Габор, а Золи нет дома: уехал вместе с отцом в Толивар на сбор винограда. — Она приветливо улыбнулась. — Придется тебе сегодня довольствоваться разговором со мной одной. Проходи! — С этими словами она протянула ему руку, но юноша даже не пошевелился. Довольно быстро он сообразил, что госпожа нарочно все так устроила, чтобы они оказались с ней вдвоем. — Ну, что ты стоишь? Мы в доме одни... Сначала я приготовлю для тебя теплую ванну, потом твоя Бланка разденет тебя, вымоет, а затем мы вместе пообедаем, я приготовила на обед такой вкусный паприкаш [1] из молодой телятины!

Габор только теперь до конца понял, в каком унизительном положении он оказался. Именно в этот момент до его сознания наконец дошло, что вот уже второй год он, по сути дела, является любовником поневоле у этой любвеобильной дамы. И тут же решил, что если он действительно по-настоящему любит Сулиту, то не имеет права продолжать связь с этой женщиной.

Тем временем Бланка приблизилась к нему вплотную, обняла за шею и губами начала искать губы Габора. Юноша низко наклонил голову и высвободился из объятий.

— Нет, Бланка, — решительно произнес он. — Этому конец. Я от тебя ничего не хочу, обедать у тебя не стану, и вообще, нашим отношениям конец: у меня есть невеста. А теперь я ухожу.

Госпожа смотрела на него с удивлением, не веря своим ушам.

— Ты шутишь?

— Нет, я говорю совершенно серьезно.

— Разве я не была добра к тебе? — Глаза женщины наполнились слезами. — Разве я тебя когда-нибудь обижала? Если хочешь, я могу попросить у тебя прощения.

---

[1] Паприкаш — венгерское национальное блюдо: жаркое с красным перцем (паприкой).

— Не нужно мне никакого прощения, да и тебе нет причины его просить. Ты меня на самом деле не обижала, была добра... Да я и не заслужил твоей доброты.

— Тогда чего же...

— Бланка, дорогая, я хотел бы, чтобы ты поняла меня. У меня есть невеста.

— Ну и что? У меня, как ты знаешь, имеется муж. Габор, умоляю тебя, ради бога, не бросай меня. Неужели тебе было со мной плохо? Скажи, что я могу сделать для тебя, — я все сделаю!

— Оставь меня, давай расстанемся друзьями.

Совершенно неожиданно женщина упала на колени и, обхватив ноги Габора, зарыдала, умоляя его, чтобы он не покидал ее, что он и представления не имеет, сколько она перестрадала за лето, когда его не было.

В глубине души Габору было жаль эту женщину. Он знал, что у подполковника Вирага имеется любовница, намного красивее собственной супруги, которую он третировал, как только хотел. Именно это и подтолкнуло бедняжку на связь с Габором. Встречались они тайно, и потому об этом никто не знал. Однако как ни жалел юноша жену Вирага, он твердо решил порвать с ней, чтобы не омрачать и не пачкать этой связью свою любовь к Сулите. Наклонившись, он поднял Бланку с пола и отвел в комнату. Она упала на диван и горько разрыдалась...

Когда колокола на башне собора святой Анны пробили пять ударов, Габор подходил к лавке. Роби Фюрьеш уже ожидал его.

— Сервус.

— Сервус.

— Занесем сначала бидоны в помещение, — предложил Роби, — а потом поговорим.

Господин Оноди уже стоял за стойкой на своем рабочем месте.

— Пошевеливайтесь, ребята, пошевеливайтесь, мои дорогие. Мы сегодня припаздываем. Вы, Роби, начинайте с сортировки и разливки молока, а покончив с этим, отдайте список клиентов Габору и объясните ему, что и как. А ты, сынок, — хозяин бросил взгляд на Габора, — давай заноси бидоны.

— А что ты мне должен объяснить? — полюбопытствовал Габор у товарища.

— Мы с хозяином переделали план перевозок, — ответил Роби, доставая из кармана два листа бумаги,

на которых мелкими буквами были написаны адреса постоянных покупателей. Рядом с каждым адресом стоял заказ с кое-какими примечаниями. Например: «Д-р Гере, ул. Фе, дом 43, второй подъезд, 5-й этаж — 3 литровые бутылки молока, пять белых булочек, пять рожков. Поставить возле кухонной двери и позвонить».

— Не беспокойся, так будет гораздо удобнее, — заметил Роби.

Габор забрал оба списка и бегло просмотрел их. Продукты нужно было разнести по двадцати адресам. Пять заказов на улицу Фе, два заказа — на улицу Секеи, три — на площадь Деже Силади и десять заказов — на улицу Ференца Толди, которая находилась несколько далековато, да еще на холме. Но что можно было сделать? Габор мысленно утешал себя тем, что, пока очередь дойдет до улицы Толди, первую половину заказов он уже разнесет.

— Помочь тебе разложить продукты? — предложил Роби.

— Спасибо, мне и так все ясно, а у тебя и своей работы хватает.

— Тогда я пошел, встретимся на этом же месте в половине восьмого. Если ты освободишься раньше, поможешь мне.

— Разумеется, — согласился Габор.

Роби взвалил себе на плечо корзину, в которой было более сорока килограммов. Юноша считал это хорошей тренировкой для себя, кандидата в сборную команду по водному поло. У Габора в двух корзинах тоже набралось не менее сорока килограммов. Не забыл он и о себе, положив в одну из корзин бутылку молока и три рожка. Господин Оноди знал, что парни понемногу тащат у него для себя, но закрывал на это глаза, делал вид, что ничего не замечает.

Сначала Габор направился на улицу Фе, в дом № 43, к Гере. По этому адресу он шел впервые и потому ничего не знал о заказчике. Семья Гере жила на пятом этаже. Если бы не подоспел лифт, который здорово выручил его, ему пришлось бы хорошенько попотеть, поднимаясь пешком на такую высоту. На всякий случай он все же напялил на голову студенческую шапчонку, хорошо зная по собственному опыту, что даже самая зловредная привратница не откажет поднять в лифте бедного студента. Габор позвонил в дверь каморки привратницы. Довольно быстро дверь отворилась, и на пороге

появилась миловидная женщина лет тридцати пяти с насмешливыми глазами. На голове ее красовалась косыночка в горошек.

— Целую ручку, — поздоровался Габор.

— Доброе утро. Вы и есть новый разносчик?

— Да, уважаемая. Я принес молоко для господина Гере на пятый этаж и господину Ченгеи на четвертый.

— Я знаю. Желаете подняться на лифте?

— Хотелось бы, уважаемая. — Габор не сводил глаз с лица привратницы.

— Ну что вы на меня так уставились? — заметила женщина.

— Прошу прощения, — рассыпался в комплиментах юноша, — но я впервые вижу женщину с такими красивыми глазами.

Привратница рассмеялась:

— Ну и льстец же ты! Мать твоя чем занимается?

— Ходит убирать квартиры, стирает белье, гладит.

— А отец?

— Его я совсем не знаю.

Взгляд привратницы слегка затуманился.

— Входи и заноси свои корзины, — предложила женщина. Габор вошел в прихожую. — Вон висит ключ от лифта, бери и пользуйся на здоровье. Корзины свои оставь пока здесь, у меня, забери только заказ Гере и Ченгеи. Вот тебе сумка — ставь в нее бутылки и клади хлеб. Кстати, зовут меня Пирошка. Ты же смело можешь называть тетушкой Пирошкой. Сколько тебе годков-то?

— Двадцать два.

— Боже мой, а я его еще на «ты» называю! — воскликнула привратница.

— Пожалуйста, называйте и впредь.

— Да как же это можно, когда мне самой всего лишь тридцать исполнилось! Ты мне в кавалеры годишься.

— Если вы разрешите...

Оба громко рассмеялись. Из дальнейшего разговора с Пирошкой, по мужу Зомбори Ференцие, юноша узнал, что мужа привратницы в числе первых мобилизованных отправили на фронт, а она осталась одна, безо всякой опоры и помощи. Рассказала Пирошка и о том, что Матьяш Гере работает директором завода и занимает шестикомнатную квартиру на пятом этаже, что у них живет домработница — вдова по имени Эржебет, добрая по

характеру женщина, но на нее не всегда можно положиться.

Не забыла Пирошка и о Йене Ченгеи, сотруднике редакции одного из журналов. Судя по всему, он нилашист, так как довольно часто у него на квартире устраиваются сборища или вечера, на которых порой бывают даже немцы. Йене Ченгеи ненавидит евреев, отчего живущие в доме три еврейские семьи очень боятся его. У Ченгеи есть служанка по имени Эсти, которая ненавидит своего хозяина, но ей хорошо платят, и поэтому она терпит и не уходит.

Габор подумал, что хорошо бы как-нибудь подсыпать этому нилашисту в молоко сильнодействующего слабительного, пусть бы его пронесло как следует, но тут же устыдился такой, почти ребяческой, выдумки. Он попросил у Пирошки разрешения выпить у нее свое молоко и получил на это согласие привратницы.

Пока юноша завтракал, Пирошка без умолку рассказывала ему о своем муже, от которого она до сих пор не получила ни одного письма и поэтому ничего не знает, где он, что с ним и жив ли он вообще.

— Скоро и меня заберут в армию, — сказал Габор.

— Ах ты, бедняжка!..

Через несколько минут, воспользовавшись лифтом, Габор познакомился и с госпожой Эржебет, и с Эсти. Госпожа Эржебет даже протянула ему руку для поцелуя, причем вела она себя при этом так, будто была придворной дамой английской королевы. Она забросала юношу вопросами, словно в суде; казалось, она желала знать о нем буквально все. Габор вежливо отвечал ей, что, судя по всему, госпоже понравилось, и она, словно в награду, начала рассказывать ему о себе, о своем супруге, который вовсе никакой не еврей, как ходят по дому слухи, а трансильванский венгр. К тому же очень добрый человек...

Между тем время шло, а Габору нужно было спешить, так как его прихода ожидали и другие заказчики. Стараясь быть деликатным, он сказал госпоже Эржебет о том, что очень спешит и потому просит ее не обижаться на него, более того, он даже поклялся, что как-нибудь выберет время для более продолжительного разговора, так как все, что ему рассказывает госпожа Эржебет, весьма интересно и поучительно.

— Я тебя поняла, сынок, очень даже хорошо поняла. Ты в воскресенье так распланируй свою работу, чтобы

к нам зайти к последним, тогда у нас будет время побеседовать не спеша.

Габор пообещал так и поступить. Эржебет не было еще и сорока лет. У нее было красивое лицо и очень стройная фигурка.

Когда Габор разнес все заказы по адресам, пот лил с него ручьями. Он понял, что во время работы впредь болтать с заказчиками ни в коем случае нельзя. Потеряв много времени в беседах с госпожой Эржебет и с Пирошкой, ему пришлось спешить. Когда он встретился с Роби, то почти валился с ног от усталости. Вместе они, с трудом переставляя ноги, поплелись в гимназию. Однако, несмотря на усталость, лицо у Роби так и светилось. Габор находил это вполне естественным, объясняя тем, что Мари по уши влюбилась в парня. Роби, как и Габор, все летние каникулы проработал в Балатонфюреде, выполняя в двух местах то роль учителя по плаванию, то тренера по теннису. Девушки заглядывались на красивого, отлично сложенного парня, но Роби не хотел смотреть ни на кого, кроме Мари Каройи. Одевался он красиво и со вкусом, благо ему помогали дед с бабкой. Дедушка его был ювелиром, а бабушка преподавала английский и немецкий языки в Обуде в гимназии имени Арпада и помимо этого еще давала уроки на дому.

Габора с Робертом связывала тесная дружба, продолжавшаяся вот уже три года. Они по-серьезному поддерживали друг друга, но ни один из них не лез без нужды товарищу в душу и не признавался в своих сердечных привязанностях. Габор знал, что его друг влюблен в Мари, а Роби были известны любовные похождения Габора, которые он считал несерьезным юношеским самоутверждением. Именно поэтому он и не спросил Габора о том, увенчались ли успехом его ухаживания за Сулитой.

— Габор, — задумчиво начал Роберт, — если говорить откровенно, то я тебя совсем не понимаю. Почему бы тебе честно не признаться Сулите в том, что ты никакой не Жан Дюран, а Габор Лукач?

— Собственно говоря, я и сам бы хотел ей об этом сказать, но боюсь, что тогда мне придется отказаться от нее. Неужели ты думаешь, что Сулита стала бы со мной говорить, если бы знала, что я всего лишь незаконнорожденный и что моя мать простая прачка, а?

— Ты ведешь себя как-то несерьезно, — заметил Роберт, и Габор мысленно согласился с другом. — И как

долго ты намерен разыгрывать из себя француза? Пока она не отдастся тебе?

— Возможно.

— Но после этого тебе еще труднее будет сказать ей правду. Я хорошо знаю девушек из аристократических семей.

— В таком случае она так и не узнает правды. Вся беда в том, дорогой Роби, — продолжал Габор, — что я сильно запутался. Она мне очень нравится. Ни одна девушка до этого не нравилась мне так, как Сулита.

— Мари говорила мне, что она очень красивая и умная, а это уже плохо. Я не люблю чересчур умных девушек.

Оба засмеялись.

— Вот и не нужно, чтобы ты их любил, — проговорил Габор и посмотрел на друга. — Именно об этом ты и хотел со мной поговорить?

— Нет, не об этом. Любовное увлечение Сулиты и Жана Дюрана — это ваше личное дело. Я же хотел поговорить... — Не закончив фразы, он неожиданно замолчал. — Закуришь? — Заметив, что Габор кивнул, он добавил: — Но у меня только «Левенте».

— Ничего, сойдут.

Они закурили. Роберт курил гораздо меньше друга, так как серьезно занимался спортом. Собственно, он вообще не курил, как настоящий курильщик, не вдыхал в легкие дым, а просто выпускал его изо рта.

— И что же дальше? — спросил Габор.

— Ты знаком с Винце Деме?

— А мне обязательно нужно быть с ним знакомым?

— Деме утверждает, что он тебя знает.

— Ну и что из того, если я с ним знаком?

— Он бы хотел встретиться с тобой.

— Когда?

— Сегодня вечером, на Римской набережной Дуная. Там я спрятал его в одном из гаражей для моторных лодок. Мой отец просил, чтобы я ему помог. Парня разыскивают. Однако этот гараж — место не очень надежное. Во время нашего разговора случайно речь зашла о тебе, и Винце сказал, что тебе он доверяет. Может, вы спрячете его у себя — ты вроде бы вне всяких подозрений?

Друзья шли не спеша по площади Корвина, куда со всех сторон по направлению к гимназии спешили учащиеся.

— Без согласия матери я один ничего не могу решить, нужно посоветоваться с ней. Вот только не знаю, как ей сказать об этом... Гараж, конечно, не укрытие, запросто можно погореть. А кто носит ему еду?

— Пока что об этом заботится дядюшка Фаркаш, но, понимаешь, старик боится. Что теперь нам делать?

— Договоримся, только сначала нужно все как следует обдумать.

В классе стоял такой галдеж, что Габор с трудом слышал то, что ему говорил Роберт, хотя они и сидели за одним столом. Гимназисты, разбившись на небольшие группки, по четыре-пять человек, обсуждали что-то, стараясь перекричать друг друга. Разумеется, в первую очередь они делились своими приключениями во время летних каникул. О войне же почти не говорили, хотя у большинства из них в армии, а то и на фронте находился отец или старший брат. Многие были буквально заворожены успехами германской армии. Известия о грандиозных победах немцев и в особенности сообщения корреспондентов с фронта действовали ошеломляюще даже на тех, кто отнюдь не являлся сторонником фашизма. Были среди ребят и наивно верившие, что их отцы и братья, поскольку они союзники немцев, заговорены не только от смерти в бою, но даже от легкого ранения.

Начался урок, и в класс вошел Хенрик Вольдемар. Класс замолк. Преподаватель кивком поздоровался с учащимися и сел за стол. Открыв классный журнал, он что-то записал в него, несколько секунд полюбовался написанным, а затем встал, сунул правую руку в карман, а левой поправил галстук.

За лето Вольдемар похудел, щеки впали, и только глаза остались прежними, такими же, как и раньше, блестящими и большими. Он посмотрел на класс, охватив взглядом сразу все четыре десятка гимназистов. На Габора вдруг навалилась неодолимая сонливость, и он почувствовал, что с трудом может держать глаза открытыми. Заметив это, Роберт толкнул друга коленкой.

— Не дремли! — прошептал он.

Вольдемар негромко начал говорить о войне, которая рано или поздно втянет в свой омут всю страну. И кто знает, сколько ребят, сдав экзамены на аттестат зрелости, окажутся сначала в армии, а затем на фронте. Потом он спросил, кто из класса уже прочитал «Войну

и мир» Льва Толстого, напомнив, что, поскольку он ведет у них не литературу, а экономическую географию, в знаменитом романе его интересует только то, что относится к этому предмету.

— Не следует забывать, ребята, — продолжал Вольдемар, — что любая война опирается, так сказать, на экономику. А успешное ведение боевых действий становится возможным лишь при наличии соответствующего экономического базиса.

Сон сморил-таки Габора, он задремал. Проснулся же оттого, что кто-то крепко стиснул его плечо. Юноша вздрогнул, открыл глаза и увидел перед собой Вольдемара. Габор хотел было встать, но преподаватель еще сильнее надавил на его плечо и усадил на место.

— Сидите, сидите, мой друг, — по-французски произнес Вольдемар.

— Слушаюсь, господин учитель.

— Очень устали?

— Встал рано, на рассвете.

— Все лето опять проработали?

— Каждый день часов по двенадцать — четырнадцать, господин учитель.

— Снова разносили молоко?

— Что делать? Нужно. — Габор так быстро произносил французские фразы, что далеко не все ребята могли понять суть их разговора, так как учили французский с торговым уклоном.

Вольдемар достал из кармана связку ключей и, сняв с кольца один из них, протянул юноше со словами:

— Держите. Идите ко мне в кабинет и часок хорошенько поспите. Я сам вас разбужу. Следующий урок какой?

— Богословие.

— На нем смело можете не присутствовать, я сам скажу Галди.

— Благодарю вас, господин учитель.

Габор направился в кабинет Вольдемара, где в алькове стоял диван. Он улегся на него, но уснуть так и не смог: сон как рукой сняло, в голове бродили разные мысли. Он представил себе продолговатое, худое лицо Винце Деме и на миг увидел его в кандалах, с опухшими глазами и тонкой струйкой крови изо рта.

Габор уставился неподвижным взглядом в побеленный потолок.

«Ему, конечно, нужно помочь, но как?» Затем он

вспомнил о Сулите и сразу же весь так и загорелся. От Каройи Габор слышал, что в семье Читари не любят немцев. Хорошо было бы спрятать Деме у Каройи в мастерской! Но, немного подумав, он сообразил, что это невозможно: Каройи в ней регулярно работает, к тому же он довольно часто напивается, а на пьяного разве можно положиться?

Юноша закурил. Постепенно в голове его созрел другой план, вполне осуществимый, если, конечно, Деме говорит по-английски или по-французски...

На перемене к Габору зашел Роберт.

— Подожди меня, — сказал ему Габор, — мне надо отдать ключ Вольдемару. — С этими словами он направился в учительскую, оставив друга в коридоре.

— Все в порядке, сынок? — спросил Вольдемар у юноши.

— Спасибо, господин учитель, — с признательностью сказал Габор. — Я уже хорошо себя чувствую.

Педагог положил свою руку на плечо Габора и сказал:

— Тебе нужно отдохнуть. Ты, кажется, слишком перенапрягся. Сколько у тебя сейчас учеников?

— Четверо.

— Когда же ты учишься сам?

— По ночам.

Вольдемар сокрушенно покачал головой, глубоко вздохнул и вернулся к столу.

Роберт наконец дождался своего друга, и оба вошли в класс, где уже собрались остальные ученики. Сквозь раскрытые настежь окна в помещение вливался прохладный свежий воздух.

— Послушай меня, Роби, — тихо произнес Габор.— После занятий мы сразу же идем к Деме. Только перед этим я на минутку забегу к Кулчарам, скажу, что сегодня не смогу позаниматься с их сыном.

— С Сулитой ты еще не встречался?

— Встречусь ровно в пять. Одолжишь мне свою спортивную куртку?

Роберт кивнул и сказал:

— Мне еще нужно зайти за Мари: я обещал, что подожду ее у гимназии.

— Ладно. Встретимся у моста Маргит.

Друзья хотели было выйти в коридор, чтобы поговорить спокойно, как в класс вошел Мати Гельб, а вслед за ним еще три парня. Мати был единственным евреем

в классе — хотя среди ребят и не было антисемитских настроений, остальным все же пришлось по разным причинам бросить учебу. Он жил вместе с матерью, вдовой, державшей в Обуде, на улице Керек, небольшую лавчонку.

Мати Гельб плакал, нос у него был распухшим и даже кровоточил, под глазами виднелись кровоподтеки. Йене Ондрушек уложил парня на скамейку, а Банди Ласло, намочив носовой платок, положил его ему на нос.

— Что случилось? — спросил Роберт, наклонившись к Мати.

— Нетрудно догадаться, — заметил Габор, посмотрев на Ондрушека.

— Отлупили его, вот что!

— Ребята из группы Одескалхи? — спросил Габор.

— Они. Паршивая банда! — возмутился Банди Ласло. — Ну, погодите, как-нибудь набьем им морды. Они настолько обнаглели, что считают — им все можно.

— Лучше расскажи, как и что случилось? — спросил Роберт, обращаясь к Ласло.

— Мы, как всегда, все вместе пошли за молоком и рожками, — начал объяснять Ласло, — и вдруг, ничего не говоря, они набросились на Мати.

— Так ничего и не сказав? — удивился Габор.

— Почему не сказав? — вмешался в разговор Ондрушек. — Ругались, да еще как! Потом начали бить... Сразу вдвоем: Герцог и Дракула.

— А вы что делали? — с явной насмешкой спросил Габор.

— Не умничай, Габор, — ответил Банди Ласло. — Подумай, как мы ему могли помочь! Они же нас окружили кольцом.

— Перестань скулить! — прикрикнул Роберт на Мати. — Ну-ка, покажись лучше. Ничего не скажешь, — он бросил взгляд на Габора, — отделали что надо.

Габор одним движением оторвал болтавшиеся на ниточках рукав и воротник куртки Мати и приказал:

— А сейчас отведите его к школьному врачу, пусть он осмотрит его и составит протокол.

— А если он не захочет это сделать? — спросил Ласло.

— Такого быть не может, — высказал свое мнение Ондрушек. — Можешь положиться на меня. Составит

и еще скрепит печатью. Пошли, Мати! — Он помог парню встать со скамейки.

В этот момент вошел Геза Шиманди. По-цыгански курчавые волосы спадали ему на лоб, ходил Геза немного пригнувшись, отчего его руки казались очень длинными. В классе Шиманди слыл самым отъявленным драчуном и забиякой. Он был на полгода моложе Габора.

— Наконец-то и вы заявились, — с упреком заметил он, — а то я уж думал, что вас сегодня не будет и мне придется торчать здесь одному... До начала урока у нас есть еще целых пять минут.

Все трое вышли в коридор, и Геза, повернувшись к Габору, произнес:

— Как я вижу, злые мыши сожрали резину на колесах машины Герцога.

— Потому что у них острые зубы, — с безмятежным выражением лица сказал Роберт. — А где сейчас эти пособники негодяев?

— Во дворе, — ответил Геза.

Они и на самом деле находились там. Сам Герцог был нилашистом, о чем хорошо знали все. Часто он появлялся в гимназии в зеленой рубашке, черных галифе и сапогах, отличаясь своей одеждой от нилашистов только тем, что не носил ремня с портупеей и черного галстука с нилашистским значком.

Габора удивляло, что учителя не обращали внимания на вызывающее поведение парня, объясняя это тем, что они побаивались отца Одескалхи, который был большим начальником. Среди педагогов гимназии один Вольдемар открыто протестовал против наряда Герцога, говоря, что гимназия — это отнюдь не центр нилашистской партии «Скрещенные стрелы», и не начинал вести урок до тех пор, пока Одескалхи, если он был в форме, не выходил из класса. Закончилось это для Вольдемара тем, что однажды вечером группа неизвестных встретила педагога возле его квартиры и сильно избила. Само собой разумеется, полиция не нашла преступников, хотя всем было ясно, что их следует искать среди окружения Одескалхи.

Друзья Габора давно ждали случая, чтобы рассчитаться с этими хулиганами, и вот теперь, когда они так зверски избили бедняжку Мати Гельба, ребята решили, что настало время сквитаться с ними.

Герцог, коренастый, крепкий парень, стоял во дворе гимназии, прислонившись к стене. Он играл в юношеской хоккейной команде и отличался необыкновенной

смелостью. Вместе с ним были его единомышленники и друзья. Габор увидел, что среди них и Карой Сеп, по прозвищу Дракон, которого в гимназии боялись многие. Несмотря на то, что ему уже исполнилось двадцать лет, он все еще учился в третьем классе. Этот крепыш, пользуясь своей силой и безнаказанностью, при случае и без оного бил и правых и виноватых. Отец Кароя работал советником в управлении железных дорог и отнюдь не мог похвастаться своим рыжеволосым оболтусом. Третьим членом шайки Герцога являлся Миши Пете, известный футболист, игравший центральным нападающим в команде «Электрика». Со временем он намеревался стать профессионалом, для этого у него имелись все необходимые качества: и завидная точность, и хороший пас, не говоря уж о чрезвычайно сильных ударах, которыми он посылал мяч в ворота противника. Отца Миши совсем недавно назначили детективом в отдел политической полиции. Под стать им были и остальные члены этой компании, среди которых значился и Жольт Мишко, сын начальника местной гвардии области Пешт, веснушчатый сильный парень, и Хенрик Беценди, широкий в кости, большеголовый сын мясника, и голубоглазый хилый Курт Гертель, старший брат которого был эсэсовцем и состоял в каком-то штурмовом отряде, действовавшем на Восточном фронте. Родители Курта развелись. Отец вместе со старшим сыном, эсэсовцем, переселился в Германию, а Курт с сестрой Франциской и матерью, дававшей уроки игры на фортепьяно в музыкальном училище, остались в Венгрии. Сама Франциска тоже намеревалась стать пианисткой.

Прежде чем начать драку, Габор и его друзья успели договориться, кто на кого нападает. Сам Габор выбрал себе Дракона, Роберт Герцога, Геза должен был напасть сначала на Миши Пете, а затем, смотря по обстоятельствам, перекинуться и на других. Геза слыл мастером подобных драк и потому любил, когда на него одновременно нападало несколько человек. В таких ситуациях он ничуть не терялся и искусно применял приемы дзюдо, которыми совсем неплохо владел.

Стычка враждующих сторон продолжалась не более двух-трех минут. Роберт спросил Герцога, почему он обидел их друга, и, не дожидаясь ответа, первым нанес удар. Стоявший рядом Габор свалил Дракона; падая, тот ударился затылком о стену. Встряхнув головой, Дракон вскочил на ноги, сделал глубокий вдох и ринулся в бой.

Габор не успел ни отклониться от удара, ни парировать его — кожа на щеке треснула, появилась кровь. Однако, не обращая на это никакого внимания, Габор схватил Дракона за запястье и с такой силой рванул на себя, что чуть было не вывихнул ему руку. Парень взвыл от сильной боли.

Гимназисты, оказавшиеся поблизости, окружили дерущихся. Жольт Мишко плачет, держась за живот; у Хенрика Беценди плетью повисла правая рука; Курт Гертель закрыл лицо ладонями. Миши Пете сидит согнувшись у стены и отсутствующим взглядом смотрит прямо перед собой в пустоту. Герцог поднимается с земли, но делает это настолько неудачно, что, словно пьяный, снова и снова падает на колени.

Спустя полчаса все они стояли перед директором гимназии Марком Теллером. Директору еще не исполнилось и пятидесяти лет, но сильно поредевшие волосы и густые седые усы делали его похожим на доброго безбородого дедушку Микулаша[1]. Ходили слухи, что он расходился во взглядах с преподавателями, которые не скрывали своих крайне правых воззрений, в особенности с Мартоном Макраи и его друзьями.

Директор подошел к Габору, снял очки и, машинально протирая их, с еле заметной усмешкой принялся рассматривать лицо парня, похожее на громадный синяк. Лицо это было злое, так как Габор как раз ломал голову над тем, что он вечером будет говорить Сулите.

— Лукач, — откуда-то издалека донесся до него голос директора, — расскажите мне, что, собственно, произошло?

— Произошло то, господин директор, — неуверенно начал Габор, — что Одескалхи и его друзья предложили нам сыграть в регби.

— Что предложили? — Густые брови Теллера сдвинулись, образовав одну прямую линию.

— Сыграть в регби. Вы, наверное, знаете, что господин учитель Бодза собирается создать в гимназии команду по игре в регби и все время напоминает нам о том, чтобы мы почаще тренировались. Вот мы и вызвали на поединок Одескалхи и его друзей. Правда, у нас пока еще нет необходимого снаряжения... Поэтому мы так и выглядим... — С этими словами он показал на свое избитое лицо.

---

[1] Дед Микулаш (Микулаш) — венгерский Дед Мороз.

Теллер же тем временем внимательно разглядывал физиономию Матьяша Гельба.

— Ты тоже играл в эту игру, Гельб?

— Да, тоже, господин директор.

— Аа-ай, сынок. — В голосе Теллера послышались нотки осуждения. — Подобные жестокие игры отнюдь не для тебя.

— Должен же и я, господин директор, когда-то научиться играть.

— Разрешите сказать, господин директор! — Курт Гертель поднял руку, прося слова.

— Ну, что там у тебя, Курт? — спросил Теллер, подходя к юноше.

Курт сначала облизал языком свои тонкие губы, а затем сказал:

— Врут они все. Ни в какое регби мы не играли и не собирались играть. Мы мирно стояли на солнечной стороне и разговаривали, как вдруг ни с того ни с сего Лукач и его бандиты напали на нас. Спросите Фрици Одескалхи.

Габор был уверен в том, что Теллер и сам прекрасно знал, что они дрались, а вовсе не играли в регби, но такая ложь была выгодна ему. Выслушав же Курта, директор пришел в замешательство.

— Ну-с, что же? В таком случае выслушаем Фридьеша Одескалхи, который и расскажет нам всю правду, не так ли?

Герцог откинул со лба назад длинную прядь русых волос и твердым голосом сказал:

— Я не знаю, откуда он взял такую ерунду, убей бог, не знаю. Мы еще вчера договорились с Лукачем, что сегодня на большой перемене проведем небольшой матч. Знаете ли, господин директор, регби — жесткая игра. Очень даже! И вы совершенно правы, она не для Гельба. Это отнюдь не еврейская игра.

Судя по всему, Теллеру стало несколько легче. Раз уж сам Одескалхи утверждает, что ребята играли в регби, то можно смело ставить точку на этом инциденте, не устраивая никаких расследований.

— Кто из вас хочет еще что-нибудь добавить? — спросил директор, переводя взгляд с одного гимназиста на другого.

На какое-то время установилась полная тишина, которую первым нарушил Роберт.

— Я лично здесь перед вами, господин директор, и

перед ребятами из команды Одескалхи хочу сказать, чтобы они впредь не нападали в нарушение всех правил на Мати Гельба, чтобы не было какой беды. Да и не по-мужски это.

Слова Роберта все присутствующие поняли так, как следовало.

После окончания занятий Габор вышел из гимназии вместе с Робертом и Гезой. У ворот их поджидал Одескалхи.

Подойдя к парню, Габор остановился. Замерли на месте и Роберт с Гезой в готовности отразить любое нападение. Карой Сеп и Миши Пете прикрывали своего главаря с тыла.

— Послушай-ка, Лукач, что я тебе скажу, — начал Одескалхи. — Раз это была игра, то имей в виду, что мы ее до конца не доиграли. И преимущества вы добились очень незначительного.

— Что касается меня, то тебе лучше не попадаться мне на глаза, — угрожающе произнес Дракон, — а не то я тебя просто прикончу. Готов поклясться в этом. Усвоил? Прикончу на том же самом месте, где ты мне попадешься! Тебе все ясно, безродный?!

Все это было сказано в полнейшей тишине, и присутствующие хорошо слышали каждое слово. Кое-кто из ребят ехидно усмехнулся, остальные стояли молча, с любопытством поглядывая то на Дракона, то на Габора.

Габор не любил, когда кто-нибудь из ребят напоминал ему о том, что он вырос без отца, особенно когда делалось это в оскорбительной форме. В такие моменты в душе у него мигом закипала злость и ему казалось, что оскорбляют не его самого, а родную мать.

— Ты слишком много болтаешь, парень, — тихо выдавил он.

— А что, разве это не так? Может быть, ты знаешь, кто именно сделал тебя с твоей матерью? Или, быть может...

Договорить фразу до конца Дракону не удалось, так как Геза, опередив Габора, бросился было на оскорбителя с кулаками, но ударить ему так и не удалось, так как Дракон вовремя перескочил через изгородь и оказался в относительной безопасности.

— На меня за это не сердись, — заметил Одескалхи, — это выходка Дракона, за которую мне самому стыдно. Честно говоря, если бы Шиманди не смазал его, я бы сам его ударил.

Габор понимающе кивнул и, повернувшись кругом, вместе со своими друзьями направился к набережной Дуная.

— Спасибо, Геза, — поблагодарил Габор приятеля.— Но я и сам бы не дал ему спуска.

— У меня давно зуб на этого мерзавца. Ну, пока! — И Геза ловко вспрыгнул на площадку трамвая, который как раз замедлил ход.

Габор вместе с Робертом направился к Кулчару. Пишта уже был дома и обедал вместе с Лонкой. Габор представил девушке Роберта, а затем спросил, почему они не дождались его к обеду.

— Я даже и не знаю, — ответила Лонка, — может, потому, что Пишта был сегодня очень голоден. Конечно же, поэтому. — И тут же поставила на стол еще два прибора. — Можно вас пригласить пообедать с нами? — спросила она Роберта.

— Конечно, можно, — ответил Роберт, не сводя глаз с девушки. — Мой друг, Лонка, всегда говорил мне о вас только хорошее, но сейчас, глядя на вас, могу добавить, что портрет, нарисованный им, явно проигрывает в сравнении с оригиналом.

— Что вы говорите?! — удивленно воскликнула Лонка, остановившись у стола.

Пишта с улыбкой посмотрел на Роберта.

— Я вижу, вы не обедать собираетесь, а говорить комплименты. Отправляйтесь-ка тогда в комнату Лонки...

— Пишта, что ты говоришь?! — покраснев до ушей, оборвала старшего брата девушка.

— Лонка очень любит оставаться в комнате с моими друзьями, — как ни в чем не бывало продолжал Пишта. — А я полагаю, что смело могу отнести и тебя к числу моих друзей.

— Разумеется. К числу друзей дураков. И если ты не замолчишь — шлепну тебя по губам! — разозлилась Лонка.

К счастью, в этот момент кухарка принесла кастрюлю с супом. Поставив ее на стол, она поинтересовалась, нести сразу второе или подождать, пока Габор с другом съедят первое.

— Мы подождем. — Лонка уставилась на разбитое лицо Габора.

— А я ждать не хочу! — заявил Пишта и постучал вилкой о стол. — Я голоден! Очень даже голоден! Я хочу есть!

Лонка попросила брата не кричать и сказала, что если он так сильно голоден, то пусть пойдет на кухню и там съест хоть все. Однако Пишта и слушать ее не хотел, продолжал шуметь. Девушка не выдержала и влепила брату звонкую пощечину. Если бы не вмешательство друзей, то брат с сестрой затеяли бы настоящую драку. Роберт схватил Пишту, а Габор — Лонку, обняв ее за плечи. Девушка расплакалась и, повернувшись, спрятала лицо на груди юноши. Скоро она успокоилась, и все снова принялись за обед.

Кончив есть, Пишта вдруг заявил, что он дальше учиться не желает и пусть его никто не уговаривает.

— Я согласен с тобой, дружище, — съязвил Габор.— Затем, собственно, и пришел, чтобы сказать тебе об этом. Бросай учиться, хватит с тебя! Хочу только кое о чем тебя спросить: когда ты будешь играть в школьной футбольной команде?..

— Когда рак свистнет, — ответил за Пишту Роберт. — Ты, наверное, не знал, дорогой, что я стал председателем нашего спортивного общества? Мое мнение такое: дураки сначала должны учиться, а уж потом гонять мяч по футбольному полю.

— Оставь его в покое, Роберт, и пошли, — сказал Габор. — Лонка позже сама расскажет господину Кулчару о случившемся. — Подойдя к девушке, он обнял ее и, поцеловав в щеку, сказал: — Привет, Лонка. На тебя я не сержусь, как-нибудь забегу к тебе.

Лонка расплакалась.

Когда друзья дошли до ворот, Габор сказал Роберту:

— А теперь быстрее на Римский берег Дуная...

Деме с нетерпением ожидал их прихода. С тех пор как Габор видел его, в темных волосах Деме появились серебряные нити, худое лицо стало еще уже, под глазами обозначились тени. Еще одна перемена: он отрастил густые усы. Одет Деме был в жакет, а его выходной костюм висел на вешалке. В небольшом помещении, похожем на камеру-одиночку, было довольно прохладно, хотя вечер еще не наступил, а в углу под книжной полкой поблескивал обогреватель.

— Почему вы его не включили? — поинтересовался Габор.

— Вилка не подходит под розетку.

Роберт покачал головой и спросил:

— А разве вы сами не могли подсоединить обогреватель?

— Я ничего не понимаю в электричестве. — Деме даже вздрогнул. — Я вообще в технике ничего не соображаю.

Роберт, не сказав ни слова, достал ящик с инструментом и стал что-то искать в нем, видимо другую вилку, чтобы включить обогреватель в электросеть.

— Среди нас есть предатель, — заговорил Деме. — Подумать страшно: за один год пять провалов! И это только в Будапеште! — Сев на низенькую скамеечку, он обхватил голову руками.

— Вот, собственно, почему я и стараюсь держаться от вас подальше, — объяснил Габор, хотя его никто ни о чем не спрашивал. — Повсюду полно шпиков и предателей. — Деме молча слушал его, а юноша продолжал: — Как вы думаете, почему провалился отец Роберта?

Журналист пожал плечами, а затем медленно поднял голову и, посмотрев на парня, сказал:

— И все-таки нам необходимо продолжать действовать в любом случае, в любой обстановке.

Габор предложил Деме закурить. Роберт тем временем успел сменить вилку и включил обогреватель в сеть. Через несколько минут все трое почувствовали приятную теплоту, разливающуюся по помещению.

— Теперь совсем другое дело! — обрадованно воскликнул Деме и заметно оживился.

— А семья у вас есть? — полюбопытствовал Габор.

— А почему вас это интересует? — Деме с подозрением взглянул на парня.

— Черт возьми! — возмутился Габор. — Опять это чертово недоверие! Как вы думаете, почему я начал... — Не выдержав, он махнул рукой. — Хотя плевать я хотел и на вас, и на вашу семью. Говорите, чего вы от нас хотите?

— Ты что, спятил?! — набросился на Габора Роберт.

— Возможно. Но как я могу кому-то помочь, если мне не доверяют?

— В любом случае ты не должен разговаривать таким тоном, — не унимался Роберт.

Габор молчал, посасывая свою цигарку.

— Семья у меня есть, — нарушил молчание Деме. — Жена работает учительницей, есть дочка двух лет, хотя ее я еще не видел ни разу. — Голос Деме стал печальным. — Для более надежной конспирации я развелся с

женой еще до рождения ребенка. После этого уехал в Испанию, где сражался в рядах республиканцев. Был ранен, переправлен во Францию, лечился в тюремной больнице. Оттуда я написал письмо в Швейцарию, своему старшему брату, который в то время преподавал математику в Базеле и в Цюрихском университете. После выздоровления он взял меня на поруки и увез к себе в Базель. Там мне выхлопотали документы, согласно которым я с тридцать шестого года безвыездно проживал в Швейцарии. А в 1938 году я приехал в Будапешт. — Взглянув на Габора, Деме коротко добавил: — Теперь вы знаете обо мне все.

— И чего же вы хотите от меня?

— Я хотел бы укрыться в более надежном месте. В таком, где я мог бы работать.

— Это как же понимать? — спросил Роберт.

— Я хотел бы писать статьи или же переводить что-нибудь с французского.

— А вы знаете французский? — удивился Габор.

— Я французский словесник. Последние два года учился в Сорбонне.

Габор сразу же заговорил с Деме по-французски:

— Поскольку я выдаю себя за французского лейтенанта Жана Дюрана, который бежал из Франции и нелегально поселился в Венгрии, то вы вполне сойдете за капитана Пьера Дермоса, моего командира. Мы с вами вместе бежали. Вот только не знаю откуда...

— Как мне кажется, — предложил Деме, — лучше всего — из-под Клагенфурта. Туда меня направили на работу на какой-то секретный военный завод.

— И каким же образом мы бежали? — спросил Габор.

— Довольно распространенным способом — ночью из эшелона. Выбили доску в вагоне и выпрыгнули на ходу.

— Согласен.

— Но к чему все это?

— Сейчас поймете, — ответил Габор и рассказал о своем знакомстве с Сулитой.

В маленьком помещении тем временем стало совсем тепло. Габор посмотрел в окошко. По уже начавшей желтеть траве к Дунаю шагал дядюшка Фаркаш. Старик уже давно придерживался левых политических взглядов, а сейчас взял на себя заботу о Деме.

— И отчего же вы решили, что эта девушка станет мне помогать?

— Я и сам не знаю. — Юноша задумался, а затем добавил: — Она не любит немцев.

— И вы думаете, что одного этого достаточно для такого вывода?

— Возможно. Пока оставайтесь здесь, а я сегодня же встречусь с ней и обо всем поговорю. Посмотрим, что она мне скажет. А после снова приду к вам.

— Я буду ждать.

Переодевшись у Роберта, Габор направился в мастерскую Каройи. Самого скульптора он не застал, но кругом были порядок и чистота. Задернув на окнах шторы, Габор включил настольную лампу и с нетерпением стал ждать Сулиту. На улице тем временем стемнело, поднялся ветер, который с силой бил в окна. Габор закурил.

Сулита появилась в начале седьмого. Габор запер за ней дверь и обнял девушку.

— А я уже подумал, что ты не придешь сегодня, — почти шепотом вымолвил он. Сулита хотела ответить ему, но он закрыл ей рот поцелуем.

Затем они уселись на кушетку. Заметив ссадину на лице Габора, Сулита ужаснулась:

— Что случилось?

— Участвовал в одной драке и пропустил боксерский удар.

— Где ты дрался?

— В Обуде. Напротив госпиталя Маргит находится дом, в котором собираются нилашисты. Оттуда вышло несколько человек. Начали приставать к рабочим. Завязалась драка. Я решил помочь, разумеется рабочим.

— Но каким образом ты попал к больнице Маргит?

— Навещал своего капитана.

— Какого такого капитана?

— Капитана Пьера Дермоса.

Сулита сдвинула брови, спросила:

— А это еще кто такой?

— Хотя это и тайна, но тебе я все же расскажу. Только поклянись нашей любовью, что... Хотя подожди, что это я... Я ведь и не знаю вовсе, любишь ли ты меня...

— Это нехорошо с твоей стороны, Жан.

— Извини. Я не хотел тебя обидеть. — Он поцеловал девушке руку. — Но все же поклянись...

Девушка нежно прикоснулась губами к ссадине на лице Габора и провела ладонью по его щеке.

— Послушай меня, Дюран. Я пока что никому ни в чем не клялась. Странно, что ты мне не веришь. Я от-

дала тебе свою невинность, самое дорогое, что девушка может отдать мужчине, причем сделала это с доверием и любовью. А если ты злоупотребишь этим доверием? Я ведь не требовала от тебя никакой клятвы, а?..

— Прости. Ты, безусловно, права. Мне стыдно за себя. — Габору на самом деле стало совестно.

Сулита поняла, что он говорит искренне, и прижалась к нему.

— Успокойся. — Она обняла его за шею. — Я очень люблю тебя.

Габору хотелось, чтобы такое блаженство продолжалось вечно, но в то же время какое-то непонятное предчувствие говорило ему, что он потеряет Сулиту.

Девушка устроилась поудобнее, подобрав под себя ноги, и закурила.

— А теперь ты можешь рассказать мне о своем капитане.

— Пьер Дермос... — начал юноша, — был командиром нашего батальона. Мы вместе попали в плен.

— Когда?

— В сороковом году, десятого июня. Наше подразделение занимало оборону по берегу Сены, там мы и попали в плен. Сначала нас увели в лагерь для военнопленных под Реймс, откуда в пешем строю погнали в Германию. Затем, правда, погрузили в вагоны... В новом лагере мы прошли сортировку: немцы отбирали самых сильных и выносливых, пригодных для тяжелой работы, в основном молодых. Затем снова эшелон, в котором мы провели несколько дней. В пути мы узнали, что нас везут в Клагенфурт. Не доезжая до этого города, мы бежали. Оторвали в полу вагона две доски и спустились на шпалы между рельсами. Чуть позже перебрались в Венгрию.

— Бедняжка, — прошептала девушка, наклонившись к Габору, — сколько всего ты перенес.

Габор загасил сигарету и обнял Сулиту.

— Какой же я счастливый, такой счастливый, что порой даже страшно становится...

— Отчего же?

— И сам не знаю, только ни сама жизнь, ни судьба, ни бог никому даром не посылают такого счастья. Вряд ли я исключение, не так ли?

— А мы как раз и являемся исключением. Нужно обязательно поверить в это. Я хочу, чтобы ты не боялся, никогда и ничего не боялся. Знаешь, Жан, я теперь по-

чему-то не боюсь даже того... ну, если я вдруг забеременею. Я ведь тебе уже говорила, что хочу стать твоей женой?

— Нет, этого ты мне пока еще не говорила.

— Тогда говорю сейчас: люди, я, Сулита Читари, гимназистка последнего класса, рост сто шестьдесят пять сантиметров, хочу стать женой французского лейтенанта Жана Дюрана!

— Это великолепно! Но что скажут на это твои отец и мать?

— Не знаю, да меня это не очень-то интересует. Я с утра и до позднего вечера хочу любить тебя.

— Я тоже, Сулита, но все же давай не будем терять головы.

— Я ее уже потеряла. — Она засмеялась. — И больше меня ничто и никто не интересует, кроме тебя одного. Только одна любовь. Я и не знала, какое это замечательное чувство, лишь сейчас поняла, что это за наслаждение. Откровенно скажу, я даже не представляла... А может, в этом и есть смысл жизни? Может, ради этого мы и на свет родились?

— Сулита, дорогая, давай не будем смешивать разные вещи. Любовь, наслаждение и все остальное, что так или иначе связано с понятием «любовь», нельзя отождествлять с тем, что входит в понятие «жизнь». Запомни, жизнь — это нечто большее, чем любовь, которая всего лишь часть ее. Поверь мне, на свете есть вещи более важные, чем любовь.

Девушка сидела по-турецки, поджав под себя ноги.

— Более важные вещи? — переспросила она. — Какие же, например?

— Например, то, что, занимаясь здесь любовью, я все же думаю о Пьере, жизнь которого находится в опасности.

— Почему жизни твоего капитана угрожает опасность?

Габор начал рассказывать о том, что сегодня фактически существуют две Франции. Одна из них — это свободная Франция, примкнувшая к генералу де Голлю, представители которой, где бы они ни находились, в том числе и в Венгрии, борются против фашистов, а другая — это вишистская Франция, возглавляемая маршалом Петеном, которая сотрудничает с гитлеровцами. В Будапеште есть ее представительство.

— А петеновские власти, — продолжил свой рассказ

Габор, — с радостью выдадут моего друга Пьера в руки нацистов...

На знакомство с политическими новостями мира у Габора уходило много времени и энергии. По ночам он часто слушал английское радио, порой ему удавалось ловить лондонскую радиостанцию «Свободная Франция», а иногда передачи из Москвы на французском языке. Находясь в дружеских отношениях с Хенриком Вольдемаром, Габор часто обменивался с ним новостями. Помимо этого ему приходилось определенным образом готовиться к каждому занятию с Сулитой, так как девушка оказалась на редкость любознательной и интересовалась не только подробностями биографии его отца и матери, но и Дальним Востоком, и Индокитаем, где, по легенде Габора, жили его родители. И юноша, не жалея времени, проглатывал множество книг об Индокитае, интересуясь и географией, и историей, и народными традициями, культурой, музыкой, танцами... Он мог рассказать о том, как выглядит манговое дерево, или о том, как едят плоды папайи, какой у них вкус. Во многом Габору помогал Вольдемар, который в молодые годы побывал в Индокитае.

По выражению лица Сулиты юноша понял: она поверила в то, что жизнь его бывшего командира действительно в опасности. Следующий шаг — уговорить девушку помочь капитану.

— Жан, то, что я тебе сейчас скажу, тайна...

— Заранее могу поклясться, что я сохраню ее... — начал Габор.

— Нет, клятвы твоей мне не нужно. Если ты бесчестный человек, то и клятва не поможет, а порядочному она просто ни к чему.

— Это верно, — согласился Габор.

— Ты, конечно, знаешь, кто такие партизаны?

— Разумеется, знаю. Только в Венгрии партизан нет, по крайней мере, я что-то не слышал о них.

— Зато они есть в Югославии.

— Да, ты права.

— А если твоего капитана переправить к ним?

— Каким образом?

— Этого я не знаю, но знаю, как можно попасть за границу, в Югославию.

— Знаешь, Сулита, мне нужно поговорить с капитаном, но, насколько я понимаю, он заинтересован остаться в Венгрии...

— Понятно.

Она наклонилась к юноше и поцеловала его, а он с ужасом подумал о том, что будет, если Сулита действительно предложит ему пожениться. Тогда ему придется рассказать ей правду о своем плебейском происхождении...

— Обними меня, — почти шепотом попросила Сулита и, обхватив его за шею, опрокинула на кушетку...

— А если ты забеременеешь? — спросил немного позже Габор, охваченный приятной усталостью.

— Тогда у меня будет ребенок от француза. Ты женишься на мне... В крайнем случае мы уедем в Швейцарию... Я закончу свое образование. Ты, видимо, не знаешь, что наша семья очень богата, а я единственный ребенок, так сказать, единственная наследница всего состояния, нажитого родителями. И не только его, но и бабушкиного тоже. А в Трансильвании живет замечательный человек, мой дед. Если он узнает, что я в положении, то он ничего не...

— Сулита, я обожаю тебя, но только, ради бога, не делай такой глупости. Пойми, что сейчас идет война и меня могут послать к черту на кулички...

— Но ведь ты офицер, да еще французский, к тому же твой отец наместник. А самое главное — я очень люблю тебя.

— Мой отец... Кто знает, жив ли он? Японцы такие жестокие. Спроси у своего отца. Скажи, Сулита, на что ты способна ради меня?

Она с удивлением посмотрела на него, глаза ее блестели.

— На что хочешь?

— Ты сумасшедшая...

— Жан, — снова заговорила девушка после небольшой паузы, — если твой капитан не захочет попасть к партизанам, я смогу спрятать его в одном из наших имений. На людей, которые у нас работают, вполне можно положиться. Я поговорю об этом с отцом, хорошо?

Именно этого и добивался Габор.

— Дорогая, но твой отец занимает высокий пост, можно ли доверить ему судьбу Пьера?

— Ты мне веришь или нет?

— Конечно. — Габору стало как-то не по себе: вот рядом с ним такая красивая и добрая девушка, готовая ради него пойти на все, а он лжет ей.

— Скажи, а у твоего капитана есть семья? — спросила Сулита.

— Разумеется, жена и двое детишек. Если не ошибаюсь, его жена учительница, но в этом я не совсем уверен. — Немного помолчав, он спросил: — Сулита, а ты с коммунистами знакома?

— Нет, среди коммунистов у меня знакомых нет, да я и не хочу знакомиться с ними. Нацистов я боюсь, но я боюсь и коммунистов. В тот мир, в котором мы живем, иначе говоря, в мир моего отца они как-то не вписываются. Правда, я о них знаю мало, но для меня и того вполне достаточно, чтобы их опасаться. Я вовсе не хочу, чтобы нас лишили наших владений, а меня заклеймили как представительницу эксплуататорского класса. — Немного помолчав, она вдруг безо всякого перехода заговорила об известном русском художнике Анатолии Григорьеве, который еще в тридцатых годах выехал из Советского Союза на Запад. Попав в Прагу, он попросил там политического убежища. Тогдашние чешские власти удовлетворили его просьбу. Не так давно Григорьев посетил Венгрию, где выступил с лекциями о положении в России. Венгерские антикоммунисты бросились всячески поддерживать его и даже заказывали у него свои портреты.

— Когда ты придешь к нам, я покажу тебе его работы: он написал маму, папу и меня. А что художник рассказывал о большевиках — уму непостижимо... — Тут она взглянула на Габора и спросила: — Ты, возможно, относишься к ним иначе?

— Я? Почему?

— Мне просто так кажется, — засмеялась Сулита.

— Как бы тебе получше объяснить? Все здесь гораздо сложнее. У нас, например, очень многие художники и вообще люди искусства являются коммунистами, и, должен признаться, они отличные мастера своего дела. А в Венгрии действительно немало эмигрантов, и некоторые из них рассказывают кое-что о Советской России...

— Знаешь, если быть откровенной, то меня вообще коммунисты нисколько не интересуют. Но если бы судьба свела меня с ними и если бы их действия угрожали моей жизни, то я, естественно, сопротивлялась бы, боролась против них.

— Что ты говоришь? Такого просто не может быть!

— Еще как может!

— Объяснить тебе, кто такие коммунисты, дело не

простое. Чтобы много не говорить, скажу только то, что они более последовательно и отважно сражаются против фашистов, чем кто-либо другой. В том числе и во Франции, и в самой России.

Девушка прижалась к Габору и, поцеловав его, несколько шутливым тоном спросила:

— Уж не коммунист ли ты?

— А если бы я был им, тогда что? Что будет, если окажется, что я коммунист?

Сулита отстранилась от юноши и, заглянув ему прямо в глаза, произнесла:

— Я бы с тобой больше и разговаривать не стала. Может, даже убила бы. — Помолчав несколько секунд, она тихо добавила: — Я никогда не простила бы себе того, что первым мужчиной, кому я отдалась, оказался коммунист. Мне было бы так стыдно, что я, быть может, даже покончила с собой.

Габор ничего не сказал ей на это и лишь перед самым уходом спросил:

— Сегодня я увижусь с капитаном. Что мне сказать ему?

— Я даже не знаю. Разве это так срочно? — Голос у девушки слегка дрожал, выдавая ее волнение.

— Конечно, срочно: я же сказал тебе, что его жизни угрожает опасность.

Сулита задумалась.

— Сегодня одиннадцатое ноября, среда... Мне нужно съездить в имение, но сделать это я смогу только в воскресенье. Более того, для этой поездки мне еще придется придумать предлог. Что я объясню отцу?

— Если все это настолько трудно, тогда не нужно ничего делать. Я что-нибудь придумаю сам.

— Ну что ты, Жан! — Сулита обняла Габора. — Поверь мне, я очень хочу тебе помочь. Договоримся так: в воскресенье мы во что бы то ни стало вместе поедем в Феньвеш, дядюшка Гуйдар заберет с собой твоего капитана, увезет его на другой хутор и там спрячет.

8

Сулита была настолько влюблена, что в глубине души даже хотела стать матерью. Теперь ее уже не интересовали ни учеба в гимназии, ни экзамены на аттестат зрелости, ничто на свете, кроме любви, кроме Жана. Она не знала, да и не хотела знать, как любят другие люди,

что они при этом чувствуют. Ее личная любовь не только не расслабляла, но придавала ей силы и какую-то необъяснимую смелость. Очень многого она, естественно, не понимала. Например, она никак не могла понять, почему два молодых человека, которые по-настоящему любят друг друга, должны скрывать свое чувство от родных и близких, встречаться украдкой, держать в тайне от родителей свою связь, если такие отношения являются вполне естественными в человеческой жизни. Более того, необходимыми. Сулита даже сожалела, что не познакомилась с Жаном Дюраном раньше.

Однажды, случилось это в один из ноябрьских вечеров, она вернулась со свидания, когда родители уже сидели за ужином.

Горничная Жофи, встретившая девушку в прихожей, шепнула ей, что господа сегодня явно не в духе. Однако Сулита не придала ее словам особого значения. Поблагодарив Жофи, она прошла в свою комнату, чтобы переодеться к ужину.

В доме Читари к ужину все выходили, переодевшись в соответствующее платье. Так было заведено матерью Сулиты, и она принудила мужа и дочь строго выполнять это правило. Сулита считала эту церемонию ненужной и скучной. По ее мнению, вполне достаточно было красиво сервированного стола. Ей нравилось, когда на роскошной скатерти стояли херендский фарфор [1], фужеры и рюмки из хрусталя, возле каждого прибора лежали салфетки. Хотя даже это она считала слишком обременительным и смешным для обычного ужина.

Сулита прошла в ванную комнату и, погрузившись в теплую воду, дала волю своим мыслям.

«Как странно, — думала она, — внешне сейчас я такая же, как и в конце лета, и в то же время совершенно другая. С тех пор как я встретила Жана Дюрана, что-то изменилось во мне. Жан всегда рядом со мной, даже когда он на самом деле где-то далеко; я чувствую, даже осязаю его присутствие, его поцелуи, объятия, дыхание, слышу его негромкий напевный голос...» Сулита невольно улыбнулась, вспомнив, как мило и забавно Жан произносит венгерские слова.

В дверь ванной кто-то постучал.

---

[1] Херендский фарфор — знаменитый венгерский художественный фарфор (завод в местечке Херенд), широко известный и за рубежами Венгрии.

— Кто там? — отозвалась Сулита.

— Барышня, — послышался из-за двери голос Жофи, — досточтимая госпожа передает, что у нее кончается терпение.

— Будьте добры, скажите маман, что я счастлива и сейчас приду.

— Извините, барышня, — робко переспросила Жофи, — я вас не поняла.

— Я счастлива, дорогая Жофи, — громко проговорила девушка, — я — счастлива! Надеюсь, вы понимаете, что это значит!

— Я-то понимаю, но что мне передать досточтимой госпоже? Так и сказать ей?

— Да, Жофи, так и скажите. Можете еще добавить, что я очень счастлива!

— Хорошо, я так и передам.

— Подождите! — крикнула Сулита. — Будьте добры, приготовьте мне мое белое платье с вышитыми красными цветами.

Прислушиваясь к шагам удаляющейся Жофи, девушка вдруг представила себе, как Грета ужаснется, вытаращит глаза, узнав о ее отношениях с Жаном. Но тут же Сулита решила, что ничего ей рассказывать не станет. Если до этого не говорила, то лучше молчать и дальше. Правда, Грета очень любит ее, она хорошая подруга, но даже ее любовь Сулиты совершенно не касается. С этими мыслями девушка вылезла из ванны.

Терпение у матери, судя по ее виду, действительно кончалось, однако дочь сделала вид, будто ничего не случилось. Она хотела даже поцеловать мать, но та жестом остановила ее. Красивое лицо госпожи было строгим, словно окаменевшим.

«Не хочешь — пожалуйста, — подумала про себя девушка. — Своей напускной строгостью она, видимо, решила наказать меня. Не позволила поцеловать. Подумаешь, наказание!»

Сулита подошла к отцу и, поцеловав его в щеку, прошептала:

— Тебя я очень люблю.

Читари молча кивнул, что дочь мысленно перевела так: «Я тебя тоже люблю, доченька».

Сев на свое место, девушка поправила юбку и, развернув салфетку, положила ее себе на колени. Лицо матери оставалось застывшим и недружелюбным. Сулита почувствовала, что это начинает ее злить.

На первое подали суп с фрикадельками из печени. Выражение лица матери все больше и больше нервировало девушку, даже еда казалась ей невкусной.

— Ты почему не ешь? — спросила госпожа, когда дочь отодвинула от себя тарелку.

— Не хочу.

— Ну, ну, — обиженно проворчала мать.

— Оставь ее в покое, дорогая, — тихо попросил Читари жену.

— Не оставлю и не собираюсь! — Госпожа уставилась на дочь и спросила: — Ты знаешь, в котором часу мы обычно ужинаем? — В голосе ее звучал металл.

— Знаю, — ответила Сулита, чувствуя, что в горле у нее растет какой-то комок.

— Можно тебя спросить, где ты была?

— У своего любовника! — нисколько не задумываясь, выпалила девушка.

Госпожа с изумлением уставилась на дочь. Отец воспринял ее слова как явно неудавшуюся шутку. Сулита же почувствовала себя в тупике, из которого не было выхода. Да она и не искала его. Закрыв на миг глаза, она подумала о своем дедушке: как ей хотелось, чтобы он услышал ее призыв о помощи и оказался рядом! Но дедушка был далеко-далеко, где-то в окрестностях Брашова, а она сидела за столом рядом со стареющей госпожой, вернее, собственной матерью, которую должна была, но никак не могла себя заставить любить. Эта вредная, эгоистичная особа всего лишь произвела ее, Сулиту, на свет... Мать воспринимает ее как некую собственность, с которой можно делать все, что заблагорассудится. Как, очевидно, считает госпожа Читари, ее дочь не понимает или же не может понять, что она тоже человек, самостоятельная личность, у которой имеются свои помыслы и чувства.

Мать демонстративно положила на стол ложку и повторила вопрос:

— Где ты была?

— У своего любовника! — В голосе дочери звучали нотки упрямства. — Если тебя интересует, давно ли я встречаюсь с ним, я и на этот вопрос отвечу: уже два месяца. Я стала принадлежать ему спустя полчаса, как познакомилась с ним, и, скажу откровенно, ни капельки не жалею об этом. И сегодня, час назад, я была с ним, мы прекрасно провели время... Возможно, что у меня будет от него ребенок, я даже хочу этого. И раз уж

я рассказываю вам об этом, то скажу еще, что в данное время меня, кроме любви к этому человеку, ничего не интересует. Разумеется, это вовсе не значит, что я не хочу дальше учиться. Я буду учиться, сдам экзамены на аттестат зрелости, поступлю в университет. Тебе же, дорогая мама, следует теперь помнить, что у меня есть любовник и он будет приходить ко мне.

Лицо госпожи быстро менялось, оно то становилось бесцветным, то краснело, а потом опять бледнело. Не в силах вымолвить слова, она смотрела на дочь, делая время от времени глотательные движения, а руки ее дрожали мелкой дрожью. Сулите хотелось узнать, что именно думает ее мать, какие мысли теснятся у нее в голове. Госпожа Читари явно не рассчитывала на такой поворот, она считала, что ее послушная дочь до сих пор все еще играет в куколки, что она по-прежнему та маленькая, наивная Сулита, которая не имеет ни малейшего представления об отношениях между мужчиной и женщиной.

Сулита ждала, что с минуты на минуту мать упадет в обморок. Но госпожа Читари тяжело встала и с помощью супруга, поддерживавшего ее под руку, вышла из столовой. Девушке вдруг стало как-то не по себе. Нервничая, она закурила, невольно думая о том, что же будет дальше.

«А что, собственно, может случиться? Побьют они меня? Вряд ли, они раньше такого никогда не делали. Запретят ходить к подругам? Я это выдержу. Запретят вообще выходить из дома? Не станут же они в конце концов запирать меня...»

В этот момент в столовую вернулся отец. Он осуждающе покачал головой, а затем сделал знак следовать за ним. Они прошли в кабинет Читари.

— Садись! — Отец показал дочери на кресло, после чего сел сам. — Что за глупости ты только что говорила?

Сулита сначала хотела сказать, что она всего лишь пошутила, и только. Но не смогла сделать этого, так как ненавидела всякую ложь. И решила, что не будет лгать и сейчас. В конце концов, и она имеет право на счастье.

— Папа, это не глупости. Я говорила совершенно серьезно и только правду.

Читари занервничал — незажженная сигара, которую он держал в руке, дрожала в его пальцах.

— Ты хочешь сказать, что стала любовницей этого французского парня?

— Да, папа. И если ты разрешишь, я познакомлю тебя с ним.

— Не имею ни малейшего желания. Я ему устрою счастливую жизнь, такую, что он в два счета попадет в лагерь для интернированных!

— А почему бы тебе его сразу же не застрелить?! — выпалила Сулита. — Этот человек не сделал мне ничего плохого, пойми же это наконец. Я сама отдалась ему, и потому вся ответственность лежит только на мне. — Голос ее стал твердым. — И еще, папа, имей в виду, что, если с головы этого парня упадет хоть один волосок, я наложу на себя руки. Будет лучше, если вы поймете наконец, что я уже выросла — мне идет восемнадцатый год — и я влюблена.

— Нет, дочка. Я не собираюсь принимать это во внимание. Я даже не знаю, что он за человек...

— Я тебе уже рассказывала о нем, — перебила отца Сулита.

— А если он обманул тебя? Если он самый обыкновенный проходимец? Или немецкий агент?

— Нет, нет, этого не может быть! — решительно запротестовала дочь. — Его отец генерал, служит в Индокитае. Проверь это. Ты же сам говорил как-то, что в Будапеште есть представительство Петена. Папа, что тебя сейчас беспокоит? Что я уже не целомудренная девушка? Я могла бы и скрыть от вас это, другие так и делают, но ты сам внушал мне, чтобы я была честной, откровенной. Я не понимаю, что произошло с моим отцом, который до сих пор придерживался самых передовых взглядов на жизнь? Ты как-то внезапно превратился в ханжу.

Отец не отвечал на ее вопросы, и Сулита так и не узнала, что же ему не нравилось.

— Иди к матери и попроси у нее прощения, — сказал он после долгого молчания. — Скажи ей, что ты глупо пошутила.

— Я должна соврать? А если у меня и на самом деле будет ребенок?

— Неужели ты такая дурочка?! — с возмущением заговорил Читари. — Ты и вправду захотела ребенка?! — А когда дочь кивнула, он добавил: — Не будет у тебя никакого ребенка!

— Это зависит только от меня, — не без гордости огрызнулась дочь. — Я сама решу, что мне делать.

— Сулита, не усложняй и без того сложного. Ты еще слишком молода для этого. Живешь ты в моем доме, ешь мой хлеб, одеваешься тоже на мои деньги. Из всего этого следует, что ты должна слушаться меня и делать то, что подсказывает здравый смысл. Спорить с тобой у меня нет ни малейшего желания. Что случилось, то случилось, ничего уже не изменишь. Однако из этого необходимо сделать соответствующие выводы. Прежде всего, ты с ним ни в коем случае не должна встречаться. Как его зовут?

— Жан Дюран.

— Так вот, повторяю еще раз: ты больше не встречаешься с Жаном Дюраном.

— Ты не можешь мне это запретить!

— Еще как могу! Учти, что я вообще могу отослать тебя в Дебрецен или куда-нибудь еще, где ты будешь находиться в пансионе. И еще: если ты добровольно порвешь с этим Дюраном, я не сделаю ему ничего плохого. В противном случае я приму соответствующие меры.

Сулита почувствовала, что попала в ловушку. Глазами, полными слез, она посмотрела на отца и спросила:

— Но почему?

— Я так хочу.

— Пойми же, что я не могу и не хочу жить без Жана.

— Еще как сможешь, а теперь иди к себе, а прощение у матери можешь и не просить.

Не говоря ни слова, Сулита вышла из комнаты.

«Но ведь я сама виновата, — мысленно убеждала она себя. — И зачем только я так поступила?.. Но и папа хорош, возомнил бог знает что о себе! Вот дедушка понял бы меня. Села бы я возле него на низенькую скамеечку, положила бы голову ему на колени и пожаловалась бы: «Дедушка, дорогой, мне не разрешают любить и быть любимой». Но дедушка от меня так далеко. А бабушка? Она-то здесь и очень любит меня...»

Не прошло и часа, как Сулита уже была у бабушки, любившей свою внучку, не перестававшей восхищаться ее красотой и желавшей, чтобы она сохранила ее до глубокой старости.

— Что с тобой случилось? — поинтересовалась добрая старушка.

Они сидели в комнате, окна которой, заставленные цветочными горшками, выходили на берег Дуная. Бабушка обожала цветы, и поэтому ее жилище напоминало теплицу или зимний сад.

На противоположном берегу Дуная стояло красивое здание Парламента, огни которого были хорошо видны в ясную погоду. Сегодня же густой туман скрыл даже контур здания.

Сулита рассказала бабушке о случившемся, ничуть не привирая и удивляясь, что ей ни капельки не было стыдно при этом. Бабушка не перебивала ее. На сей раз она не дремала, слушала внимательно, временами кивая головой. Старушке было уже далеко за семьдесят, слух у нее несколько притупился, однако в уме ей по-прежнему отказать было нельзя.

Выложив все начистоту, Сулита замолчала. Молчала и бабушка.

— Да, я хотела вас попросить кое о чем, бабуля! — заговорила девушка первой.

— О чем же это?

— Если меня будут искать отец или мать, скажите им, что меня у вас нет.

— Ты меня не учи, я сама знаю, что мне говорить.

Бабушка была очень богата и нисколько не зависела от семьи Читари. Поэтому она могла себе позволить разговаривать со своими родственниками твердо и властно.

— Ты ужинала? — спросила она.

— Немного ела, — ответила ей внучка. — Только начала ужинать, как разразилась эта буря.

— Пошли. — Старушка махнула рукой.

Они прошли на кухню, где бабушка поставила на стол холодное мясо и салат, а сама села и стала смотреть, как ест внучка.

— Мария моя уехала на похороны, — пояснила старушка. — Брат у нее умер. Вернется только в конце недели, вот я одна тут и хозяйничаю... Короче говоря, ты влюбилась в этого юношу. Что ж, это, конечно, хорошо. А он тебя любит?

— Любит, чувствую, любит!

— Глупенькая ты! Как ты можешь это чувствовать? Он тебя обнимает, целует, да? — Старушка махнула рукой. — Послушай, что скажет тебе твоя старая бабушка. Крепко обнимает и горячо целует и тот, кто не любит, а только желает. Он и сам может этого не знать. Он видит, что ты красивая, привлекательная, больше ничего о тебе и не знает. Ну да ладно, ничего страшного не произошло. Будем надеяться, что ты не забеременела. Будем надеяться. А если вам с ним обоим хорошо, то и на здоровье,

но только будь осторожна. Не ошибись и не разочаруйся. Военные — люди не очень надежные. А по секрету шепну тебе, что любовь без объятий ни черта не стоит...

В этот момент зазвонил телефон. Старушка сняла трубку. Звонила мать Сулиты.

— Да, она здесь, — сказала бабушка. — Спит. Нет, нет, будить ее я не стану. И домой не отпущу. На несколько дней она останется у меня. Я, кажется, ясно сказала, что она пока останется у меня! Я знаю, что она твоя дочь, но все равно она останется у меня. Ты всегда была глупой, такой и осталась до сих пор. Да, я знаю, что случилось. Все точно знаю. И хорошо, что ты узнала об этом от нее, а не как я в свое время со слов профессора Хоровитца. И тебе тогда тоже исполнилось только семнадцать лет. Так что не поучай меня. Нет, нет, ничего она не слышит: спит без задних ног... — Потом старушка долго молчала, поглядывая время от времени на Сулиту, хитро усмехалась, слушая то, что ей говорили.— Хорошо, спокойной ночи. — Она положила трубку.—Ну, пошли спать. Утром надо рано вставать.

— Вы спите, бабуля, я сама встану. Я и дома сама просыпаюсь. А если разрешите, то я вам завтрак в постель подам.

Добрая старушка обняла внучку, поцеловала, а затем удалилась в спальню.

Сулита вскоре тоже легла, думая все время о Жане и мысленно разговаривая с ним.

«Видишь, милый, я взяла на себя всю ответственность и никому не разрешу разлучить нас. А бабушка все же не права, так как я чувствую, что ты любишь меня и будешь любить всегда...»

На следующее утро Сулита проснулась в пять часов. Умывшись на скорую руку, прошла на кухню. Не спеша приготовила все необходимое для завтрака. Затем зажгла газ, вскипятила воду, достала из холодильника яйца. И тут в дверь кто-то постучал.

— Войдите, — проговорила она и обернулась к двери. На пороге стоял Жан, держа в одной руке бутылку с молоком, а в другой — батон хлеба. На голове у него была студенческая фуражка. Он улыбался, но постепенно улыбка его погасла. Сулита же стояла как вкопанная, не понимая, почему ее не хватил удар и она мигом не умерла.

Каким-то чудом Габор не выронил бутылку. Он стоял, не понимая, что же ему делать. Все, что было им сказано до этого, оказалось теперь сплошной ложью.

Сулита с трудом сдержала себя.

Спустя несколько секунд Габор пошевелился, поставил бутылку с молоком на стол, а батон положил в плетеную корзиночку для хлеба.

— Сулита... разреши тебе все объяснить?—запинаясь, пролепетал он.

— Кто ты?! — дрожащим голосом спросила побледневшая девушка.

— Я тебе сейчас все объясню.

— Кто ты? — Голос Сулиты, казалось, доносился откуда-то из могилы. — Почему ты не отвечаешь?

Габор вытер рукой мигом вспотевший лоб.

— Я Габор Лукач, — хрипло ответил он.

У Сулиты был такой вид, как будто она еще на что-то надеется.

— Значит, никакого Жана Дюрана нет и не было? И все, что тобою сказано, неправда?

Габор покачал головой.

— Это была просто шутка, Сулита, — произнес юноша голосом кающегося грешника.

— Это была очень плохая шутка. Бесчеловечная шутка. — На глаза Сулиты набежали слезы.

— Признаю, что плохая, и очень сожалею. Но я действительно люблю тебя. Очень люблю! Я еще раньше хотел рассказать тебе всю правду, но все как-то не решался. Я боялся потерять тебя.

Постепенно Сулита начала приходить в себя. Лицо ее приняло застывшее выражение, взгляд стал решительным, твердым.

— Сколько я тебе должна?

— Не понимаю.

— Сколько пенгё [1] я тебе должна? Не понимаешь? Сколько пенгё в подобных случаях платят богатые женщины своим любовникам? — Голос ее резал как бритва.

---

[1] Пенгё — основная денежная единица в Венгрии; заменена находящимся ныне в обращении форинтом 1 августа 1946 г.

От оскорбления Габор весь покраснел. — Отвечай!.. Сколько платят в таких...

— Об этом тебе лучше спросить у своей матери. Она наверняка знает. — Теперь уже у Габора появилось желание обидеть Сулиту. — С тебя я денег не возьму: у меня еще не было любовницы из аристократической семьи. Я, кстати, к вашим услугам в любое время. Живу по следующему адресу: Третий район, улица Касаш, дом пятьдесят четыре, спросить Габора Лукача.

— Я запомню. — Девушка густо покраснела. — Только я задаром ничего не беру. — Она открыла шкафчик и достала из него деньги. — Вот, пожалуйста, получи сто пенгё. За все. Возьми и никому не рассказывай, что ты любил бесплатно. — Повернувшись, она гордо вышла из кухни.

Габор несколько мгновений смотрел на деньги, потом повернулся и, слегка пошатываясь, вышел из дома.

Оказавшись на улице, он медленно побрел в сторону набережной, с трудом переставляя сразу налившиеся ноги. Вдоль Дуная дул легкий ветерок, принося с собой запахи ресторанов, расположенных на острове Маргит и на Бульварном кольце. От воды пахло свежестью и рыбой. В столь ранний час туман, обычно окутывавший в это время года город, еще не успел рассеяться, поэтому здания на противоположном берегу реки, вернее, их силуэты казались какими-то нереальными и удивительно походили на театральные декорации, когда перед авансценой опускают кисейный занавес, чтобы подчеркнуть расстояние, отделяющее их от зрителей, сидящих в зрительном зале.

Присев на ступеньки гранитной лестницы, спускавшейся к самой воде, Габор отсутствующим взглядом уставился прямо перед собой. Только что происшедшее казалось ему сном, тяжелым, мучительным. Радостные надежды, которые еще полчаса назад теснились в его голове, словно ветром сдуло.

«Спектакль какой-то глупый получился, причем с отвратительным концом... — невольно подумал Габор, уронив голову на сложенные на коленях руки. — Угораздило же меня опростоволоситься, да еще когда все так хорошо складывалось!.. Нет, верно говорят, что ложь никогда никого до добра не доводит. Вот и меня она не сделала счастливым. Видно, разные мы люди: они богатые и бла-

городные, а мы — бедные и подлые. И пролегла между нами пропасть побольше вот этой реки, что отделяет Пешт от Буды...»

Забрав свою корзину, Габор встал и, со злости сплюнув в зеленую воду, решительным шагом направился в лавочку, вознамерившись бросить работу, которая, кроме унижения и жалкого куска хлеба, ничего ему не давала.

Второе испытание

1

Габор в течение нескольких дней никак не мог прийти в себя. По вечерам, лежа в постели с открытыми глазами, он часами смотрел в потолок, не в силах забыть последнюю встречу с Сулитой. Порой он видел себя как бы со стороны: вот он, в гимназистской фуражке на голове, с раскрасневшимся от волнения и обиды лицом, стоит перед Сулитой. Лицо ее бледнее бледного, кажется, что девушка упадет сейчас в обморок, но она все же берет себя в руки, с вызовом бросает на стол ту проклятую сотню...

Как-то Габор рассказал о случившемся Роберту, когда они находились в классе на одной из перемен. Друзья отошли к окну и разговаривали почти шепотом. Впрочем, ребята шумели так громко, что их все равно никто не мог слышать. Оба время от времени поглядывали на дверь, в которую с минуты на минуту должен был войти учитель истории Макраи.

— Я знал, что конец будет таким печальным, словно чувствовал это. Господским дочкам далеко не все равно, с кем они знакомятся, с кем предаются любовным утехам.

— Все это не так просто, — заметил Габор. — Я был порядочным ослом, когда согласился разыгрывать роль какого-то француза. Только не говори об этом Мари.

— Разумеется, она тут совершенно ни при чем, Габор, просто это или не просто — все равно пустяки. Я, дружище, считаю, что этим господским дочкам так и надо. Вот родит на память маленького «французика» или «француженку», тогда будет знать. — Роберт засмеялся. — Она тебя, выходит, выгнала из квартиры? Ну и ладно. Ты мне лучше скажи, что теперь будет с Деме. Ведь сначала вы договорились, что завтра утром его увезут в Балатонфеньвеш, и бедняга ждет не дождется этого.

— Теперь-то уж никто никуда его не увезет.

— Понятно, но куда мы его теперь денем? — с беспокойством спросил Роберт.

— Чего не знаю, того не знаю, но что-нибудь придумаем.

Раздался звонок, возвещавший начало урока. В класс вошел Макраи и, как всегда, оглядел ребят своим пронизывающим взглядом. В тот день шло повторение материала, который выносился в экзаменационные билеты: крестьянское восстание под руководством Дьердя Дожи[1] и так называемый «Свод законов» Вербеци[2].

Габор и его друзья хорошо знали, что Макраи лютой ненавистью ненавидел Дожу и считал его не революционером, а главарем крестьянской шайки. Это вызывало удивление у гимназистов, так как они знали, что учитель, фамилия которого оканчивалась на «и», свидетельствовавшее, так сказать, о благородном происхождении, на самом деле родился в семье бедного железнодорожника. Макраи был фанатически религиозен и считал, что как бедность, так и богатство ниспосланы богом и сам человек не в силах изменить волю всевышнего. Преподаватель истории был глубоко убежден, что не смог бы ничего изменить и Дьердь Дожа, который, по его мнению, руководствовался лишь мщением и ненавистью, а отнюдь не христианским смирением и покорностью.

У Габора о вожде крестьянского восстания и о его деле было совершенно другое мнение.

Полистав журнал, Макраи вызвал к доске Роберта.

— Только не горячись, Роберт, — напутствовал друга Габор, — не серди его и отвечай как надо.

Роберт понимающе кивнул и медленным, спокойным шагом направился к доске. Немного подумав, он начал отвечать, неторопливо и уверенно. Сначала он дал довольно подробную характеристику того периода, не забыв упомянуть о роли и значении крестовых походов и их влиянии на экономику ряда стран.

Макраи несколько раз перебивал Роберта, который тотчас же умолкал, а когда учитель закрывал рот, веж-

---

[1] Дожа Дьердь (?—1514) — руководитель и полководец крупнейшего крестьянского восстания Венгрии 1514 г.; после его подавления феодалами был казнен (живьем сожжен на раскаленном железном троне).

[2] Вербеци Иштван (ок. 1458—1541)—венгерский юрист и дипломат; составил в 1514 г. свод прав в трех частях (Трипартитум) — основной правовой акт Венгерского королевства, закреплявший сословные привилегии дворянства.

ливо просил разрешения продолжать свой рассказ. А когда Макраи давал такое разрешение, Роберт спокойным тоном, но с убежденностью продолжал хвалить Дожу, давая при этом положительную оценку самому крестьянскому восстанию, считая его вполне закономерным и своевременным.

— Достаточно! — остановил Макраи отвечавшего и, быстро встав со своего учительского места, добавил: — Довольно! Довольно!

— Разрешите, господин учитель, сказать еще одну-единственную фразу, — попросил Роберт. — Я твердо уверен в том, что настанет время, когда наш народ разрушит памятник, поставленный Вербеци, и воздвигнет монумент, достойный славного дела Дьердя Дожи.

Позже такое заявление Роберта вызвало скандал, который, однако, его нисколько не тронул. На следующий день парень сам подошел к классному руководителю Арпаду Балинту и сказал ему:

— Господин классный руководитель, все, что я рассказал на уроке, я вычитал из учебника истории.

— Не говорите глупостей, Фюрьеш, уж не хотите ли вы сказать, что в учебнике истории Домановского написано о разрушении памятника Вербеци?

— Ваша правда, об этом в учебнике не говорится ни слова. О Вербеци я высказал свое собственное мнение, но вы, господин классный руководитель, всегда говорили нам, что гимназия дает, так сказать, лишь фундамент знаний, на основе которого мы должны строить собственные оценки и собственное мнение.

Балинт еле заметно улыбнулся.

— Садитесь на свое место и не удивляйтесь, если за полугодие у вас будет по истории неудовлетворительная оценка.

Габор и Роберт продолжали учиться, по утрам разносили молоко и хлеб своим клиентам, но так и не додумались, что же им делать с Деме. К старушке Петени, бабушке Сулиты, теперь ходил не Габор, а Роберт. Парень надеялся, что однажды он встретится там с Сулитой, но каждый раз дверь ему открывала уже немолодая служанка Мария. Она, правда, симпатизировала Габору и потому постоянно интересовалась его делами.

Иногда Роберт оставался ночевать у Габора. Юноши порой почти не спали, разговаривая до самого рассвета.

Габор пытался забыть Сулиту, вытравить из памяти воспоминания о ней, но сделать это ему никак не удава-

лось. Иногда он интересовался у Мари Каройи, что ей известно нового о Сулите.

— В последнее время она очень печальная, — отвечала ему девушка.

— Что значит «печальная»?

— Неужели ты не знаешь, что это такое?

Разумеется, после случившегося у Габора и мысли не было, что Сулита тоскует о нем. Чтобы хоть как-то забыться, он стал чаще заходить к Лонке, хотя уже и не давал больше уроков французского ее брату Пиште, стараясь появляться у Кулчаров тогда, когда девушка оставалась дома одна.

Ученик Габора Мики Банвельди сдержал свое слово.

Тери Ней словно приворожила Габора, она прекрасно усваивала все то, чему он ее учил, регулярно штудировала материал по учебнику и между делом постепенно заманивала своего репетитора в умело расставленные сети.

Тем временем заметно похолодало, по ночам же было просто холодно. Снабжать Деме продуктами становилось все труднее и труднее. Дядюшка Фаркаш стал поговаривать о том, что укрытие Деме ненадежно: в окрестностях появились жандармы, которые что-то вынюхивают.

— Подождите еще немного, — обещал Габор старику. — Мы что-нибудь придумаем.

— Поскорее, сынок, а то я боюсь, как бы не случилась беда.

Однако ни Габор, ни Роберт никак не могли найти человека, на которого можно было бы положиться.

В один из серых дождливых декабрьских дней ребята решили навестить Деме.

Журналист, завернувшись в одеяло, сидел на скамейке. Обогреватель почему-то не действовал. В окно с бешеной силой стучался ураганный ветер. Габор уселся на низенькую табуретку, а Роберт — на край раскладушки. Все трое закурили. Габор рассказал, что связной Роберта неожиданно куда-то исчез и о нем до сих пор ничего не известно.

— Во что бы то ни стало нам необходимо установить связь с вышестоящими товарищами, — сказал Роберт.

Деме промолчал.

— Другого выхода у нас нет, — поддержал друга Габор. — Вы должны дать какой-нибудь адрес, по которому мы...

— Нет, нет, никакого адреса вы от меня не получи-

те! — почти истерически выкрикнул Деме, перебив юношу.

— Черт бы побрал ваше упрямство, — начал злиться Роберт, — неужели вы не понимаете, что моя связь нарушена?

— Нет — значит нет. Поступать как-то иначе меня никто не уполномочивал. Придется ждать до тех пор, пока связной сам не выйдет на нас.

— А если он провалился? — не унимался Роберт.— Тогда что делать?

— Этого я и сам не знаю. Нужно ждать, ребята, терпеливо ждать. Лучше найдите для меня какое-нибудь более теплое место, а не то я здесь зимой замерзну до смерти.

Ребята были не согласны с точкой зрения Деме. Вот тогда-то в голову Габору и пришла мысль о том, что с таким человеком, как Деме, замкнутым, не способным на самостоятельные поступки, нельзя вместе бороться...

— Это какой-то упрямец, — высказал свое мнение Роберт, — но я уверен, что не все коммунисты такие. Раньше я думал о Деме иначе.

В тот вечер Роберт остался ночевать у Габора. Оба долго сидели возле печки и грелись. Габор все еще думал о Деме, в глубине души ему было его жаль. Мать заварила им чай. Поставив молча чашки на стол, она хотела выйти, но сын остановил ее, взяв за руку:

— Мама, да вы пикак плачете?

Она потянула руку, но сын еще крепче держал ее. Печка тем временем раскалилась докрасна.

— Пусти, сынок.

— Мама, почему вы плачете?

Мать неподвижным взглядом уставилась на стену, как будто могла видеть сквозь нее.

— Реже погиб, — прошептала она, немного помолчав.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Спазмы перехватили горло Габора.

— Мама, — выдавил он из себя, всхлипывая. Встав, он подошел к матери и обнял ее. Роберт, не говоря ни слова, поцеловал женщину в худую щеку.

— Знаете, я вот сейчас думаю, кого я должна ненавидеть: то ли тех, кто послал Реже на фронт, то ли тех, кто его убил.

— Винить и ненавидеть нужно войну, — заметил Роберт, — и тех, кто эту проклятую войну начал. Ведь не

русские напали на Германию, да и на нас тоже, а наоборот.

— Это точно, никто с Украины венграм приглашений не присылал, — сказал Габор.

— Теперь ты один у меня остался, Габор. Береги себя, сынок!

— Постараюсь, мама. — Габор на миг закрыл глаза и невольно подумал о том, как же он сможет это сделать. В мае начнутся экзамены на аттестат зрелости. Десятого июня — последний устный экзамен, а в октябре — в армию. Призыву подлежат не только выпускники, но и многие преподаватели. Сейчас важно не учение, а война.

Габор настолько устал, что с нетерпением ожидал рождественских каникул, когда можно будет хоть немного отдохнуть. Его также занимал вопрос, что он сможет подарить матери на рождество.

Налетел такой сильный порыв ветра, что было слышно, как стонали деревья в саду.

«Что же теперь будет с Деме?» — думал Габор, а затем вдруг обратился к матери:

— Мама, у моего крестного есть один друг...

— Какой друг?

— Фамилии его я не знаю. Но крестный перед отправкой на фронт познакомил меня с ним. Сейчас этот человек вынужден скрываться.

— Почему? Что он такого натворил?

— Этого я не знаю, но негодяем он никак быть не может, раз он друг крестного. Может, дезертир или что-нибудь в этом роде...

— И к чему ты мне это все говоришь?

— К тому, что ему нужно помочь.

— А как?

— Хорошо бы его забрать к нам.

— А где он сейчас живет?

— В сарае для хранения лодок.

Женщина долго молчала. Возможно, она вспомнила, что однажды скрывала уже у себя одного человека...

— А беды от этого не будет? — спросила она после долгого молчания.

Габор пожал плечами.

— Вы, мама, вполне можете о нем ничего не знать, для вас он просто квартирант.

— Так-то оно так, но ведь и о квартиранте положено заявлять в полицию.

— А вы просто забыли сделать это...

В ту же ночь ребята привели Деме. У бедняги от долгого одиночества уже начали сдавать нервы.

Войдя в квартиру, Деме представился и хотел было поцеловать хозяйке руку, но Вероника Лукач не позволила ему это сделать. Расчувствовавшись, она сразу же бросилась потчевать бедолагу горячим супом, а когда тот поел, постелила ему в комнате тетушки Анны. Габор же постарался хорошенько натопить ванную.

У Габора Деме прожил несколько месяцев. Питались более чем скромно, так как продовольственные карточки получали только Габор и его мать, а Деме, как назло, не страдал отсутствием аппетита. Часто и подолгу он беседовал с Габором. Деме, как выяснилось, поездил по свету и повидал мир, жил в Париже, Москве и Берлине. Он много рассказывал о советских людях, обстоятельно объясняя, почему германскому фашизму никогда не победить Советский Союз. Благодаря Деме Габор познакомился с основами научного социализма. Из этих разговоров юноша усвоил очень много полезного для себя.

Шестнадцатого мая в гимназии начались письменные экзамены на аттестат зрелости. Габора экзамены не очень волновали, так как он хорошо знал пройденный материал и был уверен, что получит хорошие отметки. Задания оказались для него нетрудными, и он без ошибок выполнил их. После двадцатого мая Габор решил несколько дней отдохнуть, чтобы потом засесть за подготовку к устным экзаменам. Они с Робертом решили заниматься вместе.

В один из последних дней мая неожиданно дал о себе знать связной. Это был худощавый мужчина средних лет с бегающими глазами и манерой говорить как-то нараспев. В первый же день он встретился с Деме. У них был долгий разговор, содержание которого осталось для ребят неизвестным, да они и не особенно жалели об этом.

Второго июня, когда Габор вернулся домой, мать встретила его словами:

— Сегодня снова к нам заходил Большеногий, — так прозвали они связного. — Принес ящик, словно огромный чемодан, но, что странно, даже не спросил разрешения, можно ли его внести. Чудно, не так ли? Все-таки я пока еще хозяйка в этом доме.

— Ты, безусловно, права, мама, я поговорю с нашим квартирантом.

На замечание Габора Деме не без горячности ответил:

— Пойми, Габор, это делается в интересах нашего движения.

— Вполне может быть, но не следует забывать и того, что я лично не являюсь участником вашего движения. Вам ясно? Для меня дороже всего покой и безопасность родной матери. Что находится в ящике?

— Этого я сказать не могу. — Деме на миг задумался. — Да и для вас самих будет лучше, если вы этого не узнаете.

Затем Деме пообещал, что он не станет делать ничего такого, что бы могло повредить матери Габора. Юноша поверил ему на слово.

С утра и до позднего вечера Габор сидел за учебниками и занимался зубрежкой. Восьмого июня начались устные экзамены, а спустя два дня он порадовал мать, сказав, что благополучно прошел все испытания. Двадцать пятого июня Габор получил аттестат зрелости. Его так и подмывало встретиться с Сулитой, показать ей этот аттестат и сказать: «Вот видишь, дорогая, хотя я и не французский лейтенант, отец мой не французский генерал, а сам я всего-навсего бедный парень с окраины Будапешта, но ум у меня все же имеется...» Однако сделать этого он, разумеется, не мог, так как Сулита отныне была для него недостижимо далека.

С первого июля Габор приступил к работе на венгеро-немецком моторном и станкостроительном заводе, управление которого размещалось на проспекте Терезы. Его приняли заготовителем сырья, назначив довольно приличный оклад, получая который он уже мог содержать мать. Ежемесячно ему платили двести сорок пенгё плюс пятнадцать процентов премиальной надбавки. На такие деньги можно было безбедно прожить вдвоем с матерью.

Часто Габор вспоминал Сулиту, чувствуя при этом одновременно боль и злость.

Двадцать восьмого июля Габор встретился в пивной на улице Сонди с Робертом. Настроение у того было на удивление мрачным. Они заказали себе по кружке пива.

— Что случилось? — участливо спросил друга Габор.

Роберт пожал плечами.

— Мари оказалась такой же дрянью, как и твоя Сулита. Все они одинаковы. Змеи подколодные.

— Объясни хоть, что случилось?

— Наставила мне рога с одним сопливым художником... С противной такой харей...

— А ты уверен, что это правда? Мари тебя обожает, как-никак ты у нее первый. Прошло больше года...

— ...и я ей уже наскучил. Оставим этот разговор. Меня она больше не интересует. Плевать я на нее хотел, хотя ты знаешь, как я ее любил...

Габор сделал несколько глотков из кружки и спросил:

— Вы поссорились?

— И не собирались. Прошлое воскресенье целый день были вместе: отец уехал на хутор к какому-то графу, чтобы лепить его. А в понедельник утром моя возлюбленная вдруг ни с того ни с сего заявляет, что ее обожает один художник, который ей тоже очень нравится, и что она у него ночевала. Услышав это, я мигом бросил завтракать и спросил, хорошо ли она все обдумала. «Разумеется», — ответила мне Мари. Я встал и, не попрощавшись, ушел.

Утешить Роберта было просто невозможно. Теперь Габор в душе ненавидел не только Сулиту, но и Мари Каройи тоже. В скверном расположении духа он отправился на работу.

Едва успел он войти в кабинет и сесть за свой рабочий стол, как его вызвал к себе начальник — Курт Хубер.

— Садитесь, господин Лукач.

Габор сел, а Хубер выдвинул верхний левый ящик письменного стола и достал из него батон хлеба. Отрезав ломоть, он намазал его горчицей и начал есть.

— Господин Лукач, — заговорил снова Хубер, пережевывая крепкими зубами хлебную корку, — я полагаю, что настало время нам с вами кое о чем поговорить, так сказать, по душам. Разумеется, все сказанное здесь должно остаться между нами. — Заметив, что Габор с удивлением смотрит на него, он улыбнулся и продолжал: — Да, да, господин Лукач, беседа эта должна быть сугубо конфиденциальной. Возьмите кусок хлеба и пожуйте, с горчичкой очень вкусно.

Габору ничего не оставалось, как взять предложенный хлеб.

— Вам передает привет инженер Михай Диньеш, — как бы между прочим заметил Хубер.

— Да я и забыл совсем! — хлопнул себя по лбу Габор.

— Он приходится мне младшим братом, — продолжал Хубер, — но мы с ним совсем не похожи: он, можно сказать, красавец с шикарной шевелюрой, а я, как видите, успел основательно полысеть. Помимо этого, он

и по сей день еще молодой человек, а мне уже далеко за сорок... Так вот, Михай говорил мне о вас. Он считает, что вы коммунист. Хорошо, хорошо, не пытайтесь протестовать, само собой разумеется, вы мне в этом не признаетесь, да, откровенно говоря, мне это и не нужно вовсе. Для меня, господин Лукач, важно то, что вы придерживаетесь антинацистских взглядов. — Говоря все это, он почти доел свою краюшку, а остаток завернул в льняную салфетку и убрал в портфель. — Это останется па ужин, — пояснил Хубер. — Знаете ли, я ведь холостяк, и мне самому приходится заботиться о себе. Так на чем я остановился? Да, господин Лукач, наше предприятие, как вы знаете, является смешанным, венгеро-немецким. Из этого, однако, вовсе не следует, что все наши сотрудники являются нацистами или же лицами, симпатизирующими им. Конечно, есть у нас и доносчики, дай бог, чтобы мы с вами не попали в их поле зрения. Как вы хорошо знаете, наш завод занимается выпуском военной продукции, да еще не какой-нибудь, а чрезвычайно важной. До сих пор мы, можно сказать, находились в довольно легком положении, так как лишь косвенно принимали участие в военном производстве Германской империи, но скоро наша роль резко изменится. Речь пойдет о повышении качества выпускаемой продукции. Как известно, западные союзники русских с весны начали бомбардировки немецких заводов. Учитывая это, германский генеральный штаб решил организовать и наладить в странах-союзницах выпуск военной продукции. По планам гитлеровских главарей, мы, венгры, должны принять самое активное участие в так называемой программе победителей.

— И в чем же она конкретно заключается?

— Сейчас объясню, — ответил Хубер и провел ладонью по лысому черепу. — Мы должны принять участие в выпуске самолетов «мессершмитт». Пока что идет планирование, затем последует строительство подземного военного завода, которому будут не страшны бомбардировки. Так вот, мы, я и еще кое-кто, фамилии называть не стану, решили в какой-то степени затормозить выполнение этой программы в Венгрии, а если можно, то и вообще сорвать ее. В этой работе мы рассчитываем и на вас. Вот, собственно, и все.

Когда Габор вышел из кабинета Хубера, голова у него шла кругом, так как он не хотел вмешиваться в политику и считал, что с него больше чем достаточно Вин-

це Деме и Большеногого с его таинственным ящиком. А вечером того же дня, вернувшись домой, он узнал, что Винце Деме и ящик исчезли.

— Когда я уходила на рынок за продуктами, — рассказывала мать, — Деме сидел дома. Я еще спросила его, что бы он хотел съесть на обед. Он ответил, что лечо. Вернувшись домой, я его уже не застала.

— Ничего не понимаю. Он не оставил даже записки?

— Нет, ничего не оставил. Не написал и нескольких слов, чтобы поблагодарить нас за гостеприимство. Ты что-нибудь понимаешь, сынок? Я, например, ничего. Или теперь, быть может, так принято поступать?

Матери Габора очень не понравилось, что Деме ушел из ее дома, не поблагодарив ее. Как-никак она более полугода скрывала его у себя, обхаживала, обстирывала и кормила, а когда он весной заболел, то и лечила его.

На ужин мать и сын ели лечо. После ужина юноша прослушал последние известия по радио, из которых узнал, что гитлеровцы еще дальше продвинулись по направлению к Сталинграду. А советские войска, если верить сообщению, панически бежали под натиском немцев. Настроение у Габора сразу же испортилось.

«Черт возьми, — думал он, — что же там происходит? Выходит, фашистов не может остановить даже Красная Армия?..»

На следующий день, утром, юноша зашел к Курту Хуберу. Начальник отдела встретил его по-дружески.

— Уж не случилось ли какой-нибудь беды, господин Лукач? Садитесь, пожалуйста.

Габор сел.

— Господин Хубер, я вечером очень долго думал над вашим предложением.

— И до чего же додумались?

— Вот уже более трех недель, как я работаю у вас, и за все это время вы ни разу не поинтересовались, что я за человек, сразу доверились мне. Как мне кажется, господин Хубер, это более чем легкомысленно. Только не обижайтесь на меня за откровенность. Если вы всех так опрометчиво станете посвящать в свои планы, то ваша антигитлеровская деятельность будет быстро разоблачена, а жизнь окажется под угрозой.

— Благодарю вас за откровенность, молодой друг, — рассмеялся Хубер. — Вообще-то вы, безусловно, правы. Однако вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что о наших планах и о нашей деятельности знают многие. Вы третий

человек, которому я доверился. Видите ли, господин Лукач, мы не принадлежим к какой-нибудь определенной партии или организации. Мы всего-навсего венгры, правда, если хотите, думающие, честные венгры. Мы не любим нацистов и не хотим, чтобы наш завод выпускал моторы и запасные части к самолетам «мессершмитт». Когда состоялось заседание директорского совета, на котором господин Франк, немецкий уполномоченный, ознакомил нас с решением гитлеровского правительства, я сразу же задумался над тем, как можно расстроить или же вообще сорвать этот адский план. После заседания я кое с кем переговорил, и мы решили взять к себе в отдел человека, которому можно было бы полностью доверять. Вот тогда-то я, полагаясь на рекомендацию Миши Диньеша, и предложил вашу кандидатуру. Он, кстати, убежден в том, что вы коммунист.

— Я вовсе не коммунист. Миши Диньеш ошибся. Действительно, я не люблю нацистов, не терплю нилашистов, но я все же не коммунист.

— Ну, это не столь уж и важно. Может быть, даже лучше, что вы не являетесь коммунистом. Их сейчас поголовно забирают — а вдруг и вы попали бы под эту гребенку?..

— Это куда же их забирают? — поинтересовался Габор.

— В казарму, что на проспекте Андраши. Один мой знакомый, по профессии адвокат, рассказывал, что за прошедшую неделю арестовали более ста коммунистов.

Габор сразу же подумал о Деме. Вдруг этим объясняется его внезапное исчезновение? Возможно, он решил, что отнюдь не находится в безопасности, и с помощью Большеногого перебрался в другое место.

— Знаете, господин Лукач, — продолжал Хубер, — если вы не желаете помогать нам, скажите откровенно, я нисколько не обижусь.

— Нет, нет, дело не в этом, — запротестовал юноша. — Я совсем не против того, чтобы насолить нацистам, просто не имею ни малейшего представления о том, что лично я могу для этого сделать. К тому же, насколько я знаю немцев, они если решили что-нибудь, то обязательно добьются своего, а всех, кто стоит у них на пути, просто уничтожат.

Хубер вновь извлек из стола хлеб, отрезал кусок и, намазав его горчицей, как ни в чем не бывало начал есть.

— Не скрою от вас, что такая опасность действитель-

но существует. Но, как мне кажется, есть смысл пойти на риск. Что же касается уничтожения не угодных фашистам людей, то далеко не всегда удавалось сделать это. Далеко не всегда и далеко не везде. Зимой прошлого года Гитлер хвастался, что уничтожит Москву, однако это ему так и не удалось. В настоящее время фюрер намеревается уничтожить Сталинград. Посмотрим, что у него получится. А вообще-то, господин Лукач, я готов на что угодно спорить с вами, что фашистам не удастся переправиться через Волгу.

— Дай бог, чтобы так и было. А теперь скажите, что я, или, вернее говоря, мы втроем...

— Я вас понимаю, — перебил парня Хубер. — Вы хотите спросить, можем ли мы осуществить задуманное. Можем, если только будем действовать по-умному и осторожно. В довершение ко всему — с помощью военной бюрократии. Вы в нашем отделе будете ответственным за выполнение нашего плана, вернее, ответственным за приобретение необходимых материалов, получить которые можно только по специальным заявкам-квитанциям. До сих пор в министерстве обороны привыкли к тому, что к заявке прилагается конверт с приличной суммой денег. Теперь же никто им этих конвертов давать не будет...

Габор, раскрыв рот от удивления, слушал хитрые объяснения Хубера, и ему уже не казалось, что задуманные ими акты саботажа на заводе невозможны. Несколько успокоившись, он вернулся в свою рабочую комнату, где, к своему огромному удивлению, увидел мать Роберта.

— Целую ручку, тетушка Пирошка, — поздоровался Габор.

— Сервус, дорогой Габор, — ответила женщина, в голосе которой послышались с трудом сдерживаемые рыдания. — Где я могу спокойно поговорить с тобой?

— Пойдемте в соседнюю комнату, там нам будет удобнее всего. Если разрешите, я пойду первым.

Войдя в комнату, оба сели в мягкие кресла.

— Габор, что ты знаешь о Роберте? — с тревогой в голосе спросила тетя Пирошка.

— Как понять ваш вопрос?

— Вчера вечером он не вернулся домой. Утром сказал, что пошел в банк, но, как выяснилось, в нем и не появлялся. Я звонила в «Скорую помощь», но среди больных или пострадавших в авариях его не оказалось.

— А что еще он вам говорил, когда выходил из дома?

— Заверял, что скоро вернется. — Тетя Пирошка достала из сумочки сигареты и закурила. Руки ее дрожали. — Скажи, за кем он сейчас ухаживает? С кем дружит?

— В данный момент, насколько я знаю, ни с кем. Разве что помирился с Мари?.. — словно раздумывая вслух, произнес юноша.

— С Мари я уже разговаривала, она с ним не встречалась.

И тут Габор вспомнил слова Хубера о том, что полиция в последние дни произвела аресты многих коммунистов. «Сказать ей об этом или не стоит?» — размышлял про себя Габор. В конце концов, решил, что будет лучше, если он расскажет о своих опасениях.

— Скажите, пожалуйста, тетушка Пирошка, а к вам не приходили с обыском?

— А почему ко мне должны приходить с обыском? — быстро спросила женщина. Потом побледнела и, опустив глаза, воскликнула: — Боже мой, уж не!..

— Знаете ли, тетушка Пирошка, — начал Габор осторожно, — ходят слухи, что в городе арестовывают коммунистов... Насколько я знаю, ваш Роберт коммунист?

Госпожа Фюрьеш не ответила ни «да», ни «нет». Она снова закурила и надолго замолчала. Затем, решительно поднявшись, сказала:

— Спасибо, Габор, если ты что-нибудь узнаешь о моем сыне, будь добр, сообщи мне.

— Конечно, конечно, — заверил ее Габор и, проводив до ворот, долго смотрел ей вслед.

«Несчастная, — думал юноша, — муж ее сидит в тюрьме, а если, не дай бог, и Роберта схватили... Как хорошо, что я не стал членом коммунистической партии и потому могу сейчас не беспокоиться. Да и мама может спать по ночам спокойно...»

Вечером Габор долго разговаривал с матерью. Она рассказывала о своих детских годах, о том, как хотелось ей разыскать, увидеть свою мать, которой ей так недоставало. Ее не отпугнуло бы даже то, если б она оказалась пьяницей или развратницей...

— Знаешь, сынок, — продолжала свой невеселый рассказ мать, — я очень часто думала: вспоминает ли обо мне мама? Хочется ли ей увидеть меня? И чего я только в такие минуты не передумала! Искала ли она меня, интересовалась ли моей судьбой?..

— Вряд ли нам, мама, теперь удастся что-нибудь узнать об этом.

Разговаривая с сыном, Вероника Лукач вязала свитер — по норвежской моде, с высоким воротником.

— Думала, вот довяжу и отошлю Реже на фронт, — вымолвила она. — Тепло ему было бы в нем даже в самые сильные морозы... Бедняжка, лежит где-нибудь в сырой земле, и не нужен ему теперь шерстяной свитер, ничегошеньки-то ему теперь не нужно. Знаешь, я ведь в глубине души боялась, что один из моих сыновей может умереть раньше, чем я. В своих молитвах я всегда просила бога, если уж никак нельзя избежать этой трагедии, сделать так, чтобы я была в последний миг рядом, чтобы могла закрыть глаза моему сыну, поцеловать его и чтобы лишь после этого он мог предстать перед престолом всевышнего. В чем же я согрешила, в чем заключается моя вина, что господь отказал мне в такой милости?!

— Мама, все это глупости, — проговорил Габор. — Об этом и думать не стоит. В наше время сотни тысяч матерей находятся в разлуке со своими сыновьями, и все из-за того, что продолжается эта проклятая война. На фронте погиб не один наш Реже, но и многие другие. Кто знает, скольких венгров там убили? Тысячи? Десятки тысяч? Миллион? Об этом мы только догадываемся. И ни одна мать не сможет закрыть глаза своему сыну, погибшему на передовой. Так что прошу тебя, мама, успокойся, пожалуйста.

— Разве я могу успокоиться? Я все время думаю о том, что, быть может, его и не похоронили по-человечески, а просто бросили полуживого в братскую могилу...

— Мама, если допускать такие мысли, то можно оказаться в доме для умалишенных. Об этом нельзя думать, понимаете? Да вы и не имеете на это никакого права, так как у вас есть я. Вы мне очень нужны, мама. А когда я женюсь и у меня появятся дети, то им ох как потребуется бабушка. — При этих словах у Габора на глаза навернулись слезы. До него дошло, почему его мать, Вероника Лукач, летним вечером тридцать первого июля сорок второго года поседела.

Поцеловав мать, Габор прошел в ванную, побрился, выкупался и лег спать. Заснул он сразу же, едва положив голову на подушку.

Среди ночи юноша неожиданно проснулся. Со двора доносился какой-то шум. Включив ночник, он посмотрел

на часы — ровно час ночи. В прихожей почему-то горел свет. Габор вышел из своей комнаты, и в тот же миг дверь отворилась, на пороге появилась мать, а вслед за ней двое незнакомых мужчин.

— Мама, что случилось?! Что это за люди?! — испуганно спросил Габор.

Мать хотела что-то ответить, но один из мужчин, высокий, с черными усами, так толкнул женщину, что она не удержалась на ногах и упала на пол.

— Быстро встать! — выкрикнул усатый. — Мигом! Не разыгрывайте из себя бог знает кого, муттер!

Кровь прилила Габору к голове.

— Как ты смеешь, негодяй! — воскликнул юноша и бросился на усатого незнакомца, который явно не ожидал столь дерзкого и внезапного нападения и потому не успел ни отстраниться, ни парировать удар. Получив удар в челюсть, усатый отлетел к двери... И почти в тот же миг Габор почувствовал резкую боль в горле. Он потерял сознание...

2

Жгучее чувство стыда, что она отдалась какому-то авантюристу, не покидало Сулиту и после окончания гимназии. Получив аттестат зрелости, она поступила в университет на философский факультет. Навалившиеся на нее чувства и переживания оказались слишком тяжелыми. Часто она мечтала о Жане Дюране. Во сне оказывалась в его объятиях, а проснувшись поутру, отсутствующим взглядом смотрела в потолок. В такие минуты она вспоминала Жана и думала только о нем. Сама не зная почему, она никак не могла смириться с тем, что никакого Жана Дюрана вообще не существует на свете. А того, кому она отдалась, с кем была так безмерно счастлива, зовут Габором Лукачем. Габор Лукач... Что собою представлял этот человек на самом деле? Этого Сулита не знала.

Однажды в середине октября Сулите позвонила бабушка Петени и сказала, что хотела бы говорить с ней. В тот же день Сулита была у нее. Устроилась, по обыкновению, в комнате, окна которой выходили на Дунай. Добрая старушка на сей раз находилась в ужасном настроении. Вскоре выяснилось, что она позвала внучку из-за своей болезни. Говоря об этом, бабушка смотрела на Сулиту со спокойной улыбкой.

— Принеси-ка низенькую скамеечку и садись вот здесь, возле меня.

Девушка повиновалась.

— К чему такая торжественность, милая бабуля?

Старушка на несколько секунд закрыла глаза, потом глубоко вздохнула.

— Не знаю, милая, говорила ли я тебе когда-нибудь о том, что в молодости хотела выучиться на врача?

— Нет, об этом вы мне никогда не говорили.

— Более того, я даже три года училась в медицинском институте. Думаю, что из меня получился бы неплохой врач.

— Тогда почему же вы не доучились до конца? — поинтересовалась внучка.

— Потому и не доучилась, что вдруг влюбилась в твоего дедушку, а потом вышла за него замуж. Но сейчас я вовсе не собираюсь пересказывать тебе семейный роман. Речь пойдет о моей болезни. Я мало что понимаю в медицине, хотя и немного изучала ее, но вполне достаточно подготовлена для того, чтобы разобраться в собственной хвори...

— Но, бабушка, — перебила ее Сулита, — врачи же определили...

— Врут они все! — перебила ее старушка. — Налей-ка мне лучше рюмку коньяка. Ты тоже можешь выпить.

— Спасибо, но я не пью. — Сулита принесла бутылку коньяка и рюмку, наполнила ее.

Старушка выпила коньяк, а рюмку поставила возле себя на стол.

— Я страдаю белокровием, — проговорила она таким тоном, будто сказала, что сегодня плохая погода. Сулита промолчала. — А поскольку современная медицина считает, что эта болезнь неизлечима, то мне следует, как говорят, готовиться к путешествию в мир иной. Завещание я уже составила. Ты являешься моей единственной наследницей. Одна. Если ты с умом распорядишься моим наследством, то безбедно проживешь до конца дней своих. Сейчас же я хочу, чтобы ты окончательно переселилась в этот дом. Очень скоро хворь прикует меня к постели. Я уже приказала, чтобы мне приготовили комнату, окна которой выходят на площадь. Но переехать сюда я прошу тебя вовсе не за тем, чтобы ты ухаживала за мной, для этой цели я найму двух медицинских сестер, да и Марпя будет при мне. Ты мне нужна для того, чтобы я иногда могла бы поговорить с тобой. Я твердо

решила ни в какую больницу не ложиться. Вот, собственно, и все, что я хотела тебе сказать. Так когда же ты сюда переберешься?

— Завтра, послезавтра, как вы пожелаете, бабушка.

— Чем скорее, тем лучше, — заметила старушка и посмотрела в окно, за которым на противоположном берегу Дуная виднелись купол и башенки Парламента, освещенные предзакатным осенним солнцем.

Сулита тоже посмотрела в окно, на освещенные солнцем крыши домов. Ей почему-то казалось, что все то, о чем ей говорила бабушка, не было правдой. Возможно, причина этого недоверия заключалась в том, что Сулита восприняла слова бабушки о болезни как нечто несерьезное. Разве могла она поверить в то, что добрая старушка на самом деле смертельно больна? К тому же сейчас девушку в большей степени занимала ее собственная беда. Сулиту интересовал Габор Лукач, и ей хотелось узнать, что он за человек, почему решил выдать себя за бежавшего из плена французского лейтенанта.

— Бабушка, а вы знаете парня, который носит нам по утрам молоко? — спросила вдруг Сулита.

— Кажется, один раз видела его на кухне. Я заметила, что он, несмотря на свое пролетарское происхождение, говорит правильным литературным языком. По-моему, его хорошо знает наша Мария. А тебя он, собственно, почему заинтересовал?

Вопрос бабушки застал Сулиту врасплох, но она не растерялась и на ходу придумала, что этот парень, Габор Лукач, ухаживает за одной ее школьной подругой, а та боится встречаться с ним, потому что не известно, кто он такой.

— Он же ссылается на то, — продолжала фантазировать внучка, — что знает как вас, бабушка, так и меня.

— Лучше всего спросить о нем Марию, — проговорила старушка и позвонила.

Через несколько секунд на пороге появилась Мария.

— Что изволите приказать, милостивая госпожа?

— Скажи-ка мне, дочка, что ты знаешь о парне, который носит нам молоко?

— О каком именно вы изволите спрашивать, милостивая госпожа? О Габоре Лукаче или же о Роберте Фюрьеше?

— О Лукаче, — опередила бабушку Сулита.

— Значит, о Габоре, сударыня, не так ли? А что именно вас интересует?

— Да все. Кто его родители, где он живет, словом, все-все.

— Понятно, моя дорогая, я поняла. Что же мне вам сказать? Габор — незаконнорожденный ребенок, или, как еще у нас принято говорить, внебрачный. Такой же была и его мать. Бедняжка тоже не знала своих родителей: ни матери, ни отца. Жила сначала в приюте, а потом ее взяли на воспитание добрые люди.

Сулита чувствовала, как горит ее лицо.

«Боже милостивый! — думала она. — И такому парню я отдала свою невинность! Как хорошо, что этого не знает папа!.. Нет, мне раз и навсегда нужно забыть этого Габора Лукача, выбросить его из головы... И, разумеется, вырвать из сердца!.. А пока нужно позаботиться о том, чтобы не выдать себя и не стать посмешищем...»

А Мария тем временем продолжала свой рассказ:

— Я, милостивая государыня, настолько привязалась к этому парню, что на прошлой неделе даже отправилась, с вашего разрешения разумеется, в Обуду, чтобы разыскать его и поговорить с ним. Живет он на улице Касаш, в небольшом частном домике с садом. На мой звонок никто не отозвался. Не зная, что делать, я стояла на месте до тех пор, пока ко мне не вышла соседка. Когда же я объяснила ей, что ищу Габора Лукача, она мне ответила, что Лукачей — и сына, и мать — забрали полицейские. «Полицейские? — спросила я. — Когда?» — «Уже давно, уважаемая, если мне не изменяет память, тридцать первого июля, ночью... А чего же мы тут стоим? Пожалуйста, зайдемте ко мне». Я, конечно, согласилась и узнала у этой женщины все, что можно было узнать. Соседка утверждала, что мать Габора, да и он сам — коммунисты.

— Боже мой, — сокрушенно вздохнула старушка, — несколько лет подряд нам носил молоко коммунист, прямо-таки уму непостижимо!

— Выходит, что их забрала полиция за принадлежность к коммунистической партии? — спросила Сулита, глядя на Марию.

— За это, моя дорогая, именно за это. Соседи рассказали, что Габора вынесли из дома в бессознательном состоянии, избит он был до полусмерти. А вот что произошло после этого, никто из соседей ничего не знает. Правда, сказали, что Вероника, мать Габора, якобы умерла на допросе: сердце у бедняжки не выдержало. Я этому нисколько не удивляюсь. Старший сын ее погиб на

фронте, а Габора на ее глазах так зверски избивали... Вот и все, что я узнала, милостивая госпожа... Может, сейчас парня уже и нет в живых...

Это известие ошарашило Сулиту. Несмотря на то что она чувствовала себя жестоко обманутой, в душе ей было жаль Габора. У нее было такое чувство, будто ее сильным ударом свалили на землю. Стоило только на миг закрыть глаза, как она мысленно видела перед собой то улыбающегося, то серьезного Габора, ей даже казалось, что она чувствует, как он ее обнимает... И вдруг приходят полицейские, силой вырывают Габора из ее рук, жестоко избивают его, а она, не имея возможности чем-либо помочь, молча смотрит на его страдания.

После всего этого Сулита почувствовала себя полностью разбитой и пребывала в каком-то странном состоянии апатии ко всему на свете.

В конце ноября Сулиту навестил Янош Будаи, старый друг семейства Читари.

Янош Будаи еще в юношеские годы был по уши влюблен в Сулиту, всячески добиваясь ее благосклонности, однако девушка тогда не приняла его ухаживаний. Окончив военное авиационное училище, Будаи стал летчиком. В сорок втором году он имел чин старшего лейтенанта и был командиром звена истребителей. Недавно Будаи вернулся из Германии, где находился на шестимесячных курсах по подготовке летчиков-истребителей, специализирующихся для полетов в ночных условиях.

Зайдя к Читари, он узнал, что Сулита живет у своей бабушки, где он и разыскал ее. От внимания молодого офицера не ускользнуло, что с девушкой, видимо, приключилась какая-то беда. Как старые друзья, они расцеловались, а затем Будаи спросил:

— Что с тобой случилось?

— Ничего, — ответила Сулита и тут же разрыдалась.

Будаи некоторое время растерянно стоял, не зная, что же ему делать, а затем сказал:

— Ладно, об этом потом, — и прошел в комнату старушки.

Сулита, поплакав еще немного, привела себя в порядок.

— Выслушай меня внимательно, — заговорил Будаи, вернувшись в комнату Сулиты, — я до сих пор влюблен в тебя и, откровенно говоря, не собираюсь вечно играть

роль этакого друга-брата, так как люблю тебя отнюдь не платонически. — Янош сел рядом с девушкой, обнял ее и начал страстно целовать.

У Сулиты не было сил, чтобы защищаться, да, скорее всего, она этого и не хотела. Она находилась в таком состоянии, что, если бы Янош пожелал в тот момент овладеть ею, ему это без труда удалось бы. Однако старший лейтенант не прибегнул к силе. Несколько смущенный, он встал, поправил френч. Сулита привела в порядок свои растрепавшиеся волосы.

— Сулита, я женюсь на тебе! — произнес Будаи хриплым голосом.

— Когда это будет? — спросила она.

— Сегодня, завтра, в самое ближайшее время. А теперь я хочу спросить тебя, пойдешь ли ты за меня.

Сулита молчала. Будаи не проявлял особого нетерпения. Он попросил чего-нибудь выпить. Девушка достала бутылку абрикосовой палинки из шкафа и налила рюмку.

— А ты разве не выпьешь вместе со мной? — спросил он.

— Советуешь выпить?

— Только в том случае, если ты сама хочешь этого.

Сулита налила палинки и себе.

Он выпил, а она лишь пригубила.

— Ну, решила? — спросил офицер, поставив рюмку на стол.

Сулита знала, что она хороша собой, знала и то, что Будаи давно любит ее, однако она понимала, что должна быть откровенной, должна рассказать о своей связи с Жаном Дюраном.

— Янош, — она положила свою ладонь на его руку,— ты женишься на мне, если я скажу тебе, что ты у меня не первый?..

— Для чего ты мне об этом говоришь? — Офицер нервно закурил. — Отвечай! — Брови его сурово сошлись на переносице. — Кто же он, этот первый счастливчик? — Голос его заметно дрожал.

— Один французский лейтенант, эмигрант, — соврала Сулита, хотя секунду до этого она хотела быть честной и откровенной. Она чувствовала, что, обманывая Яноша, она одновременно обманывает и себя.

— Ты его любила? — спросил он, тяжело вздохнув.

— Да, любила, — прошептала она. — Любила и очень жалела, так как он был одинок.

— А где теперь этот лейтенант?

— Уехал к себе на родину, точнее говоря, пытался уехать, а вот удалось ли ему это сделать, я не знаю. — Бросив взгляд на Яноша, она продолжала: — Я бы могла тебе и соврать, тем более что, когда мы с тобой были гимназистами, ты уже пытался сделать так, чтобы я стала твоей, но тогда мы только играли в любовь...

— Все равно я женюсь на тебе, — упрямо повторил Янош Будаи.

Девятого декабря сорок второго года состоялась свадьба Сулиты и Яноша, на которую были приглашены только члены обеих семей. Сразу же после свадьбы Янош Будаи переселился в квартиру тетушки Петени, где жила Сулита.

В первую брачную ночь, лежа рядом с мужем, Сулита, сама того не желая, думала о Жапе Дюрапе и, видимо, поэтому оставалась холодной, будучи не в силах пересилить себя. Хорошо еще, что эгоистичный супруг в порыве собственной страсти не заметил этого.

Чуть позже, пройдя в ванную комнату, Сулита решила, что если она забеременеет, то не сохранит ребенка. Однако, забеременев, она не сдержала данного себе слова и ребенка сохранила.

Дни шли за днями, и здоровье бабушки становилось все хуже и хуже. Однако добрая старушка находила силы держать себя в руках: ей очень хотелось, чтобы Сулита и ее супруг поверили в то, что она нисколько не страшится смерти. Ей регулярно кололи морфий, который не только смягчал ее страдания, но еще, видимо, помогал смотреть на приближающийся конец с некоторой долей иронии.

Марии старушка строго-настрого запретила прежде времени оплакивать ее, однако сердобольная горничная не могла удержаться от слез.

Почти все время Сулита проводила у постели больной. Она садилась на краешек кровати и, взяв руку старушки, подолгу глядела на ее измученное страданиями, некогда веселое лицо — на нем, сером, землистом, появились глубокие морщины. Больная быстро худела. Сулите приходилось с трудом сдерживать себя, чтобы не разрыдаться при виде бабушки.

«Боже мой, — невольно думала внучка, — что же со мной станет, когда она умрет?..»

А трагедия тем временем приближалась и могла произойти в любой момент. Доктор Гернади объяснил Сулите суть болезни, подчеркнув при этом, что лейкемия неизлечима. Девушка слушала невнимательно и поняла лишь то, что бабушку уже не спасти. Это, естественно, не могло ее утешить.

Доктор Гернади предлагал поместить старушку в больницу или санаторий, где ей сделали бы переливание крови, однако госпожа Петени и слушать не желала ни о каких санаториях. Однажды она сказала Гернади:

— Мой милый доктор, я хорошо знаю свою болезнь. Какой смысл насильно продлевать мне жизнь? Да ее и жизнью-то назвать уже нельзя. Впрочем, я достаточно богата. Привозите сюда все, что считаете нужным для оказания мне такого же лечения, как в клинике. Приставьте ко мне двух опытных медицинских сестер, одну для дежурства днем, другую — ночью. Ваши расходы я оплачу, а Сулита все оформит как надо.

— Как изволите, милостивая государыня.

Одну из медсестер, которую приставили к больной, звали Евой, другую — Ицей. Ева была блондинкой с голубыми глазами, а Ица — черноглазой шатенкой. Обеим было далеко за тридцать. Они регулярно сменяли друг друга. Обе добросовестно выполняли свои обязанности, были добры и внимательны. Очень скоро они поняли, что госпожа Петени, за которой они ухаживают, терпеть не может сюсюканья и угодничества и что до тех пор, пока она будет в состоянии вставать на ноги и передвигаться по квартире, она не позволит подавать ей еду в постель, а будет выходить к столу.

Однажды вечером, когда Сулита вошла в комнату к бабушке, та жестом приказала Еве удалиться. Укол морфия, который ей недавно сделали, уже начал действовать, и бабушка была весела. Она верила отнюдь не в выздоровление, а в то, что ей удастся незаметно и безболезненно переселиться из этого мира в другой, потусторонний.

— Где Янош? — поинтересовалась больная.

— Он ушел, — ответила ей внучка.

Старушка на миг задумалась, а потом сказала:

— Кто бы подумал, что твоим мужем станет Янчи! Правда, если бы это произошло лет десять — пятнадцать назад, то этот брак вполне можно было бы считать законным. — Чтобы отдохнуть, она немного помолчала. — Если бы ты только знала, как часто этот Янош жаловался мне на то, что ты его не любишь...

— Бабушка, — перебила ее внучка, — порой у меня бывает такое ощущение, что я до сих пор люблю того французского юношу.

— А Янош что-нибудь знает о нем?

Сулита кивнула.

3

После похорон госпожи Петени старший лейтенант Янош Будаи был послан на фронт. Одно время он регулярно писал жене, в каждом послании признаваясь ей в своей любви. Одно из писем Янош закончил словами о том, что прощает Сулите ее прошлое и нисколько не сердится на нее. Сулита не поняла, что именно он ей прощает. Полюбила она Жана Дюрана еще до того, как вышла замуж за Яноша, а поэтому и прощать нечего. Тем более что раньше он ее ни в чем и не винил. Она написала об этом, решив, что если ее откровенность будет неприятна мужу, то пусть понервничает. Она не позволит ему играть роль обиженного и обманутого.

«Дорогой мой, — писала она, — простить меня ты сможешь тогда, когда я изменю тебе. Пока же я успокою тебя на этот счет: у меня нет никакого желания изменять тебе, хотя бы уже потому, что вчера я окончательно убедилась в том, что скоро стану матерью, если, конечно, господь бог поможет мне...»

Однако ответа на это письмо Сулита не получила, а пятого мая сорок третьего года пришло официальное извещение, в котором говорилось о том, что ее муж пропал без вести.

«Еще одна беда, еще одно испытание, — подумала она, — а мне всего-навсего девятнадцать лет. Что же теперь делать?..»

Мать категорически возражала против того, чтобы у ее дочери был ребенок, уговаривала Сулиту найти хорошего врача, который безо всяких последствий избавит ее от плода, но Сулита наотрез отказалась делать аборт. Она всем своим женским естеством тянулась к будущему малышу. Сулита часто ссорилась с матерью по этому поводу. Мирил их отец. Он просил дочь набраться терпения и спокойно готовиться к рождению ребенка.

После работы отец часто заезжал к Сулите, уставший, полный забот. Дочь пододвигала к окну большое удобное кресло, в которое сразу же усаживала отца, приносила маленькую скамеечку для ног, плед, ставила на столик любимое вино отца — токайское-асу — и садилась рядом.

Они подолгу беседовали. Сулита рассказывала о том, что в университете среди студентов становится популярным антисемитизм и укореняются правые взгляды.

— Все эти явления закономерны, — заметил отец, — уж слишком сильное давление на наше общество оказывают немцы. Прошу тебя, открой, пожалуйста, окошко, погода очень хорошая.

Дочь выполнила просьбу отца, и в комнату вместе с легким ветерком ворвался запах цветущей сирени.

— От Яноша нет никаких вестей? — спросил отец.

— Никаких. На днях у меня был один из его боевых товарищей, Ференц Баан. Он рассказал, что в одном из воздушных боев самолет Яноша был сбит. С земли хорошо видели, что пилот не выпрыгнул с парашютом, а попытался посадить машину. По мнению Баана, Янош попал в плен.

— Ты делала запрос через Красный Крест? — поинтересовался отец.

— Разумеется, но пока никакого ответа не получила.

Читари отпил глоток вина, раскурил сигару, а потом сказал:

— Напиши мне на листочке все данные Яноша. На следующей неделе я поеду в Швейцарию и попытаюсь что-нибудь предпринять.

— А что именно?

— Об этом тебе совсем необязательно знать. — Отец долго молчал, видимо занятый своими мыслями.

Дочь положила голову ему на колени и ласково спросила:

— Папа, что-нибудь случилось?

Она надеялась услышать, что ничего не случилось, но отец почему-то не сказал этого. Положив ладонь на голову дочери, он погладил ее.

— С Гретой ты когда виделась в последний раз?

Сулита почувствовала легкое угрызение совести, так как она не встречалась с подругой со дня получения аттестата зрелости. Честно говоря, она думала, что Грета давно уехала в Швейцарию и преспокойно живет там.

— Я не видела ее с выпускного вечера, — ответила она, не желая обманывать отца.

Читари поставил бокал на столик и сказал:

— Отец Греты погиб на фронте. Попал на минное поле и подорвался.

— Боже мой, его все-таки отправили на фронт!

— Однако это еще далеко не все,—продолжал отец.— Сегодня утром Эдит повесилась.

При этих словах у Сулиты перехватило дыхание. Она хотела что-то сказать, но голос пропал. Сулита тихо заплакала, чувствуя, как в душе ее рождается чувство, похожее на ненависть.

— Папа, почему Пал Шинка не может выехать в Швейцарию? — сквозь слезы спросила она.

— Потому что у него отобрали заграничный паспорт. И у Греты тоже. На будущей неделе пригласи их к себе на ужин. Ну, скажем, во вторник, если тебя этот день устраивает.

— А ты тоже будешь?

— Разумеется. Продуктов у тебя достаточно?

— Пока еще есть. Спасибо дядюшке Гуйдару — не забывает позаботиться об этом. А свои продовольственные карточки я подарила Марии.

Прощаясь с дочерью, Читари дипломатично поинтересовался:

— Сулита, а что стало с тем французским лейтенантом?

— Я не знаю, — солгала она, не смея сказать отцу, что Жан обманул ее, злоупотребив и ее доверием и чувством. Ей просто было стыдно признаться в этом.

Супруги Шинка с радостью приняли приглашение Сулиты. Грета, как увидела Читари, сразу же бросилась ему на грудь и разрыдалась.

— Теперь у меня нет ни матери, ни отца, дорогой дядюшка Колош! Скажите, почему? Чем они провинились? Что они такого сделали?..

Читари с трудом удалось успокоить девушку.

За ужином гостям прислуживала Мария.

— Скажите, Сулита, а к вам нельзя попасть в число нахлебников? — шутливо спросил Пал Шинка, с аппетитом уплетая поданное кушанье.

— После поговорим об этом, — улыбнулась польщенная Сулита, — а пока ешьте на здоровье.

Шинка и Грета ели жадно и много, подкладывая себе то холодного мяса, то жареного, не забывая разнообразные гарниры и запивая все это самодельным вином. На десерт были пирожные и черный кофе. Гости в один голос хвалили поварское искусство Марии. Вдруг Шинка заметил, что Сулита почти ничего не ест. Все сразу же заинтересовались, почему у нее нет аппетита. Сулита демонстративно положила руки на свой живот.

— И какой же месяц пошел? — деликатно полюбопытствовал доктор.

— Пятый.

— Значит, решили сохранить?

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответила будущая мать.

— По телефону вы мне как-то говорили о том, что ваш супруг пропал без вести.

— Да, пропал, — подтвердила Сулита. — Именно поэтому я и хочу иметь ребенка.

— Я лично только приветствую такое решение. Если могу быть чем-нибудь вам полезен, то я в вашем распоряжении. Порядочные люди в наше время должны помогать друг другу.

— Это верно, Пал, — сказала Сулита.

Вскоре все перешли в гостиную, куда был подан кофе. Читари, который до сих пор молчал, спросил у Шинки:

— Доктор, вы еще не отказались от намерения поехать в Швейцарию?

— Шутить изволите, дядюшка Колош?

— Шутить мне что-то не хочется. А у вас кто-нибудь есть в Швейцарии? Знакомый, который мог бы принять вас? Или же хотите жить там на положении эмигрантов?

— У меня имеется официальное приглашение от одного научно-исследовательского института в Базеле, которое еще не потеряло свою силу. Вы, возможно, не знаете, что я на протяжении многих лет, как медик, занимался исследовательской работой.

Читари встал.

— Пройдемте со мной... — предложил он доктору, и они вышли в соседнюю комнату...

Спустя две недели Пал и Грета выехали в Швейцарию, имея на руках дипломатические паспорта.

Сулита довольно легко переносила свою беременность, и доктор Марачко, наблюдавший ее, был очень доволен. Время от времени он внимательно обследовал Сулиту, взвешивал, а когда осмотр подходил к концу, обычно говорил:

— У вас все идет нормально. Плод развивается хорошо, а лежит он прямо-таки превосходно. Старайтесь только не пополнеть. Побольше двигайтесь, ходите пешком, плавайте в бассейне. Я слышал, что вы отличная пловчиха.

Сулита строго соблюдала советы врача, двигалась

много, возвращаясь из университета домой только пешком. Правда, в бассейн она не ходила, так как стеснялась показывать свой живот.

О муже по-прежнему не было никаких известий. Свекровь относилась к ней с вниманием, звонила почти каждый день и справлялась о ее здоровье. Порой проверяла, порой подбадривала, порой наставляла, разъясняла обязанности жены фронтовика, подчеркивая, что она должна показывать пример другим женщинам и с мужеством относиться к собственной судьбе.

Сулита покорно выслушивала пространные наставления свекрови, а сама думала при этом: «Дорогая Будаине, ты несешь самую настоящую чепуху. Я никогда не стану женой военного, и уж тем более у меня нет ни малейшего желания стать примерной вдовой. И если случится так, что Янош останется жив и невредимым вернется домой, то я решительно настою на том, чтобы ваш сын, уважаемая сударыня, как можно скорее демобилизовался».

Свекор Сулиты, полковник Будаи, был начальником штаба одного из корпусов. Сулита, разумеется, не имела ни малейшего представления о том, в чем заключались обязанности начальника штаба корпуса, да ее это и не интересовало. Она любила старика-свекра, который до войны в течение долгих лет пробыл военным атташе в Албании, Голландии и Швеции, за его ум и широту взглядов. Именно в те годы он и познакомился с Читари, после чего между ними установились теплые, дружеские отношения. Это был службист, кадровый военный, таким его, собственно, и воспитали; он не старался прыгнуть выше своих возможностей и никогда не прятался за спины других, на многие вещи смотрел совершенно иначе, чем гражданские люди.

— У Яноша умная голова, на него можно положиться, — отзывался о нем Читари. — Он, хотя и не очень легко и быстро, умеет соглашаться с реальными фактами.

Пока полковника Будаи не направили на фронт, он частенько навещал Сулиту. Обычно он старался приезжать к ней тогда, когда у дочери находился и Читари. Они говорили о политике, долго и досконально анализировали положение на фронте.

Во время своего последнего визита полковник был как-то особенно озабочен, даже несколько печален. Сулита впервые услышала от свекра о тех ужасных потерях

в живой силе и технике, которые несла венгерская армия на Восточном фронте.

— В данный момент я не располагаю точными цифрами, но, по моим подсчетам, мы уже потеряли более ста тысяч солдат и офицеров. Сто тысяч венгров! — Они сидели и пили чай. — Знаешь, Колош, — обратился полковник к Читари, — мне хотелось бы знать, как мы будем отчитываться за погибших...

Читари посмотрел на него с удивлением.

— Отчитываться? — спросил он. — А перед кем?

— Перед матерями погибших, перед их родственниками. Перед историей. Кому-кому, а тебе следовало бы знать, что я лично с самой первой минуты, узнав о намерении нашего правительства вступить в эту войну, высказался против. А когда наши воинские части были отправлены на фронт, я сказал тебе, что такой шаг равносилен самоубийству: как можно было посылать наших гонведов[1] на передовую со старым оружием и даже не обмундировав их как следует!

— Да, действительно, такой разговор был. Но с какой целью, спрашивается, ты мне это говорил? И почему только мне? Я знаю, ты солдат и выполняешь приказы, которые тебе отдает начальство. Выполняешь и не прекословишь, не возражаешь. Однако я все же хотел бы кое о чем тебя спросить. Ты только потому выступал против отправки наших солдат на фронт, что они плохо вооружены и обмундированы, а?

— Ты меня не так понял, — начал объяснять полковник. — Нашим войскам нечего делать на берегах Дона. В конце концов, на нас Советский Союз не нападал и ничем нам не угрожал...

— Папа, — вмешалась в разговор мужчин Сулита, — перестаньте спорить. Лучше порадуйтесь тому, что русские остановили немецкое наступление под Сталинградом. Рано или поздно, войне придет конец, и тогда мой Янош вернется домой.

— Если он жив, — нетвердо заметил свекор.

— Жив! — В голосе Читари чувствовалась уверенность.

Сулита посмотрела на отца, почувствовав, что ее сердце учащенно забилось.

---

[1] Гонвед (венг. honvéd—букв. защитник родины)—в 1848—1849 гг. так называли воинов революционной армии, сражавшихся против тирании Габсбургов. В венгерской Народной армии звание «рядовой».

— Это верно? — спросила она.

— Верно. Большего я тебе пока ничего не скажу. И пусть это сообщение останется между нами. Жене ни слова, а если все же захочешь сказать ей, то придумай какую-нибудь легенду. Скажи, что слышал сообщение Московского радио, но мое имя не называй ни в коем случае. Это самое главное...

«Значит, Янош жив...» Сулита теперь только об этом и думала, а Мария не раз, накрывая на стол, ставила на один прибор больше.

— Мария, дорогая, — попросила горничную Сулита, — пожалуйста, не делай этого. — После смерти бабушки они обращались друг к другу на «ты».

— Родная моя Сулита, разреши мне все же ставить на стол лишний прибор. У нас это уже вошло в обычай.

— Я поняла тебя, Мария, но пойми и ты, что чудес на свете не бывает. Янош только тогда сможет вернуться домой, когда окончится война.

— Знаю, дорогая, но вот эта тарелка, ложка и нож с вилкой, лежащие на столе, будут напоминать тебе постоянно о том, что ты не одинока.

— Почему ты мне это говоришь? Неужели ты подумала, что я забыла Яноша? Ни дня не проходит, чтобы я о нем не думала.

Горничная посмотрела своими красивыми темными глазами на хозяйку — та на миг прикусила себе нижнюю губу, — а затем сказала:

— Так оно и есть, дорогая моя! Днем ты изволишь думать о господине Яноше, а вот по ночам не всегда.

Сулита начала нервно мять батистовый платок, который держала в руках.

— Как тебя следует понимать? — спросила она.

— А так и понимай. Помнишь, как прошлой ночью я вошла в спальню и начала тебя будить?

— Помню, конечно; мне приснился какой-то страшный сон.

— Я не знаю, что тебе приснилось, и не спрашиваю об этом. Но я хорошо слышала, как ты громко и не один раз назвала имя — Габор.

Сулита внезапно почувствовала, как на спине у нее выступил пот, а шелковая комбинация прилипла к телу. Сложив руки на животе, она попыталась припомнить сон, но так ничего и не вспомнила.

— А что я еще говорила?

— Многого я не поняла, но факт остается фактом.

Я не спрашиваю тебя о том, кто такой Габор Лукач и какое ты имеешь к нему отношение. И впредь ни о чем таком тебя не спрошу. Как-никак я женщина опытная, не один десяток лет прожила на свете, моя дорогая. Я хорошо знаю, что жизнь сложна и порой представляется нам в разных цветах. Я знаю и то, что ты любишь Габора Лукача.

— Откуда ты это взяла? — тихо спросила Сулита, а сама так и замерла на месте.

— Поняла.

— Сядь и объясни мне все. — Сулита хотела знать, что именно известно Марии и от кого она это узнала.

Горничная поправила фартук и села.

— Примерно месяц назад сюда заходила Мари Каройи. Она хотела поговорить со мной. Спросила о Габоре, ей зачем-то понадобился его домашний адрес.

— Разве она не знала, где он живет?

— Выходит, что не знала. Я ей откровенно рассказала о том, что случилось с Габором и его матерью. Выслушав меня, Мари горько заплакала.

— А зачем ей понадобился Габор? — Этот вопрос Сулита задала тоном ревнивой женщины.

— Она хотела, чтобы Габор помирил ее с Робертом Фюрьешем. Я ей сказала, что Роберта тоже арестовали. Когда бедняжка услышала об этом, ей стало плохо. Мне пришлось усадить ее, чтобы она не упала, дать воды и потереть виски уксусом. С большим трудом я привела ее в чувство. Потом мы продолжили разговор. Мари спросила, сердишься ли ты на нее. Я, разумеется, поинтересовалась, почему ты должна на нее сердиться. Она ответила, что из-за пьяницы отца, который так глупо пошутил с тобой. Мари не могла простить себе того, что вовремя не рассказала тебе правду о Жане Дюране и Габоре Лукаче.

— Почему же она не сделала этого? Что она сказала?

— Сказала, что не смогла, не захотела. Видела, как вы любите друг друга и как счастливы.

Сулита укоризненно посмотрела на Марию и спросила:

— Ты знала, что я была его любовницей, и не призналась мне в этом?

— Зачем? Задним умом мы все крепки. В конце концов любовь — это всегда личное дело человека. Оттого что ты его любила, никто не пострадал, а раз ты себя счастливой чувствовала, то, значит, и тебе плохо не было.

Знаешь, моя дорогая, скажу откровенно: я лично радовалась, что Габору улыбнулось счастье. Тебя, Сулита, с ним, можно сказать, сам господь свел. Сейчас я тебе это объясню. Все люди, если их раздеть догола, одинаковы. Если, к примеру, выстроить девушек в ряд, то никак не скажешь, кто из них графская дочь, а кто крестьянка. Правда, если посмотреть на их руки, тогда, конечно, станет ясно, кто есть кто, потому что на руках крестьянской девушки оставила свои следы работа. Не сердись ты на беднягу Габора: без одежды его смело можно принять за французского лейтенанта.

— Я его ненавижу, Мария, и никогда не прощу ему обмана. Никогда!

— Ай-ай, милая ты моя! В таком случае дело гораздо хуже, чем я думала. Но теперь, надеюсь, ты поняла, почему я, накрывая на стол, всегда ставлю третий прибор для господина Яноша?

Сулита не стала спорить с Марией, решив про себя, что пусть она ставит на стол столько приборов, сколько ей заблагорассудится: фарфоровой посуды из Херенда, серебряных приборов и хрусталя ручной обработки у них хватает.

Сулита получила такое богатое наследство, какое ей даже не снилось. Узнала же она об этом только тогда, когда к ней явился поверенный бабушки доктор Шандор Марта и объяснил Сулите, что именно приходится на ее долю. Молодая госпожа была поражена и решила, что неправильно поняла доктора Марту.

— Я не ослышалась? — спросила она, когда тот закончил довольно длинное перечисление.

Этот невысокий полный адвокат пользовался неограниченным доверием госпожи Петени, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны. Не глядя на Сулиту, он сложил в аккуратную стопку свои бумаги и проговорил:

— В таком случае я все повторю еще раз, но более детально. После расходов, связанных с передачей наследства, в вашем полном владении находится вся недвижимость. Должен заметить, что ваши права на имущество соответствующим образом оформлены и закреплены. Ну-с, прежде всего, вы являетесь законной хозяйкой этой прекрасной четырехкомнатной квартиры и имения в Шомодьтарде.

— И сколько же там? — спросила Сулита. — Я хотела

сказать, сколько там хольдов[1] земли? В самом имении я как-то была.

— Пожалуйста. — Поверенный закурил. — Тысяча хольдов земли, из которых шестьсот находится под пашней, а четыреста занято лесом. На лесном участке имеется хорошо действующая лесопилка, которая приносит неплохой доход. Приблизительно сто пятьдесят хольдов леса сдано в аренду охотничьему хозяйству имени Миклоша Зрини[2]. Что касается самого имения, то его вы, как изволите сказать, видели. Однако хочу обратить ваше внимание на то, что в прошлом году в нем были отремонтированы все четырнадцать комнат, причем их стены оклеили обоями или же обили шелком, а в комнатах, предназначенных для гостей, полностью заменена мебель.

— Я бы хотела спросить... — Сулита от волнения даже подняла руку, как это она привыкла делать в гимназии, когда хотела что-то спросить.

— Извольте, сударыня.

— А кто сейчас там живет?

— Миклош Хорват со своей семьей. Правда, если быть более точным, самого Хорвата забрали в армию, и в имении осталась его жена Шарика с двумя дочками-подростками. Она содержит в полном порядке усадьбу. Хорваты живут в собственном небольшом домике, который им великодушно подарила ваша бабушка. Что же касается земли, занятой пашней, то она находится под надзором управляющего Пала Камараша, дипломированного агронома.

— Я его не знаю. Давно он работает в имении?

— Уже восемь лет. Я лично рекомендовал его на эту должность вашей бабушке. На Камараша вполне можно положиться. Само собой разумеется, что все финансовые вопросы он обговаривает со мной, я же и утверждаю все его планы. Не знаю, разумеется, как будете поступать вы, досточтимая госпожа...

— Дорогой доктор Марта, — перебила его Сулита, — можете считать, что я вас получила в наследство вместе с имением. Я вам полностью доверяю, ведите все дела так, как вы вели их раньше.

---

[1] Хольд — основная мера земли в Венгрии; 1 хольд равен приблизительно 0,57 га.

[2] Зрини Миклош (ок. 1508—1566) — венгерский государственный деятель и полководец, участник ряда успешных сражений с турецкими войсками в 40-х — нач. 60-х гг. XVI в.

— Благодарю за доверие, милостивая госпожа, — поблагодарил адвокат и продолжал. Оказалось, что в Торговый банк на имя Сулиты было переведено сто пятьдесят тысяч пенгё. Помимо этого там же находились ценные бумаги, акции и коллекции золотых монет, всего на сумму более чем триста тысяч пенгё. Доктор Марта с завидным искусством жонглировал как ценными бумагами, так и акциями на бирже, умножая и без того немалый капитал бабушки Петени.

Сулите не было нужды о чем-то беспокоиться, она могла сорить деньгами и припеваючи жить на одни только проценты, которые ей выплачивал банк.

После сдачи экзаменов в университете Сулита вместе с Марией уехала в летнюю резиденцию своих родителей в Балатонфеньвеш. До обеда она проводила время на берегу Балатона: плавала, загорала, каталась на лодке, садясь часто за весла, чтобы сбросить лишний вес, прогуливалась, беседуя со знакомыми. Иногда она заглядывала и на теннисный корт, но уже не играла, так как боялась, что быстрые движения и прыжки, не говоря уже о падениях, могут отразиться на здоровье будущего ребенка. Мария отдыхала тоже, так как здесь ей не нужно было заниматься уборкой, это делали имевшиеся в доме горничные.

Дядюшка Гуйдар заботился о том, чтобы в кладовке не переводились всевозможные продукты.

В один из вечеров Сулита была приглашена на дачу Мартона Банффи на чашку кофе. Банффи работал советником в министерстве внутренних дел. После смерти супруги он вел почти затворническую жизнь и ни с кем из соседей, за исключением семейства Читари, связи не поддерживал, с Сулитой же предпочитал встречаться только тогда, когда у нее не гостили подруги. Это был мужчина сорока трех лет, худощавый и мускулистый, что свидетельствовало о регулярных занятиях спортом в молодости. Банффи слыл человеком высокомерным, и больше всего он гордился тем, что его далекие предки были выходцами из Трансильвании. Своим знакомым он не уставал повторять, что он чиновник, а не политик, свято чтит все законы и беспрекословно выполняет все задания, которые ему поручают в министерстве.

Сулиту он знал с детского возраста и по-своему любил ее.

Расположились в саду. Усевшись за стол, Банффи разлил по чашечкам кофе.

— Дорогая Сулита, — начал Мартон галантно. — Я вижу, ты в скором времени станешь матерью, и, следовательно, как ни крути, ты меня надула. А ведь я начал ухаживать за тобой еще тогда, когда тебе не исполнилось и девяти лет... Да, да, милая Сулита, еще тогда.

Сулита отпила глоток кофе из чашечки и, приняв дружественно-шутливый тон Мартона, ответила:

— Я ждала вас, дядюшка Мартон, и, замечу, очень долго ждала. Но поскольку вы не давали о себе знать, вышла замуж за Яноша Будаи.

— Получила какое-нибудь известие от супруга?

— Нет, ничего не получила, — не раздумывая солгала Сулита. — Так и не знаю, жив он или погиб... Но я по натуре оптимистка и потому надеюсь, что он живым и невредимым вернется домой и мы заживем счастливо с ним.

Банффи закурил и, выпустив изо рта густой клуб сизого дыма, перевел взгляд на спокойную гладь озера, на цепь гор вдалеке и лишь спустя несколько секунд вновь посмотрел на молодую женщину.

— Сулита, скажи, куда девался ваш поляк?

— Ротмистр Сикорский?

— Да, если его действительно так зовут.

Сулите сразу стало как-то не по себе. Она задумалась, почему это Банффи вдруг ни с того ни с сего заинтересовался поляком, и решила быть с соседом предельно осторожной.

— Фамилия его действительно Сикорский, — не спеша произнесла она. — Но я, право, не знаю, куда он уехал. Наверное, вернулся в свой лагерь.

— Там его нет. Исчез ваш ротмистр. — Мартон сбил пепел с сигареты. — Ты, конечно, не знаешь, что я в министерстве помимо выполнения своих прямых обязанностей еще курирую дела польских эмигрантов.

— Этого я действительно не знаю, но все равно ничего нового о Сикорском я вам сообщить не могу.

— Ты мне, видимо, не доверяешь?

— Ну что вы! Все гораздо проще,—сказала Сулита.— Меня он нисколько не интересует. Я знаю, что у него есть жена и двое детишек. Насколько я помню, он говорил, что его семья осталась в Варшаве. — Она подумала: «Любопытно, с какой это стати дядюшка Мартон вдруг заинтересовался Сикорским» — и тут же решила, что обязательно должна поговорить об этом с отцом.

И такой разговор между дочерью и отцом состоялся

первого июля, когда Читари приехал на дачу. Супруга посла, даже не распаковав вещи, начала отдавать прислуге распоряжения, не забыв при этом и Марию. Той это не понравилось, но она смолчала, жалея Сулиту.

После обеда отец и дочь удалились на лужайку и расположились в тени развесистого тиса.

— Незадолго до твоего приезда меня пригласил на чашку кофе дядюшка Мартон, — начала Сулита, — и я, разумеется, приняла приглашение. Когда мы пили кофе, Мартон начал расспрашивать меня о Сикорском. Более того, мне даже показалось, что он меня именно ради этого и пригласил. — И затем она слово в слово передала все, что говорил Банффи.

Читари молча выслушал дочь и, немного подумав, спросил:

— И что же ты ему ответила?

— Я сказала, что поляк, вероятно, вернулся в лагерь для перемещенных лиц. Банффи заметил: в лагерь он не вернулся. Скажи, папа, может быть Банффи доносчиком или чем-нибудь в этом роде?

Читари жестом подозвал к себе горничную Жофи, которая прохаживалась по дорожке сада.

— Что изволите, господин? — спросила горничная.

— Принеси-ка мне, детка, бутылку вина и содовой со льдом.

— Слушаюсь, господин.

А когда Жофи удалилась, он продолжил разговор:

— Банффи служит в министерстве внутренних дел. И я думаю, что он по делам службы или же по чьему-либо поручению интересовался ротмистром.

— Ты так полагаешь?

Читари кивнул.

— Я наведу кое-какие справки, — заметил он. — А ты и впредь никому ничего другого не говори.

Вскоре Мария принесла бутылку вина, сифон и серебряное ведерко с кусочками льда, а Жофи — раскладной столик и бокалы. Посол задумчиво наблюдал за скорыми движениями Марии. Поблагодарив ее и Жофи, он отпустил их.

— Тебе налить? — спросил он, смотря на дочь.

— Я даже не знаю... Хотя налей чуть-чуть вина и побольше содовой.

Читари налил себе и дочери.

— Ну, тогда за твое здоровье!

Оба выпили.

— Доченька, я кое-что хочу тебе сообщить, — проговорил посол, раскуривая сигару. Он сделал несколько затяжек и продолжал: — Я вполне допускаю, что тот польский офицер был не тем человеком, за которого себя выдавал.

— Как тебя понимать?

— Возможно, что его фамилия отнюдь не Сикорский, как возможно и то, что мой друг Риковский мог не сказать мне правды. Например, тогда, когда обратился ко мне с просьбой, чтобы я помог его родственнику, которым Сикорский мог вовсе и не быть.

— Все это очень сложно.

— В самом деле. Думаю, что я слишком поздно понял это. На слово поверил Риковскому. На самом деле здесь все гораздо сложнее и запутаннее.

— А именно? — Сулита отпила глоток из своего бокала.

— Я сожалею о том, что в свое время не спросил Сикорского о том, почему он не вернулся нелегально в Варшаву. Почему он не попытался узнать, что стало с его семьей? Почему он не присоединился к полякам, которые уехали в Лондон? Многие из польских эмигрантов так поступили. С согласия и с помощью правительства. Из Венгрии выехали не сотни, а тысячи польских эмигрантов, изъявивших желание сражаться против нацистов.

— Папа, помнишь, Сикорский говорил о том, что он хочет бороться против фашистов?

— Говорить-то говорил, но ведь делать это он мог и в Польше. Не знаю, что за человек Сикорский на самом деле, но обязательно поинтересуюсь этим. Полагаю, что и Мартон Банффи отнюдь не из простого любопытства спрашивал о нем.

После этого разговора Сулита еще несколько дней вспоминала о ротмистре, а потом, поскольку ничего не случилось, забыла о нем.

Она еще больше ушла в себя, прислушиваясь к тем знакам, которыми ей давал знать о себе будущий ребенок. Мысленно она уже не раз разговаривала со своим малышом. Она, разумеется, понимала, что эта придуманная ею самой игра похожа на своего рода сумасшествие, и расскажи она об этом, ее сочли бы ненормальной. Но ей эта игра нравилась, она находила ее забавной. В такие минуты весь мир вокруг Сулиты как бы сужался, и она уже была не способна замечать кого-либо, кроме себя и своего будущего малыша. Она даже была уверена

в том, что у нее обязательно родится мальчик, так как только мальчик мог так сильно пипать ее ножкой в живот. В такие моменты она обычно и начинала разговаривать с ним, чувствуя себя необыкновенно счастливой. Это радостно-возбужденное состояние делало ее лицо еще красивее, придавало глазам необыкновенный блеск.

Госпожу Читари бесило то, что дочь мало обращала на нее внимания, но Сулиту это нисколько не беспокоило. Она не хотела омрачать свое счастье думами о матери.

Однажды, в начале августа, когда они загорали на пляже, мать спросила:

— Сулита, скажи, с каких это пор ты перешла с Марией на «ты»?

Сулита в этот момент смотрела на водную гладь озера, по которому со стороны Бадачоня плыла яхта, и думала о том, какие же они счастливые: живут в мире и спокойствии в то время, как где-то идет война, гибнут десятки тысяч людей, разрушаются города. У них же есть и пища, и все остальное, что необходимо человеку для того, чтобы чувствовать себя счастливым. Она оторвалась от своих раздумий, услышав, что к ней обращаются.

— Мама, ты, кажется, о чем-то спрашивала?

Мать повторила свой вопрос.

— С какого времени мы с ней на «ты»? Я даже не помню, но, по-моему, очень давно. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому, что это нехорошо. Госпоже не к лицу такое обращение с прислугой. — Мать поправила солнцезащитные очки и ждала, что же ей ответит дочь.

— Мама, тебя не смущает, что я стала самостоятельной и независимой женщиной? Вот скоро жду ребенка. Думаю, я сама могу решать, что хорошо, а что плохо.

Ответ Сулиты удивил мать.

— Можешь поступать, как тебе заблагорассудится. А за преподанный урок спасибо.

Весь день она больше с дочерью не разговаривала, а перед ужином пожаловалась мужу:

— Сулита стала вести себя прямо-таки вызывающе. Бесстыжая какая-то стала! Начинает учить родную мать. И все это потому, что ты ее распустил. Вот она...

— Я поговорю с ней, — перебил жену Читари. — Ты, безусловно, права, но давай не будем портить вечер.

После ужина, который прошел тихо и спокойно, Читари с дочерью отправились немного прогуляться. Когда

они прохаживались под платанами, Читари пересказал дочери жалобу матери. Сулита не стала спорить, а, опустив голову, шла рядом с отцом.

— Сулита, дочка моя дорогая, я знаю, что ты права, — дипломатично заметил отец, — но свою правоту нужно уметь отстаивать так, чтобы не обижать мать.

Сулита остановилась и повернулась к отцу.

— Дорогой папа, — произнесла она срывающимся голосом, — видит бог, я не хотела ее обидеть. Но скажи мне, пожалуйста, почему она обижает Марию? Да и меня тоже? Мария мне очень нужна, я без нее как без рук, беспомощна как ребенок. Я, конечно, вспыльчивая, не стану этого отрицать, но ведь тому есть причины: я жду ребенка, у меня есть муж, про которого я ничего не знаю. Разве этого не достаточно, чтобы быть нервной? Я могу и продолжить перечисление...

Читари поцеловал дочь в щеку, взял под руку и медленно повел дальше.

— Спокойно, Сулита, спокойно, — охладил он ее. — Все в порядке. — И, посмотрев на дочь, он как-то лукаво, словно сообщник, продолжал: — Выполняя желание своей супруги, твоей матери, я передал то, что она просила передать, и теперь, как говорится, умываю руки. Можешь считать, что я тебя по-отечески отчитал.

Отец с дочерью переглянулись и одновременно рассмеялись. И вдруг Сулита почувствовала угрызения совести. «Нехорошо, что я смеюсь над родной матерью, — мелькнуло у нее в голове, но тут же она мысленно попыталась оправдать себя: — А что я могу сделать? Отца я люблю без ума, бабушку тоже обожала, следовательно, обвинить меня в том, что я бесчувственная и злая, нельзя... Значит, вина тут вовсе не моя...»

Сжав руку отца, она спросила:

— Скажи, папа, как ты думаешь, почему я не люблю маму? Поверь мне, я очень хотела бы любить ее, но у меня ничего не получается... Тебя я очень люблю. Бабушку тоже любила...

Читари пожал плечами. Что он мог ответить дочери? Сказать, чтобы та любила и мать? Какие глупости! По приказу или даже по просьбе никого нельзя полюбить. Правда, чтобы хоть как-то утешить Сулиту, он мог бы сказать ей, что ее бабушка тоже не любила свою дочь. Но этим он нисколько не улучшил бы отношений между Сулитой и женой. Все осталось бы по-старому, а то и могло бы стать еще хуже. Поэтому он просто сказал:

— Знаешь, дочка, скажу тебе только, что твоя мать очень хорошая жена — и это правда. Жаль, конечно, что отношения между вами такие натянутые. Но, быть может, ты все же хоть чуть-чуть постараешься быть более терпимой по отношению к ней? Поверь мне, несмотря на весь ее консерватизм, она хорошая женщина. Разумеется, я не могу просить тебя полюбить ее, но ради меня будь, пожалуйста, несколько дипломатичнее. И подумай еще об одном: если со мной что-нибудь случится, мать может рассчитывать только на тебя.

Сулита так и обмерла от страха. До сих пор отец еще ни разу не говорил ни о чем подобном, а сама она и подумать не могла о том, что с ним может что-нибудь случиться. С тех пор как Сулита помнила себя, она никого и ничего не боялась, так как была твердо убеждена, что отец всегда сможет оградить ее от любых неприятностей.

Посмотрев на отца, она срывающимся на плач голосом спросила:

— А что с тобой может случиться, папа?

Неподалеку проходила железная дорога, и грохот скорого поезда до Надьканижи заставил Читари повременить с ответом. Когда состав скрылся вдали, снова наступила тишина.

— Сейчас идет война, — начал посол. — А в военное время с любым человеком может произойти все, что угодно. В особенности со мной, поскольку мне приходится ездить практически по всей Европе. Во время войны любой дипломат, даже если он находится в нейтральной стране, не может чувствовать себя в полной безопасности.

— Это как же следует тебя понимать, папа?

— Как сказал, так и понимай. Почти все более или менее крупные города нейтральных стран кишат шпионами, провокаторами и разного рода политическими авантюристами. Находясь там, никогда не знаешь, где тебя поджидает опасность. Скоро я опять уезжаю в Швейцарию. Надеюсь, что по возвращении оттуда я смогу передать тебе письмо от твоего Яноша.

Сулита остановилась. Со стороны озера доносились удары волн о гранитную набережную, и ей показалось, что из-за шума волн она что-то не так услышала.

— Я тебя не поняла. О каком письме ты говорил?

— Я сказал, что по возвращении из Швейцарии я передам тебе письмо от мужа.

— От Яноша?! Папа! Быть того не может!

— Больше ты меня пока об этом не спрашивай, я все равно ничего не скажу.

— Я поняла. — Сулита даже чуточку обиделась на отца за то, что он не доверяет ей. Некоторое время они шли молча.

— Тебе нехорошо? — спросил отец.

Сулита глубоко вздохнула, а потом тихо сказала:

— Сейчас все пройдет.

Молча они пошли дальше.

Сулита думала о том, что отец в данном случае не прав, опасаясь посвятить ее в детали, но делает он это, по-видимому, вовсе не из боязни риска довериться ей. Ведь взявшись привезти письмо от Яноша, он уже пошел на большой риск.

В лицо им подул теплый ветерок, обычный для здешних летних вечеров. С деревьев еще не осыпалась листва, но Сулита знала, что скоро кончится лето, и невольно задумалась над тем, что принесет ей зима и весна. По мнению отца, ее муж жив, и она верит в это, но все же чувствует какое-то беспокойство, причину которого сама не знает. Любит ли она своего мужа?.. Должна, обязана любить, хотя бы потому, что от него у нее скоро родится ребенок. И именно поэтому она просто не имеет права думать о другом, как бы он ей ни был близок и дорог. Нужно вырвать из своего сердца даже воспоминание о нем, нужно забыть раз и навсегда обо всем, что было с ним связано.

В тот вечер Сулита легла рано. Лежала и думала о том, что она, сама того не желая, толкнула отца на что-то опасное. Наконец она заснула, но спала очень беспокойно. Проснулась на рассвете вся в поту. Она попыталась восстановить в памяти, что же ей снилось, но так ничего и не вспомнила. Ей казалось, что моментами она видела улыбающееся лицо Жана Дюрана, чувствовала его крепкие объятия.

Сулита жила в каком-то странном, раздвоенном состоянии: о Жане Дюране она вспоминала с любовью, одновременно ненавидя Габора Лукача, его обман. У нее было такое чувство, что подло обманул ее именно он, Габор, но отнюдь не Жан Дюран.

Седьмого сентября 1943 года Колош Читари отвез Сулиту в частную клинику доктора Марачко. Роды были быстрыми и почти безболезненными. Правда, Сулита чувствовала боль при схватках, но когда она услышала

крик младенца, то сразу же забыла о ней. На нее нахлынуло всепоглощающее чувство счастья и радости...

Два месяца спустя почти четырехкилограммового малыша (это был сын, как и хотелось Сулите) окрестили двойным именем, назвав его Габором-Колошем. Несмотря на решительные возражения госпожи Читари, крестной матерью маленького Габора стала Мария, которая и держала его над купелью. Однако сама Сулита обо всем этом узнала несколько позже, и не от кого-нибудь, а от врача. Впоследствии, размышляя над тем, почему она назвала сына Габором, Сулита поняла: она неосознанно искала защиты от Габора Лукача, хотела убедить себя в том, что он не оказывает на нее ни малейшего влияния. Теперь Сулита по многу раз за день на все лады произносила имя — Габор и думала при этом не о своем недавнем возлюбленном, а о маленьком сынишке.

Дни, недели, месяцы проходили один за другим, а Сулита все еще находилась в состоянии неописуемого блаженства и счастья. Постепенно она все больше и больше вживалась в новую для нее роль матери. Спала она теперь так чутко, что мигом просыпалась от малейшего движения ребенка. Когда он был голоден, кормила его грудью, а когда спал, оберегала его сон.

Особенно много значила для нее помощь Марии. Верная служанка точно угадывала каждое желание своей госпожи, стремясь освободить ее от всех тягот и забот. Сулита понимала, что такую преданность и самоотверженность невозможно оплатить никакими деньгами.

Госпоже Читари была не по душе привязанность дочери к Марии, однако молодая мать не обращала на эту неприязнь матушки ни малейшего внимания.

Время от времени к Сулите наведывалась госпожа Будаи, мать Яноша. Это была женщина, уже перешагнувшая сорокапятилетний рубеж, очень полная, что доставляло ей много страданий и заставляло вести жестокую и упорную борьбу с лишним весом. Жила она в особом, ею самой придуманном мире и была твердо убеждена в том, что ее далекие предки состояли в родстве с Арпадом[1] или по крайней мере с одним из семи выдающихся полководцев тех далеких времен. Она любила

[1] Арпад (840—907) — князь, родоначальник династии Арпадов, объединивший под своей властью семь кочевых племен, пришедших в конце IX в. на территорию нынешней Венгрии.

поговорить на исторические темы. При этом с языка ее то и дело слетали имена великих древних героев, которых она к месту и не к месту приводила в пример. Не менее часто вспоминала она и жен знаменитостей: Илону Зрини, Жужанну Лорантфи, Дороттью Канижаи...

Сулита любила свекровь вместе с ее беззлобным бахвальством и ссылками на удивительных людей прошлого, так как у той было доброе сердце и она была в любой момент готова прийти на помощь, не считаясь ни с чем. Будаи Яношне всей душой ненавидела немцев. Ненависть ее была не беспричинной, так как одного ее далекого предка австрийцы приговорили к пожизненному заключению в крепости не то в Куфштайне, не то в Шпильберге, где он и умер.

В тот день, когда Сулита получила официальное извещение о том, что ее муж пропал без вести, к ней неожиданно пришла свекровь. Сулита рыдала, поносила и проклинала войну и всех тех, кто был виноват в ужасном истреблении народа.

Госпожа Будаи немного послушала вопли невестки, тоже слегка всплакнула, но, в общем, держалась мужественно и стойко, поддерживаемая какими-то сверхчеловеческими силами.

Погладив Сулиту, она сказала:

— Поплачь, милая, поплачь! Поплачешь, и тебе легче станет. — А когда плач невестки несколько поутих, спросила: — Дорогая моя, пойдешь со мной?

— Куда? — спросила Сулита, все еще всхлипывая.

— В городскую крепость. Я бы очень хотела, чтобы ты пошла туда со мной.

Сулита не стала возражать и даже не поинтересовалась, что они будут там делать. Она лишь умылась и переоделась.

Женщины пешком направились в крепость. Шли узкими улочками. Свекровь на ходу рассказывала невестке о своих родителях, о бабушке и дедушке, затем начала говорить о военных, о солдатах и их женах. Быть последними, выходило по ее словам, совсем не просто — это почти призвание.

Сулита кивала головой, хотя и не понимала связи между тем, что она слышит, и посещением старинной цитадели.

Вскоре они вошли во двор одного из домов по улице Вербеци. В воротах свекровь обменялась несколькими словами с привратницей, и та, поздоровавшись с Сули-

той, провела их через весь двор к крепостной стене. Там к ним подошел худой, очень сутулый седовласый мужчина и поцеловал руку сначала у высокочтимой госпожи Будаи, а затем у Сулиты. Он взял на себя роль экскурсовода.

— В этом массивном здании, что справа от вас, — сказал мужчина, — сейчас размещается хозяйственное управление министерства финансов. В сороковых же годах прошлого столетия здесь находилась темница. Если вы, высокопочтенная госпожа, разрешите, то я покажу вам камеру, в которой в свое время сидел под стражей Лайош Кошут [1].

Дамы, последовав за мужчиной, остановились перед одной из камер в глубине подземного коридора. У Сулиты сжалось сердце от охватившего ее вдруг страха.

— Извольте войти, — пригласил «экскурсовод».

Сулита вошла в мрачное и холодное помещение и вздрогнула, увидев ввернутые в стену большие железные кольца.

— К этим кольцам приковывали цепями узников, — обернулся к женщинам их спутник. — Точно так же к ним был прикован и Лайош Кошут. Извольте теперь взглянуть вот на это узкое оконце, похожее на бойницу, и на толстую железную решетку, которой оно забрано. Должен пояснить, что никаких стекол в окнах в ту пору не было. Да, да, не удивляйтесь, не было и в помине. И наш великий Кошут сидел и мерз здесь, если я не ошибаюсь, почти три года.

Будаине коснулась руки Сулиты и сказала:

— Видишь, доченька, в каких ужасных условиях страдали когда-то венгерские патриоты, а венгерские матери и жены терпеливо и верно ожидали возвращения своих мужей и сыновей, ни на минуту не теряя надежды на то, что они снова увидят своих близких.

Сулита с удивлением посмотрела на слегка полноватое лицо свекрови и невольно подумала о том, что эта в общем-то бодрая женщина либо слегка психически ненормальная, либо хорошая артистка, хвастающаяся своими способностями лицедейки.

«Бедняжка, — думала Сулита, — она явно не в себе: живет в прошлом, совершенно оторвана от реальности».

---

[1] Кошут Лайош (1802—1894) — вождь национально-освободительной борьбы венгерского народа в период революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

— Да, мама, — тихим голосом успокоила свекровь невестка. — Я все поняла. Я буду сильной, очень сильной и мужественной. — Голос у Сулиты сорвался, глаза наполнились слезами.

После рождения внука свекровь стала чаще заходить к Сулите, так как тоже жила одна — ее муж, полковник генерального штаба, вместе со своим корпусом находился где-то под Варшавой.

Однажды после обеда обе женщины сидели в гостиной и пили кофе. Госпожа Будаи расположилась в удобном, обитом бархатом кресле, которое стояло напротив окна. Выглядела она хорошо — лицо гладкое, почти без морщин: видимо, она совсем недавно побывала у косметолога. Кофе она пила не спеша, почти благоговейно.

Сулита в тот день находилась в скверном настроении, которое еще больше испортилось при виде свекрови: сейчас та сядет на своего излюбленного конька, а ей, бедняжке, снова придется выслушивать длинные поучительные беседы об обязанностях жены фронтовика.

Однако на этот раз Сулита ошиблась. Свекровь не спеша пила кофе и, вопреки своей привычке много говорить, на сей раз упорно молчала. На руках у Сулиты безмятежным сном спал сынишка.

Вскоре в гостиную вошла Мария и, забрав малыша, поцеловала его в щеку и вышла.

— Мама, у вас плохое настроение? Что случилось? — спросила Сулита.

Будаине поставила кофейную чашечку на столик и посмотрела в окно. На улице был такой густой снегопад, что огромное здание Парламента еле виднелось размытым темным пятном.

Мария бесшумно вошла в гостиную и села рядом с Сулитой. Будаине бросила на горничную вопросительный взгляд, слегка оттопырив нижнюю мясистую губу, но не проронила ни слова, так как знала, что Мария в доме невестки играет очень важную роль и потому пользуется привилегиями, о которых горничные в других господских домах даже и не мечтают.

— Я хочу спросить тебя, доченька, кое о чем... — наконец заговорила Будаине.

— Пожалуйста, мама, спрашивайте, — проговорила Сулита, быстро переглянувшись с Марией и закрыв университетский конспект, который держала в руках.

— Сынишке твоему уже четыре месяца, и похож он

на отца как две капли воды: глаза, рот, лоб — все как у отца.

— Я очень рада, мама, что вы это заметили.

Поскольку ребенка уже унесли из гостиной, свекровь закурила сама и предложила закурить Сулите. Та не отказалась. На лице Марии, которая молча наблюдала за этой сценой, можно было прочесть, что ей это не нравится.

— И все-таки мне кое-что непонятно, — сказала Будаине.

— Что же именно?

— Почему ты назвала своего сына Габором, а не Яношем?

Сулита предчувствовала, что рано или поздно свекровь обязательно спросит ее об этом. Мария, с которой Сулита поделилась своими опасениями, заверила ее, что если Будаине заговорит об этом, то она-то найдет, что ей ответить.

Мария опередила Сулиту и заговорила первой, обращаясь к Будаине:

— Извините меня, пожалуйста, высокочтимая сударыня, это моя вина, только моя. — Увидев, что Будаине с любопытством смотрит на нее, горничная с еще большей убежденностью продолжала: — Сударыня, мне была оказана высокая честь быть крестной матерью вашего внука. Моя покойная госпожа, царство ей небесное, хотела...

— Что же хотела твоя госпожа? — перебила горничную Будаине.

— ...чтобы крестной матерью ее первого внука была я, поскольку я из трансильванцев. Об этом она мне сказала незадолго до своей смерти. И Сулите тоже напоминала не раз. — Сулита молча кивнула. — Милостивая госпожа, я родилась в Трансильвании, высоко в горах, в крохотной деревушке, откуда по велению судьбы после смерти мужа попала в услужение к милостивой моей государыне — царство ей небесное! — и было это двадцать лет назад. У нас в семье, сударыня, была традиция — первенца-мальчика называть в честь Габора Бетлена [1], нашего вождя, Габором. Мой супруг погиб в первую мировую, почему у меня и не было ребенка. Мне ведь в ту пору и двадцати годков еще не исполнилось. Все мои

[1] Бетлен Габор (1580—1629) — князь Трансильвании с 1613 г., венгерский король в 1620—1621 гг., активный участник антигабсбургских войн.

помыслы были о том, чтобы родить мальчика, но господь не дал мне такого счастья. И вот когда я стояла над купелью своего крестника, меня и осенило назвать его Габором. Для меня, госпожа, это большой подарок. Очень большой!

Слушая свою горничную, Сулита испытывала стыд, а сама думала о том, поверит ли свекровь объяснениям Марии. Каково же было ее удивление, когда свекровь не только поверила Марии, но еще и начала благодарить ее за высокое чувство патриотизма.

Будаине встала и, подойдя к Марии, обняла ее и поцеловала, говоря, как она счастлива, что ее внук будет расти и воспитываться возле такой настоящей патриотки, как Мария.

— Я рада, Сулита, дорогая ты моя, по-настоящему рада от всей души, что с тобой живет истинная венгерка. — Говоря эти слова, свекровь даже прослезилась. — Начиная с сегодняшнего дня я лично берусь руководить твоей судьбой. Это моя святая обязанность... Я ответственна перед моим сыном.

Сулита растерялась.

«Боже мой, — подумала она, — мне только этого не хватало. Ну и «помогла» же мне Мария своей трансильванской легендой...»

— Дорогая мама, — начала Сулита, — я, конечно, понимаю, что вы желаете мне и моему сыну добра, но я уже взрослая, и, ради бога, не нужно распоряжаться моей жизнью.

Будаине даже несколько обиделась.

— Как же это так? Ты отказываешься от моей помощи? Это что еще за чудеса такие?.. Хорошо, дочка, я поняла тебя. — С этими словами она решительно встала, поправив юбку. — Не сердись, я тебе мешать не стану. Сервус. — По-военному переставляя ноги, свекровь направилась к двери.

— Мама! — крикнула Сулита. — Зачем вы так поступаете?! — Она хотела было встать, чтобы задержать свекровь, но ее остановила Мария.

— Останься, моя дорогая, не волнуйся так. Она еще вернется.

Горничная встала и вышла вслед за Будаине. Она догнала ее в прихожей, где та, стоя перед зеркалом, надевала лисью шубу. Мария помогла ей одеться.

— Уважаемая госпожа, — зашептала горничная, — я рада, что мы одни...

Будаине повернулась к горничной лицом.

Мария сначала огляделась, словно опасаясь, что их может кто-то подслушивать, и, как бы удостоверившись, что поблизости никого нет, продолжала, понизив голос до шепота:

— Скажу вам по большому секрету, что я очень боюсь...

— Чего боитесь? — Будаине тоже заговорила тише.

— Очень боюсь, как бы у моей благодетельницы не пропало бы молоко...

— А почему, собственно, оно должно пропасть?

— Только потому, что бедняжка очень сильно переживает за господина Яноша. Вы знаете, она прямо-таки обожает его. Я не раз просыпалась посреди ночи от ее рыданий... Ей так не хватает господина Яноша... Вот почему я и опасаюсь, что у нее может пропасть молоко и это плохо отразится на маленьком Габорке. Милостивая государыня, я свидетельница того, что господина Яноша никто не сможет любить так крепко, как моя госпожа.

Будаине была поражена этим сообщением, почувствовала угрызения совести, мысленно признавшись себе в том, что она была несправедлива по отношению к Сулите, которая, как выяснилось, так крепко любит ее ненаглядного сыночка. Его, возможно, и в живых-то уже нет, а она все только о нем и думает, убивается... Будаине стало стыдно, на глаза ее навернулись слезы. Она тут же вернулась к Сулите и разрыдалась. Обняв невестку, положила голову ей на плечо.

— Дорогая моя, прости меня, ради бога, и не сердись. Видит господь, что я не хотела тебя обидеть.

— Я не сержусь, — примирительно прошептала Сулита. — Это я должна просить у вас прощения, мама. Я была так нетактична. — И Сулита заплакала вместе со свекровью...

Десятого февраля, в четверг, Колош Читари ужинал у дочери. Пока Мария накрывала на стол, Читари, находясь в комнате наедине с дочерью, достал из кармана конверт и передал его ей. Сулита дрожащей рукой взяла конверт, в котором находилось письмо ее мужа. Сердце ее учащенно забилось. Прежде чем прочесть письмо, она на несколько секунд закрыла глаза и стояла не шевелясь: ей хотелось взять себя в руки. Затем, открыв глаза, начала читать.

«Сулита, милая моя! Мне все еще кажется, что это чья-то злая шутка. Но ты хорошо знаешь, что я — карточный игрок, который всегда берет карту, идущую ему в руки, и начинает игру. Вполне возможно, что кто-то сейчас потешается надо мной, схватившись за живот. Это уж дело его совести. Я же пишу это письмо и как дурак надеюсь, что ты его все же получишь, а если не получишь, тогда пусть смеются надо мной. Итак... Вчера меня вызвал к себе комиссар и сказал, чтобы я написал жене письмо. Комиссар — порядочный человек, я ему верю. И вот сейчас я сижу и пишу это письмо. Я не могу сообщить тебе, где я сейчас нахожусь, так как написанное мной наверняка замажут. Это понятно. Я на их месте поступил бы точно так же: ведь война все еще продолжается. В конце концов это мы, а не они, пошли на восток, проделав путь в несколько сот километров от наших границ. Зачем, ради чего мы это сделали, мне не понять и по сей день...

Что же касается лично меня, то я был подбит во время боевого вылета, однако покинуть машину и выпрыгнуть с парашютом не захотел, хотя такая возможность у меня и была; я решил спасти самолет и посадить его на землю. Но сделать мне это не удалось. В итоге я попал к русским в плен, где и нахожусь в настоящее время. Я здоров и пребываю в относительно хорошем настроении. Однако тебя мне очень не хватает, я сильно тоскую, намного сильнее, чем в студенческую пору. В своем последнем письме, которое ты писала еще давно, ты сообщала, что скоро у нас будет ребенок. Теперь он, видимо, уже родился. Кого ты родила? Сына? Дочку? Мне все равно, важно, чтобы родила. Я не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь: война продолжается. А на войне, как известно, нет ничего дешевле человеческой жизни. Братские могилы обходятся недорого. Я, видимо, пессимист. Не сердись, пожалуйста. Дело в том, что, когда я думаю о тебе, меня охватывает страх. Если бы ты только знала, как мне не хватает тебя! Я обожаю тебя! Если тот, кому попадет в руки это мое признание, начнет смеяться надо мной, пусть он подохнет, так как ни черта не смыслит ни в любви, ни в жизни, ни в верности и, значит, вообще глупец, никчемный человек. Однако, к сожалению, в жизни таких большинство, а в их руках и власть и сила. Но до каких пор, спрашивается?.. Мне же очень и очень хочется увидеть своего ребенка. Хочется обнять его, поцеловать. По-от-

цовски... И тебя тоже, моя милая Сулита: ведь если бы не было тебя, то не было бы и ребенка, да и сам я вряд ли остался в живых. Ты запомни, что я живу только потому, что живете вы, ты и ребенок! Поэтому, собственно, я и хочу вернуться домой. А вот удастся ли мне это — и сам не знаю. Однако я сделаю все, чтобы вернуться к вам. Вчера было рождество. Мы, как могли, нарядили еловую ветку, уселись вокруг нее. Сначала вспоминали о доме, а потом хором пели песни: «Слетел с неба ангел...», «Святая ночь, тихая ночь...». Некоторые даже всплакнули. Я же сидел и думал о том, почему меня занесло в далекую Россию. Что нам, спрашивается, от русских нужно? В голове вертится масса всевозможных вопросов, на которые, я, к сожалению, не нахожу ответов. Меня, к примеру, русские никогда ничем не обидели...

К сожалению, я должен заканчивать письмо, которое ты, быть может, получишь, а может, и нет. Если же это просто чья-то странная шутка, то было бы хорошо, если бы господь покарал этого шутника.

Знай, что я тебя очень люблю и ни на минуту не теряю надежды на нашу встречу.

Рождество.
Россия.

Крепко целую, твой Янош».

Сулита горько заплакала. Утешить ее сейчас было невозможно. Понимая это, отец некоторое время и не пытался делать этого. Потом привлек дочь к себе, обнял ее за плечи, поцеловал в голову.

— Успокойся, доченька. Судя по письму, Янош живет в довольно сносных условиях. Он записался в какую-то школу или на курсы, не голодает, не страдает от холода...

— В какую такую школу? — шмыгнув носом, спросила Сулита.

— Я так понял, что речь идет об одной из антифашистских школ, куда Янош записался добровольно. Выпускники таких школ становятся партизанами. Как бы там ни было, а очень даже хорошо, что твой муж добровольно решил бороться против фашистов.

В тот вечер ужинали в тишине. Сулите все казалось невкусным, все имело какой-то горьковатый привкус. В голове кружились мысли о том, что вот они

здесь с отцом сидят за накрытым столом, сытно едят, пьют, а ее Янош в это время голодает. Да только ли один Янош? А может быть, его и в живых-то уже нет, может, его давно убили; а если он все же и жив, то кто знает, как велики его страдания. Наверное, так оно и есть, но об этом лучше не думать. Но разве себе прикажешь? Во сне она часто видела мужа. Днем, правда, она старалась не думать о нем, и ей это в какой-то степени удавалось, так как забот хватало. Вот и отца, которого любит больше всех на свете, поставила в затруднительное положение...

С этими мыслями Сулита посмотрела на отца, и ее охватила печаль. Он так сильно состарился, и лицо у него усталое-усталое...

Читари заметил, как опечалена дочь, однако он не мог, а быть может, и не хотел утешать ее. С Сулитой он всегда разговаривал как со взрослой, делился с ней своими мыслями и заботами. Он считал, что откровенностью приучает дочь принимать жизнь такой, как она есть, во всей ее жестокости. Не дай бог ей остаться одной, но если такое случится, то только так, подготовленная заранее, она устоит на ногах и во всеоружии встретит все невзгоды.

— Доченька моя, должен сказать тебе, что мы эту войну проиграли, — чужим голосом произнес Читари.

— Об этом ты говорил мне еще два года назад... Ты уже тогда это знал.

— Знал? — На лоб Читари набежали глубокие складки. — Скорее всего, предчувствовал, так как внимательно следил за событиями и тщательно анализировал их.— Он отложил нож и вилку и вытер губы салфеткой. — Тебе я могу сказать честно, в душе я тайком думал, что, быть может, ошибаюсь, но я оказался хорошим провидцем.

— Мы проиграли эту войну, — с беспокойством проговорила Сулита, — ну и что? Какие последствия вытекают из этого?

— Какие последствия? Мы окажемся в числе побежденных, Сулита. А побежденные, как известно, должны платить. Я боюсь, что по счету, который нам будет предъявлен, придется очень и очень много платить.

Отец и дочь перешли в гостиную пить кофе, который уже стоял на столе. Читари закурил сигару, Сулита — сигарету.

— Скажи, папа, а это трагическое положение, в котором мы оказались, не может измениться? — спросила дочь.

Читари сначала сделал несколько затяжек, а потом ответил:

— Не знаю... У нас есть люди, которые хотят поскорее порвать с немцами...

— Тогда почему же они до сих пор не сделали этого? — перебила она отца.

— Только потому, что они боятся русских, а точнее, коммунистов. — Немного помолчав, он продолжал: — Собственно говоря, я их тоже боюсь, несмотря на то что в период разгула белого террора, после подавления Венгерской советской республики в 1919 году, я ничем себя не скомпрометировал. На моих руках нет крови, и потому совесть моя чиста. Но нельзя забывать того, что все политики, находящиеся в непосредственном окружении регента, все наши генералы и многие другие были активными участниками контрреволюции. Им, разумеется, не на что надеяться в том случае, если русские войска займут Венгрию: с их помощью из эмиграции на родину вернутся оставшиеся в живых коммунисты, которые при режиме Хорти подвергались жесточайшим преследованиям, уничтожались физически. Наши господа охотно порвали бы с гитлеровцами, если бы были уверены в том, что Венгрию оккупируют англосаксы.

— А разве такое невозможно? — поинтересовалась Сулита.

— Нет, так как союзники русских совершат высадку войск не на Балканах, а где-нибудь во Франции. Нам, венграм, об этом намекнули недвусмысленно. Придется вести переговоры с Советским Союзом. — Взяв руку Сулиты в свои руки, Читари погладил ее и, немного подумав, сказал: — Дочь моя, я не знаю, что именно готовит мне судьба и что со мной может произойти, но в любом случае ты должна знать, что твой отец принадлежал к числу тех людей, которые хотели спасти честь своей страны.

В этот момент из детской донеслось монотонное пение Марии, укачивавшей маленького Габора:

Спи, малышка, крепко-крепко,
Много звезд на чистом небе...

Услышав колыбельную, Сулита невольно подумала о том, что же будет с ней и ребенком.

— Поскольку поражения нам не избежать, — продолжал Читари, — мы должны предпринять кое-какие меры.

— Что ты имеешь в виду, папа?

— Я не хочу оказаться беженцем и тебе того не желаю.

— И что же нужно теперь делать?

— Отдай распоряжение своему поверенному доктору Марте, чтобы он снял с твоего банковского счета все деньги, оставив ровно столько, сколько необходимо... ну, скажем, года на полтора. Думаю, что дольше война не продлится.

— И что же я должна делать с такой крупной суммой денег?

— Пусть доктор Марта закупит на них золота, драгоценных камней и старинных золотых монет. — Заметив, что дочь не совсем понимает его, он начал объяснять: — Видишь ли, более чем вероятно, что территория Венгрии в скором времени станет театром военных действий. Ты, конечно, не имеешь ни малейшего представления о таких вещах. Гитлеровцы, когда они вынуждены покидать какой-нибудь город, сначала грабят его. Все, что они могут забрать с собой, они увозят, а что не могут, уничтожают. Я бы не хотел, чтобы ты из-за этой войны осталась без средств к существованию. На следующей неделе я уезжаю из Будапешта. Все ценности я заберу с собой, а приехав в Цюрих, размещу их в одном из банков.

— Но у меня нет сейфа в Цюрихском банке.

— Он есть у меня. Я стал его обладателем тогда, когда мне удалось спасти большую часть нашего состояния. Тогда же я написал и завещание. Вот пароль для пользования: «Дедушка», а номер — сто пятьдесят тысяч двадцать шесть. Думаю, ты хорошо запомнишь и то и другое...

Доктор Марта, адвокат Сулиты, за десять дней превратил ее наследство в деньги суммой более миллиона пенгё. Без малого миллион пенгё он потратил на покупку различных драгоценностей, проведя эти финансовые операции таким образом, что не обидел и самого себя.

А посол по особым поручениям Читари, пользуясь своей дипломатической неприкосновенностью, благополучно вывез все эти ценности из Венгрии за границу.

Оказавшись в Цюрихе, Читари вдруг почувствовал, что за ним следят. Об этой догадке он сообщил послу

Венгрии в Швейцарии. Тот заметил, что в этом нет ничего удивительного, так как Швейцария буквально кишит шпионами и контрразведчиками, а нацистские агенты внимательно следят за ним самим, и, к сожалению, даже в самом посольстве имеются их люди.

Читари вел себя очень осторожно, рассчитывая почти с математической точностью каждый свой шаг. Будучи старым и опытным дипломатом, он хорошо был знаком с правилами конспирации, и поэтому ему было не очень трудно отделаться от своих преследователей...

Читари отлично понимал, что спасение чести нации зависит от решительных и активных действий, а отнюдь не от мечтаний и иллюзорных стремлений и не от секретных разговоров с глазу на глаз в затемненных комнатах, где строятся планы, которым никогда не суждено осуществиться.

Читари не симпатизировал коммунистам, но, будучи умным человеком, решил, что в интересах послевоенного будущего ему необходимо сотрудничать с теми людьми, которые вот уже два десятилетия ведут борьбу за социальную справедливость. Он был уверен, что после войны роль Советского Союза в Центральной и Восточной Европе сильно возрастет, и поэтому постарался установить хорошие отношения с советскими дипломатами, работавшими в Швейцарии, которым он недвусмысленно дал понять, что стоит на антифашистских позициях. А снискав себе такую репутацию, смог обратиться к Игорю Геннадиевичу Рубикову, работавшему в организации Международный Красный Крест, с доверительной просьбой разыскать его зятя.

Рубиков охотно согласился помочь ему, и однажды Читари было вручено письмо, написанное старшим лейтенантом Яношем Будаи.

Читари нашел вполне естественным, что Рубиков в свою очередь тоже попросил его о небольшом одолжении. Они начали регулярно встречаться, соблюдая меры предосторожности. Читари сообщал Рубикову некоторые политические и военные новости, которые проливали свет на венгерско-немецкое сотрудничество. Он называл точные цифры: сколько солдат необходимо направить на фронт, сколько венгерских рабочих — на военные заводы Германии, какое количество мяса, зерна, кормов поставить в рейх.

Читари считал своим долгом бороться всеми средствами против бесчеловечной системы фашизма, против всех тех, кто сознательно разработал и осуществлял чудовищный план уничтожения миллионов людей. Дипломат принадлежал к числу тех немногих, кто знал, что как в самой Германии, так и на оккупированных ею территориях действуют так называемые фабрики смерти...

Читари чувствовал себя солдатом антигитлеровской коалиции и делал то, что ему подсказывала совесть. Он догадывался, что немецкая контрразведка внимательно следит за его деятельностью, однако не отказался от задуманного, а лишь стал более осторожным и осмотрительным.

О своих опасениях он сказал Рубикову, который успокоил его, сказав:

— Вам не следует бояться, находясь здесь, в Швейцарии. Мы найдем возможность защитить своего друга.

— А кто защитит меня в Португалии? — из чистого любопытства поинтересовался Читари.

— Наши друзья, — ответил Рубиков. — Дорогой господин посол, вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что полученной от вас информацией пользуются только русские. Мы честно выполняем свои обязательства, делимся информацией с союзниками, а взамен просим от них обеспечить безопасность наших сторонников в тех странах, где сами сталкиваемся с различного рода трудностями. В таких, как, скажем, Португалия.

Рубиков и Читари разговаривали, сидя в саду советника Бергсона. Сад был защищен от ветра, и собеседники чувствовали тепло весеннего солнца. Вдали виднелись покрытые снегом вершины гор, воздух еще был прохладным, но и в нем уже улавливались первые весенние запахи.

— Скажите, вашим английским друзьям известно о том, что я... что мы с вами поддерживаем деловые контакты?

Рубиков пригладил пшеничного цвета усики, а в его голубых глазах появилась затаенная усмешка.

— Кажется, я не давал вам повода не доверять мне...

— Нет, нет, я не об этом, — сказал Читари.

— А тогда о чем же?

— О том, что ходят самые невероятные слухи о спорах и разногласиях между союзниками. Я склонен думать, что в некоторых случаях это отнюдь не клевета.

— Не скрою, в нашей коалиции имеются кое-какие

противоречия. Правда, должен вам откровенно признаться, что я человек маленький и не могу знать всех вопросов, по которым ведутся споры, исключая, разумеется, такое противоречие, что мы строим социализм, а наши союзники идут по старому пути. Однако, господин посол, я полагаю, что в настоящее время важно не столько то, в чем мы не находим общего языка, сколько то, в чем мы пришли к единому мнению — совместными усилиями уничтожить фашистскую чуму, которая несет смертельную угрозу человечеству, его свободе и независимости.

Долгое время Читари находился под впечатлением этого разговора.

На следующий день, а было это третьего марта, он выехал в Португалию и вечером восемнадцатого марта вернулся в Будапешт. Утром он уже был у Сулиты, сгорая от нетерпения поскорее увидеть внука.

День был воскресный, ярко светило солнце. Сулите показалось, что с самого утра над городом пролетело больше самолетов, чем обычно. Но над причиной этого она как-то не задумывалась.

Читари был в тот день очень мрачным, но дочь объясняла это усталостью. Она не знала, что отец всю ночь до рассвета разбирал свои бумаги, сжигал их. Посол по особым поручениям хорошо знал, что могло означать появление над городом такого количества самолетов. Дипломат закрывал глаза и видел перед собой лицо Рубикова.

— Мой вам совет, господин посол: не возвращайтесь в Венгрию. Дело в том, что фашисты не сегодня завтра оккупируют страну.

— Я знаю об этом, но в Будапеште находится моя семья: жена, дочь, маленький внук, — ответил ему тогда Читари.

4

Читари сначала посмотрел на дочь, а затем на внука, который увлеченно сосал грудь. Мария уже накрыла на стол. Жена Читари разлила по чашкам кофе. Читари намазал кусочек слегка поджаренного хлеба маслом и начал было с аппетитом есть, как вдруг раздался резкий и требовательный звонок в дверь.

— Это кого еще несет?! — не сдержалась Мария и вышла из комнаты.

Читари проглотил кусок хлеба, салфеткой вытер руки и посмотрел сначала на дочь, а затем на жену.

И в тот же момент распахнулась дверь, в которую не вошла, а скорее влетела Мария. Вслед за горничной в гостиную ворвались четверо мужчин в гражданской одежде.

Мария на чем свет стоит ругала вошедших.

— Цыц, ты! — грубо рявкнул на нее один из них, с жирной шеей, в коричневой рубашке, и тут же добавил, наклонившись над горничной: — Еще одно слово, и я тебя раздавлю!

— Свою мамашу тыкай, а не меня, негодяй! — не сдержалась Мария.

— Это что за тон?! — встал Читари. — Кто вы такие и что вам здесь надо?

Мужчина с толстой шеей выпрямился и, подняв руку вместо приветствия, отрекомендовался:

— Главный инспектор Бардош. — И, ткнув рукой в сторону высокого блондина с худощавым лицом, произнес: — А это фон Граф из управления германской службы безопасности. Вы посол по чрезвычайным поручениям Колош Читари?

— Да.

Госпожа Читари поднялась из кресла и встала рядом с мужем. Сулите с трудом удалось сохранить самообладание. Лишь один маленький Габорка как ни в чем не бывало спокойно сосал грудь.

Бардош сделал шаг вперед и вынул из кармана какую-то бумагу, на которой Сулита успела разглядеть казенную печать.

— Вот ордер на ваш арест.

— Нет! — испуганно выкрикнула супруга Читари.— Нет! Я не позволю, не позволю!.. — И потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, мужа уже выводили из комнаты, предварительно надев ему наручники.

— Папа! Дорогой папа!.. — закричала Сулита, чувствуя, как слабеет ее голос.

Мария, обняв едва пришедшую в себя госпожу Читари, усаживала ее в кресло.

— Куда увели моего отца? — спросила Сулита у Бардоша.

Инспектор, не проявляя особой вежливости, ответил:

— Я не знаю, куда немцы уводят своих арестован-

ных. — И показал на блондина: — Спросите лучше у него. Вы говорите по-немецки?

— Говорю, — ответила Сулита и, повернувшись к фон Графу, спросила: — Господин, куда увели моего отца?

— Его арестовали, госпожа. Само собой разумеется, с личного согласия регента Хорти.

— Сударь, вы не ответили па мой вопрос, я спрашивала, куда увели моего отца.

Немец немного подумал, а затем сказал:

— Вас об этом известят, а пока наберитесь терпения. Сейчас мы должны произвести у вас обыск.

Пришедшие перевернули всю квартиру вверх дном, но ничего компрометирующего не нашли.

Вскоре в комнату вернулся старший инспектор Бардош.

— Знаете, господин старший инспектор, сложилась какая-то странная ситуация, — обратилась к пему Сулита.

Бардош остановился и взглянул на женщину своими большими сонными глазами.

— Странная? Это почему же?

— Мой муж находится на фронте, а вы тут...

— Ваш муж военный? — перебил ее Бардош.

— Да, кадровый офицер, старший лейтенант. Он летчик-истребитель.

В комнату вернулся фон Граф; бросив беглый взгляд на все еще продолжавшую плакать госпожу Читари, он спросил Бардоша, о чем говорит женщина. Старший инспектор ответил по-немецки.

Фон Граф ехидно усмехнулся и спросил у Сулиты:

— Возможно, ваш муж одержал не одну победу в воздушном бою?

— Изволите насмехаться? — резко спросила Сулита и, передав малыша Марии, села рядом с матерью и начала ее успокаивать.

— Нет, сударыня, я нисколько не насмехаюсь. Я просто думаю, с какой целью мне лжет хорошенькая молодая женщина. Муж ее пропал. Это хорошо известно. И я никак пе могу понять вашего неуклюжего лавирования.

Сулита с изумлением посмотрела па гитлеровца, почувствовав, что в душу ее заползает страх. Немцы, как оказалось, обо всем уже извещены!

— Откуда вам известно, что мой супруг пропал без вести? — спросила Сулита.

Фон Граф громко рассмеялся:

— Сударыня, если я не ошибаюсь, вы живете в Венгрии, точнее, в ее столице — Будапеште, а в этом городе человек узнает порой гораздо больше, чем он сам хочет узнать. — Гитлеровец закурил. — Правда, сударыня, не подумайте, что в вашем Будапеште доносчиков и шпионов больше, чем, скажем, в Париже, Варшаве, Праге или еще где-нибудь. Вся разница заключается только в том, что в Париже, Варшаве и Праге доносчиков и шпионов арестовывают и казнят так называемые патриоты, или, как их еще иногда называют, участники движения Сопротивления. У вас же, сударыня, никто доносчиков не судит и не приговаривает их к смертной казни. Все это я говорю вам только потому, чтобы вы могли как следует подумать о своей семье. Мы, сударыня, все о вас знаем, плюс еще кое-что. — Поискав глазами пепельницу и заметив ее на столе, он стряхнул в нее пепел. — Дорогая сударыня, — продолжал он спокойно и поучительно, — к вам мы явились отнюдь не случайно. Вы понимаете, о чем я говорю? Мы отлично знаем, кого именно нам необходимо проведать в Будапеште или же в каком-либо другом городе вашей страны.

Сулита была потрясена услышанным.

«Выходит, все то, что в университете на каждом углу говорят о доносчиках и шпиках, истинная правда? — подумала она. — Все мы и в самом деле окружены этими гнусными типами?..»

— К сожалению, сударыня, — сказал по-немецки Бардош, — господин фон Граф сказал сущую правду. Германская секретная служба успешно сотрудничает не только с венгерской полицией и жандармерией, но и с представителями общественности. У фюрера повсюду имеются верные люди. Вот, собственно, почему мы хорошо осведомлены обо всем, что касается посла по особым поручениям Колоша Читари и лично вас, сударыня.

— Если они все так хорошо знают, — начала Сулита слегка срывающимся голосом, стараясь при этом унять дрожь, — тогда что же им от меня нужно?

— Ну, например, им бы хотелось получить ответ на вопрос, каким образом письмо, написанное старшим лейтенантом Будаи, находящимся в плену у русских, попало в ваши руки.

Сулите стало страшно. Только сейчас она поняла, почему отец несколько раз спрашивал ее о том, сожгла ли она письмо Яноша.

«Что же мне теперь им ответить? — судорожно думала она. — Боже милостивый! — мысленно начала молиться Сулита. — Дай мне силы, чтобы они не заметили моего страха...»

Тем временем госпоже Читари стало заметно хуже, а Мария растерялась, не зная, что же ей делать.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, разрешите вызвать врача для мамы? — попросила Сулита, желая выиграть время.

— Нет! — крикнул фон Граф. — Сначала ответьте!

— Мама, милая! Потерпи немного!

Но мать не хотела или же не могла терпеть: она начала всхлипывать, стонать и ахать, вскоре к ней присоединился ребенок. Сулите казалось, что она сойдет с ума. Весь этот шум, видимо, подействовал на нервы фон Графу, и он распорядился:

— Пусть старуха и ребенок уйдут в другую комнату! И побыстрее!

Мария, взяв Читарине под руку, вывела ее из гостиной, а затем вернулась за ребенком. Сулита стояла не двигаясь. Бросив на нее изучающий взгляд, фон Граф спросил:

— Ну-с? Теперь изволите ответить?

Во рту у Сулиты пересохло, и она кончиком языка смочила нижнюю губу.

— Два месяца назад это письмо кто-то бросил в мой почтовый ящик. Под вечер, когда я вернулась с занятий из университета, письмо уже лежало в ящике.

— Кто-то бросил в почтовый ящик? — язвительно переспросил фон Граф.

— Да.

— И вы не знаете, кто именно это сделал?

— Не знаю.

— Это точно?

— Ничего другого я вам сказать не могу.

— А вы что-нибудь слышали об Игоре Рубикове?

— Это кто такой?

— Один советский гражданин.

— У меня нет знакомых советских граждан.

— А разве ваш отец никогда не рассказывал вам о Рубикове?

— Нет. Никогда.

— А может такое быть, что это письмо привез вам из Женевы ваш отец? Возможно, у вас память плохая?

— Память у меня хорошая, — ответила Сулита, а про себя подумала: «Буду стоять на своем, что бы ни случилось. А если начнут пугать, сделают что-нибудь с ребенком? Если мне придется выбирать между отцом и сыном? Нет, что это я, в такое положение они меня, конечно, не поставят».

— Вам известно, что ваш отец является советским шпионом? — спросил ее немец, внимательно вглядываясь в лицо женщины.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Сулита с возмущением. — Вы и сами не знаете, что говорите! Чтобы мой отец...

— Да, да, сударыня, — перебил ее Бардош. — Именно ваш папаша, господин посол по особым поручениям. Воспользовавшись дипломатической неприкосновенностью, занимался шпионской деятельностью в интересах наших врагов.

— Одевайтесь! Пойдете с нами! — приказал фон Граф.

Сулита закрыла глаза, ожидая, что сейчас весь мир рухнет, однако ничего подобного не случилось. Ей даже не разрешили попрощаться с матерью и сыном. Она держалась с достоинством и вышла из квартиры с гордо поднятой головой.

5

Мария приводила в чувство госпожу Читари, смачивая ей виски уксусом.

— Сударыня, вы меня слышите? — Читарине чуть заметно кивнула. — Немцы и Сулиту куда-то увели. — Однако госпожа не сразу поняла, что ей говорила Мария, а когда до нее это дошло, она снова потеряла сознание. Хорошо еще, что к этому моменту ребенок заснул. Мария задумалась над тем, что же ей делать, затем позвонила доктору Гернади.

— Что такое? Я не понимаю, что вы сказали?

— Я сказала, господин доктор, что господина Читари и Сулиту куда-то увели немцы.

— Когда?

— Еще и часа не прошло. В квартире осталась я с ребенком и госпожой, которая потеряла сознание. Что мне теперь делать?

— Ничего не делайте, я сейчас приеду.

Через полчаса доктор действительно приехал. Не так давно ему исполнилось сорок лет, более десяти лет из которых он исполнял обязанности домашнего врача госпожи Петени, которая любила и уважала его. Доктор действовал энергично, вызвал по телефону «скорую помощь», которая увезла Читаринс в санаторий «Сиеста».

— А вас я попрошу, — наставлял он перед своим уходом Марию, — позаботиться о ребенке, как будто он ваш сын.

А в это самое время Сулита входила в здание тюрьмы, расположенной на улице Фе. Там Сулита увидела большое количество немцев в военной форме. «Впечатление такое, будто я вовсе и не в Венгрии, не в Будапеште», — с горечью подумала молодая женщина. В длинном лабиринте коридоров, в тюремном дворе и на соседней с тюрьмой улице Дершкочи — повсюду сновали гитлеровцы.

Сулиту посадили в камеру, расположенную на третьем этаже, где уже была одна узница — красивая черноволосая женщина средних лет. Она, одетая в цветной халатик и комнатные туфельки, лежала на одной из коек.

— Сулита Читари — студентка университета, — представилась Сулита, слегка наклонив голову.

— Ольга Варга, библиотекарь. Садись, в ногах правды нет.

Сулита подошла к свободной кровати и, присев на краешек, окинула взглядом камеру. В углу находился унитаз без сиденья, у противоположной стены стояли простой дощатый стол и два табурета. На столе — алюминиевый котелок, кружка, ложка. На кровати лежал соломенный матрац, подушка, простыня и одеяло.

— Тебя кто сюда привел? — спросила Ольга Варга.

— Немцы.

— И за что же?

— Они утверждают, что мой отец является русским шпионом. Отца тоже арестовали и увели, но куда, я не знаю.

— А от тебя что они хотят? Если не желаешь, можешь не отвечать.

Сулита заплакала.

Ольга села с ней рядом и, обняв за плечи, начала утешать.

— Не плачь, дорогая, этим ты себе не поможешь.

— А мой сын, — всхлипывала Сулита, — я не знаю, что теперь с ним будет...

— А сколько ему лет?

— Всего шесть месяцев... Габорка, родной мой... — И она еще больше расплакалась. Прошло довольно много времени, пока Сулита несколько успокоилась и рассказала Ольге историю с письмом от мужа: его кто-то бросил в почтовый ящик, а гитлеровцы говорят, что это письмо привез из Женевы ее отец.

— А где находится твой муж?

— В плену у русских.

— Понятно. — Ольга встала и заходила по камере. Вскоре она остановилась и спросила: — А чем занимается твой отец?

— Он был послом по особым поручениям и работал в министерстве иностранных дел.

— И он ездил в Швейцарию?

— Ездил, и очень часто: такая у него работа. Недавно он был в Португалии и еще где-то.

— Послушай меня внимательно, — сказала Ольга, немного подумав.

— Я слушаю.

— Меня и раньше не раз арестовывали, и потому я знаю, что нужно говорить на допросах.

От этих слов у Сулиты мороз пошел по коже. «Боже мой, — подумала с ужасом она, — с кем же это я попала в одну камеру! С уголовницей-рецидивисткой, которую часто арестовывала полиция! Кто же она такая? Воровка? Проститутка? Наводчица? А говорила, что работает библиотекаршей...»

— И за что же тебя арестовывали? — спросила Сулита.

— Это длинная история, и ты вряд ли ее поймешь: ты для этого слишком интеллигентна. Не сердись только на меня, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть. — Она остановилась как раз напротив Сулиты. — А чтобы успокоить тебя, скажу, что я не какая-нибудь уголовница, а сижу за свои политические убеждения.

— Выходит, ты выступаешь против немцев?

— Верно. Но давай вернемся к твоему делу, точнее говоря, к письму, которое ты получила от мужа. Что касается меня, то я тоже думаю, что тебе его привез отец из Женевы. Но давай предположим, что в почтовый ящик письмо бросил неизвестный человек. Исходя из этой версии, я дам тебе, голубушка, хороший совет; ты,

как вижу, слишком наивна, чтобы дойти до этого самой.

— До сих пор я не имела никаких дел с полицией, ни с венгерской, ни с немецкой.

— Об этом и пойдет разговор. — Ольга перестала ходить взад и вперед по камере и снова подсела к Сулите. — Послушай, если тебе будут доказывать, что это злополучное письмо все же привез отец, скажи им, что если бы это было на самом деле так, то ты обязательно сожгла бы его. И что бы тебе ни говорили, стой на этом, и все!

Больше им поговорить не пришлось, так как Ольгу Варгу вызвали на допрос. Когда Сулита осталась одна, ей стало страшно. Она уже давно не молилась и теперь предалась молитве, в которой спрашивала господа бога, почему он покарал ее и ее семью. В чем она согрешила? Уж не в том ли, что она не любит Гитлера и нацистов?..

Она задумалась над тем, что будет с ее сыном и матерью, если она и отец умрут в заключении. От этой мысли Сулита пришла в отчаяние.

«Нет, я не хочу умирать! Я еще очень молода, так молода, что, по сути дела, еще и не жила вовсе. Я должна жить и воспитывать сына...»

Сев на краешек кровати, Сулита снова расплакалась, и вдруг совершенно неожиданно для самой себя вспомнила о Габоре Лукаче, о Жане Дюране, который уже без малого два года как находится в заключении. А ведь он, наверное, тоже в отчаянии и тоже опасается за свою жизнь. И ничего глупого в этом нет. Любой человек, если он не боится за собственную жизнь, не может быть нормальным и недостоин жизни. «Я, Сулита Читари, очень боюсь за свою жизнь, я хочу жить!..»

Она снова задумалась: «Я хотела и хочу стать дипломатом, а дипломат должен уметь найти выход из любого положения. Но из этого...»

Ольга Варга вернулась в камеру тогда, когда раздавали обед. Вернее, ее приволокли и бросили у входа на пол.

Сулита с ужасом смотрела на избитую до неузнаваемости библиотекаршу, которая с трудом дышала. Оба глаза у нее заплыли, губы были разбиты и распухли, на лице лиловые кровоподтеки. Цветной халат висел на ней жалкими лентами, сквозь разорванную сорочку виднелась грудь. Сулита от страха едва не потеряла сознание.

— Воды... — всхлипнула несчастная женщина. — Воды...

Сулита взяла себя в руки, встала и, набрав в кружку воды, опустилась рядом с Ольгой на колени. Приподняв осторожно ее голову, она напоила женщину. Затем, подсунув одну руку под колени, а другой обняв за плечи, Сулита с трудом подняла Ольгу. Она и сама не знала, откуда у нее взялись силы, но она смогла положить Ольгу на койку. Сулита опустилась перед женщиной на колени, словно молящаяся перед иконой. Намочив полотенце, осторожно стерла кровь с ее лица.

— Ольга, ты слышишь меня? — тихо произнесла Сулита.

Однако Ольга Варга только застонала. Видимо, она испытывала ужасные боли, так как все время прижимала руки то к животу, то к тому месту, где у человека находились почки.

Сулита расстегнула халат на груди избитой и, не без труда повернув ее на бок, завернула сорочку. Увидев изуродованный бок Ольги, она еще больше ужаснулась.

— Они отбили мне почки... — с трудом прошептала несчастная женщина. — Втроем били ногами... сапогами... Сулита... — Голос ее становился все тише и вскоре перешел в хрип. Сулита наклонилась и, приблизив ухо к самым губам избитой, услышала: — Наверно, они убили во мне ребенка... два месяца ему...

— Прошу тебя, держись. Наберись терпения и держись!.. — прошептала Сулита, забыв о собственном горе.

В этот момент дверь камеры отворилась. На пороге появился венгерский унтер-офицер, назвавший фамилию Сулиты.

Сулита встала и, бросив взгляд на Ольгу Варгу, вышла из камеры.

Через несколько минут, миновав несколько коридоров, она вошла в большую комнату с богатой мебелью и остановилась перед громоздким письменным столом, за которым сидели двое — Бардош и фон Граф.

Унтер, сопровождавший арестованную, поставил ей стул и тут же удалился.

— Садитесь! — предложил Бардош по-немецки.

Сулита села, поправив на коленях юбку, и подумала о том, что Бардош, видимо, отнюдь не случайно заговорил с нею по-немецки, — наверно, опасался, как бы фон Граф не заподозрил чего неладного.

— Сударыня, — заговорил гитлеровец, — должен признаться вам, что я неохотно воюю с женщинами, особенно в том случае, если они оказываются такими красивыми, как вы. Красивыми и очень женственными.

— Благодарю вас.

— Знаете, я не мог не сказать вам об этом, так как наши девушки и женщины лишены женственности. Мы, немцы, так воспитываем их, чтобы они были мужественными, способными сражаться по-мужски. Сударыня, я не хотел бы считать вас врагом и потому очень прошу, будьте со мной откровенны. Заранее могу сказать, что я поверю или, по крайней мере, постараюсь поверить тому, что вы не знали о делах вашего отца...

— Извините, но я не могу согласиться с этим, — перебил немца Бардош и придвинул к нему какую-то бумагу.

Фон Граф посмотрел на бумагу, затем перевел взгляд на Бардоша.

— Я знаю. Мы еще вернемся к этому вопросу. Надеюсь, вы мне доверяете? — Постучав кончиком сигареты по столу, он с неприязнью взглянул на старшего инспектора.

Бардош покраснел и, не говоря ни слова, встал. Кивнув, он вышел из кабинета. Фон Граф проводил его пристальным взглядом.

— Если меня правильно проинформировали, — немец посмотрел Сулите в лицо, — вы студентка, учитесь на философском факультете.

— Да, это так. Изучаю венгерскую и английскую философию.

— Великолепно. Я в свое время учился в Берлинском университете, где изучал историю немецкой и английской литературы.

— И каким же это образом из преподавателя вы стали детективом? — несколько приободрившись, спросила Сулита.

Фон Граф несколько секунд молчал, глядя прямо перед собой, а затем спросил:

— Сударыня, вас это действительно интересует?

— Да, конечно.

— В таком случае, дайте мне возможность рассказать вам об этом в другой обстановке.

— Это я должна вам дать такую возможность? — удивленно спросила Сулита. — Ведь я как-никак ваша узница. Вот только что видела, что вы сделали с моей со-

содкой по камере. Ее избили до полусмерти. Вы, как я посмотрю, творите с арестованными что хотите. Я не имею возможности ставить вам условия...

— Один момент! — Фон Граф поднял руку. — Действительно, арестованы вы были мною. Это, так сказать, факт, но фактом остается и то, что вам было доставлено письмо от мужа, находящегося в плену, то, что ваш отец поддерживал связь с Игорем Рубиковым. Правда, я не раз задавал себе вопрос: а почему, собственно, вы должны были знать об этом? Для меня, например, яснее ясного, что если ваш отец действительно работал на Рубикова, то он, естественно, не трубил бы об этом на каждом углу. Правда, никто не хочет этому верить.

— Сударь, — начала, несколько успокоившись, Сулита, — если письмо от мужа мне привез из Женевы или еще откуда отец, разве я его стала бы хранить, да я его сразу же после прочтения уничтожила бы. Не говоря уж о том, как я себя вела бы, знай о связи отца с каким-то русским Рубиковым. Уж тогда я была бы ох как осторожна! Вы что-то хотели сказать, сударь?

— Нет, нет, продолжайте. Я вас слушаю.

— Нет никакого сомнения в том, что это письмо написал мой муж, почерк которого я хорошо знаю. Однако я убеждена в том, что его силой принудили сделать это. Сударь, если бы он вдруг по какой-либо причине захотел перейти на сторону русских, он мог выпрыгнуть из горящего самолета с парашютом. Однако он этого не сделал и, жертвуя собственной жизнью, решил посадить машину у своих. Думаю, вы согласитесь со мной, что такой человек не может стать предателем, даже если он в силу каких-то обстоятельств и попал в плен. Что же касается моего отца, то могу сказать, не утаивая, что он очень богат. Так почему же, спрашивается, богатый человек должен стать приверженцем коммунистов? Отец боится коммунистов, боится за свое состояние, за свое имение... Нет, ваше предположение, по крайней мере, нелепо. Сударь, если бы вы сказали, что мой отец симпатизирует англичанам или, к примеру, французам, я бы вам сказала: может быть, это и возможно. Но и то скорее англичанам, так как на французов он сердится за их позицию в Трианоне при подписании мирного договора.

Фон Граф пододвинул к себе поближе бумагу, которую незадолго до этого перед ним положил Бардош.

— Сударыня, все, что вы только что говорили, впол-

не логично, однако некоторые факты все-таки говорят о том, что ваш отец отнюдь не безгрешен.

— Какие факты? — Сулите вдруг, быть может, как никогда раньше, захотелось закурить. — Угостите меня сигаретой! — попросила она.

— Прошу вас. — Фон Граф встал и, обойдя стол, подошел к женщине с раскрытым серебряным портсигаром.

Сулита взяла сигарету, прикурила от протянутой немцем зажигалки и сразу же почувствовала себя значительно лучше.

— Благодарю вас.

Фон Граф стоял возле стола. Ему очень нравилась эта молодая и красивая женщина, так нравилась, что он охотнее всего подхватил бы ее сейчас под руку, усадил в автомашину и увез в свой номер в «Астории». Женщина и на самом деле была обворожительна: каштановые волосы, голубые глаза, полуприкрытые длинными ресницами, красивые губы и безупречная фигура — все это произвело на немца сильное впечатление.

— Ну-с, обратимся тем не менее к фактам, — произнес он, возвращаясь на свое место и беря в руки какую-то папку. — Посмотрим, что здесь имеется. Летом сорок первого года у вас в доме проживал поляк Ян Сикорский.

— Да, правильно. Отец вызволил его из какого-то лагеря. Польский кавалерийский офицер...

— Видите ли, теперь я могу открыть одну тайну, так как того офицера, кажется, уже нет в живых. Он был нашим агентом.

— Нет! Этого не может быть! — решительно запротестовала Сулита.

— Но это правда. Скажу также, что ваш отец уже давно находится у нас на подозрении. Совместно с органами вашей, то есть венгерской, контрразведки мы разработали план. Вас интересует, какой именно?

Сулита опустила глаза. «Выходит, Сикорский был агентом. А как хорошо он сыграл роль несчастного поляка-эмигранта! Более того, он чуть было даже не соблазнил меня...»

— Любопытно послушать, — еле слышно произнесла она.

— Контрразведка в наши дни, сударыня, это, можно сказать, целая наука, — начал со всей серьезностью объяснять немец. — Если органам контрразведки вдруг по каким-либо причинам покажется подозрительной дея-

тельность посла по особым поручениям господина Читари, то они по-научному разработают план, в ходе выполнения которого им удастся доказать виновность или же невиновность господина посла. Контрразведчики узнали, что вашего отца связывают узы старой дружбы с депутатом польского сейма неким Рыковским. Они вплотную заинтересовались личностью Рыковского и выяснили, что у того действительно имеется племянник по фамилии Сикорский, который после падения Польши эмигрировал в Венгрию. Через третьих лиц Рыковскому, находившемуся тогда в Женеве, было сообщено, что его племянник находится где-то на территории Венгрии. Разумеется, контрразведка предположила, что, получив такое известие, Рыковский в первую очередь обратится за помощью к Читари. Так и вышло. Что же делает контрразведка в подобных случаях? Она убирает настоящего племянника, а вместо него внедряет способного симпатичного агента, который, разумеется, превосходно говорит по-польски, хорошо знает Польшу и тому подобное. Не буду объяснять вам все детали. Ваш отец забрал из лагеря для перемещенных лиц не настоящего Яна Сикорского, а подставное лицо — Збигнева Кошку, а вы, сударыня, чуть было не влюбились в этого сентиментального ротмистра, который со слезами на глазах так трогательно рассказывал вам о своей жене и детишках. Кошке было поручено прощупать господина посла по особым поручениям на предмет политической благонадежности. Что он и сделал. И о вас лично он тоже кое-что сообщил. Вся наша операция осложнилась тогда, когда вы вместе со своим батюшкой решили переправить нашего агента к Тито. Все шло хорошо, но потом, к сожалению, доктор Ботар в самый последний момент перед отправкой за границу вдруг догадался, что Сикорский вовсе не тот человек, за которого он себя выдавал...

— Как же? — не скрывая своего любопытства, спросила Сулита, не обращая внимания на то, что этим своим вопросом она в известной мере выдает себя фон Графу.

— Так уж случилось, — продолжал фон Граф. — Вы и сами хорошо знаете, что польские эмигранты из Венгрии и Румынии разъехались по многим странам. В том числе есть они и в Югославии. Несчастье произошло в одном партизанском лагере, где наш лже-Сикорский совершенно случайно встретился с сослуживцем по полку племянника Рыковского. Тот сразу же понял, что

под фамилией Сикорский скрывается совсем другой человек. Далее все ясно. Об этом разоблачении сообщили доктору Ботару, который лично заставил лжеротмистра во всем признаться... Его расстреляли.

— А вам откуда известно, что все именно так и было?

— Об этом разоблачении передавали по югославскому радио.

— А что стало с Петером Ботаром?

— Он остался у партизан, а его жена скрылась.

Сулита с облегчением вздохнула. У нее словно камень с души упал.

— И что же теперь будет со мной? — спросила она, посмотрев на немца. Она загасила окурок и, подавшись немного вперед, заглянула фон Графу прямо в глаза.

— Вы нас, конечно, ненавидите? — Фон Граф не смотрел на сидевшую перед ним женщину, а листал свои бумаги. Сулита думала о том, что если все, сказанное здесь немцем о Сикорском, истинная правда, то отпираться ей, судя по всему, нет никакого смысла.

— Сударь, если вы, говоря «нас», имеете в виду всех немцев, — начала Сулита не спеша, взвешивая каждое слово, — тогда я должна вам сказать, что к немцам вообще я не чувствую никакой ненависти. С какой стати я должна ненавидеть Гете, Шиллера, Гейне, Дюрера, Вагнера, Бетховена, Генделя, Лютера... или, скажем, простого немецкого крестьянина и простого немецкого рабочего...

Фон Граф громко рассмеялся:

— Да у вас, как я посмотрю, прямо-таки поэтическая натура. — И тут же повторил последние слова Сулиты, передразнивая ее: — «Простого крестьянина, простого рабочего...» Вы не приемлете нацизм. Вот в чем все дело. Наша система — это основа, без которой не может быть немца, независимо от того, кто он: член нацистской партии или же беспартийный. Каждый немец несет ответственность за все, что происходит на территории империи и в оккупированных нами странах. Я ясно выражаюсь?

— Да.

— Хотите еще сигарету?

— Пожалуй...

Они закурили. Сулита невольно задумалась о том, что же ей теперь думать о фон Графе. Интересно, почему он перед ней так разоткровенничался? Гитлеровец

по-прежнему стоял, опираясь на стол и не выпуская из рук бумагу, с любопытством смотрел на женщину.

— Словом, вы не сторонница нацистов, но в то же время и не коммунистка. Вы принадлежите к лагерю еврейских плутократов и декадентов-демократов, о которых фюрер как-то сказал: в новой Европе они будут не нужны.

Сулита не знала, насколько серьезно говорит с ней фон Граф, и потому спросила:

— А вы, сударь, какого мнения на этот счет?

— Я? Какое у меня мнение о высказывании нашего вождя? Вождь, знаете ли, всегда бывает непогрешимым. Лучше всего об этом свидетельствуют одержанные нашими войсками победы на поле боя. Я не собираюсь спорить с фюрером. Вас я отпускаю, а вот вашего отца освободить не могу, да и, откровенно говоря, его судьба зависит вовсе не от меня.

— Я могу уйти отсюда? Вы не шутите?

— Можете, разумеется. Я сейчас распоряжусь, чтобы вас отвезли домой.

— Благодарю вас, — с признательностью сказала Сулита. — Сударь, могу я спросить вас кое о чем?

— Пожалуйста. Надеюсь, я смогу ответить на ваш вопрос.

— Каким образом Кошка, или как там зовут вашего агента, дал вам знать о событиях, произошедших в Балатонфеньвеше?

Фон Граф засмеялся:

— А вы на самом деле очень наивны. Тогда на Балатоне еще кое-кто «отдыхал». А Сикорский, будем так называть нашего агента, не только с вами прогуливался по берегу озера. Иногда он делал это в одиночку. Во время таких прогулок он встречался со своим связным, который и передавал его сообщения дальше. Но должен подчеркнуть, что о вас лично Сикорский не передавал ничего такого, за что вас можно было бы арестовать. Сударыня, расставаясь с вами, я хотел бы дать вам один совет. Хороший он или плохой, решайте сами. Вы имеете полное право ненавидеть нацизм, ненавидеть нас как оккупантов, более того, вы имеете право бороться против нас всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, однако вам придется нести ответственность за свои поступки. И кто знает, улыбнется ли вам еще раз счастье: ведь ваше дело может не попасть в мои руки. И еще кое о чем вам не следует забывать:

у вас довольно много антинацистских групп, и в будущем их число, видимо, несколько увеличится, но ведь и доносчиков на свете немало, а со временем их станет еще больше. Что же касается лично меня, то я постараюсь внимательно следить за вами, за тем, что вы будете делать, и отнюдь не исключено, что время от времени я буду навещать вас.

Увидев вернувшуюся Сулиту, Мария расплакалась, крепко прижала ее к себе. Она совсем растерялась и не знала, что же ей делать.

— А где мама?

— Доктор Гернади увез ее в санаторий. Я с ним, моя родная, ничего не могла поделать. Да так, пожалуй, даже лучше...

Сулита, быстро собравшись, поехала в санаторий. К счастью, она застала там главного врача доктора Дрекслера.

— Ваша мать сейчас спит, — объяснил Сулите этот высокий худой мужчина, зачесывая назад костяной расческой упавшие ему на лоб волосы. — Ничего особо страшного: был классический нервный обморок. Через несколько дней все пройдет. Очень сожалею, но сейчас вам не удастся поговорить с ней.

Доктор лично провел Сулиту в отдельную палату, где лежала ее мать. Дочь долго молча смотрела на красивое и спокойное лицо матери, на котором почти не было заметно морщин.

6

Через две недели госпожу Читари выписали из санатория. Сулита изъявила желание, чтобы мать перебралась жить к ней, и Читарине не возражала. С помощью Жофи она собрала самые необходимые вещи и перебралась к Сулите. Жофи тоже перебралась вместе со своей госпожой, чтобы постоянно быть у нее под рукой, так как та все еще болела и за ней нужно было ухаживать, как за маленьким ребенком. Большую часть времени Читарине тихо сидела и беззвучно плакала, а когда с ней заговаривали, как правило, ничего не отвечала. Почти постоянно она глотала успокоительные таблетки, которые, правда, ей мало помогали. Время от времени Читарине вслух звала своего супруга.

У Сулиты сложилось впечатление, что мать, видимо,

смирилась со своей участью. Жить без мужа она не могла, и поэтому ее уже ничто не интересовало.

Дни шли, а между тем о Колоше Читари не было никаких известий. Сулита несколько раз пыталась разыскать по телефону фон Графа, но это ей так и не удалось. На другом конце провода отвечали, что немецкий офицер с такой фамилией не служит в Пештвидекской тюрьме. Тогда она попросила пригласить к телефону старшего инспектора Бардоша, но оказалось, что и его никто не знал. Довольно грубо ей предложили прекратить свои шутки, которые могут для нее плохо кончиться.

Однако, несмотря на это, Сулита не отказалась от поисков отца. Она позвонила в министерство иностранных дел, но и там ничего не знали о его судьбе. Ей объяснили, что немцы арестовали очень много венгров и о том, что с ними стало, до сих пор ничего не известно. Сулите ничего не оставалось, как позвонить Банффи. На следующий день тот явился к ней с визитом.

Господин советник был чрезвычайно вежлив, предупредителен и галантен. Сулита угостила его коньяком и хорошим кофе. Сидели они в комнате с видом на Дунай. Сулита распорядилась, чтобы мать не присутствовала на этой встрече, так как своим бесконечным плачем только помешала бы разговору.

— По телефону я не мог тебе всего сказать, — объяснил Сулите Банффи, — когда ты звонишь, то не забывай, что мы живем в оккупированной стране. А теперь, будь добра, объясни мне, пожалуйста, что же, собственно, случилось.

Сулита подробно рассказала ему о случившемся. Банффи слушал, отпивая маленькими глотками коньяк из рюмки и не перебивая. Сулита рассказала и о Кошке, который выдавал себя за Сикорского. Короче говоря, она поведала Банффи обо всем, что узнала от фон Графа.

— Все это весьма интересно, — проговорил советник, наполнив до краев свою рюмку коньяком, и тут же выпил. — Немецкие органы безопасности творят у нас в стране, что им заблагорассудится... Не знаю, слышала ли ты что-нибудь о Байчи-Жилинском?

— Нет, не слышала. Фамилию я не раз слышала от папы. Кто он такой?

— Он депутат парламента, настроен против немцев. Девятнадцатого, на рассвете, в дом к нему ворвались вооруженные люди. Он защищался. В него стреляли, хо-

тели убить, но не убили, а только тяжело ранили. Вот, собственно, и все. Теперь давай разберем все по порядку. О фон Графе я ничего не слышал, по-видимому, это не настоящая его фамилия. Но все то, что он рассказал о Сикорском, похоже на правду, так как настоящий Ян Сикорский выехал из Польши еще до ее оккупации немцами. Когда я летом поинтересовался его судьбой, мне рассказали об одном польском офицере, которого по просьбе германского командования содержали под стражей в одной из тюремных больниц. И назвали фамилию: Сикорский. Правда, тогда я не был твердо уверен, что все так оно и есть. Если предположить, что Кошку действительно разоблачили, тогда упоминание о нем можно встретить в сообщениях по радио. Передачи югославского радио прослушивали и записывали не только немцы, но и мы тоже. Теперь о старшем инспекторе Бардоше... Такого детектива в списке венгерской полиции не числится и не числилось. Фон Граф тоже напустил кое-какого тумана. С тобой он был далеко не полностью откровенен. В органах германской контрразведки служат не только немцы из рейха, но и австрийцы, судетские немцы и немцы, проживавшие в Венгрии, свободно разговаривающие по-венгерски. Твоего отца, дорогая моя, арестовала отнюдь не венгерская полиция, а немецкая. Вполне допускаю, что их органы контрразведки следили за его деятельностью за рубежом. Немцы следят за всяким, кого они подозревают в шпионаже. Разумеется, они вошли в контакт с венгерской контрразведкой и спланировали проведение совместной акции. Все дела, которые проходят через Второй отдел нашего генерального штаба, являются совершенно секретными, и о них даже мы ничего не знаем. Впрочем, вполне может быть, что немцы, если докажут вину твоего отца, передадут его дело венгерскому военному трибуналу. Во всяком случае, я думаю, они не станут депортировать его... Дорогая Сулита, не стану обманывать тебя, судьба твоего отца вызывает у меня очень большие опасения. Я охотно помог бы тебе, так как ненавижу эту проклятую банду швабов, но я беспомощен.

Сулита была благодарна Банффи за его откровенность. Целыми днями она постоянно думала над тем, как помочь отцу.

Дни между тем шли своим чередом. Авиация англосаксов начала бомбить Будапешт, да так часто, что не стало ни дня спокойного, ни ночи.

Сулита страшно боялась бомбежек, но старалась скрывать свой страх, что давалось ей не легко. Каждый раз, когда раздавался вой сирены, возвещавшей начало воздушного налета, она вместе с домашними спускалась в бомбоубежище, и каждый раз ей казалось, что бомба угодит сейчас именно в их дом и они все будут погребены заживо под обломками.

Сулиту не переставала удивлять свекровь. Будаине почти ежедневно бывала у нее, полная энергии и веры. Она была убеждена в том, что если даже авиация всего света станет бомбить их город, то все равно с ними ничего не случится: они останутся целы и невредимы, так как должны дождаться возвращения Яноша из русского плена, возвращения полка Яноша с фронта и возвращения их дорогого Колоша из немецких застенков.

После ужина все, по обыкновению, переходили в гостиную. Мария и Жофи заранее готовили сумки с самым необходимым на случай воздушной тревоги, и когда ее объявляли, Сулите казалось, что у нее разорвется сердце. Нужно было хватать с постели полураздетого маленького Габора, который и без того спал очень беспокойно, весь мокрый от пота, часто подергивая ручками и ножками.

В перерывах между тревогами у Сулиты не было ни малейшего желания разговаривать ни с матерью, ни со свекровью. Обычно она доставала университетские учебники и пыталась заниматься. Чаще всего ей это не удавалось, так как в голову лезли всякие страшные мысли, не дававшие сосредоточиться.

В гостиной тихо говорило радио, которое они никогда не выключали, чтобы вовремя услышать об объявлении очередного налета. Строгий голос диктора перечислял названия населенных пунктов, которые подвергались воздушному нападению: Бачка, Байа, Печ...

Правда, сегодня из радиоприемника раздавались лишь звуки музыки: передавали Третью симфонию Бетховена. Сулита вслушалась в трагическую мелодию, горло у нее перехватило. Ее мать, сидевшая рядом, заплакала по своему супругу, представляя, как она поплетется за его гробом. Она плакала все горше, а музыка играла и играла.

Не в силах сдерживать слезы, Сулита разрыдалась, вторя матери, думая при этом не только об отце и муже, но и о том человеке, который был первым мужчиной в ее жизни и который исчез почти два года назад. Если

все то, что рассказала ей о нем Мария, истинная правда, у него больше нет матери, вообще никого нет. И где-то он сейчас, если еще жив, о чем или о ком думает?

От невеселых мыслей Сулиту оторвали слова свекрови, с которыми та обратилась к Читарине:

— Хельга, прошу тебя... — Будаипе встала и, придвинув свое кресло ближе, взяла Читарине за руку, будто считая пульс.—Извини меня, дорогая, но ты ведешь себя не должным образом. В конце концов, ты дочь самого Петени и потому должна пережить этот удар, как и подобает дочери такого человека: с достоинством. Ты должна быть для всех нас примером стойкости, так как твой Колош — настоящий герой. Венгерский герой, сражающийся за свободу. Хорошо выглядели бы защитники крепости с полотна великого Мункача, если бы Илона Зрини только и делала бы, что оплакивала осажденных. Прошу тебя, Хельга, будь достойной своего супруга. Он, по моему глубокому убеждению, надеется, что ты в его отсутствие станешь главой семьи, ее душой, скрепляющим ее очаг цементом. Не верь ни на минуту в то, что твой Колош мог стать русским шпионом. Это глупость, только и всего! Он самый настоящий патриот, не красный, не большевик и не кто-нибудь в этом роде.

Сулита знала, что свекровь часто произносит массу пустых красивых фраз, и все же сейчас она обрадовалась, в надежде что все эти высокопарные слова положительно повлиять на мать, на некогда высокомерную дочь Петени, для которой все положительные качества человека заключались в блеске фамильного герба.

В середине мая адвокат Шандор Марта пришел к Сулите домой. Вся семья как раз завтракала. Жофи открыла адвокату дверь и проводила его в гостиную.

— Вы уже завтракали? — спросила Сулита и жестом пригласила адвоката к столу.

— Дорогая Сулита, я уже позавтракал, а вы, пожалуйста, продолжайте, я подожду.

— Вы только посмотрите, какая великолепная у нас ветчина! Настоящая крестьянская, отведайте — не пожалеете.

При виде аппетитного розового мяса Марта не выдержал, тем более что Жофи уже успела поставить на стол еще один прибор. Мария, не говоря ни слова, встала и вышла из комнаты вслед за прислугой.

— В чем, собственно, дело, господин адвокат? — не прекращая есть, спросила Сулита.

— А дело в следующем, — начал адвокат, с аппетитом принимаясь за еду. — Я проконсультировался с моими друзьями, и в частности с главным советником Сиртешем из министерства внутренних дел. Мы все пришли к мнению, высокочтимая сударыня, — он посмотрел на Сулиту, которая показывала глазами на свою мать, предлагая объяснить все в первую очередь ей, — что вам надлежит подать письменное заявление в центральную полицию на неизвестных преступников, которые похитили вашего мужа.

— А какая от этого заявления будет польза? — с удивлением спросила Читарине, переводя взгляд с дочери на адвоката. Сулита лишь молча пожала плечами.

— Это необходимо сделать, сударыня. Мы должны вынудить полицию официально заняться этим делом. Пусть они выяснят и дадут вам ответ, кто и куда забрал вашего супруга.

Читарине растерянно посмотрела на дочь и спросила:

— А ты как думаешь, Сулита?

— Я полагаю, мама, что тебе нужно подать такое заявление. Хуже того, что уже случилось, быть не может. Пусть в полиции заведут дело об исчезновении папы.

Мать и дочь написали заявление и передали его в центральную полицию. Дня через три-четыре к ним домой явился сотрудник политического отдела следователь Тивадар Холлоши. Это был невысокого роста мужчина с шапкой каштановых волос, длинные пряди которых спадали ему на лоб.

Он внимательно выслушал Сулиту и ее мать, делая при этом пометки в блокноте. Закончив, он спокойно перечитал написанное, местами что-то подчеркивая, а затем спросил:

— Они разговаривали по-немецки?

— Да! — почти в один голос ответили мать и дочь.

— И Бардош тоже?

— Да, и он тоже. Должна вам заметить, что он настолько превосходно говорил по-немецки, что моментами у меня появлялось подозрение, что он вовсе не венгр.

— Возможно, он и венгр, но во всяком случае не сотрудник венгерской полиции. Об этом я готов спорить на что угодно. — С этими словами следователь достал из

кармана английскую трубку с коротким чубуком. — Вы разрешите? — спросил он.

— Пожалуйста, закуривайте, — промолвила Сулита, так как мать жестом дала ей понять, что она будет вести беседу.

— Благодарю вас. — Следователь закурил. — Сударыня, — заговорил он снова, попыхивая трубкой, — вы утверждаете, что вашего отца увели немцы?

— Точнее, люди, говорившие по-немецки. Как они выглядели, об этом я уже говорила. Я, разумеется, не знаю, кто они на самом деле. Меня они тоже возили на улицу Фе, в здание, в котором было больше немцев, чем венгров.

— Это были сотрудники гестапо.

— Невероятно! Гестапо творит в Будапеште то, что ему заблагорассудится?

— Вам, видимо, известно, что немцы оккупировали нашу страну?

— Это меня не интересует. Вы обязаны разыскать моего отца. Спросите у немцев, куда они увели его.

— Само собой разумеется, мы спросим их об этом, но я далеко не уверен, что они ответят на наш запрос. Сударыня, я вас хорошо понимаю, более того, с чистой совестью могу сказать, что целиком и полностью согласен с вами.—Следователь говорил не спеша, слегка растягивая слова. — Мне уже приходилось слышать об исчезновении некоторых лиц из министерства иностранных дел, и не каких-нибудь пешек, а вполне влиятельных фигур. Таких, например, как бывший премьер-министр.

— Вы имеете в виду Миклоша Каллаи?[1] — перебила следователя Читарине.

— Да, его.

— А что с ним? — спросила мать Сулиты, которая лично была хорошо знакома с премьером Каллаи.

— Он исчез. По мнению одних, его арестовали немцы, другие же утверждают, что он в подполье.

— А вы как считаете, где же он сейчас находится?— поинтересовалась Сулита.

— Вероятно, попросил убежища в каком-нибудь посольстве, — ответил Холлоши. — Вам, сударыня, я ска-

[1] Каллаи Миклош (1887—1967) — реакционный политик, из крупных землевладельцев; в 1942—1944 гг. — премьер-министр Венгрии; возглавляемое им правительство сыграло активную роль в расширении участия Венгрии в войне против СССР.

жу, разумеется, это ни в коей степени не может служить вам утешением, но знайте, что немцы, — тут он ехидно усмехнулся, — или, как вы изволили выразиться, неизвестные преступники, арестовали многих видных сотрудников министерства иностранных дел. — Он встал. — С вашего разрешения я удалюсь. Поиски господина посла по особым поручениям, разумеется, уже начались.

Поцеловав ручки обеим дамам, сотрудник полиции вышел.

Несколько дней спустя к Сулите явился нежданный гость. Это был старший лейтенант Пал Берци. В последний раз Сулита встречалась с ним в Балатонфеньвеше, когда к ней приезжала Грета Шармани. С тех пор Берци несколько возмужал, даже слегка поправился. Сулита хорошо помнила их тогдашний разговор. То, о чем рассказывал офицер, ей запало в душу. Тогда Берци вовсе не старался выглядеть этаким бравым солдатом, а сказал, что хотел бы стать врачом, однако семейные традиции вынудили его надеть военную форму.

Мать и дочь сердечно приняли офицера. Поздоровавшись с Берци за руку, Читарине, забрав маленького Габора, вышла в другую комнату.

Берци сел напротив Сулиты, предварительно сняв с себя саблю и оставив ее в прихожей.

Мария принесла бутылку коньяка и присыпанную солью соломку.

— Вы уже обедали, Пали? — поинтересовалась Сулита. — Я охотно покормлю вас.

Старший лейтенант несколько помедлил с ответом, словно прикидывая, будет ли с его стороны приличным принять столь великодушное, учитывая недостаток продуктов практически во всех семьях, приглашение. Поразмыслив, он все же решил не отказываться от обеда.

Мария с помощью Жофи быстро накрыла на стол, подав превосходные холодные закуски, в которых Сулита пока что не испытывала недостатка, так как все продукты регулярно получала из имения.

Сулита и Берци перешли в гостиную, и старший лейтенант, усевшись за стол, принялся не есть, а, скорее, пожирать поданное.

— А вы знаете, что Грета вместе с мужем сбежала из Венгрии? — спросил офицер, не прекращая еды. — С тем самым старым домашним врачом, а?

— Сбежала? — осторожно переспросила Сулита, так как она еще не успела позабыть предупреждение фон

Графа о том, что повсюду полно доносчиков. — И куда же она сбежала?

— В Швейцарию, — ответил Берци, ловко пережевывая буженину. — Представьте себе, я получил от нее письмо.

Сулиту охватило смятение. «Боже мой, уж не сошла ли она, моя подружка, с ума?..» Чтобы хоть как-то скрыть свое волнение, она взяла с тарелки маленькое пирожное и спросила как можно равнодушнее:

— Вот как? И что же она пишет?

— Она написала, что, к их счастью, в фашистской стране, какой является Венгрия, еще имеются порядочные люди, которые помогают преследуемым. Далее она сообщила, что и она, и ее муж выехали из страны, имея на руках дипломатические паспорта.

— Браво! — воскликнула Сулита. — Какая же молодчина моя подружка! Может, она сообщила, из чьих рук она получила эти паспорта?

Берци тем временем съел почти все, что было на блюде.

— Нет, этого она не писала. — Он налил бокал вина и продолжал: — Однако не так уж и трудно догадаться, чьи это были руки. Но об этом чуть позже. Если разрешите, я закурю?..

— Пожалуйста, — согласилась Сулита и закурила сама.

— Знаете ли, — продолжал Берци, — для меня лично Грета всегда была загадкой. Думаю, что такой она осталась и по сей день. Сейчас я могу смело рассказать о том, что мы с ней были близки.

— Как же это следует понимать?

— Она была моей любовницей, хорошей и верной. И, надо сказать, довольно долгое время. Грета сама рассказала мне о враче своей матери, о дядюшке Пали, который домогался ее благосклонности, но тут же успокоила, сказав, что любит только меня одного. Долгое время я верил ей, а потом вдруг понял, что она завела с врачом шашни.

Сулите стало очень грустно. «И почему, спрашивается, Грета, моя лучшая подруга, лгала мне? Для чего? Люди почему-то постоянно лгут друг другу...»

— Грета еврейка. Что вы от нее хотите? Для вас она могла быть только любовницей, и больше никем. Грета — девушка умная, даже хитрая. Хитрить она здорово

научилась. Быть может, и вы охотно сбежали бы с ней в Швейцарию?

— Нет. А вы знали о наших отношениях?

— Нет, не знала. Однако скажите, Пал, вы только для того навестили меня, чтобы рассказать мне о своих отношениях с Гретой?..

— Нет, Сулита, я, разумеется, пришел вовсе не за этим, — прервал ее офицер. — Я пришел из-за вашего отца.

— А что с ним?

— Сейчас расскажу. Я не знаю, известно ли вам о том, что мой отец подполковник и служит в Институте военной техники, где его по праву считают одним из лучших специалистов. Я же служу в контрразведке.

— Вы — офицер контрразведки?!

— Да. Я и тогда уже был им, когда навестил вас вместе с Гретой на Балатоне. И ничего особенного в этом нет.

— Скажите, Пал, что вы от меня хотите? Мой муж кадровый офицер, в настоящее время он находится в русском плену. Моего отца арестовали немцы, я тоже побывала у них в тюрьме... — В голосе Сулиты послышались слезы. — Я еще раз спрашиваю, что вам от меня нужно?

Пал Берци подался всем туловищем вперед и, дотронувшись до коленки Сулиты, сказал:

— Я хочу помочь вам и вашему отцу. Поверьте мне, что я не хочу вам ничего плохого. Я хочу вырвать вашего отца из рук гитлеровцев. Я затем только и пришел, чтобы помочь вам встретиться с отцом, но только не в Будапеште, а где-нибудь в провинции. Кругом слишком много шпиков и доносчиков. Поверьте мне, Сулита, что мы даже не знаем, кто же именно работает на немцев. Скажите, где бы вы могли встретиться со своим отцом?

— В Шомодьтарце! — недолго думая выпалила Сулита. — Там у меня небольшой хуторок. В доме есть комнаты для гостей и все прочее. Мы выедем туда вместе с мамой...

— Нет! — перебил ее Берци. — Этого делать нельзя, так как ваш отец хочет встретиться только с вами. Вы меня понимаете? Только с вами!

— Понимаю, — медленно произнесла Сулита и задумалась. — Хорошо, пусть так оно и будет. На следующей неделе я на машине выеду в Тарце. Все там приведу в порядок, а отец, ну, скажем, может выехать вслед за

мной в пятницу. А я сегодня же пошлю телеграмму Шарике, чтобы она приготовила комнату для гостей. Сына я тоже не могу взять с собой?

— Думаю, будет лучше, если вы этого не сделаете, — задумавшись, посоветовал Пал Берци. — Да, так будет лучше.

— Хорошо, тогда не возьму.

Берци с явным облегчением вздохнул и налил себе бокал вина.

— Вам налить? — спросил он.

— Только совсем немного, — попросила Сулита. — Я должна быть трезвой.

— Вы и так чересчур трезвы. Как, впрочем, всегда.

— А вам это откуда известно?

— Я же контрразведчик. — Пал отпил глоток вина. — Знаете, когда вы вызвали у меня подозрение?

— Когда же?

— Как-то я спросил у Греты, есть ли у Сулиты возлюбленный. Она ответила, что нет. Вот тогда я и подумал: чтобы у Сулиты да не было поклонника! А кем же ей тогда приходится польский ротмистр? Я спросил об этом Грету. Она сказала, что, насколько ей известно, у вас с поляком чисто дружеские отношения. А когда вы с Гретой однажды уплыли на лодке, я долго разговаривал с Кошкой...

— Вы уже тогда знали, что он вовсе не польский офицер Сикорский? — с ужасом спросила Сулита.

— Разумеется, знал. Я затем к вам и приезжал, чтобы встретиться с ним. Сейчас я буду с вами предельно откровенен.

— Очень мило с вашей стороны, — не без язвительности заметила Сулита.

— Я уже давно наблюдаю за вами, если хотите, слежу. Еще когда вы учились в гимназии, мне было приказано наблюдать за вами.

— Еще лучше! А для чего?

— Мы подозревали вашего отца в шпионаже. В свое время мы получили информацию от немецкой секретной службы о том, что посол по особым поручениям Читари, судя по некоторым данным, поддерживает связь с советским разведчиком Игорем Рубиковым.

— И из-за этого вы следили за мной?

— Да, из-за этого.

— И когда же я встречалась с Рубиковым? — В голосе Сулиты чувствовалась открытая издевка.

— Вы с другим человеком встречались.
— Это с кем же именно?
— С Жаном Дюраном.
— Вы и об этом знали?

Берци закурил, руки его при этом слегка дрожали.

— Не только знал, но и до конца подслушивал все ваши разговоры и даже мысленно представлял, чем вы при этом занимались.

— Вас разбирает любопытство? Рассказать? Я была любовницей Жана Дюрана.

— Нет, дорогая Сулита, вы были любовницей пролетария с окраины Будапешта. Я и до сих пор никак не могу понять, как вы, такая умная девушка, из интеллигентной семьи, не замечали, кого обнимаете?

Вспомнив выражение, которое она услышала от Марии, Сулита ответила:

— В костюме Адама все мужчины одинаковы.
— В костюме Адама?
— Я в одетом виде любовью не занимаюсь. — Заметив, что Берци от удивления делает смешные глотательные движения, она спросила серьезно: — А что стало с Габором Лукачем?

— Он осужден за коммунистическую деятельность на два года. Однако в настоящее время находится у нас.

— Почему же у вас, если он уже осужден?
— Потому, что подозревается в шпионаже. Его снова будут допрашивать.
— А это верно, что его мать покончила жизнь самоубийством?

— Откуда вам это известно?
— Соседи по улице рассказывали, не мне, конечно, а нашей служанке.

— Да, она повесилась в тюремной камере. И это само по себе очень подозрительный факт. Вполне возможно, что она была секретным агентом французской разведки. Но об этом мы узнаем несколько позже. — Берци встал. — К сожалению, мне уже пора идти. — И поскольку Сулита молчала, добавил: — Итак, мы договорились встретиться на следующей неделе в Шомодьтарце, в имении Читари.

— В имении, или, вернее, на хуторе, Петени. Правда, имение уже переписано на мое имя, но в самом селении оно известно под названием «хуторок Петени».

Берци пристегнул саблю, поцеловал Сулите руку, за-

тем отвесил поклон, но все еще не уходил, задумавшись над чем-то.

— Скажите, Сулита, а отец знал о вашей связи?

— Знал.

— Вы сами рассказали ему об этом?

— Да.

— А то, что Жан Дюран и Габор Лукач — это один и тот же человек?

— Этого я ему не сказала.

— Почему?

— Это что — допрос?

— Нет, дорогая Сулита, мне просто любопытно.

— Не рассказала я этого потому, что порвала с Жаном Дюраном, и поэтому, разумеется, не считала нужным говорить об этом.

— А почему вы с ним порвали?

— Поняла, что он обманул меня, врал мне, что он никакой не французский лейтенант-эмигрант, а простой венгерский гимназист.

— Понятно. А если вдруг окажется, что он все-таки французский лейтенант, а Габор Лукач — это его псевдоним?

— Я буду рада, что ошиблась. Но какими бы приятными ни были мои воспоминания, я уже никогда не смогу встретиться с Жаном Дюраном, так как у меня есть муж и ребенок.

— А ваш отец встречался с Габором Лукачем?

— Нет, сам Жан не захотел этого. И сейчас я понимаю почему.

— Выходит, что они так и не встретились?

— Нет.

— Спасибо, и до встречи на следующей неделе.

— Хорошо.

— Целую ручку.

7

Берци стоял у окна, наблюдая за оживленным движением на улице, по которой катили конные повозки, мчались автомашины и мотоциклы, следовали одна за другой колонны военных машин, ехали почти беспрерывно звенящие трамваи.

«Необходимо воспользоваться этим затишьем, пока англичане не начали вновь бомбить город», — подумал Берци.

Стоило ему вспомнить о бомбежке, как перед его

мысленным взором появилась пожилая женщина, которую взрывной волной забросило на ветви старого каштана на улице Юллеи. Дело в том, что Пал Берци ужасно боялся бомбардировок, от одного только воя сирен ему становилось так плохо, что приходилось стремглав бежать в туалет. Однако в бомбоубежище, на виду у всех, такое было невозможно, и потому, несмотря на ужасную боязнь бомбардировок, он был вынужден оставаться на поверхности. Именно это и послужило поводом для рождения легенды о храбрости Берци. Старший лейтенант не стремился разрушить такое мнение о себе, напротив, старался как можно лучше войти в образ героя. И это ему удалось — в нем погибал великий артист.

Обладал Берци и еще одним замечательным качеством — он страстно любил свою работу, ради нее не жалел ни времени, ни усилий, проводя долгие часы в библиотеках и штудируя труды по истории разведки и контрразведки.

Несколько лет назад Берци преднамеренно начал ухаживать за Гретой Шармани, зная, что она — лучшая подруга Сулиты Читари. Через Грету честолюбивый офицер намеревался узнать очень много о после Колоше Читари, подозреваемом в шпионаже. Идея «подсадить» к Читари под видом польского офицера Сикорского агента Копку принадлежала немцам. Начальник отдела венгерской контрразведки еще несколько лет назад заключил с начальником абвера генералом Канарисом тайное соглашение о сотрудничестве, одним из пунктов которого была акция, направленная против сотрудника МИД Колоша Читари.

Правда, Пал Берци не знал того, что внутри их отдела действовала группа, которая по указанию сверху уже успела установить контакт с англосаксами, как не знал он и того, что немцам удалось внедрить в эту группу своего агента, от которого они получали своевременные донесения о том, как ведется подготовка сепаратных переговоров, планируемых на ближайшее будущее.

Отвернувшись от окна, Берци подошел к столу и, сняв телефонную трубку, набрал номер.

— Говорит старший лейтенант Берци. Приведите ко мне двадцать шестого.

Положив трубку, он сел в кресло и, закрыв глаза, стал думать о Сулите. Впервые он увидел ее три года назад в Балатонфеньвеше. Уже тогда, в семнадцать лет, она была обворожительна. Сейчас, став женщиной и ма-

терью, еще больше похорошела. Сулита привлекала Берци гораздо сильнее, чем в свое время Грета.

В дверь постучали. Берци открыл глаза и крикнул:

— Входите!

В кабинет вошел унтер-офицер Вари и по всей форме доложил, что осужденный доставлен.

Берци молча кивнул.

Вошел Габор Лукач, а вслед за ним вооруженный конвоир. Вари протянул офицеру сопроводительную бумагу, которую Берци тут же подписал. Поставил свою подпись и унтер. После окончания этой официальной процедуры конвоир, сопровождавший осужденного, браво щелкнул каблуками и вышел из кабинета.

Габор был одет еще во все зимнее. В руках он держал арестантскую шапку. Давно не стриженный, он исподлобья смотрел на старшего лейтенанта. На лице его отражалось замешательство, так как он не знал, с какой целью его вдруг забрали из военной тюрьмы и доставили в отдел контрразведки. Вот уже двое суток, как он сидит в камере, но его почему-то никто не допрашивает.

В глубине души Габор надеялся, что в середине лета его освободят за хорошее поведение. Однако, увидев старшего лейтенанта, он вдруг почему-то решил, что теперь ему об освобождении и мечтать нечего.

— Возьмите стул и садитесь к столу.

Габор повиновался. Прислонившись спиной к стене, он вытянул ноги.

— Вы курите? — спросил офицер.

— Сигареты у меня отобрали.

— Если будете хорошо себя вести, я распоряжусь, чтобы вам их вернули и разрешили курить.

— Спасибо.

— Пожалуйста, закуривайте. — Берци высыпал из пачки несколько сигарет и пододвинул спички.

Габор закурил.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— За что вас осудили?

— За коммунистическую деятельность.

— Вы были членом компартии?

— Не был.

— А почему не были?

Габор немного помолчал, а затем сказал:

— Я и сам не знаю.

Берци тем временем просматривал дело Габора.

— Фантастично, — пробормотал офицер.

Габор удивленно посмотрел на Берци, как бы спрашивая взглядом, что же в нем фантастичного.

— Фантастично, что в полиции поверили в то, что перед арестом вы бросили гектограф в Дунай.

— Так оно и было. Вообще-то все это занесено в протокол. Видите ли, когда я узнал, что Деме и Большеногий...

— Кто такой Большеногий? — спросил Берци.

— Я не знаю. Можете мне поверить, господин старший лейтенант. Меня из-за этого столько били, что я оказался бы форменным идиотом, если б знал его имя и фамилию и молчал.

— А Роберт Фюрьеш помогал вам?

— Да, помогал. Фюрьеша тоже осудили. А также Деме и моего крестного.

— Белу Колесара?

— Да. Его специально отозвали с фронта и отдали под трибунал. Меня наказали по всей строгости закона, и вторая инстанция оставила приговор в силе. А теперь вдруг новый пересмотр моего дела. К чему это?

— Вы не догадываетесь разве, Жан Дюран? — спросил офицер, уставившись на Габора неподвижным взглядом. — Все дело в том, дорогой Жан Дюран, что в полиции не имели ни малейшего представления о том, что вы являетесь резидентом французской разведки.

— Извините, но тут какое-то недоразумение... — начал Габор, но Берци не дал ему договорить:

— Недоразумение? Уж не хотите ли вы меня убедить в том, что Сулита Читари, эта очаровательная аристократка, стала любовницей нищего с будапештской окраины? Нет, дорогой Дюран, Сулита Читари прекрасно разбирается в людях. Да она бы за сто метров почувствовала, что от вас несет холопским духом, если бы вы были таковым.

— А вот она не почувствовала, — не согласился со следователем Габор.

— Потому что вы не рабочий.

Юноша молчал, считая лишним что-либо возражать.

— Говорите же! — настаивал офицер.

— О чем говорить?

— Вы, Жан Дюран, очень хорошо знаете, о чем вам нужно говорить.

— Не знаю.

— По вашему собственному заявлению, вы являетесь лейтенантом французской армии, который сбежал из не-

мецкого плена и попал в Венгрию. Я собственными ушами слышал, как вы в кроватке рассказывали Сулите историю своего бегства.

— Господин офицер, я не представляю, к чему приведет эта странная игра, и уж тем более не знаю, в чьи ворота я должен забить гол. Однако вы сами не хуже меня знаете, что я вовсе не Дюран, что все это глупая шутка.

— Не знаю, не знаю... Вы и сейчас говорите по-венгерски с французским акцентом...

— А как же иначе, я же учился во французской школе. Когда я из Франции вернулся на родину, я вообще не говорил по-венгерски.

Берци долго молчал, а когда наконец заговорил, голос у него был почему-то хриплым.

— Скажите, а Сулита знала, что вы французский агент?

— Разумеется, не знала, поскольку я им никогда не был.

— А куда исчез ваш капитан из больницы Маргит?

— Господин старший лейтенант, вы прекрасно знаете, что я не Жан Дюран, а Габор Лукач.

— Это псевдоним.

— Не знаю, что вам на это сказать... Тогда допросите ребят, вместе с которыми я учился в гимназии, рабочих с завода, которые знают меня с детских лет... Или соседей с улицы Касаш... — Не спрашивая разрешения, он взял со стола сигарету и, закурив, жадно затянулся.

— Послушайте меня, Габор Лукач.

— Я внимательно вас слушаю, господин старший лейтенант.

— Я намерен заключить с вами сделку. — Берци встал и, выйдя из-за стола, прошелся по комнате. — Посмотрите мне в глаза. — Габор поднял голову и посмотрел на офицера. — Вам осталось сидеть четыре месяца. В конце сентября вас освободят из-под стражи. Далее возможны варианты: или вы вернетесь на свой завод, или вас, как политически неблагонадежного, направят в штрафной батальон и пошлют на фронт. Мы прекрасно сможем это организовать. Мне вряд ли нужно объяснять вам, что штрафной батальон — это намного хуже тюрьмы. Насколько мне известно, вы там устроились на неплохую работу: рукодельничаете или что-то в этом роде.

— Да, я работаю, но только никак не пойму, почему вам так хочется отправить меня в штрафной батальон?

— Потому что вы ненадежный человек, противник существующего режима.

— Я заключенный, и со мной делают, что хотят. Господин старший лейтенант, видимо, ждет от меня, чтобы я написал заявление, в котором бы поклялся в верности строю? Но поймите же вы наконец, что этот строй отнял у меня все: мать, старшего брата, мою личную свободу. Он и меня рано или поздно уничтожит. Не подумайте, что я готов цепляться за жизнь любой ценой. Можете отнять ее у меня. От этого нескольким людям, быть может, даже лучше станет. Я не могу да и не хочу забывать избиения, пытки, нечеловеческие муки, которые я перенес. — Замолчав, он посмотрел на старшего лейтенанта.

— Это уже откровенный разговор, Габор Лукач, — заметил Берци. — Я отнюдь не жду, что вы вдруг проникнетесь любовью к нашему строю. Я предлагаю вам сделку, условия которой тоже не требуют, чтобы обе стороны воспылали друг к другу страстью. Одна сторона будет помогать другой, получая кое-что за это.

— Что же это за сделка такая? — спросил Габор.

— Мы подсадим вас в камеру номер десять, где сидит Колош Читари. Разумеется, не как Габора Лукача, а как Жана Дюрана. Следовательно, вы вновь окажетесь лейтенантом-эмигрантом, родители которого живут в далеком Индокитае, и так далее. Оказавшись в одной камере с Читари, вы скажете ему о том, что скоро вас выпустят на свободу, поскольку французский посол взял вас, так сказать, на поруки. Если Читари вдруг пожелает передать с вами какую-либо записку или же устное поручение, вы согласитесь выполнить его просьбу. Короче говоря, вы должны войти в доверие к нему.

— А когда арестовали Читари? — спросил Габор.

— Утром девятнадцатого марта. Сделали это немцы, но затем передали его нам... И если вы окажете мне эту услугу, то я, со своей стороны, сделаю так, чтобы вы поскорее оказались на свободе.

— Согласен, я вам помогу, — немного подумав, заявил Габор.

— Хорошо, в таком случае подпишите заявление...

— Нет. Никакого заявления я подписывать не стану.

— Как это не станете?

— Не стану, и все. Один раз я вам помогу, но я не хочу превращаться в постоянного агента.

— А сейчас почему решили помочь?

— Я ненавижу все семейство Читари: они меня унизили, оскорбили. То есть по сугубо личным мотивам.

— Правильное решение, Жан Дюран. — Старший лейтенант улыбнулся. — В конце концов, мне все равно, почему вы это делаете...

Спустя час Габор уже находился в камере номер десять. Когда юношу втолкнули туда, Читари сидел на топчане. Осунувшееся лицо бывшего посла заросло щетиной, так как он не брился уже несколько дней, сорочка была грязной, а костюм сильно помят.

Габор положил свою шапку на свободный топчан и представился:

— Лейтенант Жан Дюран.

Читари от неожиданности вскинул голову, а затем еле заметно кивнул.

— Колош Читари, — вымолвил он, но руки юноше не подал.

— Читари? Уж не приходитесь ли вы отцом Сулите Читари?

Посол ничего не ответил, он внимательно осматривал Габора с головы до ног.

«Так вот он какой, тот француз, что совратил мою дочь...»

— Выходит, это вы. — Голос у Читари был тихий и хриплый.

— Да, это я. Но прежде чем вы скажете что-нибудь в мое осуждение, я должен сказать, что мы с вашей дочерью полюбили друг друга, а после этого произошло то, что обычно и должно происходить в подобных случаях. Господин посол, — перешел Габор на французский, — вы владеете французским?

— Да.

— Тогда будем говорить на этом языке, но только не сейчас, а чуть позже. Я немного устал.

Тут Габор вспомнил те предостережения, которые ему пришлось слышать в тюрьме от арестованных коммунистов.

«Если к тебе, — вспомнил он слова Деме, — кого-нибудь подсадят, будь предельно осторожен, следи за каждым своим словом...» Разговор этот происходил в камере, куда бросили Деме, Роберта и его, Габора.

«Почему?» — спросил тогда Габор, а сам не сводил

взора с Роберта Фюрьеша, лицо которого было до неузнаваемости обезображено побоями. «Потому, Габор, что сейчас полиция и тюремные власти уже начали применять подслушивающую аппаратуру, которую они, как говорят, получили от немцев». «А что это такое?» — поинтересовался тогда Габор. «Видишь ли, — ответил ему Деме, — я плохо разбираюсь в технике, но суть этих приспособлений постараюсь тебе объяснить...» Габор все понял и с тех пор начал вести себя более осторожно.

Немного отдохнув, Габор встал и, обойдя камеру, внимательно осмотрел все стены, дверь и вделанную в стену лампу. «Боже мой, узнать бы только, не подслушивает ли наш разговор старший лейтенант...» Не обнаружив ничего подозрительного, он на миг остановился напротив Читари и шепотом проговорил:

— Господин посол, будьте добры, встаньте перед волчком.

— Что вы называете волчком? — удивленно спросил Читари.

Габор, стоявший у стены, рукой показал на глазок в двери, а затем объяснил:

— Это приспособление имеет несколько названий: глаз Иуды, волчок, глазок...

Читари встал и, подойдя вплотную к двери, спиной закрыл глазок.

Габор лег животом на пол и заглянул под топчаны, затем руками ощупал их и их ножки с внутренней стороны.

— Вроде ничего нет, — сказал юноша и, встав с пола, сел на топчан. — Будьте добры, подойдите сюда. — Читари сел рядом с ним.

— К чему все это? — шепотом спросил удивленный посол.

Габор приложил к губам палец:

— Будем разговаривать тихо, очень тихо. Вы поняли?

— Понял, — прошептал Читари.

— Господин посол, — заговорил еле слышно Габор, — меня хотели завербовать... Какой-то старший лейтенант, как его зовут, я не знаю. Хотел, чтобы я подписал заявление. Я не подписал, но в доверие к вам войти согласился. По наущению того следователя я должен сказать вам, что через несколько дней меня выпустят на свободу, так как французский посол заступился за меня, и если вы решите дать мне какое-нибудь поручение, то я охотно выполню его. Согласился я на это только потому,

что хотел встретиться с вами, предупредить, на случай если к вам подсадят настоящего провокатора. И еще я должен вам сказать, что любил вашу дочь чистой любовью. Я не верю в то, что на свете может быть еще одна такая замечательная девушка, как Сулита. И еще: я вовсе никакой не французский лейтенант. Я самый обыкновенный венгр. И зовут меня Габор Лукач...

Габор откровенно рассказал Читари, каким образом он стал называться Жаном Дюраном.

Внимательно выслушав Габора, Читари долго молчал, а потом сказал:

— Благодарю вас за то, что вы были откровенны со мной. Большое спасибо. Знаете, в нашей теперешней жизни человека почти на каждом шагу поджидают разного рода разочарования. Вот возьмем хотя бы этого старшего лейтенанта, который хочет сделать из вас доносчика. Было время, он выдавал себя за друга, а на деле оказался очень хитрым врагом. Кстати, зовут его Пал Берци. До войны его отец был военным атташе в Стокгольме. Великолепный военный инженер. Я с ним одно время часто встречался. Знаю его как противника нацистов. — Читари замолчал, задумавшись. Габор не стал мешать ему. — Вас когда арестовали? — спросил Читари.

— Двадцать четвертого сентября. Вы, видимо, знаете, что в мае началась полоса разоблачений?

— Слышал. Вы были членом коммунистической партии?

— До недавнего времени нет. Но потом обстановка сложилась так, что я вступил в нее.

— В тюрьме?

— В ней.

— И почему же?

Габор закрыл глаза.

— Они до смерти замучили мою мать. Старшего брата послали на фронт, где он и погиб. Сейчас у меня никого не осталось. Скажите, господин посол, что с Сулитой?

— Она вышла замуж. Разве вы этого не знаете?

— А откуда мне было знать? Ведь уже почти два года как я в тюрьме. И кто же ее муж?

— Кадровый офицер. Старший лейтенант. Попал к русским в плен. Его самолет упал по ту сторону линии фронта. Вот и все, что нам о нем известно.

— Он летчик?

— Летчик-истребитель. У Сулиты от него ребенок, мальчик. Сейчас ему всего шесть месяцев. Зовут Габором. — Взгляд Читари заметно потеплел. — Великолепный малыш! У меня такое предчувствие, что я его больше не увижу.

— Почему же не увидите? Не сдавайтесь. Вас еще не пытали, не мучили... У Сулиты есть ребенок...

— Да.

— Габор — это имя его отца?

— Нет, отца зовут Яношем.

— Тогда почему же ребенка назвали Габором?

Читари пожал плечами:

— Это вы у моей дочери спросите.

Габор опустил глаза.

— Вы полагаете, что я еще когда-нибудь встречусь с ней?

— Если вас осудили всего на два года, то почему бы вам и не встретиться?

— Только потому, что она находится на противоположном берегу реки, которую мне не переплыть...

На несколько секунд в камере воцарилась тишина, лишь из коридора доносился звук шагов часового.

Габор придвинулся к послу и продолжал:

— Господин посол, если вы увидитесь с дочерью, то скажите ей, что я никогда не был авантюристом. Я не хотел ее обманывать. Я по-настоящему любил ее.

— Об этом вы сами ей скажете.

— Я с ней уже никогда больше не встречусь. Да, откровенно говоря, и не хочу этой встречи. Сулита меня очень сильно унизила. Она возненавидела меня. И потому я сейчас не в ладах со своими чувствами. Может, я ее ненавижу.

Читари промолчал. Встал, заходил по камере. Он понимал, что попал в ловушку, из которой уже не вырваться живым. Теперь он уже знал, что его выдали, но какой из этого толк? Предатели будут жить, а те, кого они выдали, в ближайшее время попадут на виселицу или же предстанут перед командой солдат, которые приведут в исполнение смертные приговоры. Пал Берци — предатель так искусно замаскированный, что даже родной отец не догадывается о том, что его сын состоит на гитлеровской службе.

«Необходимо как-то предупредить подполковника Берци: вполне возможно, что сынок и на его шею накинет петлю. Нужно предупредить и Сулиту, а уж с ее

помощью Сентирмаи. Но вот вопрос, можно ли положиться на этого Габора Лукача? Все, что он мне рассказал о себе, звучит вполне правдиво... А что, если все это лишь хитроумный трюк?.. Как бы там ни было, а другого выхода у меня нет...» — мысленно решил Читари.

В это время принесли незамысловатый тюремный обед: суп-баланду и гарнир с какой-то требухой. Габор действовал по принципу: если я хочу выжить, должен есть все, тем более что выбора быть не могло. Хотя и без особого аппетита, но и без отвращения он съел свою порцию. Потом оба вымыли свои миски.

— Скажите, молодой человек, вы действительно Жан Дюран? Вернее говоря, Габор Лукач? — спросил после скромной трапезы Читари.

— Конечно, это я. Вы мне не верите?

— Не знаю, чему мне и верить... — Читари вытянул ноги, прислонившись спиной к грязной стене. Габору было нетрудно догадаться, что посол не доверяет ему.

— Господин посол, я бы хотел, чтобы вы правильно меня поняли. Разрешите вас кое о чем спросить?

— Спрашивайте.

— Вы, конечно, видели свою дочь голой?

— Разумеется, когда она была в детском возрасте. А что такое?

— Я тоже ее видел раздетой. Правда, тогда она уже была не ребенком, а взрослой девушкой. Если я вам сейчас скажу, где у нее на теле есть небольшое, величиной с ноготь, родимое пятно, тогда вы, надеюсь, поверите мне. Вы-то хорошо знаете, где оно у нее.

— Да, знаю...

— Только не говорите, я сам вам скажу!

— Не надо, — проговорил Читари. — Я и так верю, что вы были любовником моей дочери. Детали сейчас ни к чему.

— Извините, но я только хотел...

— Я вам верю. — Читари махнул рукой. — Когда именно вас освободят?

— Этого я не знаю. Как мне кажется, старшего лейтенанта больше всего интересуете вы, а не то, как бы поскорее освободить меня из-под стражи. Пожалуй, лучше будет, если вы мне вообще ничего не скажете.

— Наверное, так будет лучше, — пробормотал посол. Но, немного поразмыслив, он все же решил, что должен предупредить Сентирмаи.

Несколько часов Читари колебался, прикидывал так и этак и наконец решил быть откровенным с этим молодым человеком. Он подсел к нему ближе.

— Сынок, если ты провокатор, пусть это ляжет черным пятном на твою совесть. Я же постараюсь сделать так, чтобы тебя выпустили отсюда. Если это удастся, ты сможешь сбежать из Венгрии.

— Каким образом?

— Сейчас расскажу. — Читари немного помолчал. — Тебе нужно будет на очередном допросе сказать Берци, что я дал тебе поручение. И к тому же очень важное. Ты должен пойти на улицу Вербеци, найти там дом номер восемь, разыскать в нем посольского секретаря Михая Кенеза и сказать ему следующее: «Гобе передает, что билет второго класса действителен».

— А если секретаря схватят и арестуют? — спросил Габор.

— Он живет в Швейцарии.

— А если Берци еще перед тем, как я туда приду, проверит, кто именно живет в том доме?..

— Подожди, я еще не все сказал. Михай Кенез вообще никогда не жил на улице Вербеци. Ты скажешь, что он приехал в Венгрию с фальшивым паспортом из Швейцарии, насколько было возможно, изменил свою внешность. А на улице Вербеци у него имеется тайник.

— И кто же живет в том доме?

— Одна вдова по фамилии Пакаи Михайне. Ей ты скажешь, что пришел от меня. Паролем служит фраза: «Гобе передает...» и так далее. Этого будет вполне достаточно, чтобы она тебе поверила. А уж она сама покажет потайной ход, через который ты сможешь бежать. Но прежде чем уйти, женщину свяжи, в рот засунь кляп. Пакаине же, когда ее будут допрашивать, признается, что ты одно время жил у нее. И тогда узнал о подземном ходе. Об этом ты ей и сам напомни. Если тебе удастся бежать, разыщи Сулиту и скажи ей, чтобы она предупредила Сентирмаи. Пусть она передаст ему дословно следующее: «Осторожно, сын вашего друга, военного атташе, агент гестапо».

— А где сейчас живет Сулита?

— В том самом доме, куда ты носил молоко. В квартире Петени.

— Ясно. А больше никого не нужно предупреждать?

— Нет. Если Сентирмаи передадут мои слова, он знает, что ему следует делать.

Больше они не разговаривали до самого ужина.

Берци же в тот день под вечер сходил в баню, хорошенько попарился, потом отдохнул, даже немного поспал, а проснувшись, имел разговор с отцом.

Подполковник Берци был ростом чуть ниже сына, но пошире в плечах и покрепче. Его считали замечательным инженером-электротехником и потому время от времени направляли за границу в качестве военного атташе, чтобы он на месте имел возможность познакомиться с новинками военной техники.

В доме готовились к ужину, когда подполковник завел разговор о немецкой оккупации.

— Перейдем-ка на несколько минут в мою комнату,— неожиданно предложил он сыну.

Старший лейтенант встал и, хрустя портупеей, последовал за отцом.

— Садись,— сказал ему подполковник, показывая рукой на кресло. Сын сел.

— Что нового, папа? — спросил он, закуривая.

— Ты знаешь, что немцы очень многих арестовали?

— Следовало бы арестовать больше,— заметил старший лейтенант.

— Надеюсь, ты не говоришь это серьезно.— Подполковник бросил на сына строгий взгляд.

— Разумеется, я всего лишь пошутил,— улыбнулся сын, вглядываясь в строгое лицо отца.— Тебя что-нибудь тревожит, папа?

— Боюсь, что скоро и меня арестуют. Это вопрос времени.

— Тебя, папа? За что же это?

— А за что арестовали Колоша Читари?

В руке старшего лейтенанта задрожала сигарета.

— А какое отношение ты, папа, имеешь к делу Читари?

— Самое прямое, сынок. Что ты о нем знаешь? Где он сейчас находится? В чем его обвиняют?

Старший лейтенант сквозь табачное облачко уставился в пустоту. Он довольно долго молчал.

— Мне известно, что он советский шпион.

— Глупости!

— А еще мне известно,— продолжал сын, не обра-

щая внимания на замечание отца,— что он вел тайные переговоры с англичанами и американцами.

— А где он сейчас?

— У немцев,— не моргнув глазом соврал старший лейтенант.— Но я до сих пор никак не могу понять, папа, какой опасностью для тебя грозит арест Колоша Читари?

— Ну, скажем, он признается, что поддерживал связь со мной.

— С тобой, папа?!

— Со мной. Для тебя достаточно и этого. Скажи, сынок, немцы пытают своих узников, чтобы добиться от них признания?

— Еще как пытают.

— Тогда мне конец. Возможно, будет лучше, если я заранее пущу себе пулю в лоб. Колош под пытками может назвать мое имя.

— Папа, скажи, что же ты такого сделал?

Подполковник Берци долго думал. Если он скажет ему о том, что принадлежит к числу тех, кто подготавливает выход Венгрии из войны, то тем самым сделает сына своим сообщником и поставит его в трудное положение, так как тот либо тоже станет заговорщиком, как и его отец, либо, оставаясь верным военной присяге, должен будет доложить своему начальству обо всем, что ему стало известно. Отец понимал, что он и без этого сказал сыну больше, чем следовало.

— Забудь, сынок, этот наш разговор...

Однако старший лейтенант Берци ничего не забыл. Он любил отца и хотел ему помочь. Но помимо этого в нем заговорили и другие чувства. «Если немцы пытками заставят заговорить Читари и посол назовет в числе участников заговора имя отца, тогда в трудном положении окажется не только он, но и я сам... И прощай тогда моя военная карьера... Но что же мне делать? Как спасти отца? Выход, видимо, только один... Необходимо сделать так, чтобы Читари никогда не признался и не назвал бы имени отца, даже в том случае, если бы вдруг захотел это сделать. Но как добиться этого?..»

Мысли теснились в голове старшего лейтенанта, не находя желаемого выхода. Однако вскоре кое-что начало проясняться.

Берци по телефону вызвал служебную машину. Немного подождав, он позвонил профессору Майлату, генеральному директору научно-исследовательского институ-

та фармацевтики, сказав, что срочно хотел бы переговорить с ним по очень важному делу.

Они договорились встретиться в институте. Спустя полчаса Берци уже сидел в кабинете профессора, обставленном с пуританской скромностью.

Седой пятидесятилетний Майлат чем-то походил на доброго дедушку, любящего рассказывать милые, добрые сказки.

— Чем могу служить, господин старший лейтенант?

— Если разрешите, я сначала представлюсь вам. Вот мое удостоверение: я витязь, старший лейтенант Михай Хармат из отдела военной контрразведки.

— Да, да, вижу, — проговорил профессор, заглянув в удостоверение. — Итак, чем могу быть вам полезен?

— Господин профессор, предмет нашего разговора совершенно секретен. Это военная тайна.

— Понимаю.

— Итак... — заговорил Берци как раз в тот момент, когда за окном зловеще завыли сирены. На миг прислушавшись к этому вою, он продолжал: — Я не имею привычки опускаться в бомбоубежище.

— В таком случае останемся здесь.

— Господин профессор, сегодня ночью мы должны перебросить несколько наших офицеров за линию фронта с секретным заданием. Поскольку в ходе выполнения этой важной операции для них может возникнуть опасность попасть в руки противника, они должны иметь при себе яд, который могли бы принять в случае захвата в плен. Скажите, какой быстродействующий яд вы бы могли нам дать?

— Видите ли, самым эффективным и быстродействующим ядом является цианистый калий. Кажется, у меня в сейфе имеется несколько капсул. Достаточно раздавить такую капсулу зубами, и через несколько секунд человек уже мертв.

Послышался рев бомбардировщиков. С каждой минутой он становился все сильнее и сильнее. У Берци от страха начались колики, однако он взял себя в руки и сумел скрыть свой страх. Он прислушивался к звукам, доносившимся с улицы. Бомбили где-то в стороне, в южных районах столицы. Возможно, снова заводы по проспекту Шорокшары.

Профессор закурил сигару, затем встал и уверенным шагом подошел к огромному сейфу. Открыв его, он достал небольшую картонную коробочку, в которой, отде-

ленные друг от друга перегородочками, лежали десять крохотных капсул.

— Извольте, господин старший лейтенант, только я попрошу вас выдать мне соответствующую расписку.

— Запишите что положено в книгу выдачи лекарств, а я подпишусь.

Спустя два с половиной часа раздался отбой воздушной тревоги. В половине третьего ночи, в самом начале рассвета, Берци вернулся к себе в отдел. Выпив две рюмки палинки, он сел и, закрыв глаза, задумался.

«Да, другого выхода у меня нет, — думал он. — Что потом будет говорить начальник тюрьмы, это уж его забота...» Он приказал привести к нему Читари.

— Садитесь, — сказал он арестованному, когда тот вошел в кабинет.

Читари сел, бросив в сторону офицера взгляд, полный ненависти.

— Могу угостить вас рюмкой абрикосовой палинки, хотите?

Читари был удивлен столь любезным предложением, не зная, что и думать.

Берци же, не дожидаясь ответа, наполнил две рюмки.

— Будем здоровы!

Оба выпили и закурили.

— Господин Читари, мой отец мне все рассказал.

— Все?

— Да, все. Сегодня вечером, после ужина. Затем ушел к себе в кабинет и там застрелился.

Читари был потрясен этим известием, от души жалея подполковника Берци, которого считал замечательным человеком.

Снизив голос до шепота, Берци продолжал:

— Господин посол, завтра утром вас снова заберет гестапо. От вас будут всеми способами стараться добиться признания. Если вы во всем признаетесь, вас казнят, так как в их глазах вы являетесь опасным преступником; если же вы станете отказываться, то рано или поздно погибнете в камере пыток. Там я вам ничем помочь не смогу. Видимо, и вы хорошо знаете, что страшна не сама смерть, а путь к ней. Правда, я не знаю, как вы умеете переносить боль и страдания.

— Не могу вообще. Но что я могу сделать? Однако предателем я быть не хочу. — На миг он замолчал, глядя на пепел на кончике сигареты. — У меня ведь нет пистолета, как у вашего отца.

— А если бы он был, вы бы могли решиться?

Читари кивнул.

— Этим я освободил бы себя от многих страданий.

— Господин посол, я могу вам помочь кое-чем другим, — сказал Берци. — Вот этим. — Он выпул из коробочки одну капсулу. — Средство безболезненное и действует мгновенно. Намного надежнее, чем пистолет. Если хотите, я дам вам одну капсулу.

— Благодарю, — пробормотал побледневший посол. Он взял капсулу со стола.

— Стоит только положить ее в рот и раскусить...

— Мне это известно.

— Господин посол, — снова заговорил старший лейтенант после небольшой паузы, — если же вы не сможете или же не захотите воспользоваться ею, тогда обязательно уничтожьте. Если же ее у вас найдут, не вздумайте говорить, что получили яд от меня.

— Будьте спокойны, господин старший лейтенант.

— Благодарю. — Офицер встал и, пожав Читари руку, позвонил охране.

Когда арестованного увели, он закрыл глаза и вполголоса сказал:

— Господи, прости меня. Это я сделал ради собственного отца...

Когда посла привели в камеру, Габор проснулся.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался юноша.

Читари не ответил. Он лег на топчан и уставился в грязно-серый потолок. Потом начал молиться.

— Утром меня переправят в гестапо, — проговорил он, закончив молиться. — Но живым им в руки я не дамся.

— Что вы надумали?

— Во рту у меня лежит капсула с цианистым калием. Теперь-то уж никто не сможет помешать мне умереть. И ты в том числе. Даже не пытайся, а то я ее мигом раскушу. Оставайся на своем месте и не шевелись. Мне еще необходимо кое-что рассказать тебе.

— Я слушаю, но прежде чем рассказывать, ответьте на мой вопрос. Почему вы хотите умереть?

— Потому что я не выдержу пыток.

— Это старший лейтенант сказал вам, что вас переведут в гестапо?

— Да. Дело в том, что отец Берци был вместе с нами. Вечером он покончил жизнь самоубийством.

— Яд вам дал старший лейтенант?

— Он. Послушай меня, сынок. Если ты переживешь эти месяцы и окажешься на свободе, разыщи мою дочь и скажи ей... — Габор заметил, что Читари с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться, голос его прерывался, — скажи ей, что я умираю честным человеком. Пусть она бережет мать. — Он тяжело вздохнул и улегся на свой топчан.

Габор подскочил к нему, наклонился, но посол уже не дышал. Колош Читари лежал с открытыми глазами и искаженным лицом.

Габор забарабанил кулаками в дверь, вызывая часового.

— Мой сосед умер, — тихо проговорил он, когда часовой открыл дверь камеры.

Спустя десять минут Габор уже сидел в кабинете Берци. Какой-то внутренний голос подсказывал юноше, чтобы он был осторожен и не рассказывал всего того, что он узнал от Читари.

Габор закурил и начал говорить:

— Проснулся я тогда, когда Колоша Читари привели после допроса в камеру. Он сел и начал молиться, а затем попросил меня, чтобы я рассказал его жене, когда освобожусь, что он умер как честный человек. Я не понял, почему он заговорил о смерти. Спросил его об этом, и он сказал, что через несколько минут умрет. «Каким образом?» — спросил я. «Во рту у меня лежит капсула с цианистым калием, и как только я ее раскушу, то моментально умру». Я спросил его, где он взял эту капсулу. Он ответил, что она у него давно была припасена. Он всегда ее держал при себе, когда выезжал за границу. Во время ареста немцы не нашли ее у него. Я попросил его не делать глупостей. Он ответил, что это единственное, что он еще может сделать. Если он на это не решится, тогда его все равно повесят, но сначала будут пытать, и он, помимо своей воли, может выдать своих товарищей. Он попросил меня передать на волю одно сообщение...

— Остановитесь на минуту, — попросил юношу следователь. — Все, что вы рассказали мне о самоубийстве Читари, я занесу в протокол, а вот о его просьбе там не будет ни слова.

— Как хотите, — согласился Габор, а сам сидел и думал о том, что ему следует кое-что изменить, так как если он точно последует совету Читари, то на улицу Вербеци он вряд ли попадет.

— Продолжайте! — вывел Габора из задумчивости голос офицера.

— Извините, у меня немного закружилась голова. Читари попросил меня сходить на улицу Вербеци, в дом номер восемь, к Пакаи Михайне. В том доме, как он сказал, многие живут без прописки, и среди них находится один человек, которого я знаю, а он знает меня. Это показалось мне странным, и я спросил, где я встречался с этим человеком. Оказалось, что в мастерской скульптора Каройи. Человек же тот знает меня как Жана Дюрана.

— Вы не догадываетесь, кто бы это мог быть?

— Представления не имею. К Каройи я ходил довольно часто, и всем, там присутствующим, скульптор представлял меня как Жана Дюрана. Тому человеку я должен буду сказать: «Гобе передает, что билет второго класса действителен». Это пароль...

— Подождите, — перебил юношу Берци, — я запишу. Итак: «Гобе передает, что билет второго класса действителен». Так... — Офицер выжидающе посмотрел на Габора.

— Тогда тот человек даст мне список, который я в случае опасности должен буду проглотить. Моя задача будет заключаться в том, чтобы предупредить об опасности всех, чьи имена будут в этом списке. Да, чуть было не забыл: всем им я при встрече должен буду говорить тот же самый пароль.

— Понятно. — Берци посмотрел в свои записи. — То есть «Гобе передает...».

— Да, и все это нужно будет говорить по-французски, так как тот человек знает меня как Жана Дюрана...

На следующий день, утром, Габора переодели в гражданское. Затем привели в какой-то кабинет и приказали подождать. Окно кабинета было забрано массивной решеткой. Подойдя к нему, юноша стал смотреть вниз, на улицу, по которой то и дело сновали автомашины и куда-то спешили люди.

Старший лейтенант Берци, поспав часа два, направился к отцу в Институт военной техники. Подполковнику позвонили в лабораторию и сказали, что его разыскивает

сын. Отец и сын прошли в кабинет, где Берци-старший расчувствовался. Сначала он обнял сына, а затем сказал:

— Я очень нервничаю, сынок. Каждую минуту жду ареста.

Старший лейтенант сел на подлокотник кресла.

— Я получил от немцев секретное сообщение. — Чтобы добиться большего эффекта, он замолчал и закурил.— Сегодня ночью посол Читари покончил жизнь самоубийством. Он никого не выдал и ни в чем не признался.

— Пусть земля ему будет пухом, — еле слышно проговорил подполковник. — Мой бедный друг! Я должен поговорить с его женой и дочерью.

— Вот этого-то ты и не должен делать, отец, если не желаешь себе плохого. О смерти Читари не будет сообщено. Я же говорю с тобой вполне конфиденциально. Я должен был молчать об этом печальном случае. Должен был ни слова тебе не говорить. И вообще никому. К тому же имей в виду, что все телефонные разговоры семьи Читари подслушиваются, а за их квартирой следят.

— Я понял, сынок. Ты, пожалуй, прав. Вечером мы с тобой еще поговорим.

Попрощавшись с отцом, старший лейтенант поспешил в казарму. Когда он проезжал по площади Миклоша Хорти, раздался вой сирены, возвещавший о приближении вражеских бомбардировщиков. Берци не остановился, а лишь сбавил скорость своего «фиата».

Когда старший лейтенант подъехал к казарме, уже был слышен рев бомбардировщиков. Залаяли зенитные пушки, расписав небо трассами снарядов.

Оказавшись в своем кабинете, Берци услышал первые разрывы бомб. Он быстро побежал в уборную, где опростал желудок. Посмотрев на себя в зеркало, увидел свое необычно бледное лицо. Умылся холодной водой, растер лицо махровым полотенцем. Закурив, Берци вышел в опустевший коридор и заходил по нему взад и вперед.

И тут он вдруг вспомнил о Габоре Лукаче, который должен был ждать его в комнате номер двадцать, если, конечно, его не увели в убежище.

Открыв ключом дверь двадцатой комнаты, Берци увидел Габора, стоявшего перед открытым окном.

— Пошли со мной, а окно пусть останется открытым, — приказал юноше офицер.

Габор повиновался. Они прошли в кабинет старшего лейтенанта. Снаружи все еще доносились взрывы бомб и отчаянный лай зениток.

— Боитесь? — спросил Берци у Габора.

— Сейчас бомбят не здесь, — проговорил юноша, — а где-то в Обуде или Уйпеште. Если бы бомбы рвались рядом, думаю, что испугался бы. Те, что сидят в тюрьме, тоже боятся, даже приговоренные к пожизненному заключению и те трусят.

— И те, говорите?

— Конечно, и они тоже. Все хотят выжить, дождаться окончания войны, а после нее еще — свободы. Всех политических заключенных выпустят.

— Вы думаете, что немцы проиграют войну? — Офицер с удивлением посмотрел на Габора.

— Я в этом уверен. Русских уже невозможно остановить, после Сталинграда гитлеровцам сделать это не удастся. А если принять во внимание экономику Америки, то...

— Все узники так же хорошо проинформированы о событиях на фронтах, как и вы?

— Политзаключенные всегда многое знают, господин старший лейтенант. Войне скоро придет конец...

— Вы мне к чему это говорите?

— Так просто, к слову пришлось...

Над городом постепенно становилось тихо.

— Понимаю, — сказал Берци. — Ну-с, Лукач, как только будет дан отбой воздушной тревоги, вместе поедем на улицу Вербеци. Бояться вам нечего: мы вас будем охранять. Повторяю еще раз: если хорошо выполните то, что я скажу, я добьюсь вашего освобождения за хорошее поведение.

Габор решил немного подыграть и, скривив губы, сказал:

— Может ли быть хорош провокатор? Я ведь как раз им и стал. Как ни смотри, а так оно и есть.

— Видите ли, Лукач, я сейчас не собираюсь читать вам лекции о том, насколько аморальна измена Читари с точки зрения национальных интересов. Думаю, она аморальна, потому что ведет к гибели многих ни в чем не виновных венгерских солдат, которых помимо их воли призвали в армию. Вы мне раньше говорили, что ненавидите все семейство Читари, потому что они унизили вас. Я вас хорошо понимаю. Я не хочу, чтобы вы верили в победу немцев. Это ваше личное дело. Однако, чтобы хоть в какой-то степени успокоить вас, скажу по секрету: то, что собирались организовать Читари и его друзья, всего-навсего несерьезная игра... Так, барская затея — и

ничего больше. Не скрою от вас и того, что немцы и так хорошо осведомлены о переговорах с англосаксами, более того, им известно даже то, что обсуждалось на этих переговорах. Между прочим, это и явилось одной из причин, приведших к оккупации Венгрии. — Немного подумав, офицер сделал несколько шагов по кабинету, закурил и остановился у письменного стола. — А вы знаете, что могло привести к успеху таких «конспираторов», как Читари?

— Не знаю, — ответил Габор, а сам задумался над тем, почему это Берци говорит с ним так откровенно.

— Только тогда они добились бы успеха, если бы смогли поднять вооруженное восстание. Но этого, Лукач, они никогда бы не сделали. Знаете почему? Вооруженное восстание возможно организовать только в том случае, если дать в руки рабочим и крестьянам оружие. Однако друзья Читари очень боятся вооруженных рабочих. Вы могли бы спросить: «А как же армия? Разве она не состоит из рабочих и крестьян?» Вопрос был бы вполне логичным. Да, армия состоит из рабочих и крестьян, но в ней царит строжайшая дисциплина и за проступки наказывают жестоко, вплоть до смертной казни.

Раздался сигнал отбоя, и улица быстро оживилась. Габор отчетливо слышал звук трамваев и гудки автомашин.

Берци что-то хотел сказать, но в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул старший лейтенант.

В кабинет вошел молодой мужчина в гражданском и по-военному четко доложил о том, что он прибыл с донесением.

Берци взял лист с машинописным текстом, начал читать. В нем говорилось о жильцах дома № 8 по улице Вербеци и о Панаи Михайне в частности. Панаи Михайне, вдова, была на двадцать пять лет моложе мужа, занимавшего в свое время пост советника министерства иностранных дел. Вдова получала относительно скромную пенсию и, чтобы как-то улучшить свое материальное положение, сдавала комнаты дипломатам и дипкурьерам. Муж ее некогда имел значительное состояние, но проиграл его частично в карты, частично — на бегах.

Панаи Михайне, урожденной Борбале Матраи, недавно исполнилось тридцать девять лет. Это была очень красивая женщина. В ее доме частым гостем был Колош Читари, посол по особым поручениям. По сообщению некоего Миклоша Ковача, проживающего в доме № 13 по

улице Вербеци, Колоша Читари и Панаи Михайне связывала тайная любовь.

Помимо этого составитель донесения установил, что родители Панаи Михайне, урожденной Борбалы Матраи, до сих пор проживают в Брашове, в том самом городе, где родился Колош Читари и где по настоящее время живет его отец — Балинт Читари. Обе семьи с давних пор поддерживали дружеские отношения.

Дом № 8 по улице Вербеци с утра находился под наблюдением трех агентов контрразведки.

Прочитав донесение, Берци, не скрывая своего удовлетворения, положил листок на стол.

— Поехали, — сказал он своему агенту. — Надеюсь, все готово?

— Все сделано, как вы приказывали.

Спустя полчаса все трое вышли из автомашины на улице Вербеци. Габор очень волновался. Хоть бы Панаи Михайне поверила ему, что он прибыл к ней с поручением от Колоша Читари! Он осторожно осмотрелся и заметил замаскировавшихся агентов. Берци и Габор остановились перед домом № 4.

Берци улыбнулся Габору и сказал:

— Смелее! Мы вас охраняем. Сколько вам понадобится времени, чтобы заполучить список?

— Если нужное мне лицо находится дома, то, думаю, получаса будет вполне достаточно. Если же его дома не окажется, то я под каким-нибудь предлогом на минуту выйду из дома и сообщу, какова там ситуация.

Берци усмехнулся и крепко пожал Габору руку.

— Господин старший лейтенант, — заговорил Габор озабоченно, прежде чем тронуться дальше, — было бы лучше, если бы вы дали мне пистолет. Если там догадаются, что я провокатор, то мне придется защищаться.

Берци задумался: «А почему бы не дать Лукачу оружие? Сбежать ему все равно не удастся: он находится в наших руках». Берци оглянулся и жестом подозвал к себе одного из агентов:

— Хегедюш, дайте Лукачу свой пистолет!

Агент передал Габору свой вальтер со словами:

— Осторожно, он заряжен.

— А вы умеете обращаться с этой штукой? — спросил у юноши офицер.

— Я состоял в организации «Левенте»[1], — успокоил Габор Берци.

— Хорошо. — Берци посмотрел на часы. — Идите.

Габор глубоко вдохнул и пошел вперед. Калитка дома была не заперта. В конце двора, вымощенного плиткой, виднелся большой сад. Фруктовые деревья уже цвели. Справа — стена с аркой. Габор вошел под арку и постучался в первую дверь.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Габор Лукач.

Дверь открыла красивая темноволосая стройная женщина лет сорока. Она спросила:

— Кого вы ищете?

— Панаи Михайне.

— Это я. Как вы сюда прошли?

— Калитка была не заперта.

— Черт бы побрал эту... — Женщина глубоко вздохнула и продолжала: — Сколько раз я говорила этой старой ведьме, чтобы она закрывала калитку! Подождите минутку.

Она достала из кармана большой ключ и плавной, кошачьей походкой направилась к калитке.

— Так вы ищете меня? — сказала женщина, вернувшись.

— Вас.

— Входите.

Габор вошел, закрыв за собой дверь. Он оказался в прихожей, со сводчатым потолком, со вкусом обставленной.

— Слушаю вас. — Голос у женщины был строгим.

— Сударыня, меня зовут Габор Лукач. Я политзаключенный. Сидел в камере вместе с Колошем Читари. «Гобе передает, что билет второго класса действителен».

— Боже мой! — воскликнула сразу побледневшая женщина. — Проходите в комнату. — Сказав это, она открыла дверь, и они вошли в большую комнату со сводчатым потолком. Камин, светильники на стенах из кованого железа, с потолка свисала такая же люстра. Посреди комнаты находились огромный дубовый стол и стулья. У стены стояли старинный буфет и книжные шкафы, на полу был разостлан роскошный персидский ковер.

---

[1] «Левенте» — венгерская молодежная допризывная организация фашистского толка.

— Садитесь и рассказывайте, — нетерпеливо потребовала хозяйка.

Габор сел, облизал пересохшие губы.

— Сударыня, не могли бы вы дать мне выпить? Если можно, чего-нибудь покрепче.

Женщина достала из буфета бутылку коньяка и рюмку и поставила их на стол, сказав:

— Угощайтесь.

Габор выпил и начал говорить. Подробно он рассказал о том, какое именно задание он получил от старшего лейтенанта Берци, объяснил, почему он согласился на это и при каких обстоятельствах встретился с послом Колошем Читари.

— Выходит, он находится вовсе не у немцев?

— Нет, сударыня. Его содержали в подвале казармы Хадика.

— Почему вы говорите — «содержали»?

— Он покончил жизнь самоубийством.

Женщина низко опустила голову. Габор заметил, что она плачет. Выждав несколько секунд, он рассказал, о чем они договорились с Читари.

— Выходит, что вы меня свяжете, заткнете рот, а позже, когда меня развяжут ваши охранники, я должна говорить, что вы одно время жили у меня на квартире, ну, скажем, с января сорок второго года.

— Скажите, сударыня, а куда ведет потайной ход?

— Этого я точно не знаю. Колош как-то говорил, что из него есть несколько выходов, которые соединяются с погребами других домов, но один ход, вроде бы самый правый, выходит к крепостной стене возле улицы Яноша Хуняди [1]. — Женщина встала и вышла в соседнюю комнату. Там она легко отодвинула один из книжных шкафов. Показалась потайная дверь. — Это вход.—Затем она вернулась и попросила: — Расскажите еще что-нибудь о Колоше.

— Сударыня, у меня очень мало времени! Я смогу задвинуть шкаф на место?

— Вы легко его задвинете, а я потом скажу, что вы ушли через подвал, там тоже есть один ход.

— Хорошо... — И Габор рассказал ей все, что он знал о Читари, а затем, как они и договаривались, связал хо-

---

[1] Хуняди Янош (ок. 1407—1456) — венгерский государственный деятель и полководец. В 1441—1443 гг. провел успешные походы против турецких завоевателей, нанес сокрушительное поражение турецким войскам в Белградской битве.

вяйку, заткнув ей рот полотенцем, и, отодвинув книжный шкаф, спустился по ступенькам вниз, не забыв перед этим поставить его на прежнее место.

8

Перемыв и убрав посуду, Мария решила вздремнуть часок-другой, пока не начнется очередной воздушный налет. Жофи тем временем купала ребенка Сулиты. Читарине в гостиной беседовала со своей сватьей, женой полковника Будаи.

За день Мария сильно устала: все приходилось делать самой. Жофи, конечно, девушка хорошая, но совсем лишена самостоятельности, в чем была виновата, конечно, госпожа Читари, которая на каждом шагу подавляла любую инициативу своей служанки.

В начале восьмого в окно кухни кто-то тихонько постучал. Мария выключила свет и, подойдя к окну, неуверенно спросила:

— Кто там?

— Это я, Габор Лукач, — послышался едва различимый шепот.

— Святой боже! Габор, Габорка!..—Добрая служанка еле нашла в себе силы, чтобы открыть окно. — Влезай скорее!

Секундой позже Габор был уже в кухне. Мария молча смотрела на него, потом прижала его к себе, и слезы потекли по ее щекам.

— Габор, сынок, а я уж, грешным делом, думала, что тебя нет в живых. О господи, ну и счастливый же у меня сегодня день!—Она отпустила юношу и, сама отойдя от него на шаг, осмотрела с ног до головы. Она хотела что-то сказать, но Габор опередил ее и начал рассказывать:

— Тетушка Мария, меня ищут. Сейчас совсем нет времени! Мне нужно немедленно поговорить с Сулитой.

Мария ухватилась за край стола и медленно села на табурет.

— Ты сбежал из тюрьмы?

— Дорогая тетушка Мария, позже я все вам расскажу, а сейчас позовите Сулиту.

— Сулиты нет дома, она уехала в провинцию, в Шомодьтарцалу... Сегодня утром, на автомобиле. Ах ты, несчастный, она словно чувствовала, что ты придешь сюда!

— Ничего она не чувствовала. Откуда ей было знать? Но что же мне теперь делать? Если я не смогу ничего передать Сулите, то не стоило и приходить сюда. Такой риск! — Он сел по другую сторону стола и спросил: — Вы одна в доме?

— Нет, не одна. — Мария заговорила тише. — Здесь мать Сулиты, свекровь, госпожа Будаи, Жофи и маленький Габор.

— Жофи — это кто?

— Служанка из дома Читарп. — Она посмотрела на Габора, спросила: — Что мы скажем, если они войдут сюда?

— Скажите, что я ваш крестник. Только что приехал из Трансильвании. Хотя нет, это не подойдет, так как я никогда там не был и совсем не знаю Трансильвании. Лучше скажите, что я из Пожони: там я бывал, хоть что-нибудь да смогу рассказать.

— А кем ты назовешься?

— Ну, скажем, Миклошем Мольнаром. Простое имя, нетрудно запомнить.

Мария уже полностью пришла в себя и снова обрела уверенность и способность действовать.

— Зачем тебе понадобилась Сулита?

Габор проглотил набежавшую слюну.

— Вы не смогли бы достать мне сигарет, все равно каких, — попросил он.

— Подожди, сейчас принесу.

Мария вышла, а Габор, оставшись один, осмотрел знакомую кухню, в которой, казалось, ничего не изменилось. Неожиданно на него нахлынули воспоминания. Он как бы со стороны увидел себя, веселого и задорного, в гимназистской шапочке, с корзиной и молочным бидоном. Вспомнил, как однажды вместо Марии он встретил здесь Сулиту. Он тогда даже глазам своим не поверил. Оба ошеломленно смотрели друг на друга. А потом несчастный, разоблаченный Габор Лукач начал было что-то объяснять, но Сулита, гордая Сулита, и слушать его не захотела. Он хорошо видел, что у нее от слез затуманился взгляд, голос стал хриплым. Сулита спросила, сколько она должна. А ему хотелось провалиться сквозь землю, лицо горело, и казалось, что любовь превращается в ненависть. В тот момент он на самом деле ненавидел эту чванливую аристократку, только что разоблачившую его. Она, оказывается, чувствовала себя счастливой только потому, что его отец французский генерал...

Вернулась Мария с сигаретами «Мемфис» и спичками.

— Все в порядке. Госпоже я сказала про тебя. Короче говоря, можешь оставаться, сколько хочешь. Не стесняйся, закуривай, — сказала она, подавая сигареты и спички.

Габор быстро закурил, и жизнь показалась ему не такой уж плохой штукой.

— Хочешь есть? — спросила Мария.

— Ужасно!

— Несчастный, что же ты молчал? Горячего у меня, правда, нет, но зато есть холодные закуски.

— А мне больше ничего и не надо.

Мария быстро накрыла на стол. Габор погасил окурок и с аппетитом начал уплетать поставленное на стол.

— Ну а теперь рассказывай, сумасшедший.

— Почему я — сумасшедший?

— И он еще спрашивает! А разве не ты сделал Сулиту несчастной?

Габор чуть не поперхнулся.

— Тетушка Мария, — он отодвинул от себя тарелку, — клянусь вам своей покойной матерью, я вовсе не собирался доставлять ей неприятности. Я хотел сделать ее счастливой. Можете мне поверить...

— Ешь давай и не крути носом, если не хочешь, чтобы я вместо матери надавала тебе пощечин. Ешь и рассказывай.

— Прежде чем рассказать о своих похождениях, хочу вам кое-что сообщить. Только это секрет, тетушка Мария.

— Говори. — Она наполнила вином стакан.

— Умер Колош Читари.

— Не может быть!..

— Я сидел с ним в одной камере. Он отравился у меня на глазах. Помешать этому я не мог, так как капсула с ядом была у него во рту.

Мария прислонилась спиной к стене и заплакала. Слезы ручейками текли по ее лицу.

— Я что-то ничего не пойму, — пробормотала она, всхлипывая. — Сулита поехала в Шомодьтарце, в свое имение, по делу отца. Приходил тут к нам старший лейтенант Пал Берци. Сказал, что Читари находится у немцев под арестом, но отец Берци хочет ему помочь. Поэтому он и решил встретиться с Сулитой в провинции.

Настала очередь удивляться Габору, он даже перестал есть и положил на стол нож и вилку.

— Мария, отец старшего лейтенанта Берци застрелился, — сказал Габор. Мысли в его голове лихорадочно сменяли одна другую. Господин посол находился вовсе не у гитлеровцев, а в отделе контрразведки, где служит Берци. Тут явно что-то не так, старший лейтенант хочет заманить Сулиту в ловушку. Он сам дал яд господину послу. — Мария, я чувствую, что Сулите грозит опасность. Я должен поехать к ней. И не только потому, что ее отец просил меня передать ей нечто важное, а для того, чтобы защитить ее.

— Поезд в Шомодьтарце будет только утром, он отходит с Южного вокзала, — пояснила Мария. — А в три двадцать пополудни он прибывает в Капошвар, а там только в четыре часа один вагон прицепляют к местному...

— Как-нибудь доберусь. Вся беда в том, что у меня нет никаких документов.

— Это и правда беда, сынок, и к тому же немаленькая... Сейчас полиция чуть ли не на каждом углу проверяет документы... Габор, что можно сказать госпоже?..

— Ничего нельзя говорить.

— Понимаю.

— Да, мне на ум пришла одна мысль. — Габор встал и заходил по кухне. — Тетушка Мария, дайте-ка мне телефонную книгу. Думаю, она у вас есть.

— Как не быть? Сейчас принесу. Если ты позвонить туда хочешь, я сейчас включу аппарат, что стоит в холле.

— Пожалуйста, переключите.

Габор решил проверить, не соврал ли старший лейтенант Берци, правда ли, что подполковник Берци застрелился.

Через минуту Мария принесла телефонную книгу. Габор сел, он нервничал все сильнее и сильнее. Закурив, набрал номер домашнего телефона подполковника Пала Берци. К телефону долго не подходили. Наконец кто-то снял трубку.

— Алло, — послышался грудной мужской голос.

— Это квартира господина подполковника Пала Берци?

— Подполковник Пал Берци слушает.

Габор положил трубку. От волнения у него свело желудок.

«Выходит, этот младший Берци негодяй. Испугался,

что Читари выдаст его отца... Что же теперь делать? Где достать хоть какие-нибудь документы?..»

В этот момент в кухню заглянула Жофи.

— Извините, — проговорила она и убежала.

При виде девушки Габору стало как-то не по себе.

Мария закрыла дверь и села на табурет.

— Позвоню-ка я господину советнику Банффи. Он человек надежный, друг семьи. С ним ты сможешь говорить откровенно. Он был приятелем господина Читари.

— Не выдаст? — спросил Габор, снова принимаясь за еду.

— Не думаю, он родом из Трансильвании. Я с ним поговорю.

— А вы знаете, где он живет?

— Не знаю, но госпожа знает. Я спрошу у нее.

— Подождите. Может, найдем его адрес в телефонной книге.

Полистав книгу, Габор выяснил, что Мартон Банффи живет на проспекте Маргит, неподалеку от кинотеатра «Атриум».

— Знаешь, я сама схожу к нему и позову сюда, — предложила Мария.

— А что, если пригласить его по телефону, сказав, что дело касается Сулиты?

— Не знаю, хотя мне известно, что господин советник Банффи давно влюблен в Сулиту.

— Тогда попробуем. Скажите ему, что Сулита заболела и хочет поговорить с ним.

Мария вышла из кухни в холл. Габор остался один, но вскоре в кухне появилась Жофи.

— Добрый вечер, — поздоровалась она. — Меня зовут Жофи.

— А меня — Миклош Мольнар. — Габор подал девушке руку.

— Как живете? — спросила Жофи, присев на табурет.

— Спасибо, сносно. А как вы?

— Немного устала. Габорка — это настоящий чертенок. В нем не один, а целых семь чертенят. Ну, пойду к нему, а то если он не увидит меня, когда проснется, то поднимет такой крик, что весь дом взбудоражит.

Тем временем вернулась Мария.

— Что это такое? А ну-ка живо иди к ребенку! Знаешь, где твое место?

— Хорошо, хорошо, уже иду.

— Госпожа легла?

— Нет. Ждет объявления воздушной тревоги и играет в карты с госпожой Будаи. До свидания, Миклош. Долго еще здесь пробудешь?

— Не знаю, — ответил уклончиво Габор. — Сколько крестная разрешит.

— Поживем — увидим. — Дождавшись, пока Жофи вышла из кухни, Мария сказала: — Он сейчас придет. Я попросила, чтобы он постучался в кухонную дверь.

Через полчаса Мартон Банффи, стройный, худощавый мужчина, уже сидел напротив Габора.

— Ну-с, послушаем ваши новости, — проговорил он, обращаясь к юноше.

— Господин советник, — заговорила Мария, — готовится какое-то злодеяние.

— А именно?

— На днях сюда явился старший лейтенант Пал Берци. Хозяйка приняла его как гостя. О чем они говорили в гостиной, я узнала позже от Сулиты.

— А если покороче? Сейчас прилетят английские бомбардировщики, и тогда конец всем рассказам.

Мария неодобрительно посмотрела на Банффи.

— «Покороче»! Берци сказал молодой госпоже, что его отец может помочь господину Читари, который находится под арестом у немцев. Поэтому господин подполковник Берци хочет встретиться с Сулитой где-нибудь в провинции. Они договорились встретиться в Шомодьтарце. Сулита туда и уехала. Вот коротко все.

— Понятно, — заметил Банффи. — А вам что известно?

— Господин советник, — начал Габор и вынул вальтер, — я сбежал из тюрьмы. Был осужден по политическим мотивам...

И он коротко рассказал самое главное, закончив свой рассказ следующими словами:

— Я сбежал из-под стражи, чтобы передать кое-что Сулите.

— Ясно, — произнес Банффи. — Берци солгал и сделал это не единожды. Сулите он солгал, сказав, что отец с ней хочет встретиться, а тот и знать ничего не знает. Я, конечно, не провидец, но опасаюсь, что старший лейтенант Пал Берци будет искать встречи с Сулитой.

— Более чем вероятно, но только на этой встрече буду и я.

— Спешить не нужно, дружище, — осадил Габора

Банффи. — Мария мне сказала, что у вас нет никаких документов.

— Это верно, но я все равно поеду в Шомодьтарце,— не отступал от своего Габор.

— Правильно, дружище. Вот вам лист бумаги, карандаш. Напишите-ка мне свои данные.

Когда он записывал выдуманные им самим данные, руки его дрожали.

«Лишь бы только не забыть... Миклош Мольнар... Я — Миклош Мольнар... Родился... Где же я мог родиться? В Кешмарке или же в Лече... — Подумав, он решил, что родился в Лече.—Имя матери? Ну, скажем, Вероника Андьял... А почему бы и нет? Моя мама на самом деле была ангелом...» На глазах Габора показались слезы.

— Что случилось? — дипломатично спросил Банффи.

— Ничего. Просто я вспомнил маму. Знаете, когда нас обоих схватили, то начали сильно бить, а позже эти негодяи сказали, что моя мать наложила на себя руки.

Банффи понимающе кивнул и заметил:

— Заканчивайте, а то мне нужно спешить, скоро начнется воздушный налет. — Он взял у юноши бумагу, прочел: — Все в порядке. Место жительства — напишем мой адрес. А теперь слушайте меня внимательно, Габор Лукач. Сейчас же ложитесь в кровать и хорошенько выспитесь. В шесть утра я заеду за вами. Все ясно?

Банффи встал и посмотрел на Марию.

— Утром, ровно в шесть, я буду здесь. Приготовьте нам что-нибудь в дорогу.

— Все сделаю, господин советник, да поможет вам господь!

9

Банффи мастерски вел автомобиль. «Мерседес» последней марки, казалось, летел по дороге. Дорога была свободна, скот сельские жители уже давно выгнали на летние пастбища, так что ехать можно было спокойно.

— Если нас остановят и станут проверять документы, молчите, — наставлял Банффи Габора. — Отвечать будете только тогда, когда я скажу.

— Ясно, господин советник.

— Да, как вы себя чувствуете?

— Спасибо тетушке Марии, хорошо.

— Ну, я рад этому. Мария — замечательная женщина. Оно и неудивительно: она из трансильванских крестьян.

— Выходит, все трансильванцы такие, как тетушка Мария?

— Не все, есть и среди них дрянные людишки. — Сказав это, он сбавил скорость и объехал крестьянскую повозку. — Колош Читари был замечательным человеком. Вы видели, как он умирал?

— Яд подействовал мгновенно.

— Ужасно! Как ни крути, а выходит, что Колоша убил Пал Берци, отец которого тоже являлся участником антигитлеровского заговора. И об этом, как вы сами сказали, Читари хорошо знал.

— Знал.

— Берци не хотел, вернее говоря, боялся, как бы Читари в своих показаниях не назвал имени подполковника Берци, вот сынок и решил толкнуть его на самоубийство.

— Так оно и было... Господин советник, вы не против, если я немного посплю?

— Спи, сколько тебе захочется.

Габор закрыл глаза и быстро уснул. Проснулся он только после того, как они проехали Капошвар. Габор удивленно осмотрелся. Все показалось ему каким-то чужим, незнакомым: и пейзаж за окном машины, и сама машина, и сидящий за рулем Мартон Банффи.

— Ты еще можешь спать, дружище, — сказал Банффи, увидев, что юноша проснулся. — Так, глядишь, проспишь всю дорогу.

— Устал я очень.

Машина тем временем катила по великолепным местам: пейзаж вокруг был таким спокойным и мирным, как будто в Венгрии, да и на всем свете тоже, царила тишина.

— Расскажите что-нибудь о себе,—попросил Банффи.

— Сначала хорошо бы поесть, — предложил Габор.

— А это, пожалуй, дельное предложение. У ближайшей корчмы остановимся и закусим, — согласился советник.

Скоро они въехали в какое-то селение. Им здорово повезло, так как здесь оказалась закусочная «Охотничье прибежище», двери которой были открыты. Выходя из машины, они забрали и корзинку, в которую добрая тетушка Мария собрала какой-то снеди.

Они уселись за простой дощатый стол, на который Габор выложил содержимое корзинки. Из-за плиты вышла молодая симпатичная женщина и поинтересовалась, не принести ли им тарелки и столовые приборы.

— Разумеется, принести. И бутылку содовой, если таковая имеется, — попросил Габор.

— Сейчас, — ответила женщина. — Приятного аппетита.

— Как далеко мы еще от Шомодьтарце? — спросил Габор.

— Точно не знаю, но, видимо, не очень далеко. — Банффи отрезал ломоть ветчины и почти затолкал ее себе в рот. Он, казалось, не ел, а прямо-таки заглатывал пищу. Затем он жестом подозвал кельнершу: — Скажите нам, уважаемая, сколько отсюда до Тарцала?

— Недалеко, километров двадцать, если не меньше. Только будьте внимательны: как доедете до центра села, так у собора сразу же сверните направо.

— Скажите, дорогая, а вы всех и все знаете в этих местах?

— А вы кого ищете, сударь?

— Замок Петени.

— Знаю. В девичестве работала я там у дядюшки Пала Камараша, а потом у Миклоша Хорвата.

— Что это за люди? Да вы присядьте, — предложил Банффи, заметив, что женщина переминается с ноги на ногу.

— Боже упаси, сударь, мне нельзя. Вы спрашиваете, что они за люди?..

Однако ответить словоохотливой кельнерше не удалось, так как из кухонных дверей появился толстый рыжеволосый мужчина средних лет, который довольно грубо оборвал служанку словами:

— Слушай, Эржи, я не для того тебя нанял, чтобы ты басни гостям рассказывала, а для работы, черт бы тебя побрал!

Эржи бросила испуганный взгляд на хозяина и убежала.

— Обождите-ка, добрый человек! — громко позвал толстяка Банффи.

— Мне некогда болтать с господами, — не очень-то вежливо ответил рыжеволосый и вышел на кухню, хлопнув дверью.

— Мне хочется как следует проучить этого нахала, — заметил Банффи, но с места все же не встал.

Время от времени в корчму заходили крестьяне, которые громко здоровались, а затем направлялись к стойке, где заказывали кто вино, кто палинку.

Вскоре приехали новые гости, артиллеристы-зенитчи-

ки: лейтенант и три унтера. Посовещавшись, они уселись за столик и попросили меню.

Банффи и Габор, сложив в корзинку остатки своей провизии, расплатились и вышли из корчмы. Когда до «мерседеса» оставалось всего несколько шагов, из-за угла появился жандармский патруль, который словно подкарауливал их.

— Добрый вечер, — поздоровался с Банффи и Габором невысокого роста унтер-офицер.

— День добрый, — ответил Банффи, проходя мимо.

— Подождите! — окликнул его жандармский унтер. Банффи остановился. — Это ваш автомобиль?

— Мой, — ответил советник. — С ним что-нибудь не в порядке?

— Попрошу ваши документы.

Банффи достал полицейское удостоверение и развернул его перед носом унтера.

Увидев государственный герб и круглую печать, жандарм вытянулся по стойке «смирно» и по-уставному доложил:

— Господин советник, докладывает унтер-офицер жандармерии Гергей Хорват: проводим патрульный обход.

— Продолжайте выполнять свои обязанности.

Банффи и Габор сели в машину. Габор оглянулся и увидел, как унтер стоит на прежнем месте и озабоченно трет лоб.

«Если бы и дальше все шло так гладко! — подумал про себя Габор. — Как все иногда бывает просто! Стоит только предъявить удостоверение, и путь дальше открыт...»

— Жандарм даже не спросил ничего, не осмелился,— проговорил Банффи, когда, отъехав от церкви, они свернули на дорогу, которая вела в Тарцал. — Вы знакомы с Сулитой? — спросил он, обращаясь к Габору.

— Знаком: я не один год носил семейству Петени молоко. Правда, Сулита очень сердится на меня, быть может, даже ненавидит.

— Это почему же?

Последние домики селения остались позади, дорога шла по великолепному сосновому лесу.

— Почему? Я ее обманул. Скорее, даже не столько я, сколько мой друг, скульптор Каройи. Он сказал Сулите в шутку, что я французский офицер. Сулита поверила. Я давал ей уроки французского, и мне эта игра

почему-то нравилась. Может, потому, что, принимая меня за эмигранта, Сулита считала меня равным себе... Короче говоря, я не сказал ей, что все это ложь.

— Выходит, вы владеете французским?

— Гораздо лучше, чем венгерским... — Через некоторое время Габор продолжил свой рассказ: — Я никогда не знал своего отца, господин советник. Мне каждый день кололи глаза тем, что моя мать падшая женщина. Но никто и никогда не поинтересовался, почему она стала такой и почему осталась одинокой. Если бы не контрреволюция, я бы сейчас носил фамилию своего отца.

— Ваш отец был коммунистом?

— Был, поэтому нам и пришлось эмигрировать.

— Видите, до чего доводит политика. Я не коммунист, а мы с вами так мирно едем в одной машине. Значит, нас что-то объединяет. Я терпеть не могу нацистов. Вы — тоже. И это общее настолько сильно, что я согласился помочь вам бежать. Вот оно как, дружище.

На горизонте показался силуэт старинного замка.

— Надеюсь, мы не опоздали, — заметил Банффи, взглянув на Габора.

10

Сулита сидела в тени на террасе и смотрела на дорогу, по которой катил автомобиль. Жена Миклоша Хорвата, которую звали просто Шарикой, женщина с густыми волосами и девичьей фигурой, стояла рядом и тоже наблюдала за машиной.

— Сударыня, а ведь она не иначе как к нам катит.

— Мне тоже так кажется. Посмотри-ка, Шарика, как там горничные — закончили уборку?

— Слушаюсь.

Сулита осталась одна. Она почувствовала стеснение в груди. Наконец-то она узнает, что с ее отцом: может быть, ему удалось вырваться на волю, неважно, по закону или как-нибудь иначе... Страна большая — спрятаться есть где. На свете еще не перевелись добрые люди. Вот хотя бы взять этого Пала Берци, он хоть и шпионил за ними, но все же оказался в конце концов порядочным человеком. Подполковника Берци она лично не знала, но отец всегда говорил о нем только самое хорошее.

Машина приблизилась, и Сулита узнала марку автомобиля. Она никогда не подумала бы, что у Берци мог быть «мерседес», который стоит немалых денег.

Автомобиль тем временем въехал во двор и остановился. Сулита хорошо видела, что в машине сидят двое. Прищурившись, она всматривалась в мужчину за рулем, который показался ей очень знакомым. В душу ее вдруг закралась тревога. Когда приехавшие вылезли, Сулита чуть было не упала в обморок. Кровь отлила от лица, она побледнела.

— Целую тебя, дорогая Сулита, — приветствовал ее Банффи, поднимаясь по лестнице. Он подошел к молодой женщине, расцеловал ее в обе щеки и только после этого показал на стоявшего за его спиной тоже побледневшего Габора: — Это бежавший из тюрьмы узник с фальшивым паспортом в кармане. Правда, бежал он из-под стражи без моей помощи, но в настоящее время я помогаю ему скрываться. Насколько мне известно, вы знаете друг друга. — Сулита неуверенно кивнула. Однако Банффи так разошелся, что ничего странного не заметил и продолжал: — Я слышал, моя дорогая, что ты ненавидишь скрывающихся узников, но все же хочу просить тебя, чтобы ты на время забыла о своей ненависти к ним, так как речь пойдет об очень важном деле. Тебе нужно будет внимательно выслушать Габора Лукача, а вернее говоря, жителя Пожони Миклоша Мольнара, как он значится теперь по документам.

Молодые люди нерешительно переглядывались, не зная, то ли им называть друг друга на «ты», то ли на «вы», о чем говорить, как себя вести, а самое главное, скрывать ли нахлынувшие вдруг на них дорогие воспоминания.

Габор решил, что ему ничего не нужно от этой заносчивой и болезненно-гордой женщины, которая считает людьми лишь тех, кто принадлежит к ее классу, а всех остальных, в том числе и его, причисляет к существам, предназначенным для того, чтобы служить ей и ей подобным.

— Целую ручку, Сулита, — поздоровался Габор, и стоило ему только заглянуть в голубые, как безоблачное небо, глаза молодой женщины, как у него перехватило дыхание. Сулита показалась ему такой красивой, что он был вынужден опустить взгляд.

— Сервус, Жан Дюран, — ответила на его приветствие Сулита, протягивая руку.

Габор сделал шаг вперед и коснулся этой руки горячими губами.

— Как ты живешь?

— Спасибо, — ответила она, — сейчас уже хорошо.
— Почему ты назвала его Жаном Дюраном? — удивленно спросил Банффи. — Это что, псевдоним какой или пароль?
Сулита взяла советника под руку и сказала:
— Не спешите, дядюшка Мартон, несколько позже я вам все объясню. Дело в том, что я вашего беглого арестанта знаю как французского лейтенанта Жана Дюрана.
— Понятно. Как и Сикорского, который на самом деле был Кошкой?
— Нечто в этом роде, — согласилась Сулита, — и в то же время не совсем так. Входите в комнаты... С обедом, правда, придется немного подождать.
Банффи остановился.
— Сулита, мы знаем, что ты ожидаешь гостя или даже нескольких гостей. Собственно говоря, мы из-за этого и приехали. Только я не хочу, чтобы Берци видел мою машину.
— Тогда заведи ее в гараж, дядюшка Мартон, а уж потом поговорим.
— А где находится гараж?
Сулита показала.
Стоило только Габору подумать о том, что сейчас он должен будет рассказать Сулите о смерти ее отца, как сердце его сжалось от боли. Он послушно следовал за ней, не сводя с нее глаз. Во сне он часто видел ее, а сон иногда приукрашивает действительность, но его сны, как видно, ничего не приукрасили, так как в жизни Сулита оказалась еще более красивой и желанной.
Они вошли в громадных размеров гостиную. Появилась Шарика и доложила, что комнаты для гостей уже приготовлены, а обед скоро подадут.
— Спасибо, Шарика, — поблагодарила Сулита, — а пока, будь добра, пришли господам что-нибудь выпить с дороги и закусить.
— Слушаюсь, сударыня.
Сулита старалась сдерживать свои чувства, но это ей удавалось с большим трудом. Сердце говорило, что она все еще любит Габора.
— Садись, Жан. — Она показала на кресло.
— Курить можно?
Сулита кивнула.
— А ты разве не закуришь? Кажется, это твои сигареты, их дала мне Мария.
— Раз угощаешь, закурю.

Они закурили.

— Твоя мать умерла, как я слышала? — спросила Сулита.

— Ее забили до смерти. Мне сказали, что она якобы покончила жизнь самоубийством. Это неправда: она умерла от побоев...

— Ты действительно бежал из тюрьмы?

— Да.

Вошла жена Миклоша Хорвата и поставила на стол бутылку палинки и соленое печенье.

— Спасибо. Если кто из прислуги будет мне нужен, я позвоню.

— Слушаюсь, сударыня, — проговорила Шарика и вышла, а в гостиную вошел Мартон Банффи.

— Садитесь, дядюшка Мартон, и налейте себе палинки.

— За наше здоровье и в память об умерших, — поднял свою рюмку советник.

— Согласна. — Сулита, выпив рюмку до дна, почувствовала, как алкоголь начал кружить ей голову. Посмотрев на Габора, она спросила: — Значит, ты убежал из-под стражи...

— Убежал, Сулита.

— А знаешь ли ты, дочка, почему он убежал?

— Не знаю. Я вообще не представляю, как можно убежать из тюрьмы.

— Вообще-то сделать это почти невозможно, но Габор убежал. Сулита, твой отец доверил ему очень важное сообщение, которое он тебе и передаст.

Сулита побледнела.

— Ты встречался с моим отцом?

— Я сидел с ним в одной камере.

— Боже мой... что с ним? — Она заплакала.

Габор посмотрел на Банффи, который покачал головой, словно говоря: «Подожди, парень, помолчи пока! Позже».

— Что с твоим отцом? Он передал тебе нечто важное. Из-за этого я и убежал.

— Что он передал?

— Мне нужно сказать тебе: «Передай Сентирмаи, что сын офицера генштаба предатель. Агент гестапо».

— Боже милостивый! И это правда?

— Правда! Необходимо немедленно уведомить об этом Золтана Сентирмаи. Сейчас это самое важное.

— В данный момент я не могу уехать отсюда. — Сулита с тревогой посмотрела на Габора, затем медленно перевела взгляд на Мартона Банффи. — Я должна быть здесь. — Голос ее сорвался. — Речь идет о моем отце.

— Сулита, — тихо заговорил Габор, — Берци врал тебе. Это он хочет встретиться с тобой, а не отец. Если ты мне не веришь, давай, так сказать, проиграем этот одноактный спектакль; второго действия не будет, так как я убью этого негодяя.

— Я ничего не понимаю, Жан.

— Сейчас объясню, — начал Габор, но, увидев, что Банффи закивал головой, уже смелее продолжал: — Сулита, когда Берци разговаривал с тобой, твой отец уже давно сидел в его каземате. Берци лгал тебе.

— Разве моего папу тоже осудили?

— Нет, его не судили.

— Тогда как же ты, осужденный, попал в одну камеру с ним?

— А вот так. Берци забрал меня из тюрьмы Маргит и подсадил в камеру к твоему отцу как провокатора. Я должен был выведать у него какие-то важные сведения. Берци хотел сделать из меня доносчика. Теперь понимаешь?

— А от меня что он хочет?

— Боюсь, что он хочет тебя, — заметил Банффи. — Хочет, как говорят, отведать лакомый кусочек.

Сулита в отчаянии переводила взгляд с одного на другого.

Банффи словно понял, о чем думает Сулита, и тихо сказал:

— Однако даже этой ценой ты уже не сможешь спасти отца, дорогая. Его уже нет в живых.

— Нет в живых?..

— Ты не ослышалась, дочка. Старший лейтенант Берци убил его. Если тебя интересует, как это произошло, Габор тебе все расскажет. Он закрыл глаза твоего отца после смерти, он разговаривал с ним последний.

Сулита разрыдалась так, что говорить с ней стало невозможно.

Банффи растерялся и позвал Шарику, которая начала было ухаживать за хозяйкой, но не смогла одна увести ее в спальню.

Габор, не долго думая, поднял Сулиту на руки и понес вслед за горничной. Он с трудом сдержался, чтобы не поцеловать ее бледное лицо. Спальня Сулиты распола-

галась слева от входа, в крайней комнате. Войдя туда, Габор осторожно положил ее на диван.

— Спасибо вам, сударь, — сказала ему Шарика, — дальше я управлюсь сама.

— Скажите, уважаемая, где будет моя комната?

— Отсюда вторая по счету. Вы хотите лечь спать?

— Если можно, охотно лег бы: я устал.

— Сейчас распоряжусь, но сначала я должна уложить госпожу.

Габор смотрел на Сулиту, которая еле дышала. Опустившись на колени, он нежно поцеловал ее в лоб, потом встал и вышел из комнаты.

Банффи сидел в гостиной один.

— Другого выхода у нас не было. Ей нужно было сказать все как есть. Сулита — женщина сильная, она все выдержит. Просто она не была подготовлена к такому известию. Ну и побледнел же ты!..

— Мне очень жаль Сулиту, — с горечью сказал Габор. — Вы даже не представляете, как мне ее жалко.

Банффи кивнул и посмотрел на часы, которые показывали половину третьего.

— Мне ничего не надо объяснять, я сам все вижу: вы любите друг друга. Вы уже принадлежали друг другу! А теперь поговорим о том, что нам делать, когда этот негодяй приедет сюда.

— Я убью его и зарою под кучей навоза! — выпалил Габор.

— Это идея! Собственно, он достоин именно такой участи. В кучу навоза! Но только это неразумно. Слишком много будет свидетелей. Если бы нас было только трое, то я бы собственными руками засыпал его навозом. Но нас здесь, дружище, слишком много. Какой-нибудь жандарм влепит Шарике оплеуху, и она все расскажет, в том числе и то, чего сама не знает. И знаешь почему? Потому что у нее есть две очень милые дочки: младшей тринадцать лет, а старшей — пятнадцать. Ты их еще не видел?

— Нет, не пришлось.

— Великолепные девчушки! Но давай вернемся к делу. Скоро сюда приедет старший лейтенант Берци. Что мы предпримем? Ясно одно: оставлять с ним наедине Сулиту нельзя. Есть ли у тебя какое-нибудь дельное предложение, помимо ранее высказанного?

— Господин советник, если Берци увидит меня здесь, то он немедленно либо арестует меня как бежавшего из-

под стражи, либо, что наиболее вероятно, застрелит как «оказавшего сопротивление». Само собой разумеется, что в любой ситуации он окажется правым, поскольку я на самом деле являюсь узником, бежавшим из тюрьмы. Я для него крайне нежелательный свидетель.

— Вполне логично, но ведь здесь еще нахожусь и я. Меня-то он не застрелит. Тогда, дружище, сделаем, будто ты сдался мне и одновременно попросил у меня помощи, так как у тебя появилось подозрение, что Берци и тебя собирается убрать. Вот давай и разыграем этот маленький спектакль. Когда Берци приедет сюда, ты спрячешься в одной из комнат. Я же приму господина старшего лейтенанта на правах старого друга семейства Читари. Было бы, конечно, хорошо, если бы ты находился где-нибудь поблизости, чтобы в случае необходимости мог прийти на помощь. Все ясно, дружище?

— Попятно, господин советник.

Время шло, а Пал Берци почему-то не приезжал. Ужинать сели поздно. Сулита уже взяла себя в руки, но была задумчивой и молчаливой.

Банффи рассказал ей о своем плане. Сулита сразу согласилась с ним. За ужином она почти не сводила глаз с Габора. Банффи скоро встал и, поблагодарив за ужин, ушел в отведенную ему комнату.

Шарика вместе с дочками принялась убирать со стола, но Сулита сказала ей:

— Завтра утром все перемоете, а сейчас идите отдыхать! Двери я запру сама.

— Может, мне лучше лечь в доме, сударыня? — спросила Шарика. — Вдруг вам что-нибудь понадобится?

— Спасибо, Шарика, не нужно.

Оставшись вдвоем, Сулита и Габор заперли тяжелую дубовую дверь.

— Тебе лучше? — поинтересовался он.

— Немного лучше. Я бы хотела поговорить с тобой.

— Когда?

Сулита немного помолчала, а затем сказала:

— Не знаю.

Они прошли мимо комнаты, из-за дверей которой доносился громкий храп Банффи, и остановились перед комнатой Сулиты.

— В таком случае, — пробормотал Габор, чувствуя, как сильно бьется его сердце, — можно сейчас.

Сулита ничего не ответила. Она вошла в комнату,

включила свет, а Габор в нерешительности остановился на пороге.

— Почему же ты не входишь?

Габор был в замешательстве, так как не мог понять поведения Сулиты. Он вошел и прикрыл за собой дверь.

— Садись. — Она показала на диван. Габор сел. — Кури, если хочешь. — Он закурил, дал прикурить Сулите. — На сколько же лет тебя приговорили?

— На два года.

— Тебя били? Пытали?

— И то и другое, но, как видишь, я выжил.

— В какой тюрьме ты сидел?

— В той, что на проспекте Маргит, в военной. Работал, мастерил...

— Мы еще поговорим об этом, а сейчас расскажи о моем отце.

В голосе Сулиты послышались твердые, не свойственные ей прежде нотки, словно она хотела дать Габору понять, что они принадлежат к разным общественным классам. Габор сразу же почувствовал это, только не придал значения. Он уже начал справляться со своим замешательством. Если Сулита решила еще раз унизить его, он в долгу не останется, так как в любом случае терять ему нечего.

— Почему ты молчишь? — спросила она.

— Я думаю, почему ты такая упрямая, — начал Габор. — Ты все еще ненавидишь меня?

— Я не ненавижу тебя, Жан... Уже нет.

— Я Габор. Габор Лукач.

— Для меня ты остался Жаном Дюраном на всю жизнь.

— Если я для тебя остался Жаном Дюраном, тогда не станем все начинать сначала, а продолжим начатое.

— Я замужем. У меня есть ребенок.

— Муж твой в плену.

Габор взял руку Сулиты и поцеловал.

— Все это одна игра, Сулита. Давай не будем играть. Мы же хорошо знаем друг друга. Я и тогда был Габором Лукачем, когда ты думала, что я — Жан Дюран. Тебя сделал счастливой не Жан Дюран, а Габор Лукач. Ты его обнимала. Его целовала. Я чувствую, что ты все еще любишь меня. Я очень много думал о том, что с нами случилось. Иногда думал о тебе с ненавистью, иногда — со страстной любовью. Были моменты, когда я мог бы убить тебя, а порой я был готов ради тебя пожертвовать

собственной жизнью. И хотя в то проклятое утро ты и унизила меня, я все равно рвался к тебе: и в тюрьме, и вообще каждый день рвался. — Он подсел к Сулите поближе.

Она чувствовала, как Габор обнял ее за плечи, притянул к себе. Сейчас он начнет целовать ее щеки, глаза, губы, потом крепко обнимет, так крепко, что она через шелк платья почувствует, какие у него горячие руки... И хотя Сулита не противилась воле Габора, она все же не потеряла здравого смысла, так как хорошо знала о том, что же будет потом. Она хорошо помнила то, что было между ними...

Габор поднял ее на руки и положил на кровать.

— Запри дверь!

Габор повиновался.

Сулита на время забыла о том, что она замужем, даже не чувствовала угрызений совести: она хотела быть счастливой...

— Ты, наверное, устал? — спросила Сулита. — Почти совсем не спал.

— Устал, конечно. Как-никак почти два года просидел в камере.

Габор закурил две сигареты и одну подал Сулите.

— Расскажи, как умер папа. При чем здесь Берци? Расскажи, как все было, прошу тебя! Я уже смирилась с мыслью, что его нет... Весь вечер я проплакала одна... Так мне когда-то сам отец советовал...

— Что он тебе советовал?

— Он мне как-то сказал: «Придет время, и все мы умрем: и ты, и я. Когда я умру, ты ни в коем случае не надевай траура, так как тогда об этом будут знать все. Я же хочу, чтобы ты скорбела по мне одна. В глубине души. А потом живи дальше своей жизнью. В этом и будет заключаться твоя обязанность... Живи, люби, так как без любви жизнь бессмысленна...»

— И сколько же лет было тебе, когда отец дал тебе этот философский совет?

— Кажется, пятнадцать. Я обожаю его, так как он по-человечески смело думал о жизни, да и о смерти тоже. Он говорил, что человек должен печалиться душой, если он чувствует такую потребность. И посторонним не может быть никакого дела до моей личной скорби.

— Понял. Поэтому ты сейчас и отдалась мне?

— Об этом позже. А сейчас лучше расскажи, как умер папа. — Она села по-турецки, поджав под себя но-

ги, чтобы хорошо видеть Габора и читать по его лицу, правду ли он говорит.

— Я уже рассказывал.

— Ты только сказал, каким образом попал с отцом в одну камеру.

— Я рассказал ему всю правду, в том числе и о том, какое задание мне поручили выполнить.

— И ты сказал ему, что это ты был Жаном Дюраном? И что я была твоей?

— Да, я во всем признался ему. И в том, как я обманул тебя...

— Это ты серьезно?

— Можешь мне верить. Рассказал ему о своем пролетарском происхождении, о том, что я незаконнорожденный и имя мое — Габор Лукач. Рассказал, что мы с тобой не обманывали друг друга в любви. Короче говоря, твой отец знал, что Берци хотел сделать из меня провокатора. Мы с ним очень откровенно разговаривали. Из его слов я понял, что он тебя обожает. Ты была для него всем. Позавчера его забрали на допрос. Вернулся он поздно. Начал молиться. Потом сказал, что Берци все знает. Отец Берци признался сыну в своем участии в заговоре, о страхе перед скорым арестом. Не желая попасть гитлеровцам в лапы, он пошел в кабинет и пустил себе пулю в лоб.

— И все это Берци рассказал моему отцу?

— Да. Более того, он еще добавил, что хотел бы помочь твоему отцу, но не успеет ничего сделать, потому что утром его передадут в гестапо. Твой отец сказал, что у него, к сожалению, нет пистолета, как у отца Берци. Вот тогда-то старший лейтенант, чтобы облегчить его участь, и дал ему капсулу с цианистым калием. На самом же деле он сделал это только для того, чтобы твой отец на допросе не выдал подполковника Берци.

— Дьявольский план...

— Когда твой отец вернулся в камеру, капсула с ядом уже была у него во рту. Помешать ему отравиться не было ни малейшей возможности. Прежде чем раскусить капсулу, он и сказал, что́ именно я должен сообщить тебе, а затем объяснил, каким образом я смогу сбежать.

— И как же ты сбежал?

Габор подробно рассказал историю своего побега.

— Фантастично! Скажи, а ты уверен, что подполковник Берци не покончил жизнь самоубийством?

— Я же говорил с ним по телефону. — И тут Габор вдруг вспомнил Жофи. Его охватило беспокойство, и он спросил: — Скажи, Сулита, давно в вашем доме служит Жофи?

— Уже несколько лет, точно я даже не помню. Симпатичная, чистоплотная девушка. Такие нравятся мужчинам. А ты почему спросил?

— И сам не знаю... Вернее, я подумал о том, если люди Берци на самом деле наблюдают за тобой с гимназических лет, то, значит, им знаком некий Жан Дюран, твой возлюбленный. Возможно, Жофи из их числа.

— Да нет, глупости! — запротестовала Сулита, бросив окурок в пепельницу. — Мне кажется, мы уже во всех видим предателей.

— Возможно, ты и права. Скажи, Сулита, ты любишь меня?

— Люблю, хотя долгое время думала, что ненавижу тебя. Но я ошибалась. Видно, эта любовь будет сопровождать меня до самой смерти. Какое счастье быть рядом с тобой! Думаю, что и тебе хорошо со мной. Чего же нам еще надо?

— А не могла бы ты когда-нибудь стать моей женой?

— Нет, Габор. Не забывай, что у меня уже есть муж и ребенок.

— Выходит, что я хорош для тебя только в роли любовника?

— Ты был моим первым мужчиной, и я никогда не забуду этого. Не смогу позабыть.

Габор молчал.

На следующее утро, часов в одиннадцать, перед домом остановился «фиат», из которого вышел элегантно одетый старший лейтенант Пал Берци. Хлопнув дверцей машины, он направился к парадному подъезду, где его уже дожидалась Шарика, склонившись в глубоком поклоне.

— Добро пожаловать, господин старший лейтенант,— поздоровалась она. — Как прикажете доложить?

— Старший лейтенант Пал Берци.

— Прошу вас, господин старший лейтенант.

Они вошли в холл, где офицера встретила Сулита.

— Палика![1] — с наигранной веселостью воскликнула Сулита, протягивая офицеру руку для поцелуя.

---

[1] Палика — уменьшительное от Пал.

Берци поцеловал руку.

— Рад видеть вас, дорогая Сулита.

— А где же папа? Вы же сказали, что он хочет меня видеть!

— Да, так оно и есть. Я все объясню. — Он оглянулся. Заметив, что Шарика все еще стоит в готовности оказать какую-либо услугу, он кивнул в ее сторону и добавил: — Поговорим с глазу на глаз, не так ли?

— Разумеется, один момент. — Сулита посмотрела в сторону Шарики и сказала: — Будь добра, принеси в гостиную что-нибудь выпить и легкую закуску. — Жестом она дала ей знать, чтобы та не уходила из дома.— Вы будете здесь ночевать? — спросила она у офицера.

— Хотелось бы. Дорога была очень утомительной, а ехать ночью с затемненными фарами довольно трудно и опасно.

— Хорошо. Шарика, распорядись. Надеюсь, что господин старший лейтенант будет неплохо чувствовать себя в комнате номер три.

— Слушаюсь, сударыня. Я сейчас. — Отвесив вежливый поклон, Шарика удалилась.

— Располагайтесь поудобнее, — предложила Сулита.

— Благодарю вас. — Берци сел в кресло. Он был в полевой форме, на ремне висела кобура.

— Не желаете ли снять портупею? — предложила Сулита вежливо, хотя эта наигранная вежливость давалась ей с большим трудом.

— После, когда пойду спать. Сейчас я на службе, дорогая Сулита.

В гостиную вошла Шарика, толкая перед собой бар на колесиках. Подкатив его прямо к столу, она поклонилась и бесшумно удалилась.

— Что будете пить? — спросила Сулита.

— Наверное, коньяк, но разрешите, я сам себя обслужу. — Офицер налил себе рюмку коньяка. — А вы, Сулита, что выпьете?

— Чинзано, но только немного.

Старший лейтенант налил Сулите полный бокал вина.

— За что же будем пить? — спросила хозяйка.

Берци на миг задумался.

— Выпьем за наше с вами счастье, — предложил он. — И за любовь.

— За счастье я выпью, а вот за любовь не стану. Итак, за счастье.

Когда оба они выпили, Берци спросил:

— А почему вы не захотели пить за любовь?

— Потому что это глупость. Любовь существует только в романах, в жизни ее нет. Под этим словом мы подразумеваем нечто иное.

— И что же именно?

— Ну, скажем, разврат: мужчина подчиняет себе женщину, делает свое дело, после чего он уже ею не интересуется. Ему все равно, хорошо было женщине или нет. И такой бесчеловечный акт мы называем любовью. Знаете, Пал, если это и есть любовь, то мне ее не надо.

— Не хочу вас обижать, дорогая Сулита, но в данный момент вы сказали неправду. Подождите, не перебивайте меня. Вы же сами были влюблены во француза Жана Дюрана.

— Вы так полагаете?

— Я знаю это. Почти все ваши встречи с этим французским юношей я подслушивал.

— Браво! Но несколько дней назад вы утверждали, что этот парень вовсе никакой не француз, а просто внебрачный ребенок, жалкий пролетарий с будапештской окраины. Но не будем больше об этом. Вы мне лучше скажите, почему вы не привезли моего отца. Ведь говорили же, что он хотел встретиться со мной. Вы обещали ему помочь...

— Это так. К сожалению, ваш отец выехал по одному важному делу в другое место. А меня послал вместо себя, снабдив всеми полномочиями.

— Какими же?

— Видите ли, мы выпросили вашего отца у немцев, а поскольку он находится у нас, то, значит, может бежать.

— Могу я спросить: почему вы вообще пошли на столь большой риск? Уж не потому ли, что ненавидите немцев, а?

— Нет. Я их не ненавижу.

— Тогда почему же?

— Я люблю вас. И ради вас готов пойти хоть под военный трибунал.

— Красивое признание, ничего не скажешь. Но у меня есть муж и ребенок. Зачем мне нужна ваша любовь?

— Нужна.

— Уж не хотите ли вы, чтобы я стала вашей любовницей?

— Вы полюбите, когда появится в этом потребность.

— Полюблю вас?

— Не будьте такой циничной.

— Мы взрослые люди и будем называть вещи своими именами.

— Пусть будет так. Скажите, когда вы в последний раз были с мужчиной?

— Сегодня ночью: с десяти часов вечера и до самого рассвета.

— Не шутите так.

— И не собираюсь.

— Тогда разрешите поинтересоваться, кто этот счастливчик?

— Господин старший лейтенант, прежде чем ответить на ваш вопрос, а я обязательно отвечу вам на него, вы скажете мне, но только откровенно: если я стану вашей любовницей, что я получу за это? Деньги мне не нужны, так как я богата.

— Свободу, мою защиту и своего отца.

Сулите стало так тяжело, что она чуть было не закричала. Но, собрав все силы, она все же сдержалась.

— Господин старший лейтенант, моего отца уже нет в живых... — Голос сорвался. Ее душили рыдания. — Вы это и сами знаете.

— Кто вам наврал такое?

Сулита встала и, подойдя к двери, отворила ее. В гостиную вошел Мартон Банффи.

— Это я был тем самым смельчаком, который сообщил Сулите, что ее отец, посол по особым поручениям, покончил жизнь самоубийством, отравившись цианистым калием. Более того, я рассказал ей и о том, что ампулу с ядом дали Читари вы.

— Кто вы такой?

— Я старший полицейский советник Мартон Банффи. Извольте, вот моя визитная карточка.

Настроение у Берци становилось все хуже и хуже: он почувствовал, что попал в ловушку. Он посмотрел на визитную карточку. О Банффи он не раз слышал, но лично с ним никогда не встречался. Он, разумеется, понимал, что вот так, просто сдаться было бы большой глупостью. И он решил не сдаваться. Тем более теперь, когда Сулита, эта великолепная женщина, о которой он мечтал так давно, была рядом, на расстоянии вытянутой руки. «Если даже небо обрушится на землю, то и тогда она все равно станет моей», — решил он.

— Господин старший советник, — задумчиво, но твердо начал офицер, — кто вам рассказал такую чушь?

Банффи, преследуя определенную цель, смело пошел на некоторый обман.

— Господин старший лейтенант, об этом мне доложил некто Габор Лукач, осужденный, которому удалось сбежать лично от вас во время одной провокационной операции на улице Вербеци. У Лукача имелось при себе прощальное письмо бывшего посла по особым поручениям Колоша Читари, которое тот написал перед смертью в камере гауптвахты при казарме Хадика. Письмо это адресовалось мне, старому другу Читари, и его дочери Сулите. В своем письме Колош довольно подробно и убедительно описал мне все детали последнего разговора с вами.

— А где сейчас находится Габор Лукач?

— Разумеется, я его арестовал и допросил, составив, как положено, протокол допроса. Факты показали, что осужденный Габор Лукач сказал правду.

— И что же он показал?

— Рассказать вам? Думаю, что это излишне. Однако я твердо убедился в том, что вы злоупотребили своим служебным положением, за что будете привлечены к ответственности и получите по заслугам.

— Что вам нужно от меня, господин старший советник? — нагло спросил Берци и, встав, положил правую руку на кобуру с пистолетом.

— Предупреждаю, не притрагивайтесь к оружию: в соседней комнате находятся мои люди, которые продырявят вас при первом же подозрительном движении, после чего ваш труп зароют под навозной кучей, чему я нисколько не удивлюсь, так как там вам и место. Снимите портупею и положите ее на стол!

Лицо Берци покраснело; не говоря ни слова, он повиновался.

Банффи подошел к столу и вынул из кобуры пистолет. Он не только был заряжен, но и стоял на боевом взводе. Банффи разрядил пистолет.

— Теперь можете взять свою портупею!

— Господин старший советник! — Берци застегнул портупею. — Это оскорбление, и я так не оставлю...

— Не угрожайте мне. Вы, господин старший лейтенант, не позже завтрашнего дня получите приказ о направлении на фронт. Это самое малое из того, что вам полагается за ваши подлости. Скажите, зачем вам понадобилось самоубийство Читари?

Берци молчал. Он бросил беглый взгляд на Сулиту, которая беззвучно плакала.

— Потому что его все равно приговорили бы к смертной казни, — сказал Берци после долгой паузы.

— И что случилось бы в этом случае с вашим отцом?

— Что значит, что случилось бы? Господин советник, я прошу вас не вмешивать в это дело моего отца...

— В какое дело? — с издевкой победителя спросил Банффи.

— Я признаю, что злоупотребил своим служебным положением, но мой отец об этом ничего не знал.

— Зато мы все знаем о вашем отце. Он принадлежит к числу тех, кто приложил много стараний, чтобы Венгрия поскорее вышла из войны, — объяснил Банффи.

— Об этом мне ничего не известно.

— Прекрасно известно. У меня есть личное письмо посла Читари, в котором он подробно описывает антигосударственную деятельность подполковника Берци. Вы совершили большую ошибку, позабыв обыскать Габора Лукача. И еще кое-что. Как вы могли дать пистолет осужденному преступнику?

— Лукач был завербован мной, и, как своему агенту, я дал ему оружие, — совсем сбитый с толку, пролепетал Берци.

— Скажите, господин старший лейтенант, а не потому ли послу Читари пришлось умереть, что вы опасались, как бы он на допросе не выдал вашего отца, а? Если это так, то я хоть в какой-то степени еще могу вас понять. Этим злодейским убийством вы хотели спасти отца. Одного я только не знаю: что об этом скажет ваш отец, когда ему все станет известно.

— Отец не должен ничего этого знать. Умоляю вас, господин советник, не говорите об этом отцу! Я готов на все, лишь бы только отец ничего не знал. — Казалось, Берци вот-вот заплачет. — Господин советник, я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз, можно?

Банффи взглянул на Сулиту и попросил ее:

— Выйди на минутку в другую комнату.

Сулита кивнула и удалилась.

— Я вас слушаю.

— Господин советник, поговорим как мужчина с мужчиной. Я уже не первый год влюблен в Сулиту, ради обладания ею я готов пойти на все, вплоть до преступления... Мне известно, что посол Читари вел работу против рейха.

— Откуда вам это известно?

— Теперь я могу рассказать. Несколько лет назад абвер сообщил нам о том, что посол Читари, по всей вероятности, ищет в Португалии, а также в Швейцарии и Турции связь с англосаксами. Мы договорились с агентами абвера о том, что установим за Читари тщательное наблюдение.

— Вы следили не только за послом, но и за членами его семьи?

— Так оно и было. Я отвечал за эту слежку. За Сулитой следила подосланная мною служанка по имени Жофи.

— И с какой же целью?

— От Греты, подруги Сулиты, я узнал, что отец посвящает дочь почти во все свои дела. В процессе наблюдения я установил, что Сулита познакомилась с французским эмигрантом Жаном Дюраном, то есть с Габором Лукачем. Мне удалось установить, что Лукач встречается с Сулитой в мастерской скульптора Каройи. Тогда у нас уже имелись портативные магнитофоны. В один прекрасный день наш радиотехник под видом газовщика появился в мастерской скульптора. Каройи был сильно пьян, так что установить там портативный микрофон не представляло никаких трудностей. Таким образом я получил возможность подслушивать все любовные разговоры Сулиты, в которую к тому времени я и сам по уши влюбился. Я убедился в том, что Сулита ненавидит немцев...

— И коммунистов тоже. Или, быть может, в этом вы не убедились?

— Убедился...

— И что же случилось потом?

— Гестапо запросило у нас полный список лиц, которых надлежало арестовать в день оккупации Венгрии немецкими войсками.

— И вы составили такой список?

— В этом не было никакой необходимости, так как мой коллега, некто фон Граф, майор абвера, уже имел такой список. Мне оставалось только проверить его. Разумеется, в списке фигурировал и посол Читари. Мы условились, что гестапо арестует Читари, а затем мы заберем его у них для производства допросов.

— А для чего вам понадобилось арестовывать Сулиту?

— Чтобы запугать ее, и еще... — Берци немного помолчал, словно раздумывал, говорить ли ему дальше.

— Что же вы замолчали? Продолжайте.

— Я был связан по службе с майором фон Графом. Майора Сулита очень интересует как женщина, он хочет овладеть ею. Он скоро приедет сюда.

— Значит, вы сказали ему, что Сулита приедет сюда?

— Да, но он знал это и от Жофи. Я организовал эту встречу в провинции. Пришлось соврать Сулите, что ее отец хочет встретиться с нею. Все это я делал по указанию фон Графа. Сам же я приехал сюда для того, чтобы опередить господина майора и самому заняться Сулитой.

— Теперь вам это не удастся, господин старший лейтенант.

— Не удастся... Господин советник, Сулита должна как можно скорее исчезнуть отсюда, забрав с собой ребенка.

— Хорошо, а что же прикажете делать с вами?

— Проводите меня в одну из пустых комнат, положите на стол пистолет с единственным патроном, а уж остальное — дело моей совести.

— Согласен. — Банффи вынул из пистолета Берци магазин, оставив в патроннике патрон. — Пошли. — Оба вышли в коридор. — Идите впереди меня!

Берци послушно выполнил приказ. Они остановились возле двери последней комнаты, в самом конце коридора. Банффи вошел, положил пистолет на стол.

— Делайте, что задумали.

— Благодарю вас.

Банффи закрыл дверь на ключ, вернулся в гостиную, где уже сидели Сулита и Габор. Советник рассказал им все, что ему стало известно о связи Берци с фон Графом, не забыл упомянуть и о просьбе старшего лейтенанта.

— Нет! — запротестовала было Сулита. — Мы не можем допустить, чтобы он застрелился.

— Если он сам не застрелится, тогда мы его застрелим. Дорогая Сулита, другого выбора у нас нет.

Сулита замолчала.

— Что-то я не слышал выстрела, — заметил Габор. — Господин советник, я пойду и лично пристрелю этого мерзавца. В какой комнате вы его заперли?

— Успокойся, сынок. — Банффи повернулся к Сулите: — Тебе, Сулита, нужно немедленно исчезнуть. Быстро садись в машину и уезжай в Будапешт. На все сборы тебе пять минут. Подожди минутку! — окликнул он уже

направившуюся к двери женщину. — Шарику оставь пока здесь, а позже увезешь ее, мать и Марию в мое имение в Черкеселе. — Вынув визитную карточку, он написал на ней несколько слов, а угол визитки слегка надорвал. — Вот так! Передашь ее Фридьешу Кулчару, скажешь, что это я тебя прислал. Смотри, чтобы никто не знал, куда ты едешь, в особенности Жофи.

Бледная как полотно, Сулита направилась к двери, Габор догнал ее. Они вместе вышли из комнаты.

— Мы даже не простились, — заметил Габор.

Сулита посмотрела на него глазами, полными слез.

— Прощай! — Она обняла его за шею и поцеловала.— Будь счастлив! От всего сердца желаю тебе этого.

— Спасибо, Сулита. Если твой муж не вернется с фронта, согласишься стать моей женой?

Сулита несколько мгновений с сожалением смотрела на него, а потом сказала:

— Он вернется.

Минут через десять Банффи и Габор услышали, как во дворе взревел автомобильный мотор. Габор выскочил в коридор и, открыв входную дверь, остолбенел. В машину садилась не Сулита, а Пал Берци, который, подумав, решил жить дальше.

Габор побежал за машиной, но не догнал ее. В этот момент из гаража выехала Сулита. Габор остановил ее.

— Что случилось?! — крикнула она, затормозив.

— Берци вовсе не застрелился!..

В этот момент во двор вышел Мартон Банффи.

— Почему ты не уезжаешь? — с нетерпением спросил он у Сулиты.

— Потому что отсюда только что уехал Берци! Он передумал кончать жизнь самоубийством! — выпалил Габор.

— Черт бы его побрал! — выругался советник. — Нам только этого не хватало. — Он на миг задумался. — В таком случае, Сулита, мы едем вместе, но только другой дорогой. — И, помолчав, добавил: — Подожди, я сейчас вернусь. — И он исчез в доме.

Рассматривая карту, Сулита как бы между прочим спросила:

— Ты сядешь рядом со мной или же с Мартоном?

— Разумеется, с тобой: по крайней мере, обо всем переговорим, пока доберемся до Будапешта.

— О чем ты собираешься говорить? — Сулита посмотрела на Габора.

— Ну, скажем, о том, почему ты не хочешь стать моей женой...

— Потому что у меня есть муж.

— Разведись с ним.

— Габор, ты стал коммунистом?

— Да, я вступил в компартию.

Сулита посмотрела, не идет ли Банффи.

— Послушай, Габор, — продолжала она, — если ты помнишь, в самом начале нашего знакомства, когда мы сидели в мастерской Каройи, я тебе сказала, что ненавижу фашистов, а коммунистов боюсь. Сказала, что, возможно, боролась бы против них... Ну, хорошо, предположим, что я осталась вдовой и согласилась стать твоей женой. Но тогда ты должен порвать с коммунистами! Порвешь?

— Нет. Этого я никогда не сделаю.

— Тогда почему же ты хочешь, чтобы я отказалась от своего прошлого, от своей семьи, от себя самой? Поверь мне, если бы я это сделала, то была бы несчастной. Но все это пустое философствование. Я замужняя женщина, у меня ребенок. И не забывай, что сейчас все еще идет война. Мы даже не знаем, выживем ли мы...

— В этом ты, безусловно, права, — признался Габор.

Их внимание привлек шум приближающихся автомашин.

К зданию подъезжали два немецких автомобиля-амфибии. За ними на своем «фиате» ехал Берци. Из машин выскочили несколько немецких солдат, которые окружили Габора и Сулиту, направив на них автоматы. Габор поднял руки, Сулита застыла на месте.

И тут в дверях появился Мартон Банффи. Мигом оценив обстановку, он хотел было скрыться в доме, но не успел сделать и нескольких шагов, как упал на землю, сраженный короткой автоматной очередью.

Сулита закрыла глаза и прислонилась к машине.

Из-за первой амфибии вышел фон Граф и пружинистым шагом направился к Сулите и Габору. Сзади него шел Берци.

Фон Граф остановился, подозвал унтер-офицера и показал на труп Мартона.

— Яволь! — ответил унтер и, взяв двух солдат, пошел к подъезду.

— Сударыня! — приветствовал Сулиту фон Граф, отвесив короткий поклон.

Сулита, бледная и испуганная, взглянула на офицера.

— Добрый день, — произнесла она со слезами на глазах. — За что вы застрелили дядюшку Мартона? Что он вам сделал плохого?

— Разве вы не видели, как он с оружием в руках бросился на нас?

— Конечно, нет! — воскликнула Сулита. — Все это ложь! У него и оружия-то не было!

Фон Граф показал на Габора и сказал:

— Это беглый арестант! Наденьте на него наручники и уведите!

— Не-ет! Не-ет! Не трогайте его! — не своим голосом закричала Сулита.

Фон Граф сначала посмотрел на молодую женщину, а потом перевел взгляд на унтер-офицера и приказал ему:

— Увести! — Полуобернувшись к Сулите, он как бы пояснил: — Это беглый арестант, сударыня. Мы обязаны его забрать... — На какое-то мгновение он задумался, а затем, показав на старшего лейтенанта Берци, приказал: — Этого предателя тоже взять! И надеть наручники!

Третье испытание

1

Однажды, зайдя в Буде в один из книжных магазинов, Габор Лукач совершенно случайно повстречался со своей бывшей ученицей, Мари Каройи, которой он в молодости давал уроки французского. Она за прошедшие годы еще больше похорошела.

Стоя возле книжной полки, Габор смотрел на темноволосую девушку и невольно вспомнил о том, как однажды вечером, когда молодые люди остались в квартире одни, Мари призналась ему в том, что любит его. Тогда Габор еще не был знаком с Сулитой, но даже сейчас, спустя много лет, он так и не мог ответить самому себе, почему он тогда не сблизился с Мари Каройи.

«Уж не потому ли, что она была моей ученицей?» — подумал он и вспомнил, как они однажды пошли на матч по водному поло. Мари познакомилась там с Робертом Фюрьешем...

Габор Лукач копался в книгах, а сам думал о том, сколько же лет прошло с тех пор.

«Сейчас сорок девятый, — мысленно перебирал Габор, — а Мари познакомилась с Робертом в сорок втором, и было ей в ту пору всего лишь пятнадцать лет... Следовательно, сейчас ей уже двадцать два года...» Он еще раз посмотрел на девушку с печальными глазами, которая стояла за прилавком. На ней был голубой полотняный халатик, какие обычно носят продавщицы. Судя по всему, девушка не узнала Габора Лукача.

Правда, при беглом взгляде на молодого, но уже седеющего мужчину, который так увлеченно копался в книгах, Мари показалось, что она где-то видела его, но где именно, она так и не вспомнила.

«Не узнала, — решил про себя Габор. — Неудивительно. Видимо, Мари думает, что я, как и ее Роберт, погиб. К тому же и внешность моя сильно изменилась: волосы побелели, на лбу шрам...»

Габор подошел к прилавку, бросив взгляд через витрину на свой английский автомобиль «хумбер».

— Мари, ты меня не узнаешь? — с улыбкой спросил он.

Девушка вгляделась в лицо мужчины.

— Габор... Боже мой... — Она вышла из-за прилавка и приблизилась к нему. — Габор... дорогой...

— Да, это я. — Он обнял девушку и прижал ее голову к своей груди. — Мари, рад тебя видеть!..

В магазине, к счастью, не было ни души, и Мари громко расплакалась, не скрывая слез. Габор еще крепче прижал девушку к себе.

— Ну, перестань плакать... Успокойся...

Несколько минут Мари не отрывала головы от груди Габора, потом освободилась из его объятий и, подойдя к двери, заперла ее, повесив табличку «Закрыто. Продавец болен». Вернувшись к Габору, она взяла его за руку и повела в крохотную комнатушку-конторку, одна из раскрытых дверей которой вела в книгохранилище или склад.

Остановившись у стола, Мари выпустила руку Габора и обняла его.

— Габор, дорогой. — Она поцеловала его в щеку.

Несколько секунд они молча целовались, потом девушка резко отстранилась и уже совсем другим голосом произнесла:

— Ну, хватит, хорошего понемножку.

Габор взял ее руку и, крепко сжав, спросил:

— Как живешь, Мари? Вышла замуж?

— Не вышла... Никого у меня нет... — И, заметив, что Габор сомневается, добавила: — Ради бога, поверь мне, никого на свете у меня нет. Я говорю правду. После Роберта и не было никого... — Заправив выбившиеся пряди волос за уши, она открыла боковой ящик небольшого письменного стола и достала из него бутылку палинки и две рюмки, которые тут же наполнила. — Выпей, — предложила она и, выпив свою рюмку, тут же снова ее наполнила.

— Да ты никак пить начала? — удивленно спросил Габор.

— А что мне делать? Ты почему не выпил? — Взгляд девушки был холоден.

— За что выпьем?

— За ту погибель, что убила мою любовь, да и не только мою.

— Любовь, Мари, нельзя убить, — заметил Габор. Он выпил, спросил: — Скажи, ты почему пьешь?

Девушка тыльной стороной ладони провела по пухлым губам и поставила пустую рюмку на стол.

— Возможно, потому и пью, что иначе не перенесла бы этой проклятой жизни. — На глазах у нее показались слезы. — Неужели ты не понимаешь? Роби убили... Он уже никогда не вернется ко мне.

— Мари, пойми, что сейчас сентябрь сорок девятого года, — проговорил Габор, — а ты до сих пор грустишь о Роберте.

— Пока жива, помнить буду. Не могу я его забыть, понимаешь, не могу...

— Да, а откуда ты узнала, что он убит? — Габор сел прямо на стол.

— От его отца. Дядюшка Фюрьеш работает теперь в ЦК партии, он и сказал.

— Это я сообщил старику о смерти его сына.

— Ты?!

— Да. Я обязательно расскажу тебе обо всем, только прошу тебя, не пей. Пожалуйста. — Он положил свою руку на руку Мари.

— Не могу, Габор, пойми, не могу... Я ведь совсем одна осталась... — Она разрыдалась. — Никого у меня нет...

Габор обнял ее за талию, привлек к себе.

— А Мартон?

— Он погиб. В октябре сорок четвертого года бомба попала прямо в дом. Развалины еще до сих пор не разобрали.

— Где же ты теперь живешь?

— В мастерской. — И, словно опомнившись, она предложила: — Пошли ко мне!

— Сейчас? А как же магазин?

— Да никак. Меня это не интересует. Закрыт из-за болезни продавца. Эта книжная лавка принадлежит тете Милке, одной моей дальней родственнице, которая и на самом деле сейчас болеет.

— Мари, я сейчас не могу. — Габор посмотрел на часы. — Если хочешь, вечером навещу тебя. — Прощаясь, Габор поцеловал девушку, которая ответила на его поцелуй и обняла его. — До вечера.

— Буду ждать. — Мари проводила Габора до дверей.

Выйдя на улицу, Габор помахал девушке рукой и, сев в «хумбер», уехал.

Вечером, когда Габор вошел в знакомую мастерскую и запер за собой дверь, ему на миг показалось, что вот-вот из-за драпировки выйдет Сулита... Но, кроме их двоих, в мастерской никого не было, да и не могло быть, так как Мари хотела встретиться с Габором наедине.

— Красивая ты какая, — тихо промолвил Габор, усаживая Мари на диван и раздевая ее.

— Я думала, ты знаешь.

— Я же в первый раз вижу тебя такой.

— Не в первый. Не раз видел и раньше, — сказала Мари, показывая на «Танцующую пастушку», вырезанную из мрамора. — Посмотри и сравни... — И она улыбнулась.

— Ты позировала Марци.

— Марци был великим скульптором, так почему мне было не позировать ему? Но ко всем этим обнаженным, которых он часто лепил с меня, он приделывал не мою голову. Вот у этой статуи лицо моей мамы. — Она долго смотрела на скульптуру, затем с нежностью погладила мраморное лицо фигуры и вернулась к Габору. Поцеловав его, она спросила: — А ты откуда узнал о смерти Роберта?

— Я собственными глазами видел, как он умер.

— Вы были вместе?

— Вместе. Летом сорок четвертого года я бежал из тюрьмы. Немцы поймали меня в Задунайском крае. И снова я оказался за решеткой, в тюрьме на проспекте Маргит. Меня еще раз судили, на этот раз за побег, а через несколько недель вместе с Робертом и другими осужденными отправили в Восточную Пруссию, где мы работали в каменоломне, добывая камень и щебень для строительства укреплений. Роберт как-то сдал... — Габор закурил. — Все время он говорил только о тебе и о том художнике, с которым ты ему изменила.

— Ни с кем я ему не изменяла. Какой дурой я была тогда! Хотела, чтобы Роберт меня ревновал, а зачем, и сама не знаю. Не нужен мне был тот Янко Тери, и потому ничего у меня с ним не было, да и быть не могло. Позже я хотела рассказать Роберту о своем вранье, но было уже поздно: его арестовали.

— Действительно, глупо получилось, — согласился Габор. — Роберт поверил, что у тебя с Тери все по-серьезному.

— Я его разыгрывала, — сказала Мари. Глаза ее были сухими. — А он меня часто вспоминал?

— Очень часто, просто как одержимый. Потом словно устал от всех этих разговоров и сказал, что ты такая же шлюха, как Сулита, и уже после этого больше не говорил о тебе. Но стал мрачным-мрачным. Я просил его, чтобы он не дурил, мол, русские войска уже близко, но Роберта русские уже не интересовали.

Габор замолчал, сел рядом с Мари, погладил ее по голове и продолжал:

— Работал вместе с нами в каменоломне один молодой серб, Иосип Драганович. Роберт его очень любил. Один из гитлеровских охранников, некий Пауль Шимек, постоянно задирал бедного парня. Однажды Шимек решил погубить Иосипа. Рядом с нашей каменоломней была пропасть глубиной этак метров пятьдесят. Охранник приказал сербу встать на самый край пропасти, а затем дал очередь из автомата чуть ли не по ногам парня. Если бы Иосип сделал хоть шаг вперед, то как раз попал бы под пули, а если бы хоть на полшага попятился, то свалился бы в пропасть. Он и свалился. Мы слышали его крик. Я его долго забыть не мог, мне эта страшная картина даже во сне часто снилась. — На лбу у Габора выступили капельки пота. — Думаю, что я этой сцены до смерти не забуду. Мы все стояли как окаменевшие. И вдруг Роберт стрелой бросился на Шимека, молотком, какими мы отбивали камни, размозжил ему голову и, выхватив у него автомат, начал палить по другим охранникам, пока в магазине не кончились патроны. Оставшиеся в живых гитлеровцы убили Роберта. Труп нам приказали бросить в пропасть.

Наступила долгая тишина, которую нарушила Мари:

— Бедный Роберт! Может быть, я была причиной его смерти?

— Глупости говоришь! Забудь про это. Поминай его, как это положено. В день поминовения мертвых или когда тебе захочется, сходи на могилу павших борцов, положи букет цветов. Но только не позволяй себе попасть под власть воспоминаний, тогда ты пропадешь.

День спустя, поздно ночью (Габор мог встречаться с Мари только в это время), Мари вдруг спросила его:

— Ты все еще ненавидишь меня?

Они как раз ужинали жареным мясом с картошкой и маринованной паприкой.

Габор отложил вилку с ножом в сторону и вытер рот салфеткой.

— Думаю, что по-настоящему я тебя никогда не ненавидел. А было время, когда я даже был влюблен в тебя.

— Ты как-то говорил об этом, но я тогда не поверила, да и сейчас не верю. Ты же был влюблен в Сулиту.

— Был, но, слава богу, это уже прошло. Выздоровел я от этой болезни, вернее говоря, Сулита сама меня от нее вылечила. Сначала отдалась мне, а потом попросила счет, как в ресторане. Знаешь, у дам из лучших домов так принято. — Он взглянул на Мари и спросил: — Что ты о ней знаешь?

— Совсем немного. Несколько лет назад я читала в какой-то газете статью о ней, где ее расписали чуть ли не как героиню, — ответила Мари и отпила несколько глотков вина. — Вроде бы она была в движении Сопротивления или что-то в этом роде.

— Да, она на самом деле была в рядах Сопротивления, — подтвердил Габор. — Сейчас она работает в секретариате Совета Министров. А муж ее, майор Янош Будаи, полгода назад бежал за границу. Он был летчиком-инструктором и во время одного из полетов перелетел в английскую зону оккупации Германии.

— Ну и ну! Вот это тип! А Сулиту бросил здесь?

— Не только ее, но и сына — шестилетнего Габора. Правда, Сулита развелась с мужем, или он с ней, точно не знаю. Меня это нисколько не интересует.

Мари собрала со стола тарелки и поставила их в мойку, сказав:

— Завтра утром все вымою. Устала что-то сегодня. Пойдем спать. Ты завтра во сколько встаешь?

— В шесть.

— Скажи, где ты работаешь?

— Военный я.

— Что-то я тебя ни разу не видела в военной форме.

— А я из тех военных, что ходят в гражданском.

— Таинственный ты какой-то. И звание у тебя есть?

— Я майор. Разве ты не смотрела мое удостоверение личности?

— Глупый, я не имею привычки шарить по чужим карманам.

— Это успокаивает.

— Ты коммунист?

— Да, а разве это плохо?

— Нет, почему же плохо! В настоящее время у нас каждый третий — коммунист. И с каких же пор ты стал военным?

— С сорок пятого года. В начале лета я вернулся домой из Германии. В доме пусто... Несколько недель в нем жила семья какого-то нилашиста, который, как только русские подошли к столице, сбежал на Запад. Во время осады, когда часть города уже была занята русскими войсками, в доме располагался какой-то советский офицер, но я его не застал. Вот тогда-то мой крестный, Бела Колесар, который вернулся из концлагеря раньше, сказал мне: «Знаешь, сынок, твое место в нашей новой, демократической армии». Работал крестный в ЦК, на довольно ответственной должности. Вот так я и стал военным. Направили меня в спецотдел, в задачу которого входило разыскивать скрывавшихся фашистов и военных преступников... Ну, давай-ка лучше спать, а то скоро светать начнет.

— Вы и сейчас все еще разыскиваете фашистов?

— Да, но и другими делами занимаемся, оберегаем нашу армию да и всю страну от шпионов и диверсантов. Ну, сервус. — Габор поцеловал Мари, обнял и, прижавшись к ней, попытался заснуть. Однако сон, как нарочно, не шел: он долго думал о приговоре, который сегодня утром Народный суд вынес по делу Ласло Райка[1]. Предателя приговорили к смертной казни, и Габор не сомневался в том, что их бывшего начальника — Дьердя Палфи[2] ждет такая же участь. Где-то в глубине души Габор мысленно протестовал против такого приговора, хотя он и верил в каждую строчку обвинительного заключения, верил показаниям обвиняемых, которые признались в своей вине. Но зачем, спрашивается, они взяли на себя заведомо ложные обвинения? Зачем? На этот вопрос Габор не мог ответить. Успокаивал себя тем, что руководители страны хорошо, видимо, знают, что они делают. И уж, конечно, не прав Бела Колесар, который с убежденностью говорил о том, что Ласло Райк невиновен. Он же не знает толком, что именно произошло, не знает,

---

[1] Райк Ласло (1909—1949) — общественно-политический деятель, с 1931 г. член Компартии Венгрии; секретарь КПВ с 1944 г., после освобождения страны — член Политбюро КПВ, с конца 1945 г. — министр внутренних дел, а с 1948 г. — министр иностранных дел Венгрии. В 1949 году на основании ложных обвинений осужден и казнен. Позднее полностью реабилитирован.

[2] Палфи Дьердь (1909—1949) — генерал-лейтенант, один из активных строителей венгерской Народной армии. В 1945—1946 гг. возглавлял Военно-политический отдел Министерства обороны (военную контрразведку). В 1949 г. на основании ложных обвинений осужден и казнен. Позднее полностью реабилитирован.

почему Райк признал себя виновным, и все же не верит ни единому слову государственного обвинителя. Колесар лично знает Райка, он вместе с ним работал и потому уверен, что тот не может быть врагом... Неправда... Неправда... Но это всего лишь слова, отнюдь не основание. Вот и Габор хорошо знал Палфи: сколько лет вместе проработали; но разве есть на свете человек, который смог бы заглянуть в душу другого человека? Нет, нужно верить руководству партии. И он будет верить и честно исполнять свой долг... Заснул Габор с трудом.

На следующий день он пришел в отдел раньше обычного. Только сел за стол, как зазвонил телефон. Габор снял трубку:

— Майор Лукач слушает.

— Полковник Деме. Зайди ко мне.

— Иду.

После ареста Дьердя Палфи Винце Деме из ЦК партии перевели на работу в военную контрразведку. За прошедшие годы Деме заметно поправился, а вот волосы на голове поредели. Ходили слухи, что он является доверенным лицом министра, у него большие перспективы. Габор, встречаясь с Винце Деме, каждый раз почему-то вспоминал, как тот мерз от холода в кабинке лодочной станции только потому, что был не в состоянии исправить вилку электропроводки. Тогда Деме был боязливым, словно прибитым, вызывающим чувство жалости, сейчас от всего этого не осталось и следа: действовал он решительно, руководил уверенно. И если бы было разрешено, то уж, конечно, ходил бы только в военной форме, и обязательно с цветными планками наград на груди.

Габор вошел в кабинет начальника.

— Товарищ полковник... — начал было он докладывать, но Деме перебил его словами:

— Оставь эти условности. Садись. — Габор сел. — Кофе хочешь?

— Спасибо, выпью.

Деме попросил секретаршу принести им по чашечке кофе.

Видимо, предусмотрительная Илонка уже заблаговременно все приготовила, и не успел Деме начать разговор, как секретарша уже принесла две чашечки черного кофе.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарил Деме, улыбнувшись секретарше.

— Габор, бери сахар.

— Спасибо, я пью без сахара.

— Ну что ты думаешь о приговоре? — поинтересовался Деме.

— Этого можно было ожидать. Предательство, заговор... За такое других приговоров не выносят. Думаю, что Палфи не выплыть. — Он отхлебнул из кофейной чашечки. — Знаешь, для меня этот человек — загадка. Я ему верил.

— И я тоже. Но теперь нам необходимо считаться с тем, что всех нас он обманул. А ведь я знал и могу это подтвердить под присягой, что товарищ Ракоши[1] любил и уважал его. На прошедших весенних выборах он брал его с собой на предвыборные собрания. Выходит, что Палфи и его надул. — Деме поставил чашечку на стол и закурил. — Когда товарищи из ЦК направляли меня сюда на работу, меня тоже принимал товарищ Ракоши. Думаю, ты понимаешь, что это не просто так, от нечего делать.

— Разумеется, — подтвердил Габор. — Таким вниманием у нас немногие могут похвастаться.

— Тогда он мне сказал нечто такое, над чем стоило задуматься. — На какое-то мгновение Деме поднял взгляд и посмотрел на висевший на стене портрет Матьяша Ракоши. — Он сказал мне: «Знаете, товарищ Деме, на что вам нужно будет в первую очередь обратить внимание? На то, что в этом хозяйстве изменником был не только Дьердь Палфи. Но и еще кое-кто. Я полагаю, что управление, которым руководил Дьердь Палфи, являлось хорошо замаскированным органом секретной службы противника». Ну, что ты на это скажешь?

Габор задумался и закурил.

— Не знаю, что и сказать, — нерешительно проговорил он. — Палфи жестоко разделывался с предателями и изменниками. Он безжалостно разоблачал их. В том числе и своего заместителя — барона Приходу, которого в управление внедрили правые социал-демократы.

Деме рассмеялся, а потом ехидным голосом сказал:

— Дав ему возможность бежать.

— За этот побег Палфи не несет ответственности, — заметил Габор, и настроение у него упало еще больше. —

---

[1] Ракоши Матьяш (1892—1971) — в 1945—1948 гг. Генеральный секретарь ЦК КПВ, в 1948—1956 гг. возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ). За допущенные ошибки решением ЦК ВПТ в июле 1956 г. освобожден от должности, в августе 1962 г. исключен из партии.

Это дело рук Габора Петера[1] и его людей. Уж больно сложную комбинацию придумали для его ареста. Факт остается фактом: мы к аресту Приходы не имеем никакого отношения. Его дело от нас забрали товарищи Фаркаша. Вот и получилось так, что в ночь намечаемого ареста барона похитили и отправили из Венгрии на самолете англичане — члены Союзнической контрольной комиссии.

— А сейчас он из английской зоны оккупации Австрии руководит всей направляемой против нас шпионской и диверсионной деятельностью.

— Это так. Барон Прихода действует под псевдонимом полковник Шлим.

— И знаешь, кто входит в число его агентов? — Не дождавшись ответа, Деме продолжал: — Бывшие аристократы, крупные землевладельцы. Вот, собственно, почему я тебя и вызвал. — С этими словами он достал из ящика стола донесение на двух листах и подал Габору: — Вот, прочти.

Взяв донесение, Габор сразу же заметил в верхнем углу надпись «Совершенно секретно!». Под таким грифом приходили только очень важные донесения от агентуры.

«Великий Герцог сообщает:

После долгого и тщательного наблюдения и досконального изучения секретных документов мною установлено, что главным агентом полковника Шлима является Сулита Читари, бывшая супруга майора авиации Яноша Будаи, которому удалось бежать за границу. В настоящее время Сулита Читари работает в секретариате Совета Министров. Она передает важные секретные сведения специальным курьерам, которых ее муж, майор Будаи, два раза в неделю посылает к ней. По сообщениям моих информаторов, майор Будаи лишь формально развелся со своей супругой. Он в полной уверенности, что спустя некоторое время она, забрав своего сына, присоединится к нему. Сулита Читари является одним из активнейших агентов английской секретной службы».

Габор отдал донесение Деме. После дела Райка он уже ничему не удивлялся, в том числе и тому, что Сулита Читари стала английской шпионкой.

---

[1] Петер Габор (Родился в 1906 г.) В конце 40-х — начале 50-х гг. возглавлял политическую полицию (госбезопасность) Венгрии. Сыграл зловещую роль в аресте и незаконном осуждении верных, преданных сынов партии и народа.

— Ну, что скажешь? — спросил Деме. — Насколько мне известно, ты с ней знаком.

— Знаком. И поскольку я ее знаю, то считаю, что донесение не соответствует действительности.

Деме с подозрением посмотрел на Габора.

— Я так и знал, что ты будешь возражать.

— Почему?

— Сидя в свое время в одной камере с Робертом Фюрьешем, я слышал от него, что Сулита Читари была твоей любовницей.

— Была, но вот уже несколько лет как я не встречался с ней. — Габор загасил окурок и, посмотрев на Деме, спросил: — В чем будет заключаться мое задание?

— Два дня назад Сулита Читари арестована. Я принял решение, что допрашивать ее будешь ты, поскольку хорошо ее знаешь. Даю тебе карт-бланш[1]. Суть заключается в том, чтобы уничтожить источник информации Шлима. Ясно задание?

— Вполне.

— Тогда желаю успехов.

Габор вернулся в свой кабинет. Подойдя к окну, он прижался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза.

«Что нужно от меня Деме и тем, чью волю он выполняет? Уж не провоцируют ли меня? Такое задание похоже на провокацию. Ведь они же хорошо знают, что я любил Сулиту, тогда зачем же поручать это дело мне? Любил? Да я ее и сейчас люблю, только держу себя в руках. Не могу же я волочиться за замужней женщиной! Да и Сулита сторонится меня. Вероятно, полюбила вернувшегося из плена мужа, героя-партизана. А ведь Янош Будаи был партизаном. Партизаном... А через полгода сбежал из Венгрии...»

2

Вот уже две ночи Сулита провела без сна в камере-одиночке. Никто не интересовался ею, казалось, о ней просто забыли.

Арестовали Сулиту двое суток назад. Как обычно, она окончила работу, заперла дела и переписку, переоделась и вышла из здания Парламента. Оставалось перейти по мосту через Дунай, и через десять минут она была бы

---

[1] Карт-бланш (франц. Cart blanche) — досл.: белая карта; выражение, означающее свободу действий.

уже дома. Когда Сулита собиралась свернуть к мосту, ее остановили двое молодых мужчин в гражданском, предъявили удостоверение, и не успела она опомниться, как оказалась в машине. Примерно через полчаса машина въехала в большие ворота и остановилась во дворе. Один из мужчин приказал ей выйти из машины. Она повиновалась. «Скоро все выяснится, и я буду дома, — думала она. — Это какое-то недоразумение». Ее провели на первый этаж большого здания. В течение нескольких минут пришлось стоять лицом к стене, затем дверь открылась. В комнате находился темноволосый круглолицый мужчина лет тридцати в форме лейтенанта.

— Ваши имя, фамилия?

— Будаи Яношне, урожденная Сулита Читари.

После того как записали все ее данные, лейтенант приказал:

— Выложите все свои вещи из сумки и карманов.

Сулита с удивлением посмотрела на офицера.

— Зачем? В чем, собственно, дело? Ради бога, объясните мне!

— Сударыня, — спокойно сказал лейтенант, — вы арестованы, а моя обязанность заключается в том, чтобы забрать у вас все ненужные вам сейчас вещи и занести их в опись. За что вас арестовали, об этом вам скажут несколько позднее те, кто это сделал. Прошу делать то, что я сказал.

Сулите ничего не оставалось, как повиноваться. Она сняла кольца, ожерелье, серьги и выпула из сумочки все. Лейтенант старательно переписал вещи.

— Прочитайте и распишитесь.

Она подписалась. Затем лейтенанта сменила молодая женщина.

— Раздевайтесь!

— Совсем?

— Да.

Сулита разделась, положив свои вещи на стул. Совершенно голая, она стояла у стола. Женщина внимательно осмотрела ее одежду и сказала:

— Можете одеваться.

Минут через десять слегка располневший сержант открыл перед ней дверь одиночной камеры.

— Если что-нибудь будет нужно, — сказал сержант, — постучите в дверь. Ясно? Но только тихо. Если захотите в туалет, стучите. Понятно? Не шуметь. Не петь и не свистеть. Ясно? Лучше думайте о своей вине и об от-

кровенном признании. Понятно? Пока все. — И он запер дверь.

Сулита стояла неподвижно, потом осмотрелась. В камере, кроме деревянного топчана с одеялом, ничего не было.

«Боже мой, что же происходит?»

Она села на топчан и тут же вспомнила о сыне, которому обещала сегодня вечером прочитать сказку из новой книжки...

И вот прошло двое суток. Двое суток, как она не ест и не спит. Даже в туалет нормально сходить не может, так как не осмеливается раздеваться перед охранником. Когда Сулита на несколько минут задремала, ей приснилось, что она принимает горячую ванну и намыливает тело.

Потом к ней в камеру заглянул сержант и назидательно объяснил:

— Сударыня, если вы и дальше не будете принимать пищу, мы начнем вас кормить насильно. У нас забастовок не устраивают. Прошу съесть завтрак, а не то будет хуже.

— Я не стану есть до тех пор, пока меня не вызовут на допрос.

— Дойдет очередь и до этого. Запомните, здесь не вы ставите условия. Ешьте!

Но Сулита и на этот раз не притронулась к еде. У нее было такое ощущение, что вся она неухожена и грязна.

«Если сегодня ничего не выяснится, — думала Сулита, — то вечером разденусь догола и в таком виде выйду в умывальник. В конце концов, перед этими мне нечего стыдиться...» Когда-то давно, в юности, она читала роман о Дьерде Фратере. Монах Дьердь, перед тем как стать священником, был слугой у одного трансильванского князя. Супруга владыки, когда Дьердь входил в ее покои, была в костюме Евы и нисколько не стеснялась, так как Дьердь был для нее просто слугой. И вечером Сулита вообразит себя Анной Батори[1], а тюремных охранников будет считать своими слугами, перед которыми нисколько не стыдно появляться раздетой... Через несколько минут она вдруг подумала о том, что во время войны здесь же, в одной из камер, умер ее отец.

---

[1] Батори Анна — жена известного трансильванского князя Иштвана Батори (1533—1586), боровшегося против распространения экспансии Габсбургов.

Сулита предалась воспоминаниям. Прислонившись спиной к стене и закрыв глаза, представила себя ребенком: вот она бежит в матросской блузочке... А вот она в плиссированной юбочке, уже будучи молоденькой девушкой... Да, да, это она, и это ее обнимает и шепчет ей на ухо различные девичьи секреты Грета, Шармани Грета. Она все хорошо помнит. Помнит, как тогда Грета рассказала, что стала любовницей доктора Шипки. И как она тогда завидовала Грете! Ведь и ей хотелось пережить то же самое...

Дверь камеры открылась, оторвав ее от воспоминаний и вернув к жестокой действительности.

— Выходите, — тихо проговорил сержант-охранник.

Она шла за сержантом. И тут вдруг вспомнила, что слышала однажды на работе: если кого-то введут в это здание, то уже не выпустят на свободу, если даже выяснится, что человек невиновен. На первом этаже сержант открыл дверцу лифта:

— Встаньте лицом к стене, руки заложите за спину!

Сулита повиновалась. На какой этаж они поднялись, она не знала. Потом шли по какому-то коридору и остановились перед дверью, обитой кожей. Сержант открыл ее и что-то тихо доложил. Сулита не разобрала его слов.

— Входите! — услышала она.

Она вошла в кабинет, увидела большой письменный стол, за которым сидела красивая белокурая секретарша. В углу стояла вешалка, на подставках — цветы.

Секретарша подписала какую-то бумагу, после чего сержант молча кивнул, отдал ей честь и удалился. Блондинка встала и открыла другую, тоже обитую кожей дверь.

— Пожалуйста, входите.

Сулита вошла и в тот же миг едва не потеряла сознание: за письменным столом сидел Габор Лукач в форме майора. Потребовалось не менее минуты, чтобы Сулита хоть чуть-чуть пришла в себя.

Габор показал ей на стул, стоящий перед столом.

— Садитесь. — Голос у него был спокойным, но строгим.

Сулита села и поправила юбку на коленях. В тот момент она чувствовала себя очень несчастной. Габор не глядел на нее, перелистывал какие-то бумаги, словно в кабинете никого не было. Неужели он все еще ненавидит ее? Но за что?

Сулита смотрела на седого мужчину с большим шрамом на лбу. Волосы у него и теперь такие же кудрявые, как и раньше. Жан Дюран... Боже мой, как она любила этого человека!

«Другие девчонки, — думала Сулита, — в свое время тоже влюблялись, увлекались, но я знаю, что позже, по прошествии нескольких лет, все их девичьи, некогда яркие воспоминания меркли, становились какими-то серыми. Правда, в моей жизни Жан Дюран был первым мужчиной. Многие говорят, что первого мужчину девушка никогда не сможет забыть. Вот и я не забыла его и до сих пор все еще очень люблю Жана Дюрана...»

Наконец Габор закрыл досье и посмотрел на Сулиту. Он встал, вышел из-за стола. На нем был хорошо сшитый китель, галифе и сапоги с высокими голенищами. Габор остановился перед Сулитой. Он подумал о том, что Лакатош со своими сотрудниками наверняка подслушивает их разговор, и потому решил называть Сулиту на «вы».

— Закурите? — предложил он.

Сулита взяла сигарету из протянутого портсигара. Дав ей прикурить, Габор вновь занял свое место за столом.

— Я вижу, сударыня, вы сделали неплохую карьеру, — проговорил он.

— Я не понимаю, о чем вы, господин майор.

— Не понимаете?

Сулита покачала головой и тут же подумала: «Какая глупость называть его на «вы»: ведь он был моим любовником... А сейчас мы разговариваем друг с другом как совершенно чужие люди. Вот игра!..»

— Словом, вы ничего не понимаете?

— Нет.

— А где ваш муж?

— Бывший муж.

— Хорошо, бывший муж.

— Где-то в английской зоне.

— И чем же он там занимается?

— Этого я не знаю. Писал, что работает переводчиком с русского языка у английских оккупационных властей.

— Когда вы развелись? И почему?

— Два года назад, то есть осенью сорок седьмого. — Сулита нервно курила. — Как бы вам все объяснить... Короче говоря, Янош был влюблен в меня еще с юно-

шеских лет. Когда я заканчивала гимназию, у меня была серьезная любовь с одним французским лейтенантом из эмигрантов. Я была близка с ним, но вскоре выяснилось, что мой возлюбленный оказался вовсе не французским лейтенантом, а самым простым обманщиком. Разумеется, я в нем разочаровалась. И вот тогда на горизонте вновь появился Янош Будаи. Он попросил моей руки, и я согласилась. — Сулита встала, погасила окурок и, снова сев на свое место, продолжала: — Откровенно говоря, я никогда не любила своего мужа. Чем-то мы не подходили друг другу, во всяком случае, меня в нем не все устраивало. Вскоре после замужества я забеременела. Янош ушел на фронт, не дождавшись рождения сына. Вскоре он попал к русским в плен. Летом сорок пятого года он вернулся. Оказалось, что в последние годы войны он был партизаном, более того, даже вступил в коммунистическую партию. Я была поражена. Но все быстро стало на свои места: Янош признался мне, что по убеждению вовсе не является коммунистом, он даже сказал, что если ему придется выбирать между англосаксами и русскими, то он выберет первых. Из-за этого мы с ним много спорили и даже ругались.

— Из-за того, что ваш супруг был настроен против Советского Союза?

— Не совсем. Знаете, господин майор, я всей душой против лжи, не приемлю ее ни в любви, ни в политике. Янош ненавидел коммунистов и все же вступил в их партию. По-моему, это уже непорядочно. Он сказал, что так было надо. Мой муж не может быть лжецом. К тому же я хоть и не коммунистка, но патриотка... Он спросил: «А как же быть с родовым имением, которое у тебя отняли?» Я подтвердила, что его действительно отняли, но вполне достаточно скромной дачи в Балатонфеньвеше, которую мне оставили. Короче говоря, чем дальше, тем больше мы ругались. Однажды он совсем обезумел и заявил мне, что сын у меня вовсе не от него. Я тотчас же подала на развод. Нас развели. А спустя полгода он бежал из Венгрии.

Габор смотрел на Сулиту и молчал.

— Вы, кажется, не верите мне?

— Хотел бы верить.

— Скажите, господин майор, в чем меня обвиняют?

— В шпионаже.

— Меня — в шпионаже?!

— Вас, сударыня.

— Не знаю, что и сказать вам.

— Правду, только правду.

— Я никогда не была и не буду шпионкой. Вот вам и вся моя правда! Знаете, господин майор, в чем заключается трагедия моего положения? Если я поверю, что меня на самом деле подозревают в шпионаже, то не переживу этого и повешусь. Но как, скажите, мне доказать, что я не шпионка? Хотя нет... Это вам нужно доказывать обратное.

— Мы в состоянии сделать это.

— Но как можно доказать недоказуемое? Не скажете ли вы, на кого я шпионила? И каким образом?

— Вы, конечно, знаете барона Приходу, не так ли?

— Знаю. Это муж племянницы моей матери. Во время войны, когда он служил в генеральном штабе, я не была с ним знакома. Увидела его летом сорок пятого, когда он навещал мою мать.

— Позже вы виделись с ним намного чаще.

— Да, он как-то сблизился с нашей семьей. Я узнала, что он принимал непосредственное участие в движении Сопротивления, часто его жизни грозила опасность, но ему всегда удавалось избежать ее. Мой бывший супруг говорил, что дядюшка Фрици безумно смелый человек.

— Вам известно, где он служил после войны?

— Я слышала, что он являлся одним из заместителей Дьердя Палфи. А позже, как я узнала от господина премьер-министра, его выкрали на самолете, принадлежащем Союзнической контрольной комиссии.

— И как вы думаете, зачем англичанам понадобился ваш «дядюшка Фрици»?

— Господин премьер-министр в свое время сделал по этому поводу официальный запрос, если не ошибаюсь, у Палфи. Я читала то донесение. Могу я попросить стакан воды?

Габор налил стакан воды и подал Сулите. Она с жадностью выпила его.

— Спасибо.

— Может, закурить хотите?

— Спасибо, если можно...

Оба закурили.

— Вы, видимо, знаете, что если будет доказано, что вы совершили предательство, то суд приговорит вас к смертной казни?

— Знаю. Я ведь являюсь государственной служащей,

имеющей допуск к секретной документации. Однако я никогда не была шпионкой...

— Продолжайте. Значит, вы читали то донесение?

— Работники госбезопасности хотели схватить и арестовать дядюшку Фрици, но он не дался. Завязалась перестрелка, он убил двух или трех преследователей и, хотя его ранили, сумел укрыться у одного англичанина. Из того же донесения я узнала, что барон Прихода с тридцатых годов был агентом английской секретной службы.

— А вам известно, чем он занимается в настоящее время?

— Известно, так как я являюсь референтом по иностранным делам у господина премьер-министра. Под псевдонимом полковник Фредерик Шлим он работает на англичан в Австрии, точнее говоря, в британской зоне оккупации этой страны; полагаю, что он разведчик.

— Правильно полагаете.

Габор смотрел на Сулиту и невольно думал о том, что если она на самом деле виновна, то ее повесят. По донесению агента, она шпионка, однако донесение — это еще не доказательство, а всего лишь информация. А если это донесение ложно, каким же образом Сулита докажет, что она никогда не передавала своему мужу никаких секретных материалов? Сулита, безусловно, права в том, что ее положение трагично. Но кому, спрашивается, понадобилось арестовывать ее раньше времени? Кто подал такую идею? Почему бы, основываясь на донесении агента, не установить за ней наблюдение? В этом случае можно было бы как нельзя лучше установить виновность Сулиты. Однако, к сожалению, этого сделано не было. Деме и его сторонники наверняка почувствовали, что приняли слишком скоропалительное решение, и поспешили переложить самую ответственную работу на чужие плечи. Почему Сулиту передали именно ему? Почему именно он должен доказать, что жена Будаи действительно является шпионкой и совершила предательство? Но как сделать это?

Прежде чем приступить к допросу Сулиты, Габор внимательно просмотрел изъятые во время домашнего обыска ее письма, заметки и старый дневник. Все письма от мужа пришли из Вены. Чуть ли не в каждом из них Будаи интересовался, не нужно ли чего-нибудь маленькому Габору, в одном письме спрашивал, получила ли Сулита посылку, которую он ей послал.

— Как часто вы переписывались со своим мужем? — Габор внимательно наблюдал за женщиной.

— С бывшим мужем...

— Это все равно.

— Для вас, быть может, и все равно, но не для меня, господин майор.

— Почему?

— Потому что я его презираю. То, что он сделал, я считаю отвратительным. Он все время лгал, а я не могу простить лжи никому.

— А вы сами никогда не лгали?

— Сознательно — никогда. Хотя... во время войны я лгала немцам, когда они меня арестовывали.

— Сейчас вас тоже арестовали.

— Да, но сейчас я не лгу, ибо для этого нет никакой необходимости.

— Вернемся к письмам.

— Пожалуйста. Вообще-то я отвечала на каждое его письмо, хоть и коротко, но отвечала. Но писала только о сыне. Изредка — о родителях Будаи. О себе я ничего никогда не сообщала.

— Почему?

— Не видела необходимости.

— Вот передо мной письмо, датированное третьим февраля этого года. В нем есть следующие строки: «Надеюсь, мою посылку ты получила...» — Габор посмотрел на Сулиту. — О какой посылке идет речь и каким образом вы ее получили?

— В прошлом году, перед рождеством, мой сын заболел туберкулезом — к счастью, не тяжело, каверн в легких не нашли. Можно было бы отправить его в санаторий, но я не захотела, сама вместе с Марией ухаживала за сыном. Для лечения потребовались антибиотики, которые я не смогла достать в Венгрии ни за какие деньги, даже за золото. Вот тогда-то я и написала письмо бывшему мужу с просьбой прислать сыну необходимые лекарства. И в начале января мне привезли их из Вены.

— Кто именно?

— Русский майор Игорь Семенов. Будаи передал пакет с медикаментами одному английскому капитану из Союзнической контрольной комиссии, а капитан — Игорю. Спросите сами Семенова.

— А откуда вы его знаете?

— Он жил у нас во время осады Будапешта.

— Вы были с ним близки?

— А почему вас это, собственно, интересует? — Она бросила на Габора удивленный взгляд. — Правда, если господин майор настаивает, то могу сказать: между нами ничего не было.

— Но любовник у вас все же имелся?

— Ночью, перед тем как меня повесят, попрошу пустить ко мне не священника, а вас. И тогда до самого рассвета буду рассказывать вам о своих любовниках...— Неожиданно она разрыдалась.

— Я прошу прощения. — Габору действительно стало стыдно. Он с жалостью смотрел на плачущую женщину, а сам думал, зачем ему понадобилось задавать этот глупый вопрос. Уж не из-за ревности ли? Разумеется, из-за нее.

Долгое время Габор думал, что его чувство к Сулите умерло, но оказалось, что он заблуждался. Немного помолчав, он спросил:

— Как часто вы переписывались с мужем?

— Раз в две недели.

— А в каких конвертах вы посылали ему свои письма? Покупали их в табачной лавке или же пользовались обычными?

— Обычными. Думала, так лучше поймут, что ничего секретного в письмах нет. Я, разумеется, догадывалась о проверке моей переписки с мужем-эмигрантом.

— А может быть, вы писали ему на бумаге со штампом «Секретариат Совета Министров» и вкладывали письмо в конверт с такой же маркировкой?

— Было и такое, но в этом я не вижу ничего предосудительного...

— Сударыня, неужели вы на самом деле настолько наивны? Право же, в это очень трудно поверить. У вас имеются какие-нибудь просьбы?

Сулита заплаканными глазами смотрела на Габора и видела, что он действительно разозлился на нее.

— Я бы хотела знать, что сталось с моим сыном, матерью и Марией?

— Еще что?

— Я двое суток не мылась.

— Почему?

— Потому что я не раздеваюсь догола перед мужчинами. Пока не раздеваюсь... Это очень унизительно, господин майор...

— Что такое?!

— Представьте себе, что дверь уборной открыта, пе-

ред ней стоит охранник и смотрит на вас. Разрешите спросить, господин майор, что же стало с человеческим достоинством? Как-никак я пока еще не осуждена.

Габор звонком вызвал секретаршу и сказал ей:

— Эржике, проводите даму в душ и находитесь там до тех пор, пока она не вымоется. Дайте ей мыло, полотенце, а потом проводите ее снова ко мне. Я буду у подполковника Кешерю.

Худой светловолосый подполковник был в тот день в плохом настроении. Войдя в его кабинет, Габор сразу же заметил, что на стене, как и прежде, висит портрет Дьердя Палфи. И это после вынесения приговора по делу Ласло Райка! Хотя Габор хорошо знал, что Кешерю связывают с Палфи узы давнишней дружбы, что они вместе работали в подполье, однако он счел ненужной и лишней такую открытую демонстрацию, похожую на самоубийство. И тут Габор вдруг вспомнил слова Ракоши, которые сегодня утром ему процитировал Деме.

— Иштван, зачем ты бравируешь этим? — Габор показал на портрет.

Подполковник взглянул на портрет и твердо сказал:

— Я его не сниму, Габор. Хотя Лакатош и бесится. Ну, что у тебя нового?

Габор довольно подробно рассказал ему историю ареста Сулиты. Кешерю знал, что когда-то Лукач был с ней в близких отношениях и до сих пор любит ее.

— Ну и к какому же выводу ты пришел? — спросил Кешерю.

— Я убежден, что она не шпионка.

— А от тебя хотят совсем другого, дружище. Кто-кто, а Деме наверняка убежден, что она шпионка.

— Тогда пусть он сам и доказывает это, а я выхожу из игры.

— Габор, как только ты откажешься от этого дела, Сулиту сразу же обвинят и повесят. Через двадцать четыре часа будет готово обвинительное заключение, которое ей предъявят так же, как оно было предъявлено Райку, Палфи и другим.

— Ты считаешь, что они не виновны?

— Нет. Но давай не будем отвлекаться от дела этой дамы. Мой тебе совет: не выходи из игры.

— Хорошо, но что же тогда я должен делать?

— Над этим стоит подумать. Имеешь какую-нибудь версию?

Габор запустил пятерню в свои седые, но по-прежнему густые волосы и сказал:

— По-моему, Янош Будаи — самый обыкновенный негодяй. А игра полковника Шлима...

— Приходы...

— Хорошо, Приходы. Он умело сдал карты, и мы поверили, что источником его информации является Сулита, бывшая жена Будаи. Как мне кажется, он-то и показал англичанам письма Сулиты, которые та по недомыслию иногда писала на официальных бланках Совета Министров, более того, он даже мог сказать, что за кажущимся невинным текстом скрывается важная шифровка, ключ от которой известен только ему.

— Выглядит вполне логично. Но откуда он все же берет информацию? — поинтересовался Кешерю. — Как ни говори, а англичане в ней очень нуждаются.

— Пока не знаю, но и на этот счет у меня имеется одна версия.

— И какая же, любопытно?

— Ты прекрасно знаешь, что всех венгров, которые по какой-либо причине эмигрировали или сбежали из страны, как правило, допрашивают американцы, англичане или французы. На всех этих допросах Будаи присутствует в качестве переводчика. Вполне допускаю, что наиболее важные и ценные сведения он преднамеренно замалчивает или же переводит их не так, как следует, а позже с глазу на глаз встречается со своим шефом и передает ему информацию, говоря, что получил ее от своей жены либо в письме, либо через специального связника. Само собой разумеется, Великий Герцог ничего об этом не знает и сообщает в центр ложную информацию.

— Рациональное зерно в этом есть, — согласился подполковник, закуривая. — Но все это только предположения. Доказательств-то не хватает.

— Что верно, то верно, — сказал Габор. — Э, какой глупостью было арестовывать сейчас Сулиту!

— Согласен. Это большая глупость, но она уже сделана. Что ты намерен предпринять?

— Не знаю, а ты что бы сделал на моем месте?

— Ты, кажется, говорил, что Деме дал тебе карт-бланш, не так ли?

— Да, он так и сказал, только я не знаю, что он имел в виду.

— Ты только что спрашивал, что бы я сделал на твоем месте?

— Да.

— Прежде всего выпустил бы Сулиту на свободу и установил за ней наблюдение. Это, так сказать, первое. Разумеется, восстановил бы ее на прежней работе. Затем я бы подготовил дезинформационный материал и направил бы нашего опытного агента, ну, скажем, Белу Фараго, с этим материалом в английскую зону с явкой «эспрессо «Бразилия», где обычно встречаются агенты Шлима. Не может быть, чтобы он не встретился с Яношем Будаи. Разумеется, Фараго необходимо как следует подготовить. Прежде всего для него необходимо подыскать интересное место работы. Ну, скажем, он, мол, работал в бюро переводов Совета Министров, тем более что он прекрасно говорит по-английски и по-русски.

— А Янош Будаи не знает его?

— Это следует выяснить. А вот Фараго нужно будет обязательно показать Сулиту. А когда Бела попадет на место, будем ждать очередного донесения от Великого Герцога.

— Ты составишь дезинформационное донесение? — спросил Габор.

— Разумеется. — Кешерю снял телефонную трубку и набрал номер. — Бела, ты? Это подполковник Кешерю. Зайди-ка ко мне.

Через несколько минут в кабинет вошел молодой, лет тридцати, старший лейтенант Бела Фараго и по-уставному доложил о прибытии.

— Бела, ты знаешь майора авиации Яноша Будаи? — спросил Кешерю.

— Слышал о нем, но встречаться не приходилось. Когда я попал в армию, он уже удрал за границу.

— Тебя откуда к нам перевели?

— Преподавал в гимназии в Дебрецене русский и английский языки. Сюда пришел добровольно.

— С какого времени в партии?

— С сентября сорок четвертого. Вступил в Дебрецене.

— В Вене ты бывал когда-нибудь?

— Был в американской зоне. Курить можно?

— Пожалуйста.

Бела Фараго закурил. На Кешерю молодой офицер смотрел с явной симпатией. Он уважал его и был готов пойти за него в огонь и в воду.

— Бела, на днях поедешь в Вену, правда, нелегально. В английский сектор. Детально задание обсудим

позже, а сейчас тебе необходимо подробно познакомиться с английским сектором Вены. Я распоряжусь, чтобы тебе дали необходимые материалы. Помимо этого ты должен познакомиться с работой одного министерства. Срок — пять дней. Получишь специальный пропуск, с которым беспрепятственно сможешь ходить по зданию, якобы с целью подготовки его к ремонту. Мы тебя легализуем у министра строительства, ты будешь его доверенным лицом. Суть задания заключается в том, что ты должен хорошо знать все кабинеты: что где стоит, куда выходят окна и так далее...

— Словом, будто я там работаю, — улыбнулся Фараго.

— Вот именно. Но ты должен получить представление не только о том, где находится лифт, но и о работающих в секретариате сотрудниках.

— Понятно, товарищ подполковник.

— Тогда иди, готовься.

Фараго удалился.

— Ты же, Габор, установи наблюдение за Сулитой.

— Спасибо, Иштван. Ты мне здорово помог.

Кешерю встал и, подойдя к Габору, пожал ему руку.

— И не забывай, Габор, о том, что Сулита пока находится на подозрении, и так будет до тех пор, пока ты не докажешь, что она не шпионка.

— Все ясно, Иштван.

Габор вернулся в свой кабинет. Сулита сидела в приемной. После душа она посвежела, выражение лица стало спокойным.

— Входите! — пригласил Габор Сулиту, пропуская ее вперед.

— Садитесь. — Подождав, пока Сулита сядет, Габор подошел к письменному столу. — Удалось помыться?

— Большое спасибо. Даже кое-какую мелочь постирала: я в грязном не могу. Правда, не все еще высохло, но ваша секретарша обещала прислать эти вещи в камеру. Господин майор, что с моим сыном?

— Я не знаю, а врать не хочу, тем более что вы ненавидите ложь и тех, кто лжет.

— Когда я смогу увидеть его и мать?

Габор молча прикурил две сигареты, как делал это раньше, и одну подал Сулите.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Скажите, сударыня, на что вы рассчитываете? — Голос у Габора был сухим, казенным.

— Если докажут, что я шпионка, — тихо проговорила она, — тогда, видимо, меня повесят. Если же выяснится, что я ни в чем не виновата...

— Продолжайте.

— ...то и тогда меня не выпустят на свободу.

— Это почему же?

— По словам господина премьер-министра, сейчас это стало правилом. Помню, он еще говорил, что сегодня очень часто прибегают к насилию, оправдывая это сложной международной обстановкой. Налицо угроза новой войны, и государство должно быть в состоянии защитить себя.

— Чем защитить — арестами невиновных? — с удивлением спросил Габор.

— Да. Ведь они могут рассказать о том, что видели здесь, вызвать у людей сочувствие к себе и недовольство властями.

— Точно так говорил и господин премьер-министр?

— Да.

— Сударыня, я освобождаю вас из-под стражи под свою ответственность, — сказал Габор после небольшой паузы. Сулита закрыла глаза. — Должен сказать, что я не убежден в вашей невиновности, но в то же время пока не могу доказать и вашу вину. Вы вернетесь домой и будете работать на прежнем месте. Но у меня к вам будет одна настоятельная просьба: если ваш муж пришлет вам письмо, позвоните мне и покажите это письмо.

— Вам?

— Мне. Если же письмо придет не по почте, а вам его принесет кто-нибудь из знакомых или незнакомых, все равно позвоните мне. — Габор достал блокнот. — Скажите номер своего телефона.

Сулита назвала номер и с этого момента начала верить, что ее действительно скоро освободят.

— Я вам свой телефон тоже оставлю. Надеюсь, вы все правильно поняли?

— Разумеется, — заверила Сулита. — Скажите, пожалуйста, а когда я смогу уйти домой?

— Очень скоро. По крайней мере, в камеру вам возвращаться не придется. — Габор вызвал в кабинет Эржи и распорядился: — Пусть старший лейтенант Алмаши скажет, чтобы Сулите Читари вернули вещи. Я освобождаю ее из-под стражи. Когда все будет готово, пусть доложат, а пока проводите задержанную в двадцать вторую комнату.

Эржи направилась к выходу, сказав Сулите, чтобы та следовала за ней.

Дойдя до двери, Сулита на миг остановилась и что-то хотела сказать Габору, но он красноречивым жестом остановил ее, дав понять, что говорить ничего не нужно.

Когда обе женщины вышли, Габор позвонил капитану Балажу.

— Йошка, ты свободен? Зайди.

— Сейчас иду.

Через минуту в кабинет вошел высокий, атлетического телосложения брюнет — до войны Балаж занимался борьбой и два раза участвовал в соревнованиях на первенство Европы.

— В двадцать второй комнате ожидает женщина, точные данные о которой ты получишь у Эржи. Организуй за ней наблюдение. Докладывать только мне. Ясно?

— Ее освобождают?

— Да.

— Все ясно, товарищ начальник.

Когда Балаж ушел, на столе у Габора зазвонил телефон.

— Сегодня увидимся? — услышал он в трубке голос Мари.

— Пока еще не знаю. Я ведь не в книжной лавке работаю, дорогая.

— Ну и нудный же ты! Привет! — Мари бросила трубку.

Тем временем Сулита получила свои вещи, отобранные во время ареста. Сердце у нее колотилось от радости, она откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Вам плохо? — спросил сержант, выдававший вещи.

— Нет, нет, это сейчас пройдет.

— Может быть, вызвать врача?

— Нет, не надо.

Дав Сулите подписать опись вещей, он козырнул и ушел.

Сулита смотрела на забранное решеткой окошко, не видя его, в голове ее был необыкновенный сумбур.

«Спокойно! — начала мысленно убеждать она себя.— Спокойно! Теперь уже недолго осталось ждать. Нужно думать о том, что я свободна. А что было бы, если б судьба не свела меня с Габором?..»

Она почему-то вспомнила ночь, которую провела в замке Шомодьтарце вместе с Габором. Правда, подроб-

ности она позабыла, но одно помнила точно: они с Габором очень любили друг друга. Потом его увели куда-то гитлеровцы... Перед ее мысленным взором встала фигура коварного фон Графа. Память почему-то отчетливо зафиксировала все, что было связано с ним тогда.

«Почему я сейчас думаю о каком-то мерзком фон Графе? Уж не потому ли, что сидящий возле двери следователь чем-то напоминает мне его?..»

Она попыталась взглянуть на события прошлого как бы снаружи, посмотреть со стороны на себя, на все то, что произошло в тот день...

Труп Мартона Банффи уже унесли немцы. Габору и Берци надели наручники и увели. А она, оцепенев, молча ждала своей участи. Она видела печальный и злой взгляд Габора, который он, уходя, бросил на гитлеровцев. Стояла, словно парализованная, возле машины и смотрела, как выгоняют из замка прислугу... Вот Шарика с дочками, Эсти, старушка-повариха...

Сулита вдруг почувствовала, что у нее появился голос. «Господин майор! — крикнула она по-немецки. — Не трогайте их!..» Интересно, как она тогда набралась смелости требовать? Наверное, мысль о просьбе отца, о том, что ей во что бы то ни стало нужно предупредить Сентирмаи, побудила ее действовать решительно.

Фон Граф пообещал ей, что арестованным не сделают ничего плохого. После этого он приказал солдатам провести даму в дом.

Сулита хорошо помнила, как фон Граф, который шел сзади, говорил ей, что она должна повиноваться его воле: «Идите спокойно в дом, никто вас не обидит...»

Она должна была остаться на свободе. Не ради себя, нет, — для того, чтобы предупредить об опасности Сентирмаи. Если же она этого не сделает, то его арестуют. И арестуют не одного, а вместе со всеми заговорщиками.

«Нет, нет, это не должно произойти! Ни в коем случае. Я не должна допустить этого. Не допустить любой ценой».

Она добилась своего, но для этого ей пришлось три дня находиться вместе с фон Графом. Ни в чем не отказывая ему. И она скрепя сердце пошла на это. Она уступила фон Графу, обнимала его, а ей хотелось всадить ему в спину нож. Мысленно она молилась о том, чтобы не осталось последствий этих ужасных ночей...

И еще одно, самое ужасное: обо всем знала Жофи,

которая по приказу фон Графа была доставлена в замок и прислуживала им вместо Шарики.

«Боже мой, кто бы знал, как я ненавидела себя!..»

Она вернулась в Будапешт и передала предупреждение отца. Сентирмаи ушел в подполье, откуда стал руководить антинацистским движением. Правда, место, где он скрывался, было недостаточно надежным: гитлеровцы могли схватить его в любой момент.

И тогда у Сулиты возник дерзкий, но умный план: достать для Сентирмаи фальшивые документы на имя одного трансильванского священника и поселить в пустующей квартире Колоша Читари. «А почему бы и нет? Папа умер, об этом хорошо знают не только гитлеровцы, но и венгерская полиция. Так что квартира не вызовет у них никаких подозрений и они туда не станут заглядывать...»

В один прекрасный день Сентирмаи с документами, выданными на имя священника реформаторской церкви в Брашове Вильмоша Толчваи, оказался в пустой квартире, ключ от которой ему передал адвокат Шандор Марта. Из этой квартиры он начал руководить деятельностью подпольщиков...

Сулита посмотрела на лицо скучающего следователя, а сама невольно подумала о том, знает ли кто-нибудь из работающих в этом здании, что и она кое-что сделала в борьбе против нацистов. Вряд ли. Вот и Габор Лукач, видимо, ничего не знает о тех нелегких для нее месяцах. Он не задал ей ни одного вопроса, касающегося того времени, хотя она могла бы рассказать ему много интересного и полезного...

И тут она вспомнила о своей последней встрече с Сентирмаи. Дипломат в то время работал в венгерском посольстве в США. На родину он вернулся помолодевшим, цветущим, чем, по-видимому, был обязан своей молодой жене. Он сам приехал к Сулите, чтобы поговорить с нею с глазу на глаз. Вдова Читари поняла намерение дипломата и, забрав внука, удалилась из комнаты.

Сентирмаи попыхивал своей неизменной трубкой. Не стесняясь, тщательно осматривал комнату. А когда Сулита спросила его, что он ищет, ответил, что смотрит, не установлен ли где-нибудь подслушивающий аппарат.

— Зачем он здесь? — спросила с удивлением молодая женщина. — У меня нет секретов от властей. К тому

же я являюсь служащей правительственного учреждения.

— Вот именно, моя дорогая, в этом-то и вся загвоздка. Ведь твой супруг сбежал на Запад...

— Я развелась с мужем еще задолго до этого, — перебила дипломата Сулита.

— Да, да, конечно. — Сентирмаи продолжал попыхивать трубкой. — Но кое-кто может принять твой развод просто за хитроумную маскировку.

— Если смотреть на это дело так, тогда всякое возможно. В настоящее время я не имею никакого отношения к своему бывшему супругу.

Сентирмаи закивал головой, пальцем уплотнил табак в трубке, затянулся и спросил:

— А не думала ли ты, моя дорогая, о том, что на должность, которую ты сейчас занимаешь, рекомендовали тебя мы?

— Разумеется, мне в голову не раз приходила такая мысль, однако не забывайте, что я беспартийная. Однако, видимо, было учтено то обстоятельство, что я принимала участие в движении Сопротивления, была награждена...

— Уж не стала ли ты коммунисткой? — спросил дипломат.

— Я — коммунисткой?! — Сулита как-то странно улыбнулась. — Вы, вероятно, забыли, что я — дочь бывшего землевладельца и получила большое наследство. Учитывая мое участие в движении Сопротивления, мне оставили летнюю виллу в Феньвеше.

— Не известно, правда, на какой срок, не так ли? — В голосе Сентирмаи послышалась легкая насмешка.

— Этого я, разумеется, не знаю, — призналась Сулита. — Но что с вами? Раньше я никогда не слышала у вас такого тона.

— А ты разве не видишь, что происходит в этой стране? По ложным обвинениям арестовывают и отдают под суд честных людей.

— Вы имеете в виду Райка и его сторонников? — спросила Сулита.

— И многих других тоже. На Западе все знают, что обвинения по делу Ласло Райка являются с первого и до последнего слова ложью. Все ложь, кроме самого приговора о смертной казни.

Сулита долго молчала, а потом тихо сказала:

— Это вам лучше следует знать.

Сентирмаи встал.

— Побереги себя, дорогая, и постарайся не попасть им в лапы. Я, конечно, не знаю, каким образом они этого добиваются, но если захотят, то заставят тебя признаться в том, что это ты убила своего отца. И запомни еще одно: если ты окажешься за решеткой, то уж не выйдешь на волю...

Отогнав от себя эти тревожные мысли, Сулита спросила, обращаясь к следователю:

— Могу я закурить?

Тот кивнул и спросил:

— А сигареты у вас есть?

— Есть.

Закурив, Сулита несколько успокоилась.

В этот момент в комнату вошел старший лейтенант Алмаши.

— Пойдемте, — сказал офицер. — Сумочку возьмите с собой.

Сулита погасила сигарету, сунув ее в пепельницу, кивком попрощалась со следователем и пошла вслед за Алмаши.

Во дворе они остановились перед легковым автомобилем марки «хумбер». Алмаши открыл дверцу и предложил:

— Садитесь.

Сулита повиновалась, а сама подумала: «Выходит, что Сентирмаи был все же не прав... Вот я уже в машине, уже слышу уличный шум. Еще несколько минут, и буду свободна. А что потом?..»

Габора она увидела еще во дворе. Он был уже в гражданском костюме, и Сулита не сразу узнала его. Лукач поздоровался за руку со старшим лейтенантом, что-то сказал ему, а затем сел в машину на место водителя. Подъехав к воротам, Габор предъявил документы часовому. Тот посмотрел их, отдал честь и отворил ворота.

Полдень уже миновал, и Габор почувствовал, что проголодался.

— Скажите, могу я пригласить вас пообедать со мной? Уже половина второго, а я еще не обедал.

— Я охотно приму ваше приглашение, — смущенно ответила Сулита, — но сначала мне бы хотелось... давайте лучше зайдем ко мне: у Марии для нас наверняка что-нибудь найдется.

Габор ответил не сразу.

— Я не против, — сказал он после долгого молчания и свернул к набережной. — Так и быть, зайду на несколько минут. Хотя бы затем, чтобы взглянуть на Марию.

Мария же, увидев Габора, так и обмерла. Вдова Читари, вытаращив от удивления глаза, ничего не понимая, смотрела на незнакомого мужчину, который обнял Марию и поцеловал ее. Маленький Габорка стремглав бросился к матери и, повиснув у нее на шее, начал целовать ее лицо, то и дело восклицая:

— Мама, мамочка!.. Вот ты и пришла!..

Через минуту, опустив сына на пол, Сулита повернулась к матери и произнесла:

— Мама, разреши представить тебе господина майора Габора Лукача.

Бледная, некогда очень красивая женщина вымученно улыбнулась и по привычке протянула руку для поцелуя. Армейские майоры всегда целовали руку ей, госпоже Читари Колошне...

Габор склонился к руке, не понимая, почему он это делает: после освобождения страны все барские привычки стали ему отвратительны.

Выручила Габора Мария. Покраснев от смущения, она сказала:

— Ты... я и не знала, что ты майор...

От слов Марии он чуть было не рассмеялся. Обняв добрую женщину, он еще раз расцеловал ее в обе щеки.

— Тетушка Мария, для вас я по-прежнему просто Габор.

Мария не выдержала и разрыдалась.

— Перестань плакать, — сказала женщине Сулита.— Лучше дай нам что-нибудь поесть, мы очень голодны. — И, повернувшись к матери, добавила: — Мама, вы поможете Марии?

— Я все поняла, — устало заметила женщина. — Ты хочешь остаться наедине с майором.

— Да, хочу, мама, если ты не против.

— Разумеется, я ничего не имею против. — Она взглянула на Габора. — Моя дочь, господин майор, всегда знает, что ей нужно делать. — Она взяла на руки внука. — Пойдем, мое солнышко, мама занята.

— Но я хочу остаться с мамой...

— Сейчас нельзя.

Габорка уже собирался было заплакать, но его остановили слова Марии:

— Габи, сейчас ты выйдешь отсюда, и чтобы я больше не слышала от тебя ни звука!

Дождавшись, когда маленький Габор вместе с бабушкой вышли из комнаты, Мария обернулась к майору и сказала:

— У меня к тебе есть один вопрос.

— Спрашивайте, тетушка Мария.

— Ты женат?

— Холостой я, и мне кажется, вообще никогда не женюсь.

Мария понимающе кивнула и вышла из гостиной.

Габор и Сулита остались в комнате одни.

— Садитесь, — предложила Сулита, показывая на кресло.

— Сначала я хотел бы позвонить...

— Я сейчас принесу сюда аппарат.

Через минуту Габор уже говорил с Эржи.

— Эржи, если меня будут спрашивать, я нахожусь по номеру... — И он продиктовал секретарше номер телефона Сулиты.

— Вас уже разыскивал подполковник Кешерю, — передала Эржи. — Сказал, что по очень срочному делу.

— Я ему сейчас позвоню. Не знаешь, что случилось?

— Кешерю сам вам скажет.

— Спасибо. — Бросив взгляд на Сулиту, Габор попросил: — Еще одну минутку.

— Пожалуйста, не спешите, — ответила Сулита, не отводя взгляда от седой головы майора.

С подполковником Кешерю Габора соединили сразу.

— Ну наконец-то, — услышал Лукач в трубке знакомый голос.

— Что нового?

— Арестовали Деме, — ответил подполковник.

— Кто арестовал?

— Габор Петер и его люди, видимо, по указанию Ракоши. Но это еще не все. Твоего крестного отца тоже арестовали.

— Белу Колесара? — спросил Габор, а про себя подумал: «Боже мой, ну глупый же вопрос я задал!»

— Если он твой крестный, то, значит, его. Вечером встретимся, поговорить надо.

— Разумеется. Когда и где?

— Ну, скажем, в десять часов. Заезжай за мной.

— Куда?

— В крепость. Я буду ждать тебя перед собором Матьяша.

— Хорошо. Привет. — Габор положил трубку. Вытерев пот со лба, он сел и посмотрел на Сулиту.

— Господин майор, — заговорила она, — разве не смешно, что мы сейчас разыгрываем друг друга, делаем вид, что мы чужие люди?

— Конечно, смешно. Что ж, будем, как и прежде, называть друг друга на «ты»?

— Ты не находишь, что это было бы нормальным?

— Нахожу, но ведь ты ненавидишь меня.

— Глупый! Ведь я когда-то принадлежала тебе.

Габор промолчал.

— Скажи, почему ты до сих пор не женился?

Габор закурил. Сидел и думал о том, как нелепо он себя ведет: арестован его крестный, а он сидит тут и предается воспоминаниям.

— К сожалению, мне придется уйти. — Он увидел удивление в глазах Сулиты, но не изменил своего решения. — А на твой вопрос я все же отвечу. — Габор глубоко затянулся. — Несколько лет назад я влюбился в одну девушку, ради нее готов был на все. Но все же... Ты прекрасно понимаешь, что я не мог на ней жениться... Ну, больше ничего не скажу... Зачем?.. Значит, как мы с тобой договорились? Ясно? Целую руку твоей матери, тетушке Марии передай привет. Живи честно.

— Еще один вопрос, — проговорила Сулита. — У тебя кто-нибудь есть?

— Есть, как у всякого одинокого мужчины. Сервус. Я спешу.

— Габор...

Он остановился и, оглянувшись, увидел разочарованное лицо Сулиты.

— Ты же понимаешь, кого я имею в виду. Есть ли у тебя кто-нибудь по-настоящему?

— Сулита, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз, — тихо сказал он и вышел.

3

Как только Габор остановил свой «хумбер» у дома крестного, к калитке подбежала тетушка Йолан. На секунду ее заплаканные глаза остановились на Мари, которая приехала вместе с Габором.

— Вылезай, нажми кнопку и захлопни дверцу, — сказал Мари Габор, запирая машину на ключ.

— Крестная, здравствуй, — поздоровался Габор с тетушкой Йолан и, обнимая ее, сказал: — А это Мари.

Тетушка поцеловала девушку и заплакала.

«Черт возьми! — выругался про себя Габор. — Что происходит: куда ни зайди — везде слезы, и плачут-то не незнакомые люди, а добрые, верные друзья».

Все трое вошли в квартиру. Вот кухня... Габор осмотрелся. В ней все было по-старому, как и раньше. Когда-то вон там сидел Винце Деме, напротив — крестный, по правую руку от него — Тибор Ковач, рыжеволосый веснушчатый инструментальщик с зеленоватыми глазами.

— Присаживайтесь, — взяв себя в руки, предложила тетушка Йолан. Нелегкая жизнь и заботы уже успели посеребрить ее густые волосы. Габор и Мари сели.

— Что произошло? — спросил Габор.

— Крестного твоего арестовали, — ответила хозяйка, с трудом сдерживая слезы. — И обыск в доме устроили.

Габор встал и, подойдя к двери, заглянул в комнату, хотя и без того знал, какую картину он увидит. Его охватила невыразимая печаль.

«Боже мой, — подумал он, — сколько раз Палфи и его помощники разъясняли всем, что грубость, хамство и вандализм — не что иное, как проявление слабости. «Наша правда, — неоднократно заявлял Палфи, — заключается в нашей правоте...» Но, как видно, некоторые из работников министерства придерживаются совсем другого мнения».

Закрыв дверь в комнату, Габор снова сел за стол. Кто мог арестовать крестного, члена ЦК партии?.. Отважиться на такой шаг по собственному усмотрению сотрудники Габора Петера не могли. Разрешение на такого рода аресты могут выдавать органы государственной безопасности с санкции секретариата ЦК. Но тогда возникает вопрос: в чем, собственно, вина Белы Колесара? Уж не в том ли, за что в 1942 году ему отбили почку и наградили туберкулезом в казарме по проспекту Андраши? А может быть, в том, что, будучи брошенным нацистами в концлагерь в Дахау, он участвовал в антифашистском восстании?

— Дорогая тетушка Йолан, скажите, пожалуйста, вам что-нибудь нужно?..

— Муж мне нужен, — ответила измученная женщина. — Сынок, ты умный человек... Скажи мне, глупой бабе, в каком таком мире мы живем, что моего Белу все время куда-то забирают и арестовывают. В сорок втором году арестовали, хотя он и находился тогда на фронте. Сейчас тоже посадили. Но за что? Уж не за то ли, что мой Бела всегда боролся за правду?

— Не знаю я, тетушка Йолан, не знаю, но постараюсь во что бы то ни стало узнать.

— Я, наверное, до этого уже не доживу. — И она снова разрыдалась.

Габор обнял за плечи старушку.

— Мы должны это пережить. Вы знаете, тетушка Йолан, мою мать забили до смерти, но я все же пережил это. Теперь у меня никого не осталось... И все-таки нужно жить. Думаю, что с Белой произошло какое-то недоразумение, скоро выяснится, что его арест был ошибкой. Я вам ничего не обещаю, но постараюсь узнать, что произошло с моим крестным...

Попрощавшись с тетушкой Йолан, Габор вместе с Мари поехал к себе домой, на улицу Касаш. В квартире было прохладно. Включив электропечь, Габор позвонил дежурному по управлению и сообщил, что он находится дома.

— И что у тебя за жизнь такая? — спросила Мари, не скрывая своего плохого настроения. — Ты постоянно должен звонить на работу и говорить, где ты есть, не так ли?

— Таковы правила.

— Не обижайся, но я не хотела бы быть твоей женой.

Габор привлек девушку к себе, поцеловал, а затем спросил:

— Ты умеешь хранить тайны?

— Умею.

— Тогда и я признаюсь, что не взял бы тебя в жены, хотя мне очень хорошо с тобой.

— Спасибо за откровенность. Но ведь мы все равно любим друг друга, не так ли?

— Я тебя обожаю, а если ты еще и приготовишь что-нибудь на ужин, то мое обожание будет безграничным.

Пока они ужинали, в комнатах стало тепло.

— У тебя и ванная есть? — поинтересовалась Мари.

— Имеется.

— Тогда я приняла бы душ.

— Пожалуйста, купайся на здоровье.

Через минуту из ванной послышались плеск воды и пение.

Габор закрыл глаза и невольно подумал о том, что он, собственно говоря, смело мог бы жениться на Мари. Она красивая, умная, с ней так хорошо. Тогда почему же он на ней не женится? Уж не из-за Сулиты ли? Возможно... Сулиту он любит по-настоящему, но и страдает из-за этого всю жизнь. Вот он ее выпустил на свободу. А если вдруг окажется, что она все же английская шпионка?.. Нет, этого быть не может...

Он задремал и проснулся оттого, что Мари поцеловала его.

— Я уже постелила, ложись на кровать...

Дни шли, сменяя друг друга. Габор же с каждым днем становился все более раздраженным. Где он только ни интересовался, за что арестовали крестного, везде получал только уклончивые ответы. Однажды он спросил у своего начальника — генерала, за что арестовали Винце Деме, и услышал, что перед войной тот был полицейским шпиком. Габор, разумеется, не поверил этому, но спорить не стал.

Тем временем события развивались с невероятной быстротой, сменялись одно другим. Военный трибунал приговорил Палфи к смертной казни. И хотя Габор, словно молитву, твердил самому себе, что должен, обязан верить руководству, вера его, особенно после ареста крестного, поколебалась. Часто он не был откровенен даже с самим собой. После ареста Деме и Белы Колесара Габор начал подумывать о том, что скоро очередь дойдет и до него самого.

Спустя несколько дней после приведения в исполнение смертного приговора по делу Ласло Райка и его товарищей Габор встретился с Кешерю.

— Я бы хотел поговорить с тобой, — признался Габор.

— Я тоже, но только не здесь и не в моем кабинете. Давай встретимся, ну, скажем, в пять вечера перед гостиницей «Геллерт». Подъезжай на машине, заберешь меня, и махнем в горы.

— Согласен. Итак, ровно в пять. Есть какие-нибудь новости?

— Все расскажу при встрече.

Незадолго до одиннадцати часов Габора вызвали к генералу. Генерал был строен, напоминал пуританина. Лу-

кач знал его несколько лет. Габору было известно, что его начальник вернулся в Венгрию из Советского Союза вместе с Ракоши и его приближенными. В России он, кажется, работал в годы войны военным инженером.

О генерале ходили легенды, но Габор не имел ни малейшего представления о том, что в них было выдумкой, а что — правдой. Одно он знал точно: генерал, начиная с 1945 года, служил в новой армии, многое сделал для ее создания. Это и смущало Габора, который не однажды был свидетелем разговоров Михая Фаркаша[1] с генералом...

«Странно, — думал он, — эти два человека жили вместе в Москве, и вот теперь я, да и не только я один, но и Кешерю, например, думает, что генерал опасается министра. Однако хорошо было бы знать основу этих опасений».

Адъютант генерала, худощавый брюнет, по фамилии Детре, принял Габора по-дружески, так как Лукач знал его давно. Раньше Детре, как и сам Габор, был рабочим, так что они с полуслова понимали друг друга.

Когда Габор вошел в кабинет генерала, тот встал, вышел из-за стола и, подавая майору руку, сказал:

— Приветствую вас, товарищ Лукач. Прошу садиться.

Габор сел. С уважением он посмотрел на генерала, который являлся для него олицетворением целой эпохи: этот человек когда-то видел Ленина, не говоря уже о Сталине!

— Закуривайте, — предложил генерал.

— Спасибо. — Габор откинул крышку деревянной сигаретницы и взял сигарету. — Слушаю вас, товарищ генерал.

— Вы освободили Сулиту Читари? С какой целью?

— Товарищ генерал, я получил от полковника Деме полную свободу действий. Лица, отдавшие приказ об аресте Сулиты Читари, совершили большую ошибку. — И он подробно изложил свою точку зрения, а затем продолжал: — Я установил за Читари тщательное наблюдение. У меня возникло предположение, вернее, я даже убежден в том, что Будаи жульничает, передавая свою

[1] Фаркаш Михай (1904—1965) — политический деятель, член Политбюро ЦК ВПТ и министр обороны Венгрии в конце 40-х — первой половине 50-х гг.; один из организаторов так называемых «концепционных» противозаконных судебных процессов, жертвами которых стали честные, преданные партии и народу люди.

информацию англичанам, выдает ее за материалы, которые он якобы получает от своей бывшей супруги. Товарищ генерал, я не верю в то, что Сулита Читари — шпионка.

— И на чем же основано ваше неверие? — сказал генерал. — Как-никак она родилась в семье богатого землевладельца, муж ее оказался предателем.

— Все это так, товарищ генерал, но не следует забывать и о том, что Сулита Читари принимала участие в движении Сопротивления...

— Оставим это, товарищ Лукач. Сегодня чуть ли не каждый венгр заявляет, что был участником Сопротивления. В свое время, однако, нацисты делали в Венгрии то, что им хотелось. Одних только мостов взорвали около шестисот. — Генерал махнул рукой.

— Товарищ генерал, это дело я в деталях обсудил с подполковником Кешерю... — Генерал внимательно слушал, изредка задавая вопросы. — В настоящее время, — сказал Габор, заканчивая, — мы со дня на день ожидаем донесения от Великого Герцога, и как только мы его получим, все станет предельно ясным.

— И какой же дезинформационный материал вы отослали в Вену? — спросил генерал.

— Сотрудники из отдела Кешерю подготовили вполне убедительный материал о дальнейшем развитии наших бронетанковых войск. За рубеж его лично вывез наш сотрудник, Бела Фараго, который встретится, даже, наверное, уже встретился, в английской зоне с Яношем Будаи в эспрессо «Бразилия». Фараго поддастся обработке, позволит себя, как говорится, расколоть. Мы предполагаем, что Будаи представит эту информацию как полученную от своей бывшей жены Сулиты. Вот, собственно, почему мы с таким нетерпением и ожидаем очередного донесения от Великого Герцога.

— Понимаю. Следовательно, вы твердо убеждены в невиновности Сулиты Читари?

— Так точно, товарищ генерал.

— Вы и сейчас все еще любите эту женщину?

— Люблю, товарищ генерал.

— А она вас?

— Думаю, тоже.

— Надеюсь, вы не собираетесь жениться на ней? Я потому заговорил об этом, что кое-кто не одобрил бы такое намерение. Я имею в виду отдел кадров и партийную организацию.

— Товарищ генерал, Сулиту Читари я знаю со школьной скамьи. Я знал и ее отца. Мне хорошо известно, что он был честным человеком, антифашистом и в таком же духе воспитал свою единственную дочь. Я твердо убежден в том, что Сулита Читари не является ни шпионкой, ни изменницей.

— А если вы ошибаетесь? Если выяснится, что она все же шпионка?

— Тогда я передам ее дело в трибунал.

— Но вы же ее любите.

— Это не имеет никакого значения. Если же будет доказано, что она полностью невиновна, а я лично убежден в этом, я, без всякого сомнения, женюсь на ней.

Генерал молчал, думая, что ему ответить своему подчиненному, ему нравился Габор Лукач, он считал его способным работником, но заранее знал, что ни о какой женитьбе не может быть и речи, так как скоро Габора арестуют, а он, его начальник, не в силах помешать этому.

Генерал тяжело переживал происходившие в стране события. Его страдания начались еще в тридцатые годы, когда он жил в Москве и когда один за другим исчезали его друзья. Потом стали говорить, что все они оказались врагами народа... Тогда он укорял себя в том, что не заметил их перерождения. Но вскоре арестовали и его самого.

Даже после суда, уже находясь в лагере, он был убежден, что Сталин ничего не знает о нарушении законности, что его вводят в заблуждение приближенные. Он по-прежнему верил партии и не сомневался в победе истины. Ведь не может столь высокая и правильная идея так уродливо воплощаться в жизнь.

Генерал хорошо запомнил речь Георгия Димитрова, когда тот проводил в их институте партийный день. Он говорил тогда о Народном фронте как о внушительной политической силе, двигатель которой — партия, а компас — марксизм-ленинизм. Генерал, в ту пору простой военный инженер, был воодушевлен словами Димитрова...

После освобождения из заключения он вернулся в свой институт. Жена дождалась его, жизнь постепенно вошла в колею, потекли будни. Один технический вуз пригласил его прочитать курс лекций, и там он познакомился с инженером Эрне Давидом, который стал ему са-

мым лучшим другом. Их дружба продолжалась до сих пор.

После возвращения в Венгрию партия направила Давида на работу в органы государственной безопасности, где его сотрудником стал Габор Петер. После реорганизации органов Эрне Давиду присвоили звание полковника и назначили начальником одного из главных отделов. Несколько раз он обращался с просьбой демобилизовать его, ссылаясь на то, что хотел бы преподавать в университете, однако все его заявления отделом кадров отклонялись. Генерал регулярно встречался с Эрне Давидом.

Вчера вечером друзья встретились на горе Сабадшаг и долго прогуливались по лесной дороге. От Давида не ускользнуло, что генерал угнетен чем-то. Он спросил:

— Что случилось, Шандор?

— Ты и сам хорошо знаешь. Может, ты веришь в то, что Райк и его сторонники на самом деле были предателями?

— К сожалению, я знаю, что никакими предателями они не были. Однако тебе хочу посоветовать, чтобы ты поверил в их вину или хотя бы сделал вид, что поверил.

— Странный совет!

— Отнюдь: только в этом случае ты сможешь остаться на своем месте и будешь иметь возможность помочь другим людям.

— Это же самообман и трусость. Я никому не смогу помочь. Я уже попытался вызволить Винце Деме, разговаривал о нем с самим министром. Он довольно грубо отчитал меня и предупредил, чтобы я не вмешивался в действия вышестоящих органов. Петер со своими сотрудниками действуют превосходно, прямо-таки диву даешься, как ловко они научились врать и подтасовывать факты!

— Разумеется, они врут, не только высокому начальству, но даже друг другу. Ты думаешь, Фаркаш осмелился бы разговаривать с Ракоши о Райке как о невинной жертве? Все они прекрасно знают, что он невиновен, но не признаются в этом даже в разговоре между собой. Это какая-то адская игра, конца которой не видно. В списке же виновных фигурирует и подполковник Кешерю, и Габор Лукач, и много других лиц. Представь себе, я ничем не могу помочь им...

— Уму непостижимо!

— Вспомни судьбу Белы Куна[1], Залки и других.

— Но что-то все же нужно предпринять, — проговорил генерал.

— Я лично написал Ракоши письмо, в котором подробно сообщил о том, что произошло с делом Ласло Райка. Сообщил, что в нем все ложь: и следственные материалы, и показания свидетелей, короче говоря, все, что прозвучало на процессе. Возможно, что этим письмом я и себе подписал смертный приговор. — Давид на миг остановился, взял генерала за руку и продолжал: — Шандор, прошу тебя, если со мной что-нибудь случится, знай, что всему причиной было то мое письмо. И никому не верь, что я стал предателем. Что же касается тебя самого, то будь осторожен: ты еще очень нужен. Господство оголтелых не может длиться вечно.

...Генерал посмотрел на Габора и сказал:

— Подождем результатов наблюдения, а до тех пор выбросьте из головы мысли о женитьбе.

— Я вас понял, товарищ генерал. Только не подумайте, что я освободил Сулиту Читари из-под стражи только потому, что люблю ее.

— Я и не думаю так, товарищ Лукач. Желаю, чтобы вы оказались правы.

— Могу я, товарищ генерал, задать вам один вопрос?

— Спрашивайте.

— За что арестовали Винце Деме и Белу Колесара?

— Этого я не знаю. — Генерал, как показалось Габору, был откровенен. — Трудно поверить, но это уже свершившийся факт.

— Но ведь Винце Деме был вашим подчиненным?

— Был, но я не знаю, за что он арестован.

— Извините, товарищ генерал. — Габор встал. — Мне можно идти?

— Идите и докладывайте мне лично обо всем, что имеет непосредственное отношение к делу Читари.

— Слушаюсь.

Из кабинета генерала Габор вышел в плохом настроении. Секретарша Эржи сказала майору, что его разыскивал Кешерю.

---

[1] Кун Бела (1886—1939) — выдающийся деятель венгерского и международного коммунистического движения, один из организаторов (1918) и руководителей КПВ, нарком иностранных и военных дел Венгерской советской республики 1919 г. После ее падения эмигрировал в Россию; был членом РВС Южного фронта Красной Армии, Президиума ВЦИК, с 1921 г. — член Исполкома Коммунистического Интернационала.

— Соедините меня с ним, — попросил Габор Эржи.

— Я сейчас спущусь к тебе, — сказал Кешерю Габору по телефону.

Не прошло и пяти минут, как подполковник появился на пороге кабинета Лукача. В уголке его рта дымилась неизменная сигарета.

— Привет, дружище. Ты был прав. Вот оно, последнее донесение Великого Герцога. Бела Фараго встретился с Будаи в эспрессо «Бразилия» и настолько правдоподобно изложил свою сказку, что Будаи потащил его в свою штаб-квартиру. Там Белу основательно допросили, но дезинформация оказалась сработанной на славу...

— Извини, все это содержится в сообщении Великого Герцога?

— Нет, все это я узнал из донесения самого Белы. Великий Герцог указал, что материал получен от Сулиты Читари, переславшей своему мужу, Яношу Будаи. Далее слово в слово следовало то, что сочинили мои ребята. Короче говоря, твое предположение относительно невиновности Сулиты оказалось верным.

Габор почувствовал, что с души его сняли большой и тяжелый камень.

— Иштван, было бы лучше — тебе самому доложить об этом начальству.

— Не возражаю, если ты так хочешь. Во всяком случае, я очень рад, что ты оказался прав. Тогда встретимся, как раньше договорились.

— Хорошо.

После обеда в кабинете Габора зазвонил внутренний телефон.

— Майор Лукач? — послышалось в трубке.

— Да, я.

— Говорит Сулита Читари. Я бы хотела встретиться с вами по важному делу.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— В восемь часов подходит?

— Да. Ты зайдешь ко мне?

— Нет, буду ждать в машине у ворот. — Габор положил трубку.

Ровно в пять часов Габор заехал за Кешерю, и его «хумбер» покатил к горе Хармашхатархедь. По дороге говорили мало, а о делах молчали вообще. Зайдя в небольшой ресторан, выбрали столик в углу, у самого окна, из которого открывался прекрасный вид на город. Ке-

шерю, посоветовавшись с товарищем, заказал официанту по рюмке черешневой палинки и жаркое.

— Иштван, тебе известно, что происходит в стране? — заговорил первым Габор. — Смотрю я на все происходящее, и приходится агитировать самого себя: «Габор Лукач, вы должны верить руководству партии!..» А сам я знаю, что не верю я ему. Я дошел до того, что вообще начал во всем сомневаться. Даже в самом себе. Вот взять, например, моего крестного или же Винце Деме. Ведь я хорошо знаю, что ни тот, ни другой никогда не были полицейскими шпиками. Все, что про них говорят, явная ложь! Обоих я знаю давно. Я собственными глазами видел Деме избитым до неузнаваемости на проспекте Андраши. А крестный выглядел так, что я думал — он на этом свете уже не жилец: все тело — сплошной кровоподтек... Когда он был полицейским доносчиком? На заводе? А может быть, на фронте? Или же когда находился в казарме на проспекте Андраши? Ничего не понимаю...

Тем временем официант принес выпивку и жаркое.

— Я тебе уже говорил, что отказался присутствовать на казни Палфи? — спросил Кешерю.

— А почему ты должен был идти на нее? — Габор задумчиво смотрел на панораму раскинувшегося внизу города.

— Ты разве ничего не знаешь?

— Что именно я должен знать? — перевел взгляд на печальное лицо друга Габор.

Проходивший мимо официант, заметив, что Кешерю ковыряет вилкой в тарелке, поинтересовался:

— Извините, товарищ, вам не нравится блюдо или, быть может, оно приготовлено нехорошо?

— Нет, все в порядке, — ответил Кешерю. — Очень вкусно, просто я не голоден.

Удовлетворенный таким ответом, официант удалился.

— Так что же мне следует знать? — переспросил Габор.

Небольшой зал ресторана, хотя до ужина было еще далеко, постепенно заполнялся посетителями, в основном пожилыми мужчинами в обществе молодых женщин; правда, за столиками сидело и несколько влюбленных пар.

— Ты помнишь, когда состоялась казнь?

— Да.

— За день до нее меня вызвал к себе Михай Фаркаш.

Я явился, доложил, как положено, а он, даже не посмотрев в мою сторону, начал кричать: «Я слышал, что вы до сих пор не сняли со стены портрет этого предателя!..» «Вчера снял», — отвечаю. «Но храните его». — «Да, но только для того, чтобы иметь возможность со временем показать сыну и сказать: вот, мол, как выглядели изменники». Фаркаш еще больше занервничал, даже начал заикаться. «Скажите, Кешерю, уж не шутите ли вы со мной?» — «Никак нет, товарищ министр, все, что я сказал, совершенно серьезно». — «Ну так слушайте тогда меня внимательно: вам надлежит присутствовать на казни Палфи. Чтоб и об этом вы тоже смогли рассказать своему сыну. Вам понятно?» «Понятно, товарищ министр», — ответил я ему, однако на следующий день на казнь не пошел... Так или иначе, они и меня все равно арестуют. Тебя — тоже. Что нас ожидает потом, я не знаю. Как не знаю и того, в чем же именно нас станут обвинять. Скажи, Габор, у тебя есть девушка?

— Есть. Я же рассказывал тебе о ней.

— Да, что-то припоминаю. Она, кажется, работает в книжной лавке, не так ли? Порви с ней, и немедленно.

— Но почему?

— Потому что ты только накличешь на нее беду. Когда тебя арестуют, она попадет под подозрение. Стоит ли тебе объяснять это? Ты же и без меня знаешь, как действуют наши органы...

Габор повертел пустую рюмку и сказал с горечью:

— Вот теперь ты мне все понятно объяснил. Мне бы только узнать, какую же цель преследует наше руководство этими массовыми арестами.

— Разве можно заглянуть за кулисы политических махинаций? Часто это не удается даже тем, кто сам устанавливает эти кулисы. Ясно одно: у Ракоши и его окружения имеется хорошо продуманная концепция, которую они последовательно претворяют в жизнь. Концепция недоверия...

«Итак, — подумал Габор, — выходит, все заключается в недоверии. Это ожесточает людей, отравляет им жизнь. — Габор прикрыл глаза. — Кешерю прав. Все дело в недоверии».

И тут он вспомнил об одних военных учениях, которые состоялись в Верпелете. Учения были очень интересными, Фаркаш, видимо, с их помощью хотел убедить членов Политбюро в том, что до тех пор, пока он является министром обороны, армия будет боеспособной.

В ходе учений механизированный полк должен был наступать на условного противника после хорошо организованной артиллерийской подготовки. За несколько дней до их начала инженерные части построили для высшего руководства бункер из железобетона, из которого можно было прекрасно наблюдать за полем боя. Артиллеристы хорошо замаскировали свои огневые позиции, которые располагались на склонах холмов. Командирами артбатарей были выходцы из семей рабочих и крестьян, новые офицеры, с гордостью носившие форму новой армии.

Вечером, накануне начала учений, Михай Фаркаш был, на удивление, беспокоен. Казалось, он не верит в их успех. Габор не видел причин для тревоги: разве что снаряды могут не разорваться или моторы танков Т-34 вдруг возьмут да и заглохнут. В конце концов выяснилось, что же волновало министра.

— Скажите, товарищ Лукач, что произойдет, если, скажем, какое-нибудь орудие окажется нацеленным на бункер и выстрелит? Вы можете себе такое представить? А ведь в том бункере будет находиться все высшее руководство партии и государства.

— Об этом я как-то не думал.

— А почему не думали? Ведь вы контрразведчик, к тому же не рядовой...

— Зачем артиллеристам открывать огонь по бункеру?..

— Не следует забывать, что враг не дремлет... Вот вы попробуйте поставить себя на место настоящего противника. Редко, ох как редко представляется случай, когда все руководство собрано в одном бункере. Исходя из этого, я приказываю в каждую артбатарею назначить по офицеру-контрразведчику. Ясно?..

Габор начал спорить: как себя будет чувствовать командир батареи, если к нему вдруг приставят контрразведчика? Неужели руководство страны не доверяет нашим офицерам? Тогда зачем же этих людей призвали с заводов и из сельхозкооперативов? Нет, подобный шаг будет очень вреден с политической точки зрения, не говоря уже о том, что профессионально не в состоянии проконтролировать артиллериста. С большим трудом удалось убедить Михая Фаркаша отменить его приказ.

«Выходит, причина всего, что творится сейчас в стране, — недоверие, подозрительность? Что же будет в таком случае дальше?..» — думал Габор.

Тем временем стемнело и город зажег огни. Габор попытался отыскать улицу Касаш, на которой он жил.

«Вот она, вон там — школа, а рядом — завод...»

Посмотрев на Кешерю, он спросил:

— Как по-твоему, мы в силах что-нибудь предпринять?

— Ничего. Правда, у тебя есть пистолет, и ты можешь пустить себе пулю в лоб. Но это же глупо. Нужно ждать. Ничего другого нам не остается.

— Ты что, с ума спятил?

— Я в здравом уме. — Кешерю посмотрел в окно. При свете лампы его лицо казалось бледнее обычного. — Дружище, до сих пор я тебе ничего такого не говорил, но сейчас скажу. Осенью сорок второго года ты себя прекрасно зарекомендовал в казарме по проспекту Андраши. От Деме я узнал, что ты не имел абсолютно никакого отношения к множительной машине и все же взял все на себя и показал на допросе, что именно ты вынес ее из квартиры и выбросил в Дунай. А ведь тогда ты не был еще членом партии и потому не совершил бы никакого предательства, если бы сказал, что аппарат забрали Винце Деме и Большеногий, но ты поставил интересы партии выше своих собственных... А ведь тебя били на допросах. — Подполковник посмотрел на Габора и продолжал: — Старина, и сейчас держись! Говорить об этом тяжело, но необходимо. Знаешь, Габор, возможно, нам обоим придется умереть не своей смертью. Но как бы там ни было, предателями мы стать не должны. Я нисколько не преувеличиваю, если скажу, что мы с тобой стали хорошими специалистами. Мы знаем, где на нашей границе имеются «окна», через которые можно сбежать на Запад в любое время, стоит только захотеть. Усвоили мы и все правила конспирации, документы наши не вызовут подозрений. И все же, несмотря на это, мы не должны изменять ни себе, ни Райку, ни Палфи...

— Я не хочу быть предателем и не буду! — твердо сказал Габор. — Так что можешь успокоиться и не агитировать меня на верность идее.

Оркестранты на эстраде, помещенной в одном из углов зала, начали настраивать инструменты, а затем заиграли. Услышав музыку, Кешерю расчувствовался.

— Я только сейчас вспомнил, — спохватился Габор, — что не сообщил в отделе, куда поехал. Нужно будет позвонить... — С этими словами он встал, но Кешерю остановил его:

— Я сам позвоню, — и направился к телефону.

Скоро он вернулся и сказал:

— Через несколько минут подъедет Иветта Тамаши.

— Ты пригласил ее сюда?

— Да. Хочу хорошо прожить оставшееся время и тебе то же советую. Пригласи сюда свою Сулиту.

— Я должен встретиться с ней в восемь...

Подполковник посмотрел на часы:

— Сейчас четверть седьмого. Я бы не хотел, чтобы ты сейчас уехал.

Габор явно колебался.

— Позвать ее сюда?

Кешерю кивнул.

— Ладно, согласен. — Габор встал и направился к телефону.

4

Когда зазвонил телефон, Сулита была в ванной и трубку сняла Мария.

— Квартира Читари, у телефона Мария, — сказала она.

— Целую ручку, говорит Габор Лукач.

Услышав эти слова, Мария начисто забыла, что с ней разговаривает не парнишка, носивший ей некогда на дом молоко, а майор народной армии, и набросилась на него со словами:

— Ах ты, мерзавец! И тебе не совестно? Убежал... Интересно, чего ты вдруг так испугался?..

— Сулиты нет поблизости?—перебил ее вопросом Габор. — Дорогая тетушка Мария, будь добра и не ругай меня сейчас. Лучше позови к телефону Сулиту.

Та без приглашения уже подошла к столику, на котором стоял аппарат, поняв из обрывков разговора, что это Габор и он хочет говорить с ней.

— Дай трубку, Мария, — попросила она. — Слушаю. Сулита.

— Это Жан Дюран, целую ручки.

— Слушаю тебя.

— Я сейчас нахожусь с другом в ресторане на горе Хармашхатархедь. Очень бы хотел, чтобы ты сюда приехала.

Сулита долго молчала, а затем спросила:

— А ты сам не мог бы заехать за мною? Рядом с тобой я бы чувствовала себя уверенней.

— Это что-то новое...

— Новым является то, что за мной установлено наблюдение.

«Ну и глупцы, — подумал Габор о своих сотрудниках, — как же они ведут наблюдение, если их заметила даже Сулита?»

— Хорошо, ровно без четверти семь будь у калитки.— Габор положил трубку.

Хотя раздался щелчок, Сулита все ждала, не скажет ли Габор еще что-нибудь, и, только услышав гудки, она положила трубку.

— Что ты от него хочешь? — спросила Сулиту Мария не очень дружелюбным тоном. — Подумай о том, что у Габора никого нет, а у тебя есть мать.

— Бедная моя мама, есть-то она есть, но... будто ее и нет вовсе.

— И сын у тебя имеется.

— Да, и ты тоже. Если бы всех вас у меня не было... — Сулита подошла к Марии и поцеловала ее. Служанка тут же прослезилась. — Только ты у меня и осталась, да больная мама. — Сулита села за туалетный столик и начала причесываться. — Знаешь, Мария, — снова заговорила она, немного помолчав, — Габор более счастлив, чем я.

— Это почему же ты так решила?

— Если, не дай бог, с ним что-нибудь произойдет, о нем некому горевать. Сирота: ни жены, ни любовницы.

— А ты откуда знаешь, что у него нет любовницы?

— Просто чувствую.

В комнату вошли Читарине и маленький Габорка. Малыш вырвал свою ручку из рук бабушки и, подбежав к матери, бросился ей на шею.

— Как хорошо, что ты дома, мамочка!

Сулита поцеловала его и сказала:

— Я тоже хочу всегда быть с тобой, но ты же знаешь, что я работаю. За это мне платят деньги, на которые мы живем. По утрам я должна уходить на работу. Иногда даже вечером.

— Сейчас ты тоже уйдешь?

— Да, сынок, сейчас мне тоже нужно уйти.

— Иди ко мне, Габорка, — позвала мальчика Мария. — Пусть мама одевается.

Габорка отошел от матери и, подняв на нее молящий взгляд, проговорил:

— Хочу сегодня спать в твоей постели. Можно мне в нее лечь?

— После душа разрешаю тебе лечь в мою постель. — Поцеловав сына, Сулита начала одеваться.

Габор уже ожидал Сулиту возле калитки. Поздоровались, он открыл перед ней дверцу машины:

— Прошу!

Запустив мотор, Габор свернул на улицу Фе, поехал очень медленно, рассматривая хорошо знакомые дома.

— А быстрее нельзя? — поинтересовалась Сулита.

— Целых четыре года я разносил молоко по этим вот домам, — тихо ответил Габор. — И ни разу тогда не подумал о том, что когда-нибудь буду проезжать здесь на собственной машине. — Показав рукой на огромное здание тюрьмы, сказал: — Когда я раньше проходил мимо него, то всегда невольно останавливался. Я очень боялся этого места, но все равно останавливался.

— Ты сегодня в каком-то сентиментальном настроении, — заметила Сулита.

— Да, ты угадала, — согласился он.

Вскоре Габор поехал быстрее.

— Могу я закурить? — спросила Сулита.

Габор щелкнул зажигалкой и, дав Сулите прикурить, закурил сам.

Когда они проезжали мимо Турецких бань, Сулита спросила:

— Скажи, где ты поседел?

— Расскажу как-нибудь.

— Когда?

— Пока не знаю.

— У тебя есть девушка?

— Есть.

Машина свернула на улицу Сенвельди.

— И много их у тебя было?

— Не знаю, не считал, — ответил Габор. — Женатый человек живет с женой, а холостяк, можно сказать, побирается. Правда, бывает, что и женатые мужчины помимо жены имеют подруг.

— А ты ходил к шлюхам?

— К шлюхам я никогда не ходил, но знакомую девушку имел.

— Имел и не влюбился? — Сулита с чисто женским любопытством посмотрела на Габора.

— Влюблен я был только в тебя одну, — ответил он, не переставая смотреть на дорогу. Участок был очень

трудным, изобиловал крутыми поворотами, и потому управлять машиной тут было нелегко.

— А ты хорошо водишь, — похвалила его Сулита.

— Спасибо. Скажи, что стало с твоей старушкой «альфа-ромео»?

— Ее забрали немцы. — Сулита немного помолчала, глядя на освещенную дорогу и кустарник, росший по обочинам. — Габор, ты никогда не задумывался над тем, что в то памятное для нас обоих утро я была по-своему права?

— По-своему — конечно.

— Меня воспитали так, чтобы я не ложилась в постель ни с лакеем, ни с парнем, который разносит по домам молоко...

— Вот поэтому-то я и врал тебе тогда. — Он свернул с дороги на небольшую поляну и остановился.

Сквозь сильно поредевшую листву деревьев хорошо были видны огни вечернего города.

— Скажи, если бы тебе тогда Каройи сказал так: «Послушай, Сулита, у моей дочери имеется репетитор-гимназист, незаконнорожденный ребенок. Мать у него простая работница, парень подрабатывает тем, что по утрам разносит молоко по домам, но он прекрасно владеет французским, может обучить тебя...» Разве ты бы согласилась взять меня репетитором? Не говоря уже о том, что полюбила бы меня?

— Заниматься с тобой французским я, быть может, и не отказалась, а вот любовью — наверняка не стала бы. Но кое в чем и я должна тебе признаться. Я лишь потому и решилась брать у тебя уроки, что ты мне понравился как мужчина. Я тогда ничего о тебе не знала, но ты мне понравился, и все.

— А если бы я тебе сказал: «Барышня, не стану скрывать от вас, что я незаконнорожденный...» Понравился бы я тебе или нет?

— Наверняка понравился, только ничего бы между нами не было. Возможно, я даже пожалела бы тебя.

— И еще один вопрос. — Габор дотронулся до руки Сулиты. — Муж твой родился, насколько мне известно, в господской семье. Твой отец — аристократ. Я слышал, что ты давно была знакома с Яношем Будаи, который чуть ли не с детства дружил с тобой. Скажи, чем он лучше меня ухаживал за тобой?..

— Ну и глупый же ты! Не сердись, пожалуйста... Когда ты ухаживал за мной, я была счастлива. — Она

закурила и опустила стекло. — И раз уж мы в своих признаниях зашли так далеко, то могу сказать, что лучше тебя, предупредительнее и нежнее у меня никогда никого не было. И хотя я не люблю об этом говорить, но признаюсь, что после тебя я ни разу не чувствовала себя счастливой женщиной. Мужчины, как правило, большие эгоисты, они думают только о себе, ты приятное исключение из их числа.

— Почему ты мне не писала? — спросил Габор.

— Ты же сидел в тюрьме.

— Но летом 1945 года я уже был на свободе.

— Габор, мне опять кажется, что ты ненавидишь меня.

— Если бы ненавидел, сидела бы ты сейчас в камере. Твой муж целым и невредимым вернулся из плена домой, стал коммунистом, и я не считал возможным беспокоить тебя. Я не знал да и не мог знать, что ты с ним несчастлива.

— Я по-своему любила Яноша, но оставалась несчастной. — Она стряхнула пепел с сигареты.

— Ладно, поедем дальше. — Габор включил мотор и осторожно вывел машину на дорогу. Посмотрев на Сулиту, спросил: — Вопрос можно?

— Можно.

— Хочу спросить: кто твой любовник?

— Я же не спрашивала тебя о том, с кем ты живешь.

— Ни с кем.

— Я тоже ни с кем. После бегства мужа меня не обнимал ни один мужчина.

— Почему же ты меня не позвала? — пошутил Габор. — Я бы охотно пришел. Каждый божий день приходил бы. Я ведь ничего не забыл из того, что было между нами.

— Я тоже. — Сулита подумала, что сейчас Габор сделает попытку поцеловать ее, но он не только не сделал этого, но даже не дотронулся до ее руки. Видно, сейчас ему не до нежностей. Сама же она переполнена любовью...

Подполковник Кешерю уже начал беспокоиться, ожидая их. Иветта Тамаши сидела за столом очень печальная, не притрагиваясь к еде. Рядом стоял цыган-скрипач и извлекал из скрипки мелодию, под которую тихонько напевал Кешерю:

Боже, милостивый боже,
Сколько же печалей в мире...

Габор и Сулита, не желая мешать поющему, молча подсели к столу. Второй куплет Сулита пела вместе с Кешерю. Оказалось, что у нее приятное сопрано.

Любовь, любовь, проклятая любовь...

Габор песни не знал и потому подтягивал без слов. Сулита же, глядя ему прямо в глаза, пела словно для него одного.

Сунув в руку скрипача банкнот, Кешерю отпустил его, а затем сначала сам представился Сулите, а потом представил ей Иветту. Женщины улыбнулись друг другу. Сулите понравилась пепельноволосая Иветта, ей даже показалось, что они знакомы.

— Я предлагаю для начала выпить палинки [1], — порекомендовал Кешерю. — Кто хочет пить коньяк, пусть поднимет палец. — Все решили выпить палинки. — Директор ресторана, — продолжал подполковник, — рекомендовал нам заказать окорочок по рецепту Пекне.

— Согласимся с его предложением, — заметила Иветта и, посмотрев на Сулиту, спросила у нее: — Ты что на это скажешь?

— Я согласна, но сначала надо кое-что выяснить. Не знаю, ты и Иштван... короче говоря, это складчина или как?.. Я за себя заплачу...

— Можешь заплатить за всех, — прервал ее Габор раздраженно. — Послушай, Сулита, оставь на время господские замашки. Сюда пригласил тебя я, и, следовательно, ты моя гостья. Так что, прошу тебя, не превращай простой ужин бог знает во что.

— Правильно, — поддержал Габора Кешерю. — Сегодня за все платим мы. Кто знает, когда нам еще придется расплачиваться в ресторане.

— Как вас следует понимать? — Сулита с удивлением посмотрела на подполковника.

— А вдруг у нас не будет денег, а мы будем голодны? — Обняв Иветту за шею, он привлек ее к себе и поцеловал в щеку. — Могу я тогда на тебя рассчитывать, а?

— Всегда, Иштван, — проговорила молодая женщина. — Я тебе и так слишком много должна, а мне бы хотелось со временем выплатить весь долг.

— Возможность для этого у тебя будет.

Официанты принесли напитки. Один из них поставил на стол палинку, а другой откупорил бутылку вина и

[1] Палинка — венгерская водка.

налил в рюмку Кешерю немного, чтобы тот попробовал. Иштван попробовал вино и кивком головы дал знак, что можно разливать его по бокалам.

Когда официанты ушли, подполковник поднял рюмку с палинкой:

— Предлагаю выпить за здоровье всех присутствующих и почтить память тех, кого уже никогда не будет с нами.

Все выпили. Крепкая черешневая палинка обожгла Сулите горло, по щеке побежала слезинка. Она быстро запила палинку содовой.

— Иштван, где вы научились петь эту народную песню? — полюбопытствовала Сулита.

— В Трансильвании. Я там служил в рабочей команде. Вместе с нами работали местные коммунисты, которые знали много народных песен. По вечерам они часто пели. А вы?

— Вся наша семья из Трансильвании. Мой дедушка жил в Брашове. Его арестовали как бывшего фабриканта и крупного землевладельца.

— Он что, против народа выступал или же был военным преступником?

— Ни то, ни другое. Наверняка произошло какое-то недоразумение, хотя откуда мне знать...—Взгляд Сулиты стал печальным. — Мой дедушка был самым честным и демократичным человеком на свете. Его не смогли обвинить даже в том, что он выступал против румын. Он дружил с Эмилем Попеску.

— С художником?

— Да, с ним самым.

— И Попеску не знал о том, что его друга арестовали? — спросил Габор.

— Мне не известно, знал он об этом или нет, — ответила Сулита. — Может, он в это время был в Париже...

Официанты принесли ужин и расставляли кушанья на столе. Иветта изъявила желание исполнять обязанности хозяйки и разложила горячее мясо по тарелкам.

Ели не разговаривая. К этому времени все столики в ресторане оказались заняты. Оркестр играл не переставая, а скрипач-солист ходил от столика к столику, ожидая заказов.

— Иветта, — неожиданно заговорила Сулита, — а ведь мы знаем друг друга.

— Мы встречались, но разговаривать нам, кажется, не приходилось. Или я ошибаюсь?

— Вспомнила! Ты — переводчица Комитета государственного контроля, а я — референт по иностранным делам Совета Министров.

— Что-то такое и я припоминаю, — подтвердила Иветта.

— Знаете что? Сядьте рядом, думаю, вам есть о чем поговорить, — предложил женщинам Габор.

За одним из столиков, стоявших в углу, сидела шумная, веселая компания, не обращавшая ни на кого внимания, и громко горланила:

Если бы у меня было сто форинтов...

Кешерю некоторое время слушал песню, затем сказал:

— В паршивом мире мы живем, Габор. Ведь те, кто приводил в исполнение приговор над Палфи, снова готовы действовать... Посмотри кругом. Люди веселятся, пьют...

— Вижу. — Габор тяжело вздохнул. — Иштван, я не знаю, что ты от них хочешь. Чтобы они плакали? Скорбели по казненному? Бастовали бы? Но против кого? Писатели, поэты, вузовские преподаватели, рабочие и крестьяне — все они требовали смертной казни предателям. Скажи, что они могут сделать? Или лучше скажи, что можем сделать мы с тобой? Выйти на улицу и кричать во все горло, что осужденные себя оклеветали? Что их к этому припудили? А думал ли ты о том, что нам в свое время нужно было спорить?.. Когда-нибудь, рано или поздно, оставшиеся в живых, те, кто переживет все это, обязательно должны узнать, почему Райк и его товарищи взяли на себя вину, которой за ними никогда не было!

— Те, кто переживет... — проговорил Кешерю. — Не знаю, окажемся ли мы в их числе.

— Никто не знает этого...

Им пришлось умолкнуть, так как оркестр снова заиграл и почти все, сидевшие в ресторане, запели, сначала тихо, а потом все громче и громче:

Скорый поезд унес и меня...

Лишь Иштван и Габор не пели — они скорбели о погибших.

— Прошу дать мне двухместный номер, — сказал Габор, показывая администратору гостиницы свое удостоверение.

Мужчина лет сорока пяти, с густыми усами, кивнул.

— До утра?

— Да.

Администратор положил перед Габором два бланка для заполнения, но тот отодвинул их со словами:

— Через полчасика распорядитесь принести в номер что-нибудь из холодных закусок и бутылку «Сюркебарат», и содовой, разумеется.

— Будет исполнено.

Номер находился на третьем этаже и окнами выходил на набережную Дуная.

— Устраивайся поудобнее, — предложил Габор Сулите и взял телефонную трубку. — Будьте добры, соедините меня... — И назвал номер дежурного по управлению. Очень скоро телефон зазвонил.

— Соединяю, — услышал Габор в трубке голос телефонистки.

— Благодарю вас... Алло... Говорит майор Лукач. Это ты, Шандор?

— Я. Слушаю тебя, Габор.

Габор сообщил название отеля, номер своего телефона и номер комнаты, где его в случае необходимости можно разыскать.

— Если что случится, звони. Привет.

— Ну и жизнь у тебя, — заметила Сулита.

— Какая есть, — проговорил Габор.

— И ты всегда обязан так докладывать?

— Не всегда, но я люблю, чтобы на службе знали, где я нахожусь.

Раздался стук в дверь, и молодой официант принес холодные закуски и вино.

— Поставьте все на стол, — попросил Габор.

Официант подал счет, и Габор тут же расплатился, а когда официант ушел, раскупорил бутылку и наполнил бокалы вином.

— Прошу.

— За твое здоровье, — произнесла Сулита, отпив глоток. Сулита знала, зачем Габор привел ее в номер этого фешенебельного отеля, хотя и вел весь вечер себя так, как будто между ними никогда ничего не было. — Ска-

жи, Габор, откуда у тебя такие бешеные деньги? — спросила она. — Заплатил за ужин, теперь вот за это и номер? На свои кутишь или на казенные?

— А тебя это очень интерсует?

— Да, хотелось бы знать.

— На свои, честно заработанные. Зарплата у меня хорошая, а тратить ее не на кого.

— Ты же говорил, что у тебя есть девушка.

— Есть, но она не нуждается в моих деньгах. А мне самому почти ничего не надо. К тому же я тебе должен.

— Мне? За что?

— Подожди, не спеши. Если не ошибаюсь, за ужин, за завтрак, за ночлег...

— Я не понимаю, о чем ты говоришь...

— Не беда, как-нибудь объясню. А сейчас забудь обо всем. И если есть желание, лучше расскажи, почему ты захотела встретиться со мной.

Положив на тарелку салат, Сулита пододвинула ее к Габору, затем взяла немного и себе. Аппетита у нее не было, и потому она лишь попробовала салат, а потом стала смотреть на уставшее лицо Габора, на котором отпечатались следы пережитых страданий.

«Почему он ничего не ест? — подумала Сулита. — Даже не дотрагивается ни до чего, все смотрит и смотрит на меня, но каким-то странным взглядом, совсем не так, как раньше. Тогда в его глазах можно было увидеть обожание, а сейчас разглядывает меня, словно выставочный экспонат...»

— Я получила письмо от своего бывшего мужа, — проговорила Сулита и заметила, что лицо Габора смягчилось.

— По почте?

— Нет. Кто-то бросил мне его в почтовый ящик.

— Кто-то? И ты не знаешь кто?

— Габор, неужели ты мне не веришь? — В голосе Сулиты послышалась боль. — Я говорю правду!

— Письмо при тебе?

— Да. Из-за него я и хотела встретиться с тобой. Ведь мы об этом договаривались, не так ли?

— Договаривались. Где письмо?

— Пожалуйста. — Сулита достала из сумочки конверт.

Письмо было напечатано на машинке.

«Сулита, ты, быть может, все еще ненавидишь меня. Права ты или нет, покажет будущее. Не скрою, я до сих пор обожаю тебя и мысленно молю бога, чтобы он привел тебя ко мне. Мне все больше и больше недостает тебя, более того, не скрою, мне без тебя очень и очень трудно.

Все, о чем я тебе здесь пишу, строго секретно, так как это касается друзей твоего отца, а если конкретнее, то некоего Одескалхи. Одескалхи-старший был антифашистом, а вот его сын стал нацистом. Правда, здесь сейчас такие вещи оценивают несколько иначе. Однако суть заключается в том, что он противник большевиков. У нас в настоящее время это объединяет людей. Старый герцог был другом твоего отца, одним из тех, кто старался вытащить Венгрию из войны. В память о твоем отце, прошу тебя, помоги молодому Одескалхи. Сейчас он выполняет очень важную миссию в Будапеште. Это очень смелый, готовый на все человек, однако ему нужна твоя помощь. Пойми, что этим ты помогаешь не мне, а как бы выполняешь волю своего отца. Молодого герцога ты можешь разыскать на улице Ваци, в доме, где жила моя тетка, в квартире на шестом этаже. Ты должна помнить этот дом, так как в гимназические годы, когда моя тетушка жила за границей или отдыхала в провинции, мы часто встречались там с тобой. Франциска — любовница герцога. Она пианистка, а ее брат Курт когда-то учился вместе с герцогом. Старший брат Франциски был офицером войск СС. Сейчас он офицер армии Соединенных Штатов Америки, однако есть люди, которые утверждают, что его уже нет в живых. Сулита, если ты меня предашь, я прокляну и тебя, и нашего сына.

Янош».

Габор осторожно вложил письмо в конверт.

— Как ты думаешь, кто принес его?

— Не имею ни малейшего представления.

— А проклятия мужа ты не боишься?

— Боюсь, и даже очень.

— И все же предаешь своего мужа...

— Бывшего мужа, к которому я теперь не имею никакого отношения. Почему ты мне не веришь? Скажи, что я должна сделать, чтобы ты поверил мне?

Габор положил конверт во внутренний карман своего пиджака.

— Иди сюда, поцелуй меня.

Сулита, не говоря ни слова, повиновалась. А Габору вдруг пришла в голову мысль: «А если она все же английская шпионка? Хорошо замаскированный и подготовленный агент? И сейчас хочет скомпрометировать меня интимной связью? Такие случаи и раньше имели место...»

Габор вспомнил, что ему говорила когда-то, в самом начале их любви, Сулита: она готова бороться не только против нацистов, но и против коммунистов тоже. Сулита сейчас, наверное, думает о том, что он выпустил ее из-под стражи за недостаточностью доказательств. Но если она все же английская шпионка, то вполне заслуживает смерти.

Однако стоило только Сулите подсесть к Габору и поцеловать его, как он подумал о том, что ему лучше и не жить дальше. Как можно жить и любить, если его терзают такие сомнения?

— Габор... любимый мой, прости меня.

Габор крепко обнял ее и ничего не сказал. Потом он лег на кровать и закрыл глаза, пытаясь мысленно представить себе, как мог выглядеть Одескалхи, который еще в гимназические годы стал фашистом. Очевидно, он мало изменился. Тот факт, что Одескалхи, будучи военным преступником, осмелился вернуться в Венгрию, свидетельствовал о его прежней дерзости.

Из ванной комнаты слышался шум воды. Габор незаметно задремал и проснулся, когда Сулита начала целовать его.

— Ты не проголодался? — спросила она.

— Проголодался и пить очень хочу.

С аппетитом они уничтожили остатки холодных закусок.

— Ты знакома с Одескалхи? — спросил Габор.

— С младшим?

— Да.

— Я его не знаю, да и с его отцом тоже никогда не встречалась. Даже не знаю, откуда Янош взял, что тот был другом моего отца.

— Возможно, ты просто не знаешь всех друзей своего отца?

— Напротив, всех, можешь мне поверить. Что ты намерен делать?

Габор пожал плечами:

— Одескалхи смел и решителен...

— А ты откуда знаешь?

— Я учился с ним в одной школе. Он уже тогда тянулся к фашистам. Знаком я и с Франциской Гертель, но почему-то не верю, что она любовница герцога.

— Приятная семейка, — заметила Сулита и посмотрела на часы. — Боже мой, уже третий час пошел.

— Уж не спешишь ли ты куда?

— Прямо из отеля идти на работу?

— А почему бы и нет? Возьмешь такси.

Они закурили.

— Скажи, у твоего бывшего мужа есть твои фотографии?

— Не знаю. Когда он был здесь, то всегда носил наше с сыном фото. А вот как сейчас, после развода, не знаю. А почему тебя это интересует?

— Я намеревался подослать к Одескалхи одну из наших сотрудниц вместо тебя. Но, пожалуй, так рисковать не стоит. Если Будаи показывал ему твою фотографию, то мы сразу же провалимся. Так что тебе самой придется навестить Одескалхи.

— Мне?

— Да.

— А я думала, туда пойдут ваши люди, которые и арестуют его.

— Сначала нам нужно узнать, с какой целью он прибыл в Венгрию. Ради чего пошел на такой риск?

— Выходит, я должна стать доносчицей?

— Ты служащая государственного учреждения и выполняешь свои обязанности.

— Письмо я тебе отдала, следовательно, выполнила свою обязанность, а остальное уже ваше дело. — Она бросила на Габора недовольный взгляд. — Уж не хочешь ли ты превратить меня в своего агента?

— Нет, не хочу. Я всего-навсего хочу знать, что от тебя понадобилось Одескалхи. Ничего сложного тут нет. Ты получила письмо от Будаи и потому пришла. Не забудь только одного: что англичане уверяют в том, что ты являешься их агентом.

— Что такое?! — испуганно спросила Сулита, и сигарета задрожала у нее в руке. — Я — английская шпионка?

— Твой бывший муж сообщил англичанам, что вы развелись только для вида и что всю информацию он получает от тебя...

— Откуда это известно?

— Это уже наше дело. Вполне возможно, что Одескалхи будет разговаривать с тобой как с английской шпионкой...

— Я ему сразу же выскажу, что я не та, за кого он меня принимает, и что мой муж подло лжет.

— Хочу просить тебя не говорить ему об этом.

— А когда я должна пойти к Одескалхи?

— Об этом я тебе скажу особо. А если он сам начнет разыскивать тебя по телефону и настаивать на встрече, постарайся отговориться от нее. Только ничего не бойся, мы подстрахуем тебя. На сегодняшний день пока все. Давай немного поспим.

Они легли, но заснуть так и не смогли. Габор погасил свет, надеясь, что в темноте сон придет быстрее.

— Кто твоя любовница? — спросила Сулита. — Теперь-то ты можешь мне об этом сказать?

— Лучше тебе этого не знать.

— Почему?

— Чем меньше человек знает, тем лучше для него.

— Уж не боишься ли ты?

— Разве что самого себя.

— Не понимаю я тебя, но все равно... Скажи, ты ее любишь?

— Как хорошего друга.

— А она тебя?

— Не знаю. Постель мы с ней делили, но это не всегда означает любовь. Ты ведь тоже спала со мной?

— Неужели ты до сих пор не веришь, что я тебя люблю?

— Хотел бы верить. О себе я точно знаю, что люблю тебя.

— Я тоже. Ты должен верить мне, Габор.

— Я очень хочу поверить и не потерять тебя. Я хочу быть с тобой сегодня, завтра, всегда.

— А что же будет с твоей любовницей?

— Я порву с ней.

— И ты хочешь, чтобы твоей любовницей стала я?

— Я хочу, чтобы ты вообще стала моей, хочу, чтобы ты родила мне ребенка.

— Вне брака?

— Ты будешь моей женой?

— Не знаю. Ты же понимаешь, что мне сейчас очень тяжело... Я помню, как ответила на такой же вопрос тогда, в Шомодьтарце. И если бы я сейчас сказала тебе «да», ты бы мог подумать обо мне бог знает что.

— Хорошо, не будем пока говорить об этом.

Они замолчали.

Сулита положила голову на плечо Габора и закрыла глаза...

На следующее утро Габор написал подробное донесение о своей вечерней встрече, не умолчав даже о том, что он провел ночь с Сулитой. Затем он вместе с Эржи запросил из секретной части весь имевшийся там материал на Одескалхи и внимательно изучил его. Из прочитанного Габор узнал, что англичанам и американцам удалось создать в Венгрии хорошо разветвленную и искусно организованную шпионскую сеть. Из показаний связных, которых удалось арестовать органам государственной безопасности, выяснилось, что Одескалхи готов идти на риск, всегда имеет при себе пистолет. В настоящее время молодой герцог находится в Будапеште и намерен встретиться с Сулитой.

Габор сказал Эржи, что он хотел бы поговорить с капитаном Балажем.

— По телефону?

— Нет, я лично хочу поговорить с ним.

Минут через пять капитан Балаж уже сидел в кабинете Лукача. В недалеком прошлом Балаж был слесарем, причем не простым, а мастером золотые руки. Вообще он отличался удивительной точностью.

— Йожеф, должен тебе сказать, что Сулита Читари заметила, что вы за ней наблюдаете, — сказал Габор.

— Быть того не может. Если это на самом деле так, то тогда она профессионалка.

— Откуда ты это взял?

— Да ведь вы сами ничего не заметили: ни ты, ни Кешерю. А ведь наши ребята следили за вашей машиной.

— Следили?

— Вернее, охраняли тебя и Кешерю.

— По чьему распоряжению?

— Так приказал полковник Лакатош. Только прошу тебя, Габор, сделай вид, что ты этого не знаешь.

— Даю тебе честное слово, я об этом ничего не знаю. Ты свое донесение уже передал?

— Оно у Эржи.

— Спасибо, Йошка. А жена твоя где сейчас?

— Дома. На следующей неделе она должна родить.

— Еще раз благодарю тебя, Йошка. — Габору захотелось остаться одному.

Капитан Балаж понял это и встал. Габор пожал ему руку.

Оставшись один, майор Лукач погрузился в свои невеселые думы.

«Выходит, что Кешерю оказался все-таки прав. Уж раз Лакатош приказал установить за нами наблюдение, то это значит, что дни наши в самом деле сочтены. Что в такой ситуации можно сделать? — Габор закрыл глаза, почувствовав ком в горле.— Будучи еще гимназистом, я как-то сказал Беле и Деме, что я еще не коммунист, хотя тогда по сути уже был им; в самое трудное время устоял и не выдал товарищей; вот, собственно, почему меня и приняли в партию в казарме по проспекту Андраши. Так за что же, спрашивается, теперь меня собираются уничтожить?.. Не бежать же мне на Запад! Сделать это я, конечно, могу. Спокойно отделаюсь от наблюдателей Лакатоша, это мне не составит особого труда, и перейду границу в том месте, где у нас есть «окно». Но что же тогда будет с Мари, с Сулитой? С Мари, по совету Кешерю, мне необходимо немедленно порвать. А Сулита? Только мы отыскали друг друга — и снова расстаться... А как было бы хорошо жить с ней!.. Разумеется, когда будет доказано, что она не предатель...»

Размышления Габора прервал вызов к генералу.

В кабинете начальника собралось четверо. Сам генерал сидел за письменным столом, справа расположились Кешерю и Габор, а слева, как раз напротив них, — полковник Лакатош. Полковнику было не более сорока пяти лет, но он уже полностью облысел. Худой, низкого роста, он чем-то походил на жокея. В годы хортистского режима его несколько раз арестовывали, подвергая при этом нечеловеческим пыткам, однако Лакатош оставался тверд и никого не выдал. За эту стойкость враги дали ему кличку Красный Монах.

Лакатош попросил слова. Говорил он медленно, положив левую руку себе на шею и массируя кадык.

— Я очень внимательно изучил дело, — начал полковник, — и должен заметить, что оно очень непростое. Намного сложнее, чем мы сначала предполагали. Освежим его еще раз в нашей памяти, товарищи.

Сулита Читари, богатая дочь бывшего землевладельца, в настоящее время работает референтом по внешнеполитическим вопросам при Председателе Совета Министров, имеет доступ ко всем документам. О последнем нелишне еще раз серьезно подумать. Но пойдем дальше.

Муж Сулиты Читари — будем называть ее для ясности этим именем, — кадровый офицер, майор авиации Янош Будаи, в недалеком прошлом коммунист и даже секретарь партийной организации, на военном самолете перелетел в стан врага. Правда, до этого он развелся со своей супругой, вернее, она с ним, чтобы подтвердить этим свою политическую благонадежность...

— Извините! — перебил Лакатоша Габор, не в силах сдержать возмущение. — Если я правильно понял товарища полковника, то он считает, что Сулита Читари играет на руку мужу и одновременно является английской шпионкой, не так ли?

— Вы все правильно поняли, товарищ майор. Именно это я и сказал.

— В таком случае объясните, с какой целью Сулита Читари передала письмо, написанное ее мужем, лично мне в руки? Уж не затем ли, чтобы я разоблачил одного из опаснейших английских шпионов — Одескалхи?

— Послушайте меня внимательно, товарищ Лукач. О вас в министерстве ходят слухи, что вы замечательный специалист. А вот у меня лично сложилось мнение, что вам необходимо очень многому учиться, так как вы далеко не всегда способны понять тонкую и хитрую игру врага.

— Да, я кое-чего действительно не понимаю, — согласился Габор, покраснев как рак и не обращая никакого внимания на знаки, которые подавал ему Кешерю: «Дружище, брось спорить: тут уже давно все предрешено!..» — Я хотел бы знать, в чем же тут дело.

— Сейчас объясню. — Лакатош, даже не попросив у генерала разрешения, закурил. — Ничего нового тут в методах врага нет, — продолжал он. — Бывает в практике и такое, когда ради интересов крупного и важного агента жертвуют мелким. Вот вы подумайте, товарищ майор, кто для английской разведки более важен: герцог или же Сулита Читари? — И, видя, что Габор промолчал, спросил: — Я бы хотел услышать ваше мнение. Я, разумеется, знаю, что вы неравнодушны к Сулите Читари, но все равно хотел бы узнать ваше мнение о ней.

— Если разрешите, я отвечу на этот вопрос вместо майора Лукача. — Подполковник Кешерю посмотрел на Лакатоша. — То, что полковник только что рассказал, теоретически верно, даже очень верно, но только теоретически. Какие имеются доказательства того, что англичане ради спасения Сулиты Читари способны пожерт-

вовать хорошо подготовленным и отважным агентом? — Кешерю посмотрел на генерала. — Еще раз подчеркиваю, что сама теория великолепна, но она ни на что не опирается. А вот влюблен ли майор Лукач в кого-либо или нет — не знаю.

— Не скрою, я люблю Сулиту Читари, но к делу это не имеет никакого отношения.

— Уж не потому ли вы ее и освободили из-под стражи? Она — ваша любовница? — Лакатош бросил на Габора злобный взгляд.

— То, что он ее выпустил, безусловно, правильно, — заметил генерал. — Против Читари не было никаких улик, а в настоящее время, насколько мне известно, она находится под нашим наблюдением. Сейчас же нам необходимо решить, что мы будем делать с герцогом Одескалхи. Ну, товарищ Лукач, что вы предлагаете?

— Поскольку мы точно не установили, — начал Габор, все еще не успокоившись, — знает ли герцог, как выглядит Сулита Читари, видел ли он хотя бы ее фотографию, мы никого, кроме нее, не можем послать на встречу с ним. Однако я должен заметить, что шаг этот очень опасный. Я уже писал в своем донесении, что Одескалхи очень хорошо подготовлен как агент, вооружен и не остановится перед применением оружия.

— Я лично считаю, что Сулита Читари, несмотря ни на что, должна пойти на эту встречу, разумеется при соответствующем прикрытии, — высказал свое мнение подполковник Кешерю. — Одескалхи сейчас очень нуждается в надежном связнике.

Лакатош посмотрел на генерала, тот кивнул.

— Посылать на эту встречу Читари мы не будем, — проговорил полковник. — Принято решение сегодня же арестовать Одескалхи.

— Товарищ полковник... — начал было Габор, но Лакатош раздраженно прервал его:

— Товарищ майор, решение, о котором я только что сказал, окончательное. Вам ясно?

— Ясно, — ответил Лукач. — Однако я не согласен с ним.

— Я тоже не согласен! — сказал Кешерю. — Но, само собой разумеется, приказ я выполню.

— Смею надеяться. — В голосе полковника звучала явная насмешка.

Габору показалось странным молчание генерала, хотя ему-то уж следовало знать, что арест Одескалхи был преждевременен и связан с большим риском.

Генерал, разумеется, знал об этом, но отменить приказ он не мог, так как последний исходил от самого министра Михая Фаркаша. Генерал получил его лично.

Сегодня утром, в восемь часов, он вошел в кабинет министра и по-уставному доложил. Михай Фаркаш предложил ему сесть. Друг друга они знали еще по эмиграции. У генерала сложилось о нем такое мнение: любыми средствами рвется к власти. В обращении Фаркаш был груб, в свой адрес не терпел никакой критики, но зато, не зная человека, давал о нем отзыв, менявший его судьбу далеко не к лучшему. И все это он делал, исходя лишь из собственных впечатлений, которые, как известно, довольно часто бывают ошибочными. Однако, как бы там ни было, так он поступал со многими своими товарищами, находившимися, как и он, в эмиграции. В глубине души генерал был убежден, что Михай Фаркаш самый настоящий сектант. Министр же в свою очередь не любил генерала, тайно завидуя ему. Фаркаш знал, что генерал обладает более основательными военными знаниями, лучше разбирается в политике и вообще более эрудированный человек. Не нравилось Фаркашу и то, что у генерала сложились хорошие, чуть ли не дружеские отношения с некоторыми руководителями коалиционных партий, которые намеревались всерьез сотрудничать с коммунистами. По мнению Фаркаша, такое сотрудничество вело к либерализму и политической слепоте. Министр считал, что коалиционным партиям ни в коем случае нельзя доверять, так как все они являются такими попутчиками, которых в определенное время и в определенном месте нужно оставлять на обочине, иначе партия не сможет идти дальше.

Не раз Михай Фаркаш говорил генералу:

— Послушайте, вы допускаете ошибку, веря в обещания остальных членов коалиции. Поймите же вы в конце концов, что те, кто сегодня идет вместе с нами, завтра может оказаться в лагере противника.

— Но, товарищ Фаркаш, — пытался спорить с ним генерал, — наша страна принадлежит не только одним коммунистам. Кроме нас в ней живет еще десять миллионов венгров.

— Десять миллионов фашистов! Вы это понимаете? Все они в войну были фашистами. Когда гитлеровцы уже

сложили оружие, венгерские фашисты все еще сражались...

Один из таких споров и вспомнил генерал.

...Сев на указанное ему место, он молча смотрел на министра.

— Перейдем к делу, — сухо бросил Фаркаш.

— Несколько дней назад я уже спрашивал у вас, за что арестован мой непосредственный сотрудник Винце Деме.

— А почему вас это так интересует?

— Потому, что я несу за него ответственность.

— Вы разве только за Деме несете ответственность? А за других сотрудников вы не отвечаете?

— Я не понимаю, кого вы имеете в виду, товарищ министр...

— Послушайте меня! — грубо оборвал министр генерала. — В 1945 году партия поручила вам, вернее, доверила сформировать из коммунистов костяк офицерского корпуса новой, демократической армии. А вы что сделали? Наводнили наши вооруженные силы бывшими хортистскими офицерами. А генеральский корпус почти целиком состоял из бывших офицеров хортистской армии и предателей.

— Деме — не хортистский офицер. Он коммунист-подпольщик, воевал в Испании.

— И одновременно полицейский шпик, агент Райка. Он сам признался в этом.

— В тридцать восьмом году я тоже был вынужден признать, что являюсь троцкистом и полицейским доносчиком.

— Что вы хотите этим сказать?

— Абсолютно ничего, товарищ министр. Вернемся к периоду создания новой, демократической армии...

— Продолжайте, я вас слушаю.

— Вы очень хорошо знаете, товарищ министр, что в 1945 году у нас в стране существовала коалиция. И офицеров в новую армию назначал не я, а тогдашний министр обороны. Однако, несмотря на коалицию, нам все же удалось добиться такого положения, что на должности офицеров-воспитателей в органы разведки и контрразведки были назначены коммунисты.

— Вы мне здесь не читайте лекции, а лучше скажите, до каких пор непосредственные соратники Палфи будут находиться у вас?

— Кого вы имеете в виду, товарищ министр?

— В первую очередь Кешерю и Лукача.

— По моему мнению, они честные коммунисты.

— У полковника Лакатоша на этот счет совершенно другое мнение.

— Я знаю.

— Почему вы не послушались Лакатоша?

— Его разумные предложения я выслушал и согласился с ними.

— Вот как? — В голосе министра сквозила насмешка. — В таком случае почему же вы не арестовали Одескалхи? Смешно! Здесь, в Будапеште, находится английский шпион, о котором мы все знаем, а вы играете с ним в прятки!

— Нам нужно установить его связи.

— После ареста он сам нам все расскажет. — Министр встал и заходил по кабинету. — Я лично отдал полковнику Лакатошу распоряжение о том, чтобы к двенадцати часам дня Одескалхи был арестован! У меня все!

— Я не согласен с этим.

— Меня ваше мнение не интересует. Выполняйте приказ!

— Разумеется, приказ я выполню. — Генерал встал. — Товарищ министр, мы с вами знаем друг друга уже двадцать пять лет. До сих пор я у вас еще никогда ничего не просил.

Министр остановился и повернулся к генералу лицом. Поза, в которой он стоял, чем-то напоминала позу Наполеона.

— Что вы просите?

— Сделайте так, чтобы органы госбезопасности не трогали ни Кешерю, ни Лукача.

— Что касается майора Лукача, то против него Винце Деме уже сделал заявление. Не вмешивайтесь в дело этих людей, так как решение по нему уже принято. Идите и выполняйте то, что вам приказано.

...Вот, собственно, почему генерал сейчас с сожалением посмотрел на Кешерю и Лукача: он ничем не мог помочь им. Он был по рукам и ногам связан приказом министра и дисциплиной коммуниста.

— Итак, без нескольких минут двенадцать я намерен лично допросить Одескалхи, — сухо проговорил полковник Лакатош.

Габор кивнул и попросил разрешения идти. Генерал сразу же отпустил его. Лукач вышел из кабинета на-

чальника и вернулся к себе. Сев за стол, он подпер подбородок ладонями и безразличным взглядом уставился в стену напротив. Сидел и думал о том, почему он должен выполнять этот глупый приказ. Да и вообще, почему он должен работать именно здесь? В конце концов Вероника Лукач вовсе не для того родила его на свет, чтобы он стал офицером контрразведки. Правда, его направила на эту работу партия. Партия... в лице крестного Белы Колесара, который так распорядился его судьбой. Но где теперь сам Бела Колесар?..

От невеселых раздумий Габора оторвал вошедший в кабинет подполковник Кешерю. Он сел, закурил, а затем спросил:

— Что случилось, дружище? Что склонил буйную головушку?

Габор не заставил себя долго упрашивать и тут же поделился с подполковником своими соображениями.

— Я тебя понял, — сказал Кешерю, выслушав майора. — По крайней мере, надеюсь, что понял. Видишь ли, старина, в свое время я тоже не хотел становиться офицером-контрразведчиком. Охотнее всего я стал бы редактором или педагогом. Но, как видишь, занимаюсь совсем другим делом. Как и ты. Терпи, Габор, уже недолго осталось. Наши дни, можно сказать, сочтены.

— Полагаешь, нас арестуют? — спросил Габор.

Кешерю кивнул.

— Но ведь это же безумие...

— Так-то оно так, — согласился подполковник, — но все дело заключается в том, что мы с тобой были непосредственными сотрудниками Палфи и потому не можем оставаться дальше на свободе. Ты разве не заметил, как наш генерал боится полковника Лакатоша?

— Заметил, как не заметить. Обидно было, что он даже словом не возразил Лакатошу, хотя хорошо знает, что запланированная сверху акция явно ошибочна, ведь Одескалхи живым нам в руки не дастся. Почему генерал молчал?

Кешерю уставился на носки своих ботинок, словно любуясь ими.

— Лакатоша он просто боится, зная, что полковник — доверенное лицо Михая Фаркаша. Однако, несмотря на это, я все же считаю нашего генерала очень порядочным человеком.

— Я тоже, — согласился Габор и посмотрел на Кешерю. — Но я не понимаю, почему он одобрил приказ

Лакатоша. Из наших донесений ему должно быть ясно, что арест Одескалхи по разработанному ими плану очень рискован и может стоить нескольких человеческих жизней.

Кешерю забарабанил пальцами по спинке кресла.

— Как ты думаешь провести арест? — спросил он у Габора.

— Большого выбора у меня нет. Поручу все Балажу и Алмаши. Скажу им, что герцог вооружен и очень опасен. И если он сам не сдастся, пусть стреляют по ногам.

— Боже, ну и глуп же ты, дружище! — воскликнул Кешерю. — Ты или чрезмерно зол на Лакатоша, или дилетант, который готов действовать, не давая себе труда хорошенько подумать. Габор, Балаж и Алмаши — твои лучшие сотрудники. Нельзя рисковать их жизнью. Скажи мне, с каких пор ты знаешь Франциску Гертель?

— Со времени учебы в гимназии, — ответил Габор и, задумавшись, представил себе кареглазую девушку со светлой косой и лицом, слегка тронутым веснушками. — Странно, — продолжал он, — с ее братом Куртом я никогда не дружил, а вот Франциска мне нравилась, да и я ей тоже. Тогда Одескалхи еще не ухаживал за ней. Франциска в ту пору уже выступала с сольными концертами; бывало и так, что она по настоятельным просьбам господина Гала играла перед молодежью. У нас с ней была составлена одна общая программа: она играла на фортепьяно, а я читал стихи. Помню, я декламировал поэму Эмиля Абрани «Что такое родина?», а она аккомпанировала. Музыку к стихам написал Корнель Абрани. Поэма была патриотическая, и успех — огромный. Если я не ошибаюсь, была там и теноровая партия, которую пел Геза Шиманди. Должен сказать, что мы много репетировали с Франциской и, разумеется, сблизились. Симпатичная была девушка, веснушчатая такая. Она мне очень нравилась...

— Ты был с нею близок?

— Нет. На это я не отважился, хотя, как мне теперь кажется, Франциска вряд ли оскорбила бы меня отказом. Не скрою, целовались мы с ней часто.

— Перед расставанием вы поссорились?

— Нет.

— Когда же Франциска стала любовницей Одескалхи? — Кешерю словно допрашивал Габора.

— Думаю, что в годы войны. Но я хорошо знаю Франциску и не верю в то, что Одескалхи стал ее любовником.

— Когда ты встречался с ней в последний раз?

— Пожалуй, с год назад. Она давала концерт в Музыкальной академии. После концерта я прошел в ее уборную, и потом мы вместе поехали ужинать. Франциска рассказала мне, что живет одна: мать ее умерла в сорок седьмом году, а отец — еще раньше, в плену. Старший брат, ставший эсэсовцем, эмигрировал в Соединенные Штаты, младший, Курт, живет где-то в Австрии. Он получил чин унтер-офицера в войну, со своей частью бежал на Запад, там и остался. Я спросил ее, есть ли у нее ухажер. На это она шутливо ответила, что ее ухажер — это музыка, с ней она и живет. Франциска очень сожалела, что не может давать концерты за границей, поделилась мечтами—выступить в Москве, Праге, Варшаве, а также в Вене, Париже и Лондоне.

— Она знает, что ты военный?

— Разумеется. Более того, она даже знает, где именно я служу.

— Об Одескалхи ты с ней не говорил?

— Нет. Она призналась, что охотно будет встречаться со мной, если я этого захочу. Но больше нам встретиться не удалось. Мне все время было некогда, да и не хотел я морочить ей голову.

— Судя по фотографии, она симпатичная.

— Очень даже, — подтвердил Габор. — Вот только она блондинка, а мне больше нравятся брюнетки.

— Габор, постарайся сам арестовать Одескалхи. Я тебе сейчас объясню почему. Тебя Франциска безо всякого подозрения впустит в свою квартиру, и нам не придется врываться туда силой. Разумеется, наши ребята тебя на всякий случай подстрахуют. А оказавшись в квартире, тебе будет легче обезоружить Одескалхи. Правда, дело это нелегкое, но тебе придется рискнуть.— Кешерю посмотрел на часы. — Пять минут одиннадцатого. Времени осталось совсем немного. Тебе пора отправляться.

— Я знаю. — Габор достал из сейфа вальтер и, дослав патрон в патронник, поставил пистолет на предохранитель.

— Ну, иди, — напутствовал его Кешерю. — А я с Палом Алмаши подстрахую тебя.

6

Сулита была очень удивлена, когда, войдя в свой рабочий кабинет, увидела Габора. Он сидел в кресле и курил.

— Ты здесь?! — спросила Сулита и, положив на письменный стол дело, которое держала в руках, добавила: — Ну, здравствуй. — Она вплотную подошла к седоволосому мужчине, а когда Габор встал, протянула ему руку.

— Я тебя искал, — объяснил майор. — Мне сказали, что ты у премьер-министра. Тогда я решил подъехать прямо сюда и подождать тебя здесь. Что у тебя нового? — Он посмотрел на часы. Стрелки показывали тридцать пять минут одиннадцатого.

Сулита, заметно нервничая, закурила.

— У меня сегодня очень плохое настроение, — призналась она. — Премьер поинтересовался тем, что пишут в западных, и особенно в американских, газетах о казнях в нашей стране.

— И что же в них пишут?

— Все сходятся в одном: судебные процессы мы якобы проводим по прямой указке Москвы, в том числе и процесс по делу Ласло Райка. Ты коммунист, скажи, что ты думаешь по этому поводу?

— Я верю партии и тому, что эти процессы вполне законны. Я собственными ушами слышал, как обвиняемые сами признавались в совершенных ими преступлениях. С петлей на шее обычно не врут.

— Западные корреспонденты пишут, что, видимо, заключенных доводят до такого состояния, а потом делают им такие уколы, что...

— Глупости! — перебил ее Габор. — Я этому не верю. Если бы такое на самом деле было, я бы об этом знал. К черту эти слухи! — И уже значительно тише он продолжал: — Придет время, и мы все узнаем... — Он достал сигарету, закурил.

От взгляда Сулиты не ускользнуло, что Габор выглядит очень уставшим и задумчивым.

— Что-нибудь случилось? — Габор закрыл глаза и не ответил на ее вопрос. — Могу я тебе чем-нибудь помочь?

Майору почему-то не понравилась сигарета, он погасил ее и, достав из кармана записную книжку, полистал ее.

— Будь добра, позвони Франциске Гертель. — На миг он задумался. — Ага, вспомнил. Тебе не называли пароля на случай, если ты захочешь установить с Одескалхи связь?

— Ты же читал письмо Будаи.

— Читал, но в нем об этом ничего не говорится. Выходит...

И тут с Габора всю усталость словно рукой сняло, он внимательно посмотрел на Сулиту, которая даже несколько смутилась.

— Выходит, что его нет. Габор, я хочу, чтобы ты мне верил. Вечером у меня была Франциска.

— Когда именно?

— Подъезд еще не запирали, следовательно, где-то около девяти. Мы с ней проболтали с полчаса.

— О чем?

Сулита потушила сигарету и посмотрела на Габора.

— Она сказала мне, что Одескалхи живет у нее. Она хочет избавиться от него, но не знает, как это можно сделать. Сообщать в полицию она не станет, так как не хочет быть доносчицей.

— Почему ты мне не рассказала об этом? Почему не позвонила вчера вечером или хотя бы сегодня утром?

Сулита молчала. Габор, видимо, не понимает, что есть вещи, вызывающие у человека чувство омерзения, которое и мешает совершить определенный поступок.

— Почему ты молчишь?

— Габор, постарайся понять меня.

— Что я должен понять?

— Я тоже не хочу становиться доносчицей.

Габор встал и подошел к окну. На миг в нем шевельнулось сомнение: а вдруг Сулита что-то скрывает? Его снова охватило чувство страха и недоверия.

— Позвони Франциске. — Он назвал номер телефона, хотя и предполагал, что он Сулите и без того известен. — Спроси ее, дома ли герцог. Если дома, скажи, что ты пришлешь человека, который переведет его в более надежное место.

— Я позвоню, но объясни мне, пожалуйста, Франциске ничего не будет за то, что герцог живет у нее?

— Я не знаю. Она скрывает военного преступника. Я не имею ни малейшего представления о том, каким образом она может избежать наказания. Позвони, а то время идет.

Сулита набрала номер. К телефону долго никто не

подходил, но когда Сулита уже хотела положить трубку, ей ответили.

— Я сотрудница филармонии и хотела бы говорить с пианисткой Францискoй Гертель, — сказала Сулита, как они заранее условились с Габором. — Хочу предложить вам возможность выступить в следующем месяце с концертом в Вене... Да? Это просто великолепно! Через полчаса к вам подъедет наш сотрудник, с которым вы сможете обсудить все детали... Не стоит благодарности, до свидания. — Положив трубку, Сулита тяжело вздохнула: — У тебя есть минута времени?

— Есть.

— Я прошу тебя не сообщать своему начальству о том, что Франциска разыскивала меня, чтобы посоветоваться, и что я обещала тебе сообщать обо всем.

— Но не сдержала обещания... Хорошо, забудем об этом, — сказал Габор. — Вечером ты будешь дома? Ну, скажем, часов в семь?

— Я жду тебя.

Габор, вышел, небрежно попрощавшись. Сулиту охватила какая-то тревога. Она не находила себе места. Сидела и перелистывала лежавшие на столе журналы, но читать не могла, содержание мигом улетучивалось из головы. Она чувствовала, что Габор не верит ей. Но как ей доказать ему, что она вовсе не враг? Правда, когда-то она действительно сказала ему, что боится коммунистов и, возможно, станет бороться против них. Но это было так давно, мир с тех пор сильно изменился, да и сама она тоже. Теперь она многое видит совершенно иначе, понимает, что перемены к лучшему произошли в стране по воле коммунистов. Правда, некоторые вещи ей и сегодня непонятны. Например, зачем Райк и его сторонники хотели, как заявляют власти, заменить существующий порядок...

В час дня она зашла в министерство иностранных дел, где проконсультировала нескольких сотрудников, а затем ее, как референта Совета Министров по внешнеполитическим вопросам, пригласили на лекцию, которую читал представитель ЦК партии. Он довольно подробно рассказал о все более обостряющемся международном положении, которое, по его словам, вполне можно сравнить с тем, что создалось перед самой войной.

— В столь сложной международной обстановке, — говорил докладчик, — главное значение приобретает бдительность. Последние месяцы красноречиво показа-

ли, что изменникам и агентам империалистических разведок удалось проникнуть даже в самое сердце нашей партии. Слава нашим руководителям и великим учителям, товарищу Ракоши! Благодаря им происки врагов были сорваны... — Оглушающие аплодисменты, вспыхнувшие в зале, не дали докладчику говорить дальше. Сулита хлопала в ладоши вместе со всеми и в тот момент верила, что Ракоши действительно необыкновенный человек. Он казался ей легендарным героем: просидел в тюрьме за свои убеждения шестнадцать лет, не испугавшись смертного приговора, смело отстаивал на судебном процессе коммунистические идеи и идеи Октябрьской революции в России.

Когда позже Сулита за одну ночь прочла материалы судебного процесса над Ракоши, она долго находилась под их впечатлением. «Боже мой, неужели все коммунисты такие?» — думала она. Однажды случилось так, что на одном из приемов она оказалась совсем близко от Ракоши, который разговаривал по-английски с одним из западных дипломатов. Ракоши не только великолепно говорил по-английски, но еще и отпускал остроумные реплики...

Дождавшись, когда аплодисменты стихли, докладчик вновь начал говорить, но Сулита, погрузившись в свои воспоминания, уже не слушала его.

Весной она была на митинге, где Ракоши, говоря о внешнеполитической деятельности, процитировал одну из статей «Нойе Цюрихер нахрихтен», в которой автор между прочим писал и о том, что большинство венгерских дипломатов является выходцами из рабочих предместий и что среди послов имеются люди с начальным школьным образованием. Сама Сулита не нашла в этом ничего необычного. Она изучала английский язык на курсах МИДа, где с любопытством и уважением наблюдала за рабочими и работницами, занимавшимися с завидным прилежанием и усердием. Разве странно, что, создавая новое государство, коммунисты хотят иметь собственные образованные кадры? Сулита была уверена: избранные на всеобщих выборах руководители будут достойно представлять интересы народа, всей страны в целом. Часто она задумывалась над тем, как бы она

лично вела себя, если бы ее вдруг послали на работу в венгерское посольство, находящееся в каком-либо западном государстве... Ведь в Швейцарии, в одном из банков, хранится все ее состояние, и она может получить его, окажись в Цюрихе. Там ей выдадут не только ее деньги, но и сумму, унаследованную от отца. Достаточно произнести слово «дедушка», назвать номер шифра, и она сразу же станет очень богатой. Доктор Марта, ставший одним из руководителей коллегии адвокатов, не раз спрашивал у Сулиты о том, что стало с драгоценностями, которые он в свое время передал послу Читари. Сулита всегда отвечала, что она этого не знает, так как отец не сказал ей, куда он их спрятал. На вопрос, почему она стала с недоверием относиться к адвокату Марте, она ответить не смогла бы. Ее недоверие было просто инстинктивным.

После лекции Сулита встретилась с Михаем Тотом, одним из заместителей министра. Еще до войны он работал в министерстве иностранных дел в качестве техника, отвечавшего за замки, сейфы, исправность освещения. Сотрудники министерства не знали, что в то время он был членом нелегальной компартии. Именно тогда Тот часто бывал в семье Читари: Михай очень уважал посла, зная о его антинемецких настроениях. Они часто разговаривали о политике. Еще будучи ребенком, Сулита не раз, стоя возле дядюшки Тота, с удивлением наблюдала за тем, как тот искусно чинил или вставлял замок. Девочка, стараясь помочь, подавала ему то молоток, то отвертку, счастливая от одного сознания, что она помогает мастеру. Сулита хорошо запомнила, как отец однажды сказал ему: «Михай, вы умный человек и, что особенно важно, любознательный. Не пойму, почему вы не учитесь дальше? Насколько мне известно, вы хорошо говорите по-французски. Где изучали язык?» «Сударь, моя мама француженка. Отец же шахтер, долго работал во Франции, где и познакомился с мамой. Знаете, сударь, я очень люблю читать и читаю много. Люблю хорошие книги...» — ответил слесарь.

— ...Ты располагаешь временем? — спросил Тот у Сулиты.

— Да, господин заместитель министра.

— Тогда зайдем ко мне.

Они прошли в просторный кабинет, обставленный довольно скромно. Сулита села в кресло, думая о том, зачем она понадобилась дядюшке Тоту. Заместитель ми-

нистра прошелся по комнате. Двигался он легко, несмотря на свои пятьдесят и лишний вес. Потом сел и предложил Сулите сигарету. Оба закурили.

— Сулита, скажи, уже выяснена причина смерти твоего отца?

От этих слов у Сулиты потеплело на душе, а на глаза даже навернулись слезы. «Вот они какие люди!»

— Спасибо, дядюшка Михай. Дело прояснилось. Известно, что яд отцу передал Пал Берци. Берци убил его или, во всяком случае, уговорил пойти на самоубийство.

— И что же сталось с этим негодяем?

— Он исчез.

— Понятно, — проговорил Тот, и его худое лицо помрачнело. — Скажи, а как себя чувствует твоя мать?

— Все хуже. К сожалению, она не понимает происшедших перемен. Она и по сей день считает себя крупной помещицей, думает, что она по-прежнему важная госпожа. Короче говоря, живет в мире иллюзий и ждет отца, полагая, что он находится в командировке в одной из дальних стран. Она не верит, что его уже давно нет в живых. Я с ней не спорю, пусть так думает. Мария тоже продолжает величать ее сударыней.

Тот долго смотрел прямо перед собой в пустоту.

— Мария... — произнес он и посмотрел на Сулиту.— А ты знала, что я хотел жениться на Марии?

— Нет, не знала, — изумленно призналась она. — Мария мне никогда не говорила об этом. И почему же вы не женились на ней?

— Виновата в этом она сама: не захотела оставить свою госпожу, а позже — вас. — Он махнул рукой. — Ну, не будем ворошить старое. Скажите, Сулита, как вы себя чувствуете в секретариате Совета Министров?

— Все хуже и хуже, — откровенно призналась женщина. — Господин премьер-министр доверяет мне, но у меня такое предчувствие, хотя я об этом еще никому не говорила, что дни моего пребывания на должности сочтены. Знаете, дядюшка Михай, я их понимаю. Почему они должны верить в то, что Сулита Читари с чистым сердцем приняла социализм? В конце концов, я продолжаю оставаться для них отпрыском богатого землевладельца. Муж мой сбежал за границу, а знать о том, почему я задолго до этого развелась с ним, им вовсе не обязательно. Я не могу вырвать из своей груди сердце и показать его, чтобы все могли убедиться в моей честности... Знаете, дядюшка Михай, иногда я мысленно как

бы покидаю свою телесную оболочку и вместе со своей душой взмываю в высоту, где парю, подобно птице, и сверху смотрю на наш странный мир. Я понимаю, что судьба преподнесла нам урок, исчерпать который вряд ли удастся в течение жизни одного поколения. И вот с высоты своего полета я вижу, что это поколение находится в западне. Дядюшка Михай, я вижу, как к власти приходят люди, которые не верят даже собственным родственникам. Волна недоверия похоронила под собой много честных людей, место которых среди нас.

— Понятно, — проговорил Тот. — Думаю, что ты права. Сулита, я боюсь за тебя. Боюсь потому, что верю в тебя и хорошо знаю, что в настоящее время секретариат Совета Министров неподходящее для тебя место. Я постараюсь добиться твоего перевода к нам. Пойдешь?

— С радостью.

— Договорились. — Тот встал. Сулита тоже. — Скажи, Сулита, ты снова вышла замуж?

— Нет.

— Однако жених у тебя имеется?

— Нет.

— Может быть, ты не хочешь замуж?

— Не знаю. Все это очень сложно, дядюшка Михай. Знаете, недавно я встретилась с человеком, которого любила, когда была девушкой. Увидела и поняла, что я и сейчас его люблю.

— И он тебя тоже?

— Сказал, что да.

— Ну и что же? Он женат?

— Нет, холост.

— Кто же этот человек?

— Майор, служит в военной контрразведке... — И она рассказала Тоту о том, при каких обстоятельствах встретилась с Габором.

— И он освободил тебя?

— Да.

— Смелый шаг. Надеюсь, ты знаешь, что работа у твоего майора секретная? И потому он не может взять в жены кого попало.

— Но я не кто попало, — печально проговорила молодая женщина. — Разумеется, я это понимаю, дядюшка Михай, но все же хотела бы соединить с ним свою жизнь.

— Понятно. Короче говоря, Сулита, я, с твоего раз-

решения, буду действовать. Надеюсь, что мне это удастся.

Они тепло распрощались. Сулита вернулась к себе на работу. К огромному удивлению Сулиты, у входа в подъезд ее ожидала заплаканная Франциска.

— Ты чего здесь?! — Сулита обняла светловолосую девушку.

— Где с тобой можно поговорить? — Франциска дрожала всем телом.

— Пошли со мной. — Сулита выписала ей пропуск и провела в свой кабинет. — Садись и не реви! — строго проговорила она. Сев напротив Франциски, спросила: — Ну, рассказывай, что случилось?

— Габор застрелил Одескалхи, — сквозь рыдания вымолвила Франциска. — Прямо наповал.

Сулита задрожала, от страха у нее перехватило горло.

— А что с Габором? — тихо спросила она.

— Ничего.

— Успокойся и рассказывай.

— Одескалхи был таким страшным... — Девушка снова заплакала. — Утром он вел себя вполне нормально. Попросил поесть. Я поджарила ему яичницу с салом, налила чай с гренками. Сидели, разговаривали, он еще пожаловался, что ты не звонишь, а ему была нужна твоя помощь. Потом я стала играть на пианино, а он ушел в другую комнату. Часов в девять он зашел ко мне, облокотился на инструмент и придавил мне руки крышкой. Он посмотрел на меня долгим, каким-то странным взглядом, а потом спросил, не говорила ли я о нем с кем-нибудь. Я не рискнула признаться, что была у тебя. Но он пристал ко мне, стал расспрашивать, куда я ходила вечером, к кому, а сам все сильнее и сильнее давил крышкой пианино мне руки, а потом прошипел, что если я совру, то он мигом сделает меня калекой. Я соврала, что была в филармонии на концерте. Он достал пистолет, бросил злобно, что свою жизнь дешево не отдаст. Я не знаю, что с ним произошло. А позже позвонила ты. Я тут же передала ему наш разговор, сказала, что ты пообещала прислать своего человека, на которого вполне можно положиться. Он стал спрашивать, кто же именно придет. Я ответила, что не знаю этого. Самочувствие мое было ужасным. Я видела, как он спрятался за шкаф, что стоял напротив входной двери, и даже немного отодвинул его от стены. Когда пришел Габор, Фрици подождал, пока мы пройдем в комнату, и, выйдя из-за шка-

фа, с какой-то сатанинской усмешкой приказал Габору поднять вверх руки. Увидев в руках Фрици оружие, Габор повиновался. Фрици приказал ему стать лицом к стене. Габор и этот приказ выполнил. Тогда Фрици приблизился к нему и начал обыскивать. Остальное случилось так быстро, что я и опомниться не успела. Габор быстро повернулся и схватил Фрици за руку. Они начали бороться. Я хорошо видела, как Фрици хотел было выстрелить в Габора. Потом оба они повалились на пол и свились в клубок. На миг Фрици оказался сверху...

— А потом? Что было потом?! — торопила Сулита.

— Потом я услышала выстрел и увидела, как Фрици сполз с Габора. Но в руке у него был пистолет.

— Выходит, он сам застрелился?

— Нет. Во время схватки Габор так вывернул руку Фрици с пистолетом, что тот выстрелил сам в себя, хотя целился сначала в Габора. В этот же миг в дверь сильно забарабанили. Я с трудом подошла и открыла ее. В квартиру ворвались двое мужчин. Оказалось, что это помощники Габора. Один из них сразу же вызвал «скорую помощь», но было уже поздно. Убитого увезли на особой машине...

— Ты не помнишь, что Габор говорил своим коллегам? Не помнишь, как он их называл?

— Если не ошибаюсь, одного из них зовут Кешерю.

— Я его знаю. Худой такой блондин.

— Да. Габор еще сказал ему, что я являюсь его информатором и еще вечером сообщила, что Одескалхи собирается перебраться в другое место. И еще он говорил, что якобы я позвонила тебе, как только Фрици появился у меня в квартире, а ты сообщила об этом Габору. А в прошлое воскресенье, то есть позавчера, мы втроем встретились вечером перед консерваторией, и мне было поручено внимательно следить за Фрици: кто его разыскивает, с кем он встречается, о чем говорит...

— Ясно. Все это Габор придумал, чтобы отвести от тебя беду: не забывай, что ты укрывала военного преступника, а за это тюрьмы не избежать.

— Я знаю. И если все кончится благополучно, то я до конца жизни буду благодарить Габора.

— Я полагаю, что нас обеих вызовут на допрос, так что нужно заранее условиться, что и как мы будем говорить. Кофе хочешь?

— Хорошо бы.

Сулита попросила секретаршу сварить им кофе, и

женщины договорились, как станут вести себя на допросе. Приняв таблетку успокоительного, Франциска несколько успокоилась.

— Сулита, скажи, ты в хороших отношениях с Габором?

— Как тебя понимать?

— Ты его любовница?

— Нет, — соврала Сулита.— А почему ты так решила?

— Я и сама не знаю.

— Ты и у Габора об этом спрашивала?

— Нет, что ты! Но признаюсь тебе — Габор мне очень нравится. Я в него была влюблена еще до войны, когда училась в гимназии, но он тогда ухаживал за другой девчонкой. Правда, он никогда не говорил о ней, он вообще не любил хвастаться такими делами. У меня предчувствие, что и сейчас у него кто-то есть, кого он очень любит. Вот я и подумала, что это ты.

— Нет, это не я. — Сулита явно смутилась. Она нервно закурила. — А если бы Габор захотел встречи с тобой, тогда что?

— Он этого не захотел. В прошлом году, правда, он однажды пригласил меня поужинать. Все было очень хорошо. Я даже подумала, что у этого вечера будет продолжение, но его не было.

Глядя на красивое лицо Франциски, Сулита думала о том, какой же должна быть та женщина, которая отвлекла Габора от этой пианистки. Правда, он и за ней, Сулитой, не больно-то ухаживал. И если бы Янош не сбежал за границу, они, возможно, и сейчас избегали бы встреч. А ведь оказалось, что они любят друг друга. Так почему же, спрашивается, они не могут жить вместе?

Франциска встала, сказав, что ей нужно идти. Они попрощались, договорившись скоро встретиться. Вскоре после ухода девушки на столе зазвонил телефон. Сулита сняла трубку.

— Говорит Габор Лукач.

— Здравствуй. Это я, Сулита. Откуда ты звонишь?

— Я здесь, внизу, у подъезда. Спустись, пожалуйста.

— Подожди минутку, я быстро соберусь и спущусь.

Когда Сулита вышла из подъезда, Габор подвел ее к своей машине. Оба сели.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Сулита.

— В отель «Геллерт». Не волнуйся: я заранее все уладил, даже заплатил за номер.

В гостинице их встретили, как встречают старых знакомых. В номере уже стояли прохладительные напитки.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил Габор.

— Рюмку коньяку, если есть.

— Здесь все есть. — Габор наполнил рюмки. Сулите показалось, что он в плохом настроении. — Ну, выпьем за наше с тобой здоровье.

— Скажи, Габор, из каких средств ты платишь за такую дорогую гостиницу, за вино и ужин?

Габор подал рюмку Сулите, выпил сам, а уж потом с ехидством ответил:

— Иногда женщины платят мне за услуги.

— Вот как раз этого тебе и не следовало бы вспоминать!

— Следовало. Не сердись, но ты и в прошлый раз спрашивала меня о том же самом. Если тебя это так интересует, могу сказать, что я не вор и не взяточник.

В дверь постучали. Габор впустил в номер официанта, который принес холодные закуски.

— Поставьте все на стол. — Габор расплатился с официантом и закрыл за ним дверь. — Посмотри сюда: тут тебе и семга, и икра, и ветчина, и французский салат, и шведские грибы... Как-никак у меня в гостях такая дама! Насколько я помню, в Шомодьтарце ужин был не лучше. Садись к столу.

Сулита даже не пошевелилась.

— Скажи, что тебе от меня нужно? Я бы хотела уехать домой, меня ждет сын...

— Ты же только что звонила Марии и сказала, что вернешься поздно!

— А тебя не интересует, приятно мне сейчас с тобой или нет?

— Ты же сама говорила, что любишь меня.

— Говорила, но это ничего не значит.

— Что ты мелешь?

— Почему ты такой нервный? — Сулита побледнела.

— Сулита, я бы хотел, чтобы ты поняла меня. — Габор сел на ковер, положив подбородок ей на колени. — Только долго я не могу ждать.

— Чего ждать?

— Твоей ласки. Я хочу, чтобы сегодня ты была со мной такой ласковой, чтобы я вспоминал об этом даже в минуту смерти...

— Что с тобой? — Она запустила пальцы в его шевелюру.

— Считай, что я болен, смертельно болен. Хотел жениться на тебе, но боюсь, что для этого у меня не хватит времени. Представь, что сейчас здесь я попросил твоей руки. Считай, что ты моя невеста. Хочешь стать моей женой?

— Хочу.

— Тогда не упускай ни одной минуты.

— Разреши мне принять душ?

— Пожалуйста.

Габор лег на диван, закрыл глаза и сразу же увидел искаженное ненавистью лицо Одескалхи... Он знал, что полковник Лакатош будет утверждать, что Одескалхи застрелен намеренно. Но стоит ли в эти минуты думать и об Одескалхи и о Лакатоше? Завтра он письменно изложит и генералу и парткому о своем желании жениться на Сулите Читари. А если они запретят?

— Я здесь, — услышал он голос Сулиты. На этот раз она была такой пылкой и нежной, какой Габор ее еще не знал...

Потом они долго лежали неподвижно и молчали.

Когда Габор закурил, Сулита попросила:

— Дай и мне сигарету... Ты доволен?..

— Ты удивительно хороша! Сулита, завтра же я сообщу кому следует о том, что беру тебя в жены.

— Кого ты имеешь в виду?

— Своего генерала и партком.

— А если они скажут «нет»?

— Тогда придется немного подождать, но и тогда ты будешь для меня как жена.

— А если тебе запретят встречаться со мной?

— Не запретят.

Сулита чувствовала себя счастливой. Она знала: если Габор что-либо решил, то обязательно добьется своего.

— Не боишься, что у тебя от меня будет ребенок?

— Не боюсь, ты же сам говорил, что хочешь ребенка.

— Хочу, конечно, но только хорошо бы было подождать немного.

— Это почему же?

— Потому, что скоро меня арестуют.

— Не шути.

— Я не шучу.

— Уж не за то ли, что ты застрелил Одескалхи?

— За то, что я был сотрудником Палфи. Да и за герцога тоже. Я вовсе не собирался убивать его, но мне все равно не поверят. А теперь слушай меня внимательно.

Франциске ничего не будет, если она поведет себя так, как я тебе говорил. Самое главное заключается в том, что Франциска через тебя сообщила мне о приезде Одескалхи.

— Об этом я ей уже сказала... Скажи, почему ты решил помочь ей?

— Я знаю, что Франциска — честный человек и удивительная пианистка. Кому будет польза от ее ареста?.. Сулита, если ты и правда забеременеешь, я дам тебе один адрес...

— Не нужно мне никакого адреса... — Сулита расплакалась.

— Не реви. — Габор привлек ее к себе, погладил по волосам, поцеловал в губы.

— Габор, ты хорошо знаешь границу? — спросила Сулита, немного успокоившись.

— Какую границу?

— Западную.

— Знаю, а почему ты об этом спрашиваешь?

— Если бы ты мог переправить нас в Австрию...

— Кого это вас?

— Маму, Марию, сына и меня. Но, разумеется, при условии, что и ты с нами поедешь.

Габор слез с кровати, подойдя к столу, наполнил два бокала вином и один из них подал Сулите.

— Если бы я захотел, то, конечно, мог бы дать вам возможность выехать за границу... с фальшивыми паспортами, но я не хочу этого.

— А я не хочу, чтобы ты оказался в тюрьме. В Швейцарии у меня хранится в банке огромное состояние. Мы смогли бы жить припеваючи. Коммунистом ты мог бы оставаться и там...

— Скажи, ты очень удивишься, если я сейчас влеплю тебе хорошую пощечину?

— Но за что?

— За то, что ты этого вполне заслуживаешь. Уж не хочешь ли ты сделать из меня предателя?

— Ты не так меня понял. Я только хотела... — И она замолчала, не договорив.

— Чего же ты хотела? Продолжай.

— Я не хочу, чтобы ты сидел в тюрьме.

— Нет, Сулита, из этой страны я никуда не уеду... Даже в том случае, если вдруг узнаю, что меня повесят. — Он посмотрел на часы. — А сейчас, дорогая, нам

нужно идти. Я должен успеть сделать одно очень важное дело. До дома я тебя провожу.

— Поцелуй меня!

7

В тот же день ночью Габор навестил Мари Каройи в мастерской отца. Девушка была слегка пьяна.

— Где ты был?! Почему ты прячешься от меня? — набросилась она на Габора.

— Сколько ты выпила?

— Много, но меня и палинка не берет. — Она подошла к столу, на котором стояла бутылка, и хотела выпить еще, но он отобрал бутылку, а когда Мари попыталась вырвать ее, Габор ударил девушку по щеке.

Она разрыдалась.

— Перестань плакать! — сказал он. — И не сердись.— Обняв Мари, он подвел ее к кушетке и заставил сесть.— Сиди спокойно, прошу тебя.

Габор тоже сел и невольно подумал о том, как счастлив он был несколько часов назад с Сулитой. «Нет, нельзя сейчас думать о ней. Было, и ладно. Теперь мне нужно все уладить с Мари...»

— Мари, дорогая, послушай, что я тебе скажу. Смотри мне в глаза и слушай! — Он взял девушку за подбородок. Мари кивнула. — Мари, завтра утром я должен уехать. И очень надолго, возможно, даже на несколько лет. Уезжаю туда, откуда не смогу даже писать тебе. Я не должен был говорить этого, но я верю тебе. Кто бы тебя ни спрашивал, где я, всем отвечай, что ты не знаешь. Если же будут интересоваться, были ли мы близки, говори, что не были. Это в твоих интересах. Пойми меня правильно. Я очень горжусь, что был знаком с тобой, но если ты в этом сознаешься, то навредишь себе. Скажи, что мы встречались несколько раз в книжной лавке, у меня, у тебя... Скажи, что ты невеста моего друга.

— Забери меня с собой, не оставляй меня тут... — Мари вцепилась в Габора. — Я совсем-совсем одна. Если ты меня оставишь, я пропаду...

— Взять тебя с собой я не могу. Поверь мне. Прошу тебя, не плачь. Придет время, и ты поймешь, что поступить иначе было невозможно. Я военный и выполняю приказ.

— Останься со мной на ночь.

— Не могу, Мари, мне нужно идти. — Габор поцеловал девушку. — Я очень устал. — Высвободившись из

объятий Мари, он встал, посмотрев на лицо плачущей девушки. «Что-то с ней теперь будет? — подумал он. — Чем я могу помочь ей, чтобы она не стала алкоголичкой, не скатилась на самое дно?» — Мари, ты унаследовала от отца очень много ценных скульптур, которые охотно купят музеи или же богатые меценаты. Я бы очень хотел, чтобы ты училась дальше и, самое главное, бросила пить. У меня есть одна сотрудница, Юлия Хорват. Сейчас Юлия, как и я, служит в армии, но вместе с тем она настоящий знаток и ценитель искусства. У нее имеются хорошие связи. Я попрошу, чтобы она помогла тебе правильно распорядиться наследством, помогла продолжить учебу... Подойди ко мне, поцелуемся и расстанемся как друзья.

В одиннадцатом часу вечера Габор вернулся на работу и вошел в свой кабинет. Эржике принесла ему кофе и бутерброд.

— Что нового? — поинтересовался Габор у секретарши.

— А вы разве не знаете, товарищ майор?

— Нет, не знаю, — сказал он, отпивая кофе.

— Арестован Кешерю.

— Когда?

— Час назад.

— Здесь?

— Да. Я сама видела, как его уводили сотрудники госбезопасности.

— А вы откуда знаете, кто они такие?

— Я узнала полковника Белу Вайду.

— Сядьте. Эржи, вы верите, что Кешерю предатель?

— Товарищ майор, я очень любила Кешерю, но в душу ему не заглянешь. А вы, товарищ майор, разве думали, что Палфи предатель?

— Скажите, сколько лет вы работаете в моем отделе?

— Четвертый год.

— Вы меня знаете?

— Думаю, что да.

— А если вам скажут, что я предатель?

— Я этому не поверю.

— Спасибо. Мои денежные дела вы уладили?

— Все, до последнего филлера.

— Дела, находящиеся в производстве, приведены в порядок?

— Я все сделала, товарищ майор, что вы мне поручали, но никак не пойму, к чему такая спешка.

— Мне приснился сон, дорогая Эржике, что я умер. Вот и все объяснение. Скажите, Юлия Хорват еще здесь?

Эржи посмотрела на часы.

— Должна быть, я сейчас посмотрю.

— Пришлите ее ко мне, а сами можете идти домой.

Через несколько минут в кабинет майора Лукача вошла темноглазая стройная брюнетка лет тридцати. В 1944 году, когда гитлеровцы оккупировали Венгрию, отец Юлии, дипломат по профессии, находился в Швейцарии, где и попросил у правительства политического убежища. Университетское образование Юлия получила в Швейцарии. Фашистов она ненавидела и решила в силу своих возможностей и способностей бороться против них. Однажды она встретилась с Дьердем Палфи, который знал ее еще с детских лет, у них состоялся долгий разговор, и Юлия Хорват вскоре была принята на работу в органы контрразведки. Одновременно с этим она продолжала изучать эстетику в университете, специализируясь на своей любимой теме — скульптура двадцатого столетия.

— Привет, Юлия, — поздоровался Габор. — Садись.

Юлия села, а Габор посмотрел на часы. Половина одиннадцатого.

— Как здоровье?

— Устала очень, спать хочется. Настроение хуже некуда.

— Спать хочешь? Это понятно. Тогда почему не ушла домой?

— Ах, Габор, хоть ты не притворяйся. Будто не знаешь, что у нас уж так заведено: если сотрудник ушел домой до полуночи, то тем самым он совершил преступление. Я только одного не знаю: какие размеры это ночное бдение приняло в масштабах страны. Сегодня утром я была в университете. Сидела на лекции, смотрела на молодых парней и девушек, которые воспринимают как нечто вполне нормальное, что их родители приходят домой поздно вечером. Но если, скажем, лет через тридцать кто-нибудь прочитает в дневнике нашего современника о том, что в 1949 году работали чуть ли не до полуночи, причем добровольно, без какого бы то ни было принуждения, он просто не поверит этому. А если какой-нибудь писатель напишет об этом в своей книге, то она будет восприниматься как вздор.

— Ты, конечно, знаешь, что засиживаться допоздна стали при Сталине, который очень любил работать по ночам. А теперь скажи мне, почему ты расстроена?

Юлия покрутила в руках зажигалку и закурила.

— Из-за Кешерю, — вымолвила она.—Знаешь, Габор, у нас творится что-то нехорошее. Кешерю — не предатель. Быть такого не может.

— А ты откуда знаешь? Почему ты так решила?

— Ты же знаешь, что я была близка с ним и поэтому, как никто другой, знаю его...

— Ты уверена в том, что он не предатель?

— Еще бы!

— Юлия, мы с тобой старые добрые друзья...

— Я себя считаю твоим другом.

— Спасибо. Именно поэтому я хочу попросить тебя об одной любезности. Я тебе уже рассказывал о Роберте Фюрьеше.

— Который застрелил в лагере гитлеровского унтера?

— Он самый. Так вот, у него была невеста — Мари Каройи, дочь скульптора. Сам Каройи умер во время осады Будапешта, мать Мари покончила жизнь самоубийством еще во время войны. Девушка осталась совершенно одна. Дом, где они жили, разбомбили, осталась одна мастерская. Жаль только, что Мари пристрастилась к вину... Она очень умная и талантливая, но никак не может справиться со своей дурной привычкой. Прошу тебя, возьми ее под свою опеку. Посмотри как-нибудь скульптуры, которые ей остались от отца. Как мне кажется, там есть ценные. Мари же надо заставить учиться дальше. Думаю, что в этом деле тебе может помочь и дядюшка Фюрьеш, которого ты сможешь разыскать в ЦК партии. Мари же я сказал, что уезжаю на длительный срок. — Продиктовав адрес Мари, Габор молча уставился на Юлию.

— Ты полагаешь, что тебя тоже арестуют? — спросила вдруг Юлия.

Габор кивнул:

— У меня есть причина, чтобы думать так.

— Но ведь это же самое настоящее сумасшествие!

— Я не знаю, Юлия. Но в одном уверен: я честный человек и всегда был таким. Таким я и умру.

— Надеюсь, дело до этого не дойдет. — Юлия смяла сигарету в пепельнице.

— Имеется у меня еще кое-что. — Габор достал из сейфа досье. — Это материал на Сулиту Читари. В нем

ты найдешь все: и ее биографию, и ее показания, и донесения Великого Герцога, и материалы, из которых становится ясно, что Сулита невиновна. Тут же имеется и мое сводное донесение. Держи с ней связь. И береги себя, Юлия. Это все.

— Ты ее любишь?

— Да, но теперь я как никогда ясно понимаю, что эта моя любовь с момента ее зарождения была, видимо, обречена. Лучше бы было забыть ее. Но сделать это невозможно. Видно, мы живем в годы, когда не до любви.— Габор встал и, подойдя к девушке, обнял ее и поцеловал. Когда он отпустил Юлию, то заметил в ее глазах слезы.

Оставшись один, Габор сел за письменный стол. Он думал о Сулите и о том, что за ним вот-вот должны прийти. Вскоре зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал:

— Майор Лукач?

— Да, это я.

Трубку положили.

Без пяти минут двенадцать Габора вызвал к себе полковник Лакатош. Войдя в просторный кабинет полковника, Габор сразу же увидел Белу Вайду, который стоял рядом с Лакатошем. Тут же находился и еще один мужчина, которого Лукач не знал. «Ну вот и все, — думал он. — Только бы узнать за что...» Он по-уставному доложил о своем прибытии.

— По личному распоряжению товарища министра я арестовываю вас, Габор Лукач, — выпалил Лакатош. — Оружие при вас есть?

— Нет.

Полковник бросил взгляд на Вайду и сказал:

— Забирайте его.

Габору надели наручники и, выведя во двор, посадили в машину. «Теперь хорошенько смотри на городские улицы и на тех, кто по ним ходит, так как, возможно, все это ты видишь в последний раз, — прошептал ему внутренний голос. — Может быть, действительно следовало бежать? Компартии везде есть, а предателем и изменником вовсе не обязательно становиться...»

И тут же подумал о том, какие глупости лезут ему в голову. Он — офицер венгерской Народной армии, контрразведчик — и вдруг оказывается где-то на Западе... Нет, изменником он никогда не будет.

Габор вдруг вспомнил своего крестного и чуть не рас-

смеялся. Странно, но все повороты к худшему в его судьбе всегда были как-то связаны с крестным. Осенью 1941 года он представил Габора Винце Деме как коммуниста, которым он еще не был; правда, позднее его приняли в партию, но сколько побоев он получил, каких только мук не пришлось пережить... Если бы тогда он поддался минутной слабости и признался, что множительную машину у него забрали Деме и Больценогий, то стал бы предателем, и тогда, разумеется, его не приняли бы в партию, а в 1945 году не забрали бы в армию, не стал бы он контрразведчиком, а вернулся бы на завод, на свое место... Но теперь уж все равно ничего не изменишь, сидя рядом с Белой Вайдой в машине, которая мчится на проспект Андраши, к дому № 60...

Машина остановилась у подъезда, и они вошли внутрь здания. Габор даже немного растерялся: кругом лестницы, многочисленные коридоры и почти полная тишина. Он не обратил внимания, на какой этаж и в какой кабинет его завели. Увидев Белу Вайду, из-за стола поднялся рыжеволосый, слегка веснушчатый майор, примерно такого же, как и Габор, возраста. Полковник подошел к майору, и они о чем-то тихо переговорили. Габору очень хотелось закурить, но спрашивать разрешения он не хотел.

— Лукач, — проговорил полковник и подошел к Габору, — сейчас товарищ майор допросит вас. В ваших собственных интересах говорить только правду. Шкала наказания очень широка: от простого лагеря до эшафота. Не забывайте, что мы о вас знаем намного больше, чем вы думаете. Все будет зависеть от вашей откровенности. Многие говорят, что вы хороший специалист, но и мы далеко не профаны. Вы, надеюсь, хорошо знаете методы, которыми мы пользуемся, и возможности, которыми располагаем...

— Извините, могу я закурить? — спросил Габор.

— Курите.

— Я полагаю, что судьба Райка и вашего бывшего начальника Палфи поможет вам быть с нами откровенными. Они, кстати, очень быстро поняли, что отрицание им ничего не даст. У меня задание — получить от вас чистосердечное признание. Майор мне поможет. Это партийное задание, и я его выполню. Вам все ясно?

— Да.

— Дайте мне ключи от вашей квартиры на улице Касаш.

Габор отдал ключи и сказал:
— Ничего предосудительного вы там не найдете.
— Уж не хотите ли вы этим сказать, что все компрометирующие вас материалы вы заблаговременно успели уничтожить?
— У меня таковых вообще не было.
— Вы знали, что вас арестуют?
— Знал. Я заметил, что за мной установлено наблюдение.
— С какого времени?
— Точно не помню, кажется, недели две назад.
— И потому уничтожили компрометирующие материалы?
— Мне нечего было уничтожать.
— Ну, это мы еще увидим.
Вайда ушел, и Габор остался в кабинете вдвоем с майором.
— Господин майор, — заговорил Габор, — я бы хотел, чтобы вы занесли в протокол...
— Что именно?
— Что обыск в моей квартире производился в мое отсутствие, а это уже противозаконно.
— Давайте, Лукач, кое о чем сразу договоримся. Вы здесь не командуете, не высказываете никаких протестов и ни о чем не спрашиваете. Вы просто отвечаете на вопросы, которые задают вам. Вы меня поняли?
— Разумеется. Могу я погасить сигарету?
— Пожалуйста. Сейчас, Лукач, я дам вам бумагу и карандаш, и вы подробно перечислите все, что утаили от партии.
— Я ничего не утаивал.
— Это мы выясним несколько позднее. — Майор позвонил. На звонок в кабинет вошел худощавый следователь. — Дайте ему бумаги побольше и карандаш. Курить разрешается.
— Слушаюсь, — сказал следователь майору и повернулся к Лукачу: — Пойдемте!
Они прошли в комнату, где стояли стол и два стула, на один из которых сел следователь, а на другой — Габор. Через два часа надсмотрщика сменили. Габор так устал, что даже задремал сидя.
— Не спите, а пишите! — разбудил его громкий окрик.
— Я уже все написал.
Следователь вызвал звонком какого-то мужчину в

гражданском и передал ему исписанные Габором листки бумаги.

Габор посмотрел на забранное решеткой окно, за которым уже брезжил рассвет. Вскоре он задремал, сидя на стуле. Его уже никто не будил. Потом принесли завтрак, но Габор к еде не притронулся. Он только часто курил, отчего во рту стало горько. Пересчитал сигареты в пачке: всего десять штук. «А, теперь все равно, — подумал он. — Если поведут в камеру, то отберут и эти».

Через какое-то время в комнату вернулся человек, держа в руке исписанные Габором листки.

— Все, что вы написали, сущая ложь, за исключением перечисленных фамилий. — С этими словами он на глазах у Габора разорвал листки на части. — Начинайте писать снова!..

Так продолжалось два дня: Габор писал, а следователь рвал написанное. Когда же Габор засыпал, его будили, грубо тряся за плечи.

— Пишите! — приказывали ему.

— Не могу: я устал.

— Пишите!

— Я сильно устал и хочу спать.

— Вы здесь должны выполнять то, что вам приказывают, а просьбы оставьте при себе.

Сигареты у Габора давно кончились, а курить хотелось все сильнее и сильнее. Нервы были на пределе.

На третьи сутки его перевели в подвал, где в одной из комнат приказали раздеться догола, после чего внимательно осмотрели всю его одежду, забрали документы, часы. Ценные вещи занесли в опись имущества и дали подписать ее. Затем разрешили одеться, отобрав ремень и шнурки.

Его поместили в камеру-одиночку. Окна в ней не было, имелось лишь небольшое вентиляционное отверстие. Габор улегся на деревянные нары и моментально заснул. Проснулся он от сильного стука в дверь. Габор встал, чувствуя себя очумевшим со сна.

Стражник отворил дверь камеры.

— Днем спать запрещено! — сказал он. — Понятно?

— Сидеть можно?

— Можно, но только не ложиться!

Габор сел, но скоро заснул сидя, опустив голову на грудь. Его снова разбудили. Охранник, на сей раз коренастый сержант, жестом позвал его в коридор.

Габора провели в какую-то комнату. Он шатался как

пьяный. Его сфотографировали анфас и в профиль, приставив к груди табличку с номером. Затем сняли отпечатки пальцев обеих рук и вернули обратно. В обед он немного поел и начал ходить по камере. Временами останавливался у стены и внимательно рассматривал ее, стараясь найти какие-нибудь надписи. В 1942 году все стены в тюрьме на проспекте Маргит были исписаны самыми различными надписями — посланиями на волю, и Габор, чтобы хоть как-то отвлечься от страшной действительности, читал их.

Сейчас же он боролся с мучившей его сонливостью: хотел понять, в чем же его, собственно, обвиняют. Вполне возможно, что после того, как Палфи был арестован и якобы признался, руководство может не доверять ему, Лукачу, да и Кешерю тоже, считая их заговорщиками. Но почему тогда их просто не переведут на другую работу, менее ответственную и несекретную, а стремятся сделать из них врагов народа?

«Как хорошо, что бедная мама не дожила до этого. Милая мама, когда я узнал о твоей смерти, то поклялся отомстить за тебя... Ты можешь спать спокойно, я поймал твоих убийц. Лично присутствовал на суде по делу Иштвана Чомоша и его сообщников. Поначалу Чомош отпирался, но недолго: сообщники его, чтобы спасти собственную шкуру, рассказали всю правду...»

В воспоминаниях о прошлом Габор провел весь день. Он вспомнил свои детские годы, пытаясь отгадать, что сталось с его старыми друзьями и знакомыми: Луизой из красильного цеха, Тери Ней, господином Сабо. Габор слышал лишь о бородатом инженере Диньеше — тот стал генеральным директором крупного текстильного комбината. Затем в его памяти возникла Сулита — совсем молодая, такая, какой он ее увидел в первый раз. Она была в светлой юбочке и белой блузке. Волосы причесаны на пробор. На ногах тонкие шелковые чулки и замшевые туфельки со шнурочками. Все это он запомнил очень хорошо.

— Сулита, дорогая моя! — невольно прошептал он. — Как же я тебя люблю!

В тот день Габор с большим нетерпением ожидал вечера, чтобы лечь спать и выспаться, но после ужина его вызвали на допрос.

В кабинете, куда привели Габора, за письменным столом сидел рыжеволосый майор.

— Садитесь. — Майор показал Габору на стул.

Когда Лукач сел, следователь жестом дал понять конвойному, что тот может идти.

— Должен сказать, Лукач, что я вами недоволен. Ваши показания не содержат ничего существенного. Вы просто тянете время.

— Скажите мне, товарищ майор, в чем меня подозревают?

— По чьему указанию вы в свое время вступили в коммунистическую партию?

— В своем объяснении я подробно написал об этом.

Потом Габору устроили очную ставку с Винце Деме. Несколько недель, проведенных в заключении, видимо, уже сломили волю бывшего журналиста.

— Винце Деме, вы знаете этого человека? — спросил следователь, показывая на Лукача.

— Знаю. В 1941 году я познакомился с ним на квартире у Белы Колесара... — И Деме начал говорить. Габор был поражен — лжи в его словах было гораздо больше, чем правды. — Бела Колесар был на нашем заводе агентом гестапо. В нелегальную тогда компартию он пролез с помощью Тибора Ковача. Позже Колесар лгал Ковачу, когда говорил, что на заводе имеется ячейка компартии. Перед призывом в армию Колесар познакомил меня и Ковача со своим преемником — Габором Лукачем. От фон Графа я узнал о том, что Колесар тоже наш человек. Тогда же он сказал мне, что люди, с которыми меня будет знакомить Колесар, тоже являются нашими агентами. Одним из таких людей и был Габор Лукач. Разумеется, перед Ковачем Колесар говорил о том, что Габор Лукач не только возглавит партийную ячейку на заводе, он уже сейчас является руководителем молодежного кружка...

Габор заметил, что Деме старается не смотреть на него, отводит глаза. «Что стало с этим человеком?!» — подумал он.

— После нашего знакомства Лукач повел меня на площадь Флориан, — продолжал свои показания Деме. — По дороге мы разговаривали об учебе, и я спросил, почему он так хочет сдать экзамены на аттестат зрелости. Лукач ответил мне, что среднее образование нужно ему для того, чтобы раз и навсегда порвать с рабочими и их образом жизни, с их нищетой, которой он сыт по горло. Тогда же он сказал мне и о том, что все потуги коммунистов, такие, например, как писание лозунгов на стенах и распространение листовок, он считает, по меньшей ме-

ре, смехотворным трюкачеством. Все равно, мол, немцев никто не победит, потому он и встал на их сторону. Я еще тогда понял, что имею дело с молодым парнем, который во что бы то ни стало хочет сделать карьеру, и потому могу быть с ним вполне откровенным. Вот тогда-то я и сказал ему, что являюсь полицейским агентом, которому он может довериться; а если он хорошо выполнит наше задание, мы поможем ему.

— Все это ложь! — решительно запротестовал Габор. — Он, видимо, сошел с ума!..

— Молчать! — закричал на Габора рыжеволосый майор. — Дойдет очередь до вас, потом будете говорить. Продолжайте, Деме!

И Деме продолжал нести околесицу.

— Габору было поручено внимательно наблюдать за рабочими и вести себя так, чтобы его принимали за сторонника левых.

— Скажите, это по вашему указанию Габор Лукач познакомился с Сулитой Читари? — спросил рыжеволосый у Деме.

— Да, конечно, — беспардонно соврал Деме. — Лукач хорошо говорит по-французски, и я, ставя ему задачу, порекомендовал выдать себя за эмигрировавшего в Венгрию французского лейтенанта. Это ему удалось, более того, Сулита Читари стала его любовницей...

Габор уже не слушал Деме: он спал с открытыми глазами.

Проснулся только тогда, когда Деме, несколько повысив голос, сказал:

— Все это, только несколько подробнее, я изложил в своих письменных показаниях, под которыми стоит моя подпись.

— И правильно сделали, Деме. Закурить хотите?

— Если угостите...

— Пожалуйста.

Деме закурил, с наслаждением втягивая в себя табачный дым.

— Сколько сигарет вы получаете ежедневно?

— Пять штук.

— Я распоряжусь, чтобы вам давали десять.

— Спасибо.

— Письмо от жены получили?

— Получил, большое спасибо. Очень вам благодарен.

— Деме, несколько недель назад вы отдали приказ об аресте Сулиты Читари, не так ли?

Деме начал объяснять, почему он отдал такой приказ и предоставил майору Лукачу действовать по собственному усмотрению.

— В понятие «по собственному усмотрению» входит и возможность освобождения арестованной из-под стражи?

— Да, конечно.

Деме увели в камеру.

— Ну-с, Лукач, что вы скажете относительно услышанного?

— Сплошная ложь! Ничего другого я сказать не могу.

— Вы знаете Винце Деме?

— Знаю.

— Вас с ним познакомил Бела Колесар?

— Да.

— На заводе у Колесара была партячейка?

— Не было.

— Однако вы все же приняли, если так можно выразиться, несуществующую ячейку, не так ли?

— Да. Но разрешите объяснить, почему я это сделал.

— Мне ничего не нужно объяснять. Попрошу отвечать на мои вопросы. Выходит, вы считали организацию коммунистов смехотворным трюком?

— Все было совсем не так, как вы думаете.

— Сулите Читари вы действительно представились как эмигрант, французский лейтенант?

— Да, но...

— Никаких «но»! Меня интересуют только факты. Под каким именем вас знала Сулита Читари?

— Под именем Жана Дюрана.

— Вы говорили Сулите Читари о том, что необходимо спрятать одного французского капитана-эмигранта?

— Говорил.

— И кто же скрывался под этим именем?

— Винце Деме.

— Вы находились в интимной связи с Сулитой Читари?

— Да.

— Почему вы не признались девушке в том, что вы простой рабочий?

— Я не смел этого сделать.

— Какое вы получили задание? Говорите: «Мое задание заключалось в том, чтобы...» — и так далее.

Габор упрямо молчал. Комната с казенной мебелью

и рыжеволосым майором кружилась у него перед глазами. Он понял теперь, каким образом из Райка, Палфи и других политических заключенных удалось сделать изменников. Сначала такие, как этот рыжий майор, подтасовывали факты, а затем делали из них соответствующие выводы, искажая истину.

Вот взять хотя бы его, Габора. Да, он действительно встречался с Деме. Это, так сказать, факт, который он сам не отрицает, а вот то, о чем они говорили при встречах, следователь придумывает, так сказать, сам. Деме уже сломался, поддался на провокацию, встал на путь лжи, а он, Габор, выходит, должен признать его лживые измышления за правду.

— Почему вы, не будучи коммунистом, показали на допросе, что лично бросили множительную машину в Дунай? Почему позволили избивать себя, хотя были невиновны? На все это может быть только один логический ответ: это и было ваше задание, и вы должны были выполнить его, чтобы втереться в доверие к коммунистам. Вы признаете это?

Габор молчал. Его вывели из кабинета, чуть ли не бегом погнали через длинный лабиринт коридоров в подвал, втолкнули в пустое маленькое помещение без окон. Начались хождения Габора Лукача по мукам.

От побоев, которые на него обрушились, он терял сознание. Плеснув в лицо водой, его приводили в чувство. Заставили снять ботинки. Он уже догадался, что последует за этим. Габор находился на грани помешательства. В раскалывающейся от боли голове какими-то обрывками, словно из тумана, выплывали разрозненные воспоминания.

Так продолжалось несколько дней подряд: допрос, побои, опять допрос, вновь истязания... Врач, иногда осматривавший его, говорил, что ничего страшного с ним не происходит, и называл организм подследственного железным.

Габору хотелось заснуть, чтобы никогда не проснуться. Он очень похудел, запаршивел от грязи, раны гноились. Если он засыпал, его будили спустя час. Заставляли подпрыгивать и еще при этом торопили...

Однажды на допрос пришел полковник Бела Вайда. Габор сидел на полу, так как стоять он уже не мог. Вайда смерил его долгим взглядом и покачал головой.

— Несчастный Лукач, зачем вы позволяете так бить себя? — спросил полковник.

— К сожалению, я не могу дать сдачи.

Полковник посмотрел на рыжего майора и спросил:

— Это вы его били?

— Товарищ полковник, докладываю, что...

— Дайте мне материал по делу и оставьте нас!

— Слушаюсь!

Майор удалился.

Габор хорошо знал, что все это только игра, дешевый трюк; ему стало обидно, что Бела Вайда считает его за дурачка.

— Садитесь на стул.

С большим трудом, преодолев боль, Габор пересел на стул. Он не знал, куда ему деть разбитые ступни. Пока не устал, держал их на весу, потом осторожно опустил пятки на паркет.

— Лукач, вы умный человек и хороший специалист, — заговорил полковник. — Скажу вам откровенно: выбора у вас нет. Либо вы признаете все то, что показал Деме, и тогда вас перестанут пытать, либо будете продолжать упрямствовать, и тогда вам по-настоящему придется плохо. В первом случае вас, конечно, приговорят к тюремному заключению, но через несколько лет вы освободитесь...

— Господин полковник, вы очень хорошо знаете, что я невиновен.

— Я хорошо знаю то, что вы были ближайшим сотрудником Палфи.

— И считаете это достаточным для истязаний? Или ваша цель — забить меня до смерти?

— К смерти вас может приговорить только военный трибунал. Партии нужно, чтобы вы во всем признались. Вы должны верить партии, верить людям, которые, находясь у власти, представляют интересы народа. Вы не хуже меня знаете, что органы госбезопасности являются оружием партии, так сказать, кулаком пролетарской диктатуры. И когда партия прикажет, этот кулак бьет. Знаете, Лукач, показания против вас дал не только Деме, но и ваш крестный, Бела Колесар.

— А что с ним сейчас?

— Он умер от разрыва сердца. Однако у нас хранятся его показания, написанные им собственноручно. Вот они, посмотрите! — Полковник встал и, подойдя к Габору, показал ему листки, заполненные мелким почерком. — Узнаете руку своего крестного?

— Узнаю, — проговорил Габор.

— А вот копия этого же показания, отпечатанная на машинке и подписанная Колесаром. Прочтите.

Габор взял в руки несколько листков машинописного текста. Вайда угостил его сигаретой. Закурив, Габор начал читать. Через несколько минут он почувствовал позывы к рвоте. Желание жить окончательно пропало. Казалось, весь мир ополчился против него. Нет у него ни отца, ни матери, ни жены, ни ребенка; нет на белом свете ни одной живой души, которой его судьба была бы не безразлична. «Несчастный я человек, — подумал он о себе, — бедный, одинокий человек...» И Габор продолжил чтение:

«...Что же касается моего крестника Габора Лукача, то я не раз говорил ему о том, что он должен приспособиться к существующей власти, а если хочет утвердиться, то еще и прислуживать ей. На это он мне ответил, что, вообще-то говоря, он не любит рабочих за их примитивизм и бескультурье, и попросил меня сказать откровенно, что он должен делать. Так я завербовал его для нашей секретной работы. Он обещал помогать мне. Моим непосредственным шефом был немецкий инженер Клаус Гюнтер, о котором позже мне стало известно, что он являлся не только одним из резидентов гестапо в Венгрии, но и агентом венгерской политической полиции. Перед мобилизацией и отправкой на фронт я по указанию Гюнтера возложил свои обязанности на своего крестника, то есть на Габора Лукача, которого и представил накануне отъезда журналисту Винце Деме...»

Габор оторвался от протокола и, подавшись вперед, сказал:

— Извините, господин полковник, но, познакомившись с показаниями этих двух людей, я обнаружил в них кое-какие противоречия.

— Какие же именно?

— Деме утверждает, что после нашего знакомства я пошел провожать его и где-то в районе площади Флориан он признался мне в том, что является агентом венгерской полиции. Из показаний же Белы Колесара ясно, что на встречу с Деме я пришел как агент Клауса Гюнтера. Это как-то нужно было бы состыковать.

Бела Вайда несколько смутился и, немного помолчав, сказал:

— В этом вы, Лукач, абсолютно правы. Спасибо за замечание. Закуривайте, пожалуйста. Не желаете ли рюмочку коньяка?

— Спасибо. — Габор закурил и дрожащей рукой взял протянутую ему рюмку.

— Читайте дальше.

— Не стоит. Знаете ли, господин полковник, семьи у меня нет: ни матери, ни родственников, никого. Если вам удастся сделать из меня предателя, то я все равно никого не скомпрометирую, лишь самого себя. А себя жалеть не стоит. Из меня уже сделали полного инвалида. Даже если я и останусь в живых, то навсегда останусь калекой. А я так жить не хочу. Поэтому я решил сделать заявление. Сейчас мы с вами, господин полковник, говорим с глазу на глаз. Признайтесь мне, что в этих показаниях нет ни грана правды и вы сами в них не верите.

— Да, вы правы, — произнес полковник.

— А теперь позовите машинистку. Вы убедили меня, и я готов говорить.

— Минутку...

— Да?

— Вы признаете, что завербовали Сулиту Читари?

— Признаю.

— Признаете, что получали от нее секретную информацию?

— Признаю, хотя мне бы очень хотелось, чтобы имя Сулиты Читари не фигурировало в этом деле.

— Вы любите ее?

— Сейчас это уже не имеет никакого значения.

— В таком случае — к делу. — Полковник по телефону вызвал машинистку, и Габор Лукач начал диктовать ей свое заявление.

8

Из ежедневных сводок, поступающих в канцелярию премьер-министра, Сулита узнала об аресте подполковника Иштвана Кешерю и майора Габора Лукача органами государственной безопасности. Сам премьер их не знал и воспринял эту меру властей как должное, чего нельзя было сказать о Сулите. Однако, придя домой, она и словом не обмолвилась об этом Марии, которая все же заметила, что хозяйка чем-то очень опечалена.

Маленький Габорка уже ходил в школу, и, надо сказать, ходил с удовольствием. В тот год первый учебный день пришелся на третье сентября, а Габор родился седьмого сентября, и потому директор школы не принимал его, ссылаясь на то, что ребенку еще не исполнилось

полных шести лет. «Неужели из-за каких-то четырех дней мальчик должен терять целый год? — спрашивала Сулита директора. — Почему бы вам не проверить степень подготовленности моего сына, а потом уже решать?»

Начался спор, в ходе которого директор узнал, что Сулита работает в Совете Министров. В тот же миг он сменил тон, более того, даже попросил у Сулиты извинения, сказав, что с этого ей и следовало начинать разговор, что она может быть абсолютно спокойна, так как ее малыш уже принят.

Сулита была от души возмущена таким поведением директора, но ради своего ребенка сдержалась.

В школу мальчика каждое утро провожала Марпя, она же и забирала его обратно. Добрая женщина даже помогала ему готовить уроки. Рассчитывать на бабушку не приходилось, она не хотела заниматься воспитанием внука. Откровенно говоря, Сулита была даже рада, что мать не уделяет ребенку почти никакого внимания: она наверняка забила бы ему голову устаревшим, ненужным, далеким от реальной жизни.

К счастью, бабушка и дедушка маленького Габора по линии отца не порывали связей с семьей Читари. Деду, полковнику Будаи, удалось документально доказать, что он в годы войны помогал сражавшимся под Варшавой частям Армии Людовой, снабжая их вооружением и продовольствием и разрешая польской разведке спокойно переходить линию фронта, чтобы поддерживать связь с партизанами. Учитывая эти заслуги, Будаи разрешили служить в новой, демократической венгерской армии. В 1947 году он был произведен в генерал-майоры, а позже уволен в запас.

Когда генералу Будаи стало известно о бегстве единственного сына за границу, отец во всеуслышание отказался от него, чем немало удивил многих старых знакомых. «Человек, носящий фамилию Будаи, — объяснял старый генерал, — не может нарушить военную присягу. Мой сын, добровольно вступая в ряды армии, клялся на верность Конституции, не говоря уж о военной присяге. В части его уважали, даже присвоили ему внеочередное звание, а он что сделал? Как он отблагодарил за все это?! Он изменил родине, боевым друзьям, предал свою семью: родителей, которые его обожали, жену, сына... Такого простить нельзя!..»

Жена Будаи без слова возражения встала на сторону супруга. Вот, собственно, почему оба они продолжали

поддерживать связь с семейством Сулиты. Старую Читарине они часто увозили к себе на дачу. Там собиралось довольно большое общество. По предложению Будаи о политике не говорили совсем. Гости обычно играли в карты или шахматы, слушали пластинки, спорили о театральных постановках и новых кинофильмах.

Сулита обожала своего сына и была готова ради него на любую жертву. Но, вопреки своей безграничной любви, она воспитывала маленького Габора в строгости, так, чтобы он был способен найти свое место в жизни, как бы трудно ему ни было.

Габорка же тянулся к Сулите, слушался и никогда не спорил с ней, чувствуя, что мама желает ему только добра. Он всегда понимал, в каком она настроении, и когда Сулита была печальна, бросался к ней и целовал:

— Не грусти, мамочка. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Знаю, мой дорогой, знаю...

Спустя несколько дней после ареста Габора Сулите позвонила Юлия Хорват. Женщины встретились в маленькой кондитерской на площади Баттьяни. Юлия сказала, что она хотела бы поддерживать с Сулитой связь и надеется, что между ними установятся дружеские отношения.

Они выпили по чашечке кофе.

Юлия рассказала, что вместе с родителями она долго жила за границей и что здесь помимо основной работы преподает эстетику в университете.

— Могу я тебя спросить об одной вещи? — Сулита смотрела прямо в глаза Юлии.

— Да, разумеется.

— Вот ты говоришь, что преподаешь эстетику. Но как это, извини, уживается с твоей основной работой?

— С тем, что я являюсь сотрудницей контрразведки?

— Да.

— Моя дорогая, я столько ужасов видела на этом свете, что давно решила посвятить себя борьбе против всяческого зла.

— Понятно. Ты борешься против таких, как мой бывший муж, как Одескалхи. И это правильно. В таких делах я готова помогать тебе... Не сердись, сейчас я скажу нечто странное... Я референт по иностранным делам, и на службе мне приходится прочитывать много секретных документов, чтобы составить краткий реферат для премьер-министра. Поэтому знаю больше, чем другие. Я не

верю в то, что Райк, Палфи или, скажем, Габор Лукач — предатели... Разве люди, которые приговорили Райка к смертной казни, не творят зло? Подожди, не перебивай меня, я еще не все сказала. Ты, конечно, знаешь, что я была в близких отношениях с Габором. Я своего мужа никогда так не любила, как его. А теперь он заключенный. Кешерю тоже в тюрьме. Какая участь их ожидает? Я не знаю. А что ждет лично меня? Я и этого не знаю. Вот ты только что сказала, что решила бороться со злом. Но зло-то не только там, за границей, но и у нас в стране тоже. Юлия, поверь мне, я вовсе не враг. Если бы я хотела, то давно нашла бы способ уехать за рубеж. То, что я сейчас скажу, может показаться тебе пустословием, но это не так. Я хочу жить на родине, в своей стране... Скажи мне, что с Габором?

— Мне известно только то, что он арестован органами госбезопасности. По словам нашего генерала, Габор вроде бы признался в том, что в 1941 году он стал агентом гестапо.

— Это неправда! — решительно выпалила Сулита.

— Я в это тоже не верю...

Они не заметили, как к их столику подошли двое рослых мужчин.

— Госбезопасность, — сказал один из подошедших, предъявляя Сулите удостоверение. Это был высокий молодой человек со светлыми волосами.

Юлия тут же встала и, показав свои документы мужчинам, сказала:

— Эта дама со мной.

— Была с вами, коллега. Я получил приказ немедленно задержать Сулиту Читари. Прошу вас, не привлекайте внимания посторонних. Доложите о случившемся своему шефу, а он позвонит нашему начальнику.

Юлия поняла, что она ничем не может помочь Сулите, и сказала только:

— Сулита, верь мне...

— Я теперь самому господу богу уже не верю, — с горечью вымолвила Сулита.

— Прошу вас, пройдемте!

Мужчины встали по бокам, и Сулита направилась к выходу, надеясь на то, что Юлия догадается известить о случившемся мать или Марию.

Сулиту усадили в легковую машину и куда-то повезли. Через двадцать минут она уже сидела в кабинете полковника Белы Вайды; за ее спиной на почтительном

расстоянии неподвижно стоял светловолосый следователь.

Сулита открыла сумочку, достала сигареты и закурила, даже не спросив разрешения. Сделав несколько глубоких затяжек, она взяла с низенького столика пепельницу.

«Только спокойно, не волноваться!» — мысленно приказывала она себе. Но стоило ей вспомнить о сыне, как она снова начинала нервничать. «Боже мой, — думала она, — что же будет с бедным Габоркой?..»

Вскоре появился и сам хозяин кабинета — полковник Бела Вайда. Он был в форме, на груди — длинный ряд орденских планок. Жестом полковник отпустил следователя и сел за письменный стол.

— Приветствую вас, сударыня, — поздоровался он вежливо.

— Добрый день, — ответила Сулита.

— Надеюсь, мы быстро обо всем договоримся, и вы вернетесь к своей семье.

— Я тоже надеюсь на это.

— Итак, сударыня, должен вам сообщить о том, что соответствующие вышестоящие власти решили — и, я полагаю, совершенно правильно — не возбуждать против вас уголовного дела.

— Против меня?! А почему против меня нужно возбуждать какое-то дело?!

— Я лично не собирался касаться этого, но, если вы хотите, могу кое-что пояснить. Для начала скажу, что мы уже несколько месяцев внимательно наблюдаем за вами. И хорошо осведомлены как о вашем прошлом, так и о настоящем. Это, признаюсь, стоило нам немалых трудов. — Полковник достал из ящика стола пухлую папку, на обложке которой крупными буквами было написано: «Сулита Читари». — Здесь все о вас, сударыня. Довольно тяжелое дело, и не только на вес, но и по содержанию. Давайте полистаем его. Сейчас я не буду касаться ваших девичьих увлечений и любовной связи с неким Жаном Дюраном, то есть Габором Лукачем, доносчиком полиции. Замечу только, что неразумно было отдавать ему свое целомудрие и девичью чистоту, ну, да это, так сказать, дело вкуса, ваше личное дело. — Посмотрев на женщину, он закурил. — Можете курить, — предложил он и продолжал: — Да, забегая вперед, должен сказать вам: Габор Лукач на допросе показал, что с вами он познакомился по приказу своего ше-

фа — гестаповца фон Графа и по его же наущению выдавал себя за некоего Жана Дюрана, эмигрировавшего из Франции лейтенанта...

— Всю эту историю ради шутки выдумал не кто иной, как скульптор Каройи, — перебила полковника Сулита.

— Да, Габора Лукача он вам так и представил. — Полковник полистал дело. — Вот как об этом пишет сам Лукач. Цитирую: «Получив от фон Графа (через Винце Деме) указание познакомиться с Сулитой Читари и войти к ней в доверие, я попросил скульптора Мартона Каройи, чтобы тот представил меня девушке как французского лейтенанта Жана Дюрана. Каройи посмеялся над моей идеей, однако просьбу все же выполнил». — Вайда бросил взгляд на Сулиту и спросил: — Теперь вам понятно?

— Да, — тихо выдавила Сулита.

— Должен заметить, что арест вашего отца и вас был произведен частично по данным, полученным от гестапо, частично — по сообщениям Лукача. В этом деле, как вы видите, всего хватает: и донесений, и показаний. Вот, взгляните! Это не что иное, как показание Жофи Хамар. Вы ее знаете, не так ли?

— Да.

— Так вот, эта самая Жофи, отбывающая в настоящее время наказание в Калоче, была в свое время информатором Пала Берци и фон Графа одновременно. Она пишет следующее: «Однажды фон Граф сказал мне, что Сулита Читари, она же Будаи Яношне, была освобождена из тюрьмы на улице Фе не то двадцатого, не то двадцать первого марта 1944 года, так как обязалась поставлять в гестапо определенную информацию. Она передавала ее через меня фон Графу, с которым, помимо всего прочего, была в интимных отношениях. Насколько я помню, Будаи Яношне четыре или пять раз передавала через меня запечатанные конверты для фон Графа». Видите ли, уже одного этого вполне достаточно для того, чтобы отдать вас под суд, который засудит вас на много лет. А если к этому еще присовокупить странное бегство вашего мужа плюс разыгранный вами развод, чтобы отвести от себя подозрения, то всего этого более чем достаточно для самого строгого наказания.

— Уверяю вас, все, что вы мне только что зачитывали, сущая ложь!.. — вымолвила Сулита, с трудом сдерживая себя, чтобы не расплакаться.

— Все это подтверждают свидетели.
— Они нагло лгут.
— Вы были любовницей Габора Лукача?
— Была.
— В таком случае все подтверждается. В 1941 году, двадцатого марта, фон Граф освободил вас из-под ареста, не так ли?
— Да.
— Кроме вас, кого еще освободили немцы?
— Этого я не знаю.
— А почему вас освободили?
— Этого я тоже не знаю.
— Интересно! Вы были любовницей фон Графа в Шомодьтарце?
— Да.
— Он вас принудил к этому?
— Нет. Меня принудили обстоятельства. Мне во что бы то ни стало нужно было оказаться на свободе.
— Ладно, не будем об этом...
— Поверьте мне, так оно и было!
— Я не верю, а сказок слушать не люблю. Вернемся к главному. Несколько недель назад вы были арестованы органами военной контрразведки по подозрению в передаче секретной информации через своего мужа, работающего на английскую разведку. Однако буквально на вторые сутки после ареста Габор Лукач освободил вас. Как вы думаете, почему?
— Он понял, что я невиновна. Только поэтому.
— Он вас завербовал?
— Он просто попросил, чтобы я немедленно сообщила ему о первой же попытке Будаи войти со мной в контакт. И как только мой бывший муж написал мне об Одескалхи, я сразу же передала это письмо Лукачу.
— А он застрелил Одескалхи, чтобы тот не мог рассказать нам всей правды. Вы были близки с Лукачем в последнее время?
— Да, мы два раза встречались наедине.
— О чем вы разговаривали?
— Обо всем понемногу.
— А если конкретнее?
— Точно не помню.
— Вспомните!
— Не помню, поверьте мне. Встретились два любящих друг друга человека... Мы почти и не разговаривали...

только убеждали друг друга в любви... Ни о чем другом мы не говорили.

— Кого вы знаете из сотрудников американского посольства?

— По делам службы мне приходилось встречаться со многими из них.

— Вы знаете полковника Смита?

— Разумеется.

— Вы удивились, когда Габор Лукач сказал вам о том, что он поддерживает контакт со Смитом?

— Он никогда не говорил мне ничего подобного.

— Если вы будете все отрицать, то для вас это плохо закончится.

— Почему вы хотите, чтобы я лгала вам?

— Сударыня, я не хочу, чтобы вы защищали какого-то жалкого полицейского шпика. Он этого вовсе не заслуживает. Вот послушайте, что он о вас пишет. — Полковник полистал дело и, найдя нужное место, процитировал: — «Отвечая на заданный мне вопрос, могу сообщить, что я освободил жену Яноша Будаи не только потому, что был убежден в ее невиновности, но и рассчитывая на то, что она может стать моей любовницей. Помимо этого, я имел в ее отношении далеко идущие планы...» Хотите ознакомиться с показаниями Лукача полностью?

— Нет, нет, не хочу! — запротестовала Сулита. — Мне и этого вполне достаточно. — Услышанное привело ее в сильное замешательство, и она уже не знала, чему и кому ей верить. — Скажите, зачем меня сюда привезли?

— Вы должны дать показания против Габора Лукача.

Сулита подумала о том, что будет с маленьким Габоркой, если она вечером не вернется домой, и на глаза ее набежали слезы.

— Почему вы плачете? — спросил ее Вайда.

— Я вспомнила о своем сыне.

— Вы его очень любите?

— Для меня он все. Ради него я готова пожертвовать собственной жизнью.

— Я вас понимаю.

Сулита, конечно, не догадывалась о том, что полковник был так вежлив с ней лишь из тактических соображений.

— Ну-с, сударыня, вернемся к делу. Мне бы хоте-

лось, чтобы вы откровенно признались в том, что Габор Лукач завербовал вас.

— Если у вас это называется вербовкой, пусть так оно и будет.

— Правильно. Вы подписывали какое-нибудь заявление?

— Нет, я ничего не подписывала. Мы обо всем договорились на словах.

— Лукач просил вас, чтобы вы передавали ему копии секретных документов Совета Министров?

— Позвольте...

— Подождите, сударыня, я еще не закончил. — Полковник снова полистал дело и продолжал: — Лукач вас шантажировал. Он вам говорил, что если вы не выполните его просьбу, то он вас снова арестует. Вы спросили его, зачем ему нужны эти копии. Он ответил, что ими интересуются американцы, так как с казнью Райка и его группы борьба против коммунизма не прекратилась. Вы, конечно, оказались в очень затруднительном положении и решили выполнить просьбу майора Лукача.

— Господин полковник...

— Слушаю вас.

— Если я такое скажу, вы и меня арестуете... — с отчаянием в голосе проговорила Сулита.

— Нет. Если вы это засвидетельствуете, вам абсолютно ничего не будет грозить. Мы побеспокоимся о вас. Мы запишем, что вы в присутствии полковника Белы Вайды добровольно дали чистосердечные показания. Лукач-то признался. Вам ясно? В конечном итоге Габор Лукач был арестован на основании вашего сообщения...

В глазах у Сулиты потемнело. «И за что только меня так карает господь? Почему я должна вмешиваться в эту проклятую политику?..»

— Господин полковник, я не могу сделать такого заявления, ведь оно — сплошная ложь!

— Вы должны его сделать. Более того, вам придется повторить все на суде.

— Нет, я не могу.

— Сударыня, — тихо и спокойно произнес Вайда, — в ваших показаниях нуждаются наверху, если хотите, они необходимы всей стране, народу. Я не дикий зверь, я люблю литературу, музыку, искусство... Но если вы добровольно не сделаете такого заявления, то я буду вынужден прибегнуть к мерам принуждения, это как раз тот случай, когда цель оправдывает средства. По-

верьте, хоть и с неохотой, но я буду вынужден сделать это. Знаете, я бы не упрашивал вас, если бы речь шла о заявлении против честного человека. Я бы вам просто сказал: «Сударыня, вы правы!» Но кто такой этот Габор Лукач? Хитрый и коварный авантюрист. Таким он был еще с детских лет. Еще подростком он стал агентом гестапо и венгерской контрразведки...

— Но ведь контрразведка его же и арестовала, — робко перебила полковника Сулита.

— Это было сделано для отвода глаз. Его, конечно, били, но и опять-таки не сильно, а лишь для вида. Ведь он и вас обманул. Сударыня, вы сидели в камере у наших контрразведчиков... Разве вы поверите, что оттуда можно сбежать? Это была очередная ложь Лукача, и только.

— А если я не подпишу такие показания, тогда и меня станут избивать, истязать?

— Нет, сударыня. Я не разрешу избивать вас. Я прибегну к другим мерам. Я просто-напросто отдам распоряжение о направлении вашего сына в детский дом, учитывая то обстоятельство, что отец ребенка является шпионом, а мать подозревается в шпионаже. Если же вы докажете мне, что заслуживаете права воспитывать своего ребенка сами, то получите его обратно.

— У меня отобрали ребенка?

— Да. Вам его вернут после окончания дела при условии, что вы дадите нужные показания.

Ответить полковнику Вайде Сулита уже не смогла. В глазах ее померк свет, и она упала на пол без сознания.

9

Прошло уже двое суток с тех пор, как Сулита подписала протокол ложных показаний. Двое суток она не видела сына и от этого была на грани помешательства...

Габорку забрали прямо из школы.

— Пришли какие-то люди, — рассказывал после директор, — предъявили свои документы и сказали, что по решению вышестоящих органов они забирают Габора Будаи с собой.

Произошло это как раз тогда, когда Сулиту так вежливо допрашивал Бела Вайда, который, освобождая ее, строго-настрого приказал, чтобы она молчала и о допросе,

и об исчезновении сына; об этом не должны были знать даже близкие родственники.

Мария в отчаянии рвала на себе волосы, повсюду бегала, спрашивала, в надежде напасть на след мальчика, однако ни один человек из тех, к кому она обращалась, не мог ей ответить.

Когда Сулита окончательно пришла в себя, она сказала Марии:

— Никуда не ходи, все это бесполезно: скоро Габорка будет дома. Я точно знаю. Только, ради бога, не спрашивай меня, откуда я это знаю, потому что я все равно не смогу сказать тебе этого...

Мать Сулиты так тяжело заболела, что ее пришлось отправить в больницу. У нее произошло кровоизлияние в мозг. К счастью, на просьбу Сулиты о помощи откликнулся доктор Гернади, которому удалось положить старушку в клинику, пользовавшуюся хорошей репутацией. На Сулиту сразу обрушилось столько забот, что она не знала, за что браться.

Через двое суток она пошла на работу, но в здание Парламента ее не пропустили. В проходной у нее сразу же отобрали пропуск и попросили немного подождать. Вскоре к ней спустилась сотрудница отдела кадров Банатош Вендельне, которая провела ее в одно из подвальных помещений, где коротко сообщила, что получено указание сверху о немедленном увольнении Сулиты. Причем без всяких обоснований. Тут же Банатошне попросила передать ей ключи от кабинета и сейфа, сказав, что все личные вещи, которые остались на работе, ей пришлют домой. Сулита спросила, может ли она поговорить с премьер-министром.

— Попытайся. — Банатошне ехидно усмехнулась. — Однако я не верю, чтобы тебе это удалось.

Сотрудница отдела кадров оказалась права. Личная секретарша премьер-министра Шарика Копар, которая всегда была очень любезна с Сулитой, на этот раз холодно сказала, что не может соединить ее со «стариком», так как получила на этот счет специальное указание.

— Указание самого премьер-министра? — осведомилась Сулита.

— Нет, но все равно ничего у вас не выйдет, не старайтесь. — С этими словами Шарика положила трубку.

Сулита Читари почувствовала, что она оказалась в полной изоляции. «С чего же теперь начинать?» — думала бедная женщина. В первую очередь ей, видимо,

нужно было искать какую-нибудь работу, но где и кто мог решиться взять ее? Она понимала, что несколько месяцев может прожить на имевшиеся у нее деньги. Но что, спрашивается, будет потом? Планировать в положении Сулиты было бы более чем глупо. Важно, чтобы ей вернули сына, а там будет видно.

Однажды, направляясь в больницу, чтобы навестить мать, Сулита случайно встретила Банатошне. По ее виду нетрудно было догадаться, что она о чем-то хочет спросить Сулиту. Наконец Банатошне не удержалась:

— Сулита, ты можешь, конечно, не отвечать мне, если не захочешь, но скажи: что ты натворила?

— Ничего.

— Такого быть не может. Органы затребовали твое личное дело.

— Это их право.

— Они просили... черта с два, просили! Они приказали товарищу Гадору, чтобы он немедленно уволил тебя.

— И Гадор это сделал.

— А что он мог?

— Разумеется, ничего. Спасибо за откровенность. Сервус.

Сулита решила, что больше она не будет плакать и убиваться. Что бы с ней ни случилось, и виду даже не подаст, как ей горько и больно. Она вспомнила слова дедушки из Брашова, который давно, когда она была еще девчонкой, учил ее: «Милая моя внученька, пусть твои враги и недоброжелатели никогда не видят твоих слез. Не доставляй им такой радости. Если тебе будет очень больно или обидно, поплачь в одиночку, но так, чтобы этого никто не видел».

«Бедный дедушка, я даже не знаю, что с тобой, — думала Сулита, — не знаю, жив ли ты. На мои письма ты почему-то не ответил... Дедушка, я тебе обещаю, что больше никто не увидит моих слез...»

В больнице старшая медсестра отделения сказала Сулите, что ее мать перевели в реанимацию. Случилось это ночью.

— Могу я поговорить с мамой?

— Вряд ли... Она, кажется, без сознания.

Спустя несколько минут Сулита уже стояла, словно окаменев, возле кровати матери. Ей хотелось завыть от безысходности. «Боже, за что же ты меня так жестоко караешь? В чем я так провинилась перед тобой?..» Она

опустилась на колени и коснулась разгоряченным лбом холодной парализованной руки матери.

— Мама, дорогая моя, прости меня, ради бога, я виновата перед тобой. Я была несправедлива к тебе... Я тебя всегда любила... и сейчас очень люблю. — Сулита поцеловала матери руку, затем встала и вышла из палаты. Через полчаса ее принял доктор Гернади.

— Целую ручки, Сулита. — Доктор поцеловал ей руку и, усадив в кресло, спросил: — Может, закурите?

— Да, конечно.

Дав ей прикурить, он сел за письменный стол.

— Сулита, наберитесь сил и выслушайте меня: состояние вашей матушки очень и очень тяжелое. Будьте готовы к самому худшему, хотя в данной ситуации, пожалуй, это будет самым лучшим. Если она выживет, то останется полностью парализованной, даже не сможет говорить. Но что самое страшное — она потеряет способность здраво мыслить. До конца своих дней ваша мать будет прикована к постели. В более детальные подробности я вдаваться не стану. Ночью мы собирали консилиум и пришли к мнению, что в данном случае не поможет и оперативное вмешательство.

— Сколько она проживет?

— Я думаю, несколько часов.

— Господин доктор, я бы хотела навестить ее еще раз. Если вы разрешите.

— В любое время. А пока что я попрошу вас сообщить сестре свои координаты: в случае чего мы разыщем вас.

Сулита кивнула. Попрощавшись с доктором, она нашла старшую сестру и, оставив ей номер своего телефона, поехала домой. В автобусе она устроилась на угловом сиденье и мысленно подвела итоги. Мать при смерти. Где находится сын, она не знает. Работы нет. Габор Лукач мучается в тюремной камере. Скоро состоится судебный процесс, на котором она должна будет выступить против него с обвинением. Должна будет лгать. Сознательно и преднамеренно. Она, с детских лет ненавидящая ложь, будет лгать. Она, которую отец учил никогда никому не прощать лжи... Это ловушка... В свое время она порвала с Габором за то, что он солгал ей. На протяжении многих лет даже не разговаривала с ним, хотя по-прежнему любила его.

На площади Баттьяни она вышла из автобуса. Сильный холодный ветер разметал ее волосы. Сулита подня-

ла воротник пальто и направилась к набережной Дуная, медленно шагая навстречу ветру в сторону моста.

«А что, если разом положить конец всем этим страданиям? — мелькнула в ее голове мысль. — Стоит ли продолжать так жить? Нет, это безумие, трусость!.. У меня же есть сын, мое маленькое сокровище. Я сама хотела, чтобы он родился, значит, должна отвечать за него, жить ради него... Этот ужас не может продолжаться бесконечно... В стране так много умных, честных людей. Они не будут долго терпеть произвол. Когда из людей силой вырывали ложные показания...»

Она повернулась и пошла в обратном направлении. Ветер дул с еще большей силой, было трудно устоять на ногах.

Дома Мария встретила Сулиту с рыданиями. Сулита сразу же догадалась о причине ее слез.

— Ой, дорогая ты моя, ненаглядная!.. Горе-то какое... Господь бог жестоко покарал нас. Только бы знать за что...

Она обняла Сулиту, уткнувшись в ее плечо заплаканным лицом. Сулита гладила добрую женщину по седым волосам, а затем, освободившись из ее объятий, прошла в гостиную. Мария поплелась вслед за ней. Подойдя к окну, Сулита остановилась и долго смотрела на набережную Пешта, глубоко дыша, чтобы хоть немного успокоиться.

— Когда она умерла? — спросила Сулита, с трудом удерживаясь от слез.

— Не знаю, миленькая. Полчаса назад звонил доктор Гернади... Ой, боже ты мой... Да что же теперь будет?..

— Мария, перестань плакать и причитать. Слезами и причитаниями еще не воскресили ни одного умершего. Давай, по крайней мере, не будем сводить друг друга с ума. Будь добра, сядь! Нам нужно обсудить нечто очень важное, но сначала скажи, не передавал ли чего доктор Гернади.

Мария вытерла слезы, удивляясь стойкости Сулиты. Всхлипнув последний раз, она наконец заговорила:

— Доктор передал, чтобы ты не ходила в больницу. Вещи усопшей отвезу я. Вечером Гернади сам к нам зайдет.

— Хорошо, а теперь внимательно слушай меня. — Сулита закурила. — Я не знаю, что со мной может случиться. Возможно, меня еще до похорон арестуют. Тогда тебе одной придется хоронить маму. Я напишу на твое имя доверенность по всем правилам. Только умоляю тебя,

не плачь. Высморкайся и вытри лицо. — Помолчав немного, она продолжала: — Я передам тебе свою и мамину сберегательные книжки. Деньгами распоряжайся по собственному усмотрению, но только так, чтобы и Габорке что-нибудь осталось... Тебе придется воспитывать его до тех пор, пока я не вернусь. Мать похоронишь в нашем семейном склепе. Кроме свекра и свекрови, на похороны никого не зови. Пусть будут только ты и они. Разумеется, если со мной до этого времени ничего не случится, я тоже буду. Теперь о квартире. Думаю, ее отберут, если мы до этого не успеем что-нибудь сделать. Ты все поняла?

— Поняла, моя дорогая. Но я так чувствую, что ничего плохого с тобой не случится.

— Дай-то бог.

Сулита сложила в сумку нижнее белье, шелковое платье и туфли. Передавая эти вещи Марии, она наказала, чтобы та не забыла забрать из больницы вещи матери.

Вскоре после ухода Марии к Сулите приехала Юлия Хорват.

Заметив, что с Сулитой случилась какая-то беда, Юлия обняла ее, поцеловала и, сев, спросила:

— Скажи, что с тобой?

— Ты не поверишь.

— Попытаюсь.

— Полковник Вайда приказал мне никому об этом не рассказывать.

— Мне можно рассказать.

— Не знаю...

— Если я говорю, значит, можно.

— Сперва скажу, что час назад умерла моя мать. Когда я была у нее в больнице, она уже потеряла сознание. Кровоизлияние в мозг. Ее парализовало.

— Бедняжка...

— А в тот день, когда меня арестовали, два следователя забрали из школы моего сына и куда-то увезли.

— Куда именно?

— Этого я не знаю. В какой-то государственный детский дом. — Сулита чуть было не расплакалась.

— Но почему?

— Полковник Вайда, допрашивавший меня, сказал, что они вернут мне сына тогда, когда я докажу свою верность органам госбезопасности.

— И каким же образом ты это сделаешь?

— Мне нужно на суде сделать ложное заявление о

том, что Габор завербовал меня и я, зная, что он является агентом американской разведки, передавала ему копии секретных документов Совета Министров, которые он отправлял американскому полковнику Смиту из посольства США.

— Боже мой, это же безумие какое-то!

— Да.

— На основании такого заявления его же повесят! Другого приговора и быть не может: он ведь кадровый офицер Народной армии, майор. За предательство полагается смертная казнь.

— Что же мне делать?

— Ты подписывала свои показания?

— Да.

— Ну, тогда они используют твои показания, как им заблагорассудится.

— Знаешь, Юлия, я только сейчас поняла, какими методами они добились показаний от Райка. Поняла и то, что им ни в коем случае верить нельзя. Я готова к тому, что после суда меня арестуют. Марии я уже сказала, что она должна делать в этом случае.

Юлия с ужасом слушала Сулиту.

— Чем я могу помочь тебе? — спросила она.

— Постарайся разыскать моего сына и позаботься о нем, если со мной что-нибудь случится. Я была бы не против, если бы ты переселилась в эту квартиру.

— Квартира у меня есть, — заметила Юлия. — Но я могу сюда поселить одну свою знакомую. Ты ее знаешь...

— Кто она?

— Мари Каройи, дочь одного скульптора. Она была близка с Габором, и потому он просил меня позаботиться о ней.

— Я так и знала, что у него кто-то есть.

— Когда тебя освободили, он с Мари уже не встречался, — пояснила Юлия. — Можешь мне поверить, Габор тебя очень любит. Он сам мне об этом говорил.

— И он поручил тебе позаботиться о Мари?

— Для этого была совсем другая причина. Мари он просто жалел, хотел помочь ей, чтобы она не спилась окончательно. Отца у нее нет. У нее сейчас совсем никого нет. Нет ни квартиры, ни подруг, а вообще, она очень порядочный человек. Габор любит ее как друга, а вот тебя он любил по-настоящему, как мужчина любит женщину. Прокурор тебя уже допрашивал?

— Вчера. Представился как доктор Геза Борбаш.

— Вот в разговоре с ним ты и могла бы отказаться от своих прежних показаний.

— Боже мой, да не мучай ты меня! Может, и не приговорят Габора к смерти.

— Прокурор, квалифицируя преступление Лукача, подведет его под пункт второй шестидесятого параграфа статьи тысяча девятьсот тридцатой уголовного кодекса, а она гласит, что кадровый офицер за измену подлежит смертной казни.

— Что же мне делать? Умоляю тебя, скажи, что мне нужно сделать? — И хотя Сулита старалась не плакать, слезы ручьем потекли по ее щекам.

— Сулита, напиши мне как можно подробнее, каким образом от тебя добились ложных показаний, оговора Габора Лукача. Напиши о том, что у тебя забрали ребенка и ты не знаешь, где он находится. Даю слово, органы об этом ничего не узнают. Напишешь?

Сулита кивнула:

— Сейчас написать?

— К утру, я сама к тебе заеду. А если с тобой на самом деле что-нибудь случится, то я обещаю найти твоего сына и забрать его к себе. Что же касается твоей квартиры, то давай задним числом составим договор о том, что ты ее сдала нам с Мари. В этом случае ее уже не смогут отобрать.

Юлия сдержала свое слово. Вечером того же дня она у нотариуса составила соответствующий договор, а утром следующего дня попросилась на прием к генералу. Тот принял ее вне очереди.

— Что нового, коллега? — спросил генерал, когда она переступила порог его кабинета. У генерала был вид старого уставшего человека, хотя на самом деле ему исполнилось всего сорок восемь лет. Жизнь сильно потрепала его...

Генерал смотрел на Юлию и ждал, что она ему скажет.

— Габора Лукача повесят, хотя он и невиновен!.. — выпалила Юлия и затем рассказала генералу все, что узнала от Сулиты.

— Они забрали ребенка? — По лицу генерала пробежала тень.

— Да, забрали. И мать не знает, где находится ее сын. Обещали вернуть его только после окончания судебного процесса, и то при условии, что Сулита Читари

в судебном заседании подтвердит свои ложные показания. Товарищ генерал, вы можете чем-нибудь помочь Габору?

— Не могу. — Генерал немного помолчал, а затем сказал: — Я уже пытался это сделать. — Он на миг задумался, стоит ли этой честной молодой сотруднице повторить то, что ему сказал министр. И решил, что не стоит...

Утром в отдел к генералу явился сам министр, и не один, а в сопровождении полковника Лакатоша и одного из заместителей Габора Петера. Генерал по-уставному доложил министру, тот молча кивнул, затем все сели за большой стол для заседаний.

— Товарищ министр, разрешите предложить вам кофе? — спросил генерал.

— Ну и хорошие же у вас друзья, — не без ехидства заметил министр, оставив вопрос генерала без ответа.

— Кого вы имеете в виду, товарищ министр? — осведомился генерал.

— Эрне Давида.

Генерал почувствовал резкую боль в животе, но, пересилив ее, спросил:

— А что случилось с Эрне Давидом?

— Ровно час назад он арестован органами и уже успел признаться.

— Ясно, — тихо проговорил генерал, стараясь не сорваться.

— Но сюда я пришел вовсе не поэтому, а для того, чтобы информировать вас о решении Политбюро. В феврале следующего года вас переведут в аппарат госбезопасности. На этот счет получите письменный приказ. На ваше место прибудет полковник Фазекаш. Прошу оказать ему всяческое содействие. Вам ясно?

— Ясно, товарищ министр, — ответил генерал и тут же попросил министра о пересмотре дела Габора Лукача.

— Да перестаньте вы наконец заниматься этим Габором Лукачем и Кешерю! Они оба получат по заслугам! — довольно грубо оборвал министр генерала и удалился вместе со своими сопровождающими.

Оставшись один, генерал подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул на оживленную улицу.

«Где мы сошли с правильного пути? — размышлял он. — Кто знает это? Когда началась эта сектантская политика?..»

В памяти генерала всплыли дни освобождения страны частями Советской Армии. Какая радость и воодушевление царили тогда в стране! Потом начался раздел помещичьих земель, восстановление железных дорог, разрушенных городов... Вся страна буквально ликовала, когда Ракоши заявил о прекращении инфляции и введении новой денежной системы. Европа была удивлена. Но кто, спрашивается, выдумал догматические лозунги, всеобщую подозрительность? Затем они стали программой, породили недоверие и нервозность. «Сколько честных людей мы выгнали из страны, а они с радостью остались бы у себя на родине. Но им еще повезло: они не попали в тюрьму или лагеря. Самое же трагичное в том, что подозрительность затронула и саму партию. Было ли это необходимо? Неизбежно ли это было? Зачем же, спрашивается, нам понадобилось уничтожать свои достижения, почему мы продолжали неверную политику? Почему?..»

Генерал оторвался от своих мыслей, посмотрел на Юлию и спросил:

— Вы могли бы все, что рассказали, изложить письменно?

— Я попросила сделать это Сулиту Читари. Как только я получу от нее этот материал, сразу же передам вам лично. — Юлия достала договор, который накануне вечером составила у юриста, и попросила: — Товарищ генерал, дайте мне согласие на обмен квартиры.

Генерал прочитал бумагу и спросил:

— А для чего это нужно?

— Я убеждена в том, что, как только Сулита подтвердит свои ложные показания, ее арестуют, — объяснила Юлия. — А я бы не хотела, чтобы ее квартиру отобрали: у нее же есть сын.

Генерал тут же подписал договор.

10

Габора после допроса прокурора перевезли в военную прокуратуру, располагавшуюся в здании военной тюрьмы на проспекте Маргит. Прокурор майор доктор Геза Борбаш хорошо знал Габора. Ознакомившись с обвинительным протоколом, он понял, что Габора, судя по всему, принудили взять на себя преступления, которых он никогда не совершал. В первый момент, когда ему передали дело Лукача, Борбаш намеревался отказаться вести его, но, вспомнив о том, что у него жена, трое детей, мать-вдова, сообразил, что этого делать не следует, и

согласился представлять обвинение по делу Габора Лукача. Борбаш был труслив и боялся, что его самого может постигнуть судьба Габора. Однако он был по-настоящему ошарашен, когда однажды к нему заехал Бела Вайда и предупредил, что Лукачу должен быть вынесен смертный приговор. Борбаш начал было протестовать, сказал, что на него оказывают давление. Бела Вайда лишь ехидно усмехнулся и напомнил Борбашу одну оплошность, допущенную прокурором в прошлом, за которую против него можно было при желании возбудить уголовное дело. При Хорти Геза Борбаш был военным судьей. В декабре 1944 года он приговорил к смертной казни одного дезертира за ряд организованных им взрывов и за то, что тот убил двух нилашистских офицеров. Позже выяснилось, что расстрелянный солдат был членом нелегальной коммунистической партии. Однако случилось так, что в 1945 году Борбаша не только не привлекли к ответственности, но даже приняли в новую армию, учтя тот факт, что Геза Борбаш якобы спас жизнь сотням людей.

Борбаш не стал упираться и лишь только заметил, что из материалов дела отнюдь не следует, что Габор Лукач заслуживает смертной казни, так как он не выдал ни одного человека. Тогда Борбаш еще не знал, что Бела Вайда и его сотрудники способны на удивительное злодейство.

Габора привели к прокурору совершенно изможденным.

«Удивительно, — думал Борбаш, — что людей Вайды не заботит вид обвиняемого на суде».

— Садитесь, Габор Лукач, — проговорил прокурор, впервые называя его на «вы» — до этого он был с ним по-дружески на «ты». Угостив арестованного сигаретами, он спросил: — На сколько килограммов вы похудели?

— Думаю, похудел не меньше, чем когда-то в застенках гестапо, — ответил Габор. — Господин майор, я готов еще раз подтвердить все, что показывал ранее.

— Вас сильно били?

— Так, что я каждый раз падал и при падении получал новую травму. Сколько же мне дадут?

— Не знаю, это дело трибунала. Я буду про[illegible]надцать лет тюремного заключения.

— Собственно, в чем меня обвиняют?

— В преступлении против народа[illegible] были доностиком гестапо и полиции.

— Понятно. — Габор несколько раз глубоко затянулся. — Вместе с вами я работал с 1945 года. Вы были свидетелем того, сколько американских, английских, французских агентов мы задержали и передали прокуратуре. Сейчас же я буду говорить лишь о работе сотрудников отдела, которым я руководил. Мы отдавали под суд только бесспорных преступников, и потому совесть наша чиста. Я только никак не могу увязать это с тем, что шпик гестапо, поседевший в концлагере, десятками арестовывает и разоблачает врагов народа. С какой целью он это делает? Ну да ладно, теперь уж все равно. Надеюсь, когда-нибудь найдется человек, который разберется в этом противоречии, а в моем деле многое требует разъяснения...

— Вы знаете, что я еще до войны работал в военной прокуратуре?

— Разумеется, знаю.

— Так вот, в ту пору я говорил обвиняемым, что самое важное будет заключаться отнюдь не в том, сколько лет им дадут, а в том, что они останутся в живых. Теперь я говорю это и вам.

Габор подписал составленный Борбашем протокол допроса. Борбаш распорядился, чтобы обвиняемому ежедневно выдавали по десять сигарет, за что Габор был ему очень благодарен.

Когда Лукача увели в камеру, прокурор неподвижно сидел на своем месте, тупо уставившись взглядом в стену. Он ненавидел себя за подлость и трусость.

«Мерзавец я, — размышлял он, — побоялся дать понять Габору, что его судьба уже решена. А ведь мне надо было сказать: «Габор, прошу тебя, не сердись на меня. Если не я буду представлять сторону обвинения, это тебе нисколько не поможет, найдется много добровольцев, которые охотно накинут петлю на твою шею. Я не знаю, что происходит сейчас у нас в стране, не знаю я и того, кому можно было бы сообщить о грубых нарушениях законности... Боже мой, как я буду произносить обвинительную речь? Как буду смотреть Габору в глаза?!»

Габор, разумеется, не догадывался об угрызениях совести, испытываемых Гезой Борбашем, хотя и видел, что прокурор не верит в его виновность. Если бы он знал о мучениях, одолевавших Борбаша, то сказал бы ему: «Господин майор, не мучайтесь и выполняйте то, что вам приказано».

Габор сидел в камере-одиночке, и охранники (это были рядовые солдаты) довольно грубо обращались с

ним, видимо по приказанию начальства. Но почему, спрашивается? Он ведь и так признал все, что от него требовали. Почему ему по ночам не дают спать, каждые полчаса стучат в дверь его камеры?

Однажды Габор попросил отвести его на допрос к прокурору. Ждать вызова пришлось два дня.

— Что случилось? — спросил арестованного Борбаш, протягивая ему сигарету.

Габор закурил, а затем рассказал, как с ним обращаются охранники.

— Я не знаю, какую цель они при этом преследуют. По чьему распоряжению не дают мне есть и не позволяют спокойно спать? Если все это не прекратится, клянусь, я устрою страшный скандал на суде!

— Я приму соответствующие меры, — пообещал Борбаш. — А еще что вы хотите?

— Еще? Я спокоен, так как на этом свете один как перст. — Габор подумал в этот момент о Сулите, но говорить о ней с прокурором он не захотел, решив, что тому нет никакого дела до его любви. Для него же самого главное заключается в том, что Сулита любит его. Любовь сильна, так что даже в момент приведения смертного приговора он не будет чувствовать себя одиноким.

— Господин прокурор, я бы хотел спросить вас кое о чем...

— Спрашивайте.

— Вы-то, конечно, знаете, что я невиновен?

Борбаш молчал.

— Ответьте. Не бойтесь. Я не провокатор, по для меня лично ваш ответ очень важен.

У Борбаша пересохло во рту.

— Скажите, зачем вы взяли на себя столько грязи, о которой пишется в протоколе?

— Вы спрашиваете, зачем я согласился подписать этот протокол? Попросту я не хочу бесследно исчезнуть из этой жизни. Я хочу фигурировать в судебных документах. После моей смерти меня совсем недолго будут считать преступником. Придет время, и честные люди реабилитируют меня. Вы спрашиваете, зачем я все это подписал, а я в свою очередь могу спросить вас, зачем вы согласились быть государственным обвинителем по моему делу.

Борбаш молчал.

— Не отвечаете... Тогда я сам за вас отвечу. Вайда хорошо знает, что мы с вами всегда были в очень хо-

рошиx отношениях, можно сказать, были почти друзьями. Однако им очень интересно, как вы поведете себя в сложившейся ситуации. И вы об этом знаете. Помните, как по приказу Михая Фаркаша смертный приговор над Палфи приводили в исполнение его, Палфи, друзья и однокурсники. Я помню, что вы назвали это макиавеллизмом. Прошу вас, успокойте совесть, делайте свое дело так, как от вас требуют, и оставайтесь в живых. Оставайтесь живым свидетелем моей невиновности. Райк мертв. Палфи тоже. Сёни и Салаи тоже нет в живых. Теперь настала наша очередь. Могу вам сказать кое-что. Наша смерть не будет напрасной, бессмысленной. Мы все время будем стоять поперек пути Михая Фаркаша. Через наши трупы ему не удастся перешагнуть. Он обязательно споткнется. Не скрою, до своего ареста я был словно слепой, а ведь я лично знал и Райка и Палфи. Зато я не знал о том, что у нас существует такой адский механизм. А теперь вот знаю. Уверен, что тысячи и тысячи честных членов партии до сих пор ничего не знают о нем.

— Надеюсь, вы не будете говорить об этом, когда вам на суде предоставят последнее слово?

— Думаю, что я вообще ничего не скажу. А когда будет суд?

— Заседание назначено на пятницу, второе декабря.

— Значит, через десять дней.

Последние дни перед судом тянулись медленно. Сначала Габор никак не мог понять, почему ему за восемь суток до суда, как это положено, не предъявляют обвинительного заключения, а потом чуть было не рассмеялся: можно подумать, что в остальном все шло в строгом соблюдении законности. Да и что толку, если его с этой бумажкой ознакомят, он и без обвинительного заключения знает: его будут обвинять как врага народа. И хотя он никогда в жизни не был шпиком или доносчиком, его обвинят именно в этом.

«После суда на работе зачитают приговор или часть его. Интересно, сколько человек поверят в то, что я был агентом гестапо и полицейским шпиком? Наверняка найдутся и такие, которые поверят, такие легковерные имеются в любом учреждении. А сам я разве не верил поначалу, что Райк предатель? Правда, в глубине души сомневался, но потом выбросил из головы все сомнения. Я хотел верить руководству, думал, что этим я докажу свою верность партии. Вот сейчас я не поверил бы ни одному слову из того, что говорилось тогда о Райке. Если

предположить, что Палфи был предателем, то тогда зачем же он разоблачил заговор группы Дальноки — Вереша? А ведь это сделал он. Да что теперь об этом думать... Трус я тогда был, что правда, то правда...»

В пятницу Габора сводили в баню, побрили, а затем отобрали гражданскую одежду и вместо нее выдали арестантскую робу.

— Послушайте, — обратился он к сержанту, который принес ему робу, — меня ведь пока еще не осудили?

— Не болтать! Ясно? С сегодняшнего дня будете носить это. Понятно? А когда поведут на виселицу — дадут гражданское.

— Понятно, — ответил Габор. — Сегодня почему-то не выдали положенных мне сигарет.

— И не получите!

— Хорошо, но имейте в виду, что завтра на суде я устрою такой скандал, что вы не обрадуетесь.

Через каких-нибудь десять минут стражник открыл дверь камеры и, протянув ему пачку сигарет, спросил:

— Закурите?

— Да.

Охранник дал ему прикурить и, понизив голос до шепота, сказал:

— Подполковник Кешерю передает, что завтра будет суд.

— Скажите ему, что я...

— Он все знает. Если позже захотите покурить, постучите: я дам прикурить. И не сдавайтесь!

Габору было приятно от слов охранника и известия от Кешерю. Он сел на нары, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Курил и думал о прошлом.

Сначала он вспомнил о Сулите.

«Интересно, что с ней?..»

Габор надеялся, что ее не обидели. Он уже знал, что Франциске удалось отделаться легким испугом, а это означало, что следователь поверил в то, что она через Сулиту известила его о появлении Одескалхи в Будапеште. Неизвестно по какой причине, но все, связанное с Одескалхи, не было занесено в протокол показаний.

Потом на Габора нахлынули воспоминания о детских годах. Боже, ему еще не было и шести лет, когда он первый раз, разумеется по-детски, влюбился в хорошенькую голубоглазую девочку Клару, вместе с которой он ходил в детский сад. Как хорошо они тогда вместе играли!

Затем перед мысленным взором Габора всплыло заплаканное лицо матери, когда она на Восточном вокзале провожала его... Вот он уже в Париже, обнимает дядюшку Пьера... Как же давно это было!

«За тебя не боюсь, — часто говорила Габору мать, — ты у меня в рубашке родился». До сих пор ему, можно сказать, везло. В 1942 году его запросто могли убить сторонники Чомоша, но только здорово избили. Тогда не было дня, чтобы он не думал о Сулите. Казалось, он черпал силы в этой любви. О Сулите он не переставал вспоминать и позже, когда работал на руднике, на строительстве укреплений, в концлагере. А вернувшись из заключения домой, не стал ее разыскивать, так как уже знал, что она вышла замуж и родила сына... Однако Сулиту, семнадцатилетнюю гимназистку, у него никто отнять не может. Только одна смерть.

Габор встал, заходил по маленькой камере. «Интересно, смогу ли я написать последнее письмо? По закону такую возможность предоставляли каждому приговоренному к смерти. Правда, сейчас осужденным не разрешают и этого. Боятся, что они могут написать о своей невиновности».

Обед ему не понравился, да и за ужином он поел совсем немного. После ужина в камере Габора неожиданно появился Бела Вайда.

— Как себя чувствуете? — спросил полковник, присаживаясь на нары.

— Спасибо. Сигаретку не дадите?

Вайда отдал Габору целую пачку сигарет, они оба закурили.

— Итак, завтра, ровно в восемь часов утра, начнется процесс.

— Это я знаю. Только я никак не пойму, почему меня переодели в арестантскую робу, я ведь еще не осужден.

— Еще нет. Сделали это в мерах предосторожности, чтобы вы, чего доброго, не вздумали бежать. Терять вам все равно нечего, так почему бы и не попытаться?

— Вы же знаете, что если бы я хотел сбежать, то сделал бы это раньше.

— Вы только могли попытаться, ведь мы следили за вами.

— Я знаю, но я не раз избавлялся от ваших наблюдателей. Правда, они вам вряд ли хвалились этим, не так ли?

— Не хвалились, но сейчас это уже не имеет никакого значения. Процесс над вами, Лукач, будет закрытый, и я не хотел бы, чтобы вы нарушили нашу договоренность.

— Какую договоренность?

— Не будьте таким наивным. Когда вы подписывали протокол своих показаний — одновременно договоренность. На судебном заседании вы должны перечислить все свои преступления. Смело называйте имена, фигурирующие в протоколе, а мы, каким бы строгим ни был приговор, поможем вам.

— Райку и его товарищам вы, видимо, обещали то же самое, а затем повесили их.

— Не знаю, я в том процессе задействован не был. Сейчас речь идет совсем о другом. Но кое о чем я вам все же скажу. Если вы устроете на суде скандал, если станете отказываться от ранее данных вами же показаний, тогда мы немедленно пошлем в концлагерь вашу любовницу Мари Каройи.

— Что с ней?

— Живет как квартирантка у Сулиты Читари. Работает.

— А что с самой Сулитой?

— У нее умерла мать.

— Понятно. Скажите, господин полковник, почему мне так долго пришлось ожидать суда?

— Вы должны были несколько оправиться. Вы так часто падали и бились о пол, что на вас живого места не было. По заключению врача в настоящее время ваше здоровье в порядке. — Вайда встал. — Итак, до завтра.

Перед сном Габор думал о Сулите. Спал беспокойно. Во сне он обнимал Сулиту. Вдруг на них напали какие-то незнакомые люди. Он защищался, но его жестоко избили, а Сулиту куда-то увели. Он слышал ее плач и крики: «Габор, помоги!» Он хотел броситься к ней, но ему не позволили. «Габор, помоги! Габор, помоги!» Эти крики любимой звучали в ушах у Габора всю ночь.

Проснулся он с тяжелой головой. В половине восьмого за ним зашел смуглокожий сержант. Габору надели наручники и повели в зал суда, который находился на первом этаже. Он хорошо знал это здание. Справа располагался небольшой тюремный двор, на котором обычно приводят в исполнение смертные приговоры.

Справа от входной двери, у противоположной стены коридора, стояла длинная скамья.

В зал его сразу не повели.

— Повернитесь лицом к стене, — приказал Габору сержант.

Габор повиновался. Прислонившись лбом к прохладной стене, он начал беззвучно бормотать отрывки различных стихотворений, для того чтобы настроение его не стало хуже.

Из конца длинного коридора послышался звук женских шагов, легких и ритмичных. Осторожно, чтобы не заметил охранник, Габор слегка повернул голову налево и остолбенел. На миг ему даже показалось, что сердце его перестало биться. По коридору, медленно переставляя ноги, шла Сулита. Лицо у нее было задумчивое и печальное. Густые темные волосы рассыпаны по воротнику пальто, в руках коричневая сумочка из крокодиловой кожи, на ногах туфельки на невысоком каблуке.

Подойдя к сержанту, она показала ему какую-то бумагу. Сержант кивнул и указал на скамью.

До этого момента Сулита не смотрела на Габора, чувствуя лишь сердцем, что мужчина, стоявший в арестантской одежде лицом к стене, не кто иной, как Габор Лукач. Чтобы не раскиснуть, Сулита начала думать о сыне.

Накануне с ней встретился Бела Вайда, который сказал, что судебное заседание продлится не более часа, а после суда она сразу же увидит своего сына. Ей же нужно только пережить этот один-единственный час, всего-навсего каких-то шестьдесят минут. Как она будет жить дальше, полковник ей сказать не мог. Ночью Сулита почти не спала. Она разговаривала с Мари о Габоре.

Медленно повернув голову, она взглянула на Габора и встретилась с ним взглядом.

— Узнаешь меня, Сулита? — еле слышно, шепотом спросил Габор.

Сулита кивнула, из глаз ее потекли слезы. «Конечно, узнаю», — мысленно ответила она и уже хотела было встать, чтобы броситься ему на шею, но в этот момент в конце коридора показались члены трибунала, направляющиеся в зал заседания.

Первым шел председатель, за ним — двое членов трибунала: майор Гизелла Матраи и подполковник Тибор Якуш, рядом с которыми шествовал прокурор Борбаш, а чуть поодаль — секретарь трибунала, капитан в очках. Последним был адвокат доктор Пал Маркуш.

Все они вошли в зал заседаний и расселись по своим местам.

Затем председатель военного трибунала объявил, что подсудимый Габор Лукач обвиняется в антинародной деятельности и нарушении военной присяги.

— Габор Лукач!

Габор, сидевший на скамье подсудимых, встал.

— Когда вы родились?

— Первого сентября 1919 года.

— Где?

— В Будапеште.

— Фамилия и имя матери.

— Вероника Лукач.

— Прошу секретаря трибунала ознакомить подсудимого с обвинительным заключением.

Секретарь встал и начал читать обвинительное заключение. Габор почти не слушал. Он забеспокоился только тогда, когда капитан зачитал, что, помимо всего прочего, он обвиняется в нарушении военной присяги.

«Когда и каким образом я ее нарушил? — подумал Габор. — Об этом на следствии даже речи не было». Только теперь Габор начал догадываться, почему в суде появилась Сулита. «Черт возьми, видимо, все это было сфабриковано позже. Придумали какого-то американского полковника Смита, о котором я слышу впервые, не говоря уже о том, что никаких копий с документов я у Сулиты никогда не просил... Если же Сулита будет показывать обратное, тогда и ее следует обвинять в нарушении Конституции и разглашении государственной тайны. Неужели она этого не понимает?..»

Закончив чтение обвинительного заключения, секретарь трибунала сел.

— Вы поняли, в чем вы обвиняетесь? — спросил председатель трибунала Лукача.

— Понял.

— Признаете себя виновным?

— По первому пункту обвинения — да, по второму же — не признаю, — заявил Габор, глядя на прокурора, который опустил голову, чтобы не смотреть на Габора.— Господин председатель... — сказал Лукач после короткой паузы, но не закончил фразы, так как его довольно резко перебил председатель:

— Прошу отвечать только на вопросы, и притом коротко: «да» или «нет». Вы меня поняли?

— Да.

В первом пункте обвинения Габор не заметил чего-то такого, о чем не было речи на допросах... Поступил в

гимназию, чтобы выучиться и самоутвердиться... В то же время крестный отец, Бела Колесар, завербовал его, и он стал агентом политической полиции, и так далее, и тому подобное.

Габор заметил, как член трибунала майор Гизелла Матраи метала в него презрительные взгляды, но сделал вид, что не видит их, и признал свою вину, о чем его на допросах просил полковник Вайда.

«Разумеется, члены трибунала ничего не знают об этом, — подумал Габор. — Вполне возможно, что и сам председатель трибунала не знает, хотя в это трудно поверить, так как мои показания полны противоречий. Уж коли эти противоречия не интересуют даже адвоката доктора Маркуша, который не задал мне ни одного вопроса, не поинтересовался даже, чьим именно агентом я был, на кого я доносил, если по моим наветам не был арестован ни один человек... Все это ни больше ни меньше как судебный спектакль, заранее спланированный и организованный, важно только не задумываться над услышанным, так как тогда сразу же дадут о себе знать ошибки, допущенные автором этого спектакля. Спрашивать тоже ничего нельзя, так как на втором же вопросе все это представление начнет рушиться. Здесь каждое слово, каждую фразу безо всякого сомнения следует принимать за правду, слепо веря написанному. Тот же, кто вдруг не захочет верить этому, будет мигом обвинен в том, что он недостоин быть членом партии.

Обсуждение первого пункта обвинения шло так гладко и ровно, что трибунал решил не вызывать в зал заседаний Деме и даже не зачитывать его показаний, сделанных на допросе, что само по себе являлось грубым нарушением процессуального кодекса.

И вдруг слова попросила Гизелла Матраи. Это была стройная женщина лет сорока, но уже седая. Родители Гизеллы еще в 1920 году, когда девочке исполнилось всего восемь лет, эмигрировали из хортистской Венгрии в Советский Союз. В Москве она ходила в школу. Вскоре родители Гизеллы развелись. Девочка осталась с матерью, которая работала в Государственной библиотеке имени Ленина. В Москве же Гизелла окончила институт и получила диплом инженера. Когда началась война, она добровольно ушла на фронт. Отец ее защищал Москву и погиб в одном из боев. Гизелла владела несколькими европейскими языками, и потому ее направили в штаб партизанского движения, который в качестве радистки по-

сылал ее в различные партизанские отряды. В начале сорок четвертого года она была заброшена в Венгрию. По указанию партии принимала участие в создании новой, демократической армии. За годы войны отважная женщина познакомилась со многими советскими военачальниками, которые поддерживали с ней связь, считая героиней. Несколько пионерских отрядов даже носили ее имя. Председатель трибунала с уважением относился к ней и потому не мог отказать.

— Скажите, вы знали своего отца? — спросила Гизелла, обращаясь к подсудимому.

— Не знал.

— А знали, кем он был?

— Да, но не думаю, что это имеет какое-либо отношение к делу.

— Это меня лично интересует.

— Отвечайте на вопросы без всяких выкрутасов! — сделал Габору замечание председатель трибунала.

— На этот вопрос я не могу ответить ни словом «да», ни словом «нет».

— Значит, вы знаете, кем был ваш отец?

— Да, но я мог бы ответить и «нет».

— Вы, никак, шутите? — спросил председатель.

— Нет.

Гизелла Матраи подняла руку, снова прося слова.

— Лукач, говорите спокойно, — каким-то дружеским тоном посоветовала она. — Расскажите все, что вы знаете о своем отце.

— В 1919 году мой отец был политкомиссаром. И, кажется, еще красным командиром в одном из районов. Точно я не знаю. Важно то, что он был коммунистом. Когда белые вошли в Будапешт, моего отца спрятала моя мать. Чуть позже ему удалось бежать во Францию...

Далее Габор рассказал все, что он узнал об отце от матери.

— Выходит, он не женился на вашей матери только потому, что эмигрировал во Францию?

— Да, поэтому, а я стал незаконнорожденным. Во Франции отец и умер.

— А вы сами как попали во Францию?

— Уже став взрослым, я узнал, что в этом нам с мамой помог отец.

Гизелла Матраи сокрушенно покачала головой.

— И при таком отце вы стали полицейским доносчиком?

— Сожалею, но стал.

— Спасибо. Других вопросов к подсудимому у меня нет, — произнесла Гизелла Матраи, мрачно глядя прямо перед собой. Ей многое не нравилось в этом деле, в том числе и то, что председатель трибунала заставил подсудимого отвечать на вопросы «да» или «нет». Матраи нашла этот способ новым и довольно своеобразным. Председатель на этот счет не давал членам трибунала никаких объяснений, хотя сам он отнюдь не был согласен с подобными вещами. Не нравилось ему и поведение адвоката, доктора Пала Маркуша. «Почему он не защищает своего подзащитного? — думал председатель. — Почему не задает никаких вопросов? Почему не требует объяснений относительно вопиющих противоречий, которых больше чем достаточно? Почему не протестует, наконец, против неправильного ведения самого процесса?..»

— Теперь переходим ко второму пункту обвинительного заключения, — сказал председатель. — Выходит, по этому пункту вы не признаете себя виновным?

— Нет, не признаю. Ни о чем таком на допросах и речи не было.

— Вы признаете, что завербовали Сулиту Читари?

— Да, но только отнюдь не для того, в чем меня здесь обвиняют.

— А для чего же?

— Для того, чтобы она немедленно сообщила мне, если получит письмо от своего бывшего мужа, который работает на английскую разведку.

— Значит, вы отрицаете, что поддерживали связь с секретными службами Соединенных Штатов Америки, а точнее, с полковником Смитом?

— Отрицаю. Я впервые слышу эту фамилию.

— Вы отрицаете, что заставляли Сулиту Читари передавать вам копии секретных документов Совета Министров?

— Отрицаю.

— Вы же говорили Сулите Читари о том, что эти копии вы через третьих лиц передаете полковнику Смиту, сотруднику американской разведки!

— Никогда ничего подобного я Сулите Читари не говорил и говорить не мог.

— Габор Лукач, почему вы нам лжете?

— Сейчас я как раз не лгу, а говорю правду.

— Сейчас? А когда же вы лгали?

— Не знаю, но сейчас я не лгу.

— Лукач, я еще раз спрашиваю вас, почему вы лжете? Вообще-то вполне логично, что вы стали американским шпионом. В молодости вы были агентом Клауса Гюнтера, резидента гестапо, позже стали агентом майора гестапо фон Графа... Что изменится от того, что вы отрицаете контакты со Смитом? Почему вы не признаете...

— Потому, что об этом мы не договаривались со следователем на допросах! — прервал Габор председателя.

— О какой договоренности вы говорите?

— Я прошу товарища председателя трибунала заслушать показания свидетельницы Сулиты Читари, — неожиданно заговорил молчавший до сих пор прокурор Борбаш.

Эти слова прокурора были восприняты председателем трибунала как намек, что этот вопрос не следует дальше обсуждать.

— Садитесь! — сказал председатель подсудимому и тут же попросил охранника пригласить в зал Сулиту Читари.

Сулита вошла и остановилась перед трибуной для свидетелей. Вид у нее был смущенный.

Сначала председатель, как и положено, спросил у нее имя, фамилию и так далее, а затем предупредил об ответственности за дачу ложных показаний.

Сулита кивнула.

И тут на нее обрушились вопросы. Когда она познакомилась с Габором Лукачем? Правда ли, что он выдавал себя за французского лейтенанта Жана Дюрана? Действительно ли он хотел спрятать в имении Читари какого-то эмигранта, французского капитана? Знает ли она, что подсудимого в 1942 году арестовывали, а в 1944 году он, как сотрудник отдела контрразведки, провоцировал Колоша Читари?..

— Об этом мне известно, — отвечала Сулита на последний вопрос. — Но делал он это для того, чтобы спасти моего отца. Я не верю, что подсудимый был агентом контрразведки.

— Но вы же показывали на допросе, что он был им.

— Показывала, а теперь заявляю, что это не так.

— Хорошо, пойдем дальше. Вы были в интимной связи с подсудимым?

— Была. Я его любила и сейчас люблю, я его невеста.

— Подсудимый тоже вас любил?

— Любил, я в этом уверена, да и сейчас любит.

— А вот подсудимый утверждает, что он вас не любит.

— Он говорит неправду.

— Лукач, встаньте. — Габор поднялся со скамьи. — Верно ли, что Сулита Читари является вашей невестой?

— Верно.

— Вы ее любите?

— Люблю.

— Садитесь.

— Свидетельница, объясните трибуналу, почему подсудимый освободил вас из-под стражи через два дня после того, как органы контрразведки арестовали вас по подозрению в шпионаже?

— Потому, что он знал, что я невиновна.

— Подождите. На допросах вы показывали другое. Я сейчас процитирую: «В ту ночь мы долго разговаривали. Майор Лукач сказал, что он, как прежде, любит меня. Поскольку мне, естественно, хотелось скорее выйти на свободу, я сказала ему, что тоже люблю его и готова ради него на все. Тогда он подошел ко мне и, заперев дверь изнутри на ключ, начал целовать. Сказал, что является агентом американской секретной службы и поддерживает связь с полковником Смитом. Сказал, что было бы очень хорошо, если бы я стала помогать ему. Я спросила, в чем же будет заключаться моя помощь. Он ответил, что хотел бы получать копии всех секретных документов, которые проходят через мои руки. Ради освобождения я согласилась. Потом я испугалась, так как вовсе не хотела становиться шпионкой, и потому явилась к полковнику Беле Вайде и все ему честно рассказала. Вайда посоветовал мне согласиться, сказав, что он будет давать мне специально сфабрикованные документы для Габора Лукача. Насколько я помню, я передавала Лукачу такую лживую информацию два или три раза, а чтобы он мне больше доверял, продолжала с ним интимные отношения...» — Председатель перестал цитировать и, обращаясь к Сулите, спросил: — Так почему подсудимый освободил вас из-под стражи?

— Потому, что он знал о моей невиновности.

— А ваши показания...

— Они ложны от первого до последнего слова!

— Ложны?

— Да.

— Почему же вы лгали?

— Меня принудили.

— Вас били?
— Нет, меня не били.
— Тогда каким же образом вас принуждали?
Сулита внезапно разрыдалась.
— У меня отняли сына! С октября месяца я не знаю, где он находится и что с ним. — Она зарыдала еще громче. — Отдайте мне моего сына! Я отказываюсь от своих показаний, которые давала на следствии, отказываюсь, даже если вы меня убьете... Лукач ни в чем не виновен!.. Почему вы хотите погубить его?.. Верните мне сына! Моего сына! Где он?..
Габор хотел было встать, чтобы приблизиться к Сулите, но охранник не позволил ему сделать это.
Не успел председатель трибунала раскрыть рот, как Гизелла Матраи спросила Сулиту:
— Гражданка, успокойтесь и постарайтесь отвечать на мои вопросы. Вы меня поняли?
Сулита уставилась на женщину в форме майора, уловив в ее голосе сочувствие и возмущение услышанным.
— Скажите, кто и почему забрал у вас вашего ребенка?
Сулита, всхлипывая, начала рассказывать, как ее допрашивали сотрудники Вайды, как они забрали из школы ее сына и до сих пор держат где-то.
— Более месяца, как я не вижу своего ребенка и ничего не знаю о нем. — Она снова расплакалась, а когда посмотрела в сторону Габора, то плач ее снова перешел в рыдания.
И тут произошло непредвиденное.
Не успел растерявшийся председатель трибунала опомниться и перенести заседание на другой день, как со своего места поднялся прокурор Геза Борбаш и заявил, что он отклоняет обвинение Габора Лукача в измене.
— Правильно! — поддержала прокурора Гизелла Матраи, которую кивками головы поддержал и второй член трибунала, подполковник Тибор Якуш.
Прошло несколько минут, пока председатель трибунала пришел в себя и сообразил, что назревает нечто, похожее на заговор, участники которого, чего доброго, могут вынести Габору Лукачу оправдательный приговор. Но он еще покажет себя. Бросив на прокурора сердитый взгляд, председатель трибунала строгим голосом призвал присутствующих к порядку, а затем спросил:
— Повторите, вы отказываетесь от данных вами ранее показаний?

— Да, отказываюсь и требую, чтобы мне вернули сына!

Председатель трибунала поспешил перенести судебное заседание на следующий день.

11

Домой Сулита вернулась еле живая. Открыв дверь, она чуть не упала. Мария подхватила ее и провела в гостиную, уложила на диван. Она села рядом и начала утешать Сулиту.

В комнату вошла Мари. Мари Каройи уже три недели как жила у Сулиты, постепенно возвращая ей душевное равновесие. Мари полюбила Сулиту, помогала ей во всем.

— Говори, что случилось, — ласково проговорила Мари, гладя Сулиту по волосам.

А Сулита, уткнувшись лицом в подушку, плакала навзрыд. Временами она звала сына, не обращая никакого внимания ни на Мари, ни на Марию. Вскоре успокоительное подействовало, Сулита утихла и уснула. Проснулась она поздно вечером, не сразу сообразив, что с ней и где она находится. Вскоре она узнала Марию, Мари и Юлию. Села и, откинув волосы назад, попросила воды.

— Тебе уже лучше? — спросила ее Юлия.

— Кажется, да.

— Если можешь говорить, расскажи, что же с тобой случилось.

— Дайте сигарету.

Покурив, Сулита рассказала обо всем, что было на заседании трибунала.

— Выходит, ты отказалась от своих прежних показаний? Это же великолепно!

— Насколько я помню, прокурор отказался от обвинения, а заседатели, или как там их называют, вели себя как порядочные люди.

— Ты их знаешь?

— Нет. В первый раз видела. Среди них была женщина, майор. Имени ее я не запомнила. Второй — мужчина, подполковник. Жаль только, что председатель трибунала оставил без внимания заявление прокурора и перенес заседание. Я даже не знаю, что же теперь будет, Знаю только, что Вайда и его сторонники не успокоятся и арестуют меня.

— Не думаю, — проговорила Юлия. — Не за что.

— А о Габорке ты что-нибудь узнала? — спросила у Юлии Сулита.

— Ничего, но ты не беспокойся: ребенка у тебя не отберут.

— Уже отобрали.

Тем временем Мария накрыла на стол и подала ужин.

— Могу только сказать, — продолжала Юлия, — что наш генерал был очень возмущен, когда услышал об этом. При мне он позвонил какому-то полковнику, а потом сказал мне, что он в этом деле разберется сам и добьется, чтобы тебе вернули сына.

— Но когда это будет?

— Не знаю, но уверена, что так оно и будет.

Ужинали они молча и без аппетита.

Мари с жалостью смотрела на Сулиту, а сама в этот момент думала о Габоре и о том, что Сулита, отказавшись от своих прежних показаний, все же сделала большое дело, и что бы она ни говорила, а Габора она любит.

— А как выглядел Габор? — тихо спросила Мари, положив свою руку на руку Сулиты.

— Он был очень бледен и какой-то безразличный.

— Я уверена, что протокол он подписал не из-за побоев, а по какой-то другой причине, — заметила Юлия.

— А ты откуда знаешь, что он подписал? — спросила у Юлии Мари.

— У нас на собрании в отделе зачитывали отдельные выдержки из его показаний.

— Сколько же ему дадут? — поинтересовалась Мари.

— Это будет зависеть от многих причин, — начала объяснять Юлия. — Поначалу они хотели приговорить его к смертной казни. Вот, собственно, почему и возникло обвинение в нарушении присяги. Если же оно отпадет, то Габор может получить либо пожизненное заключение, либо пятнадцать лет тюрьмы.

Мария не сдержалась и начала ругаться:

— Чтоб их всех господь покарал! Такое сделать с беднягой, а? Уж лучше бы все по-старому было...

— Глупости это, Мария, — оборвала ее Юлия. — Габор и при старом режиме сидел в тюрьме. Если бы не новая власть, его давно бы не было на свете.

Мария заплакала.

— Да более честного и порядочного человека на свете я и не знаю! Боже мой, а сколько он работал...

— Перестань, Мария, прошу тебя, — проговорила Сулита. — Так мы сами сведем друг друга с ума.

— Хорошо, дорогая, ты, конечно, права. Я ведь и на самом деле старая дура. Но что я могу поделать, если этот человек мил и близок моему сердцу?

Вместе с Мари она убрала со стола грязную посуду и начала мыть ее.

Сулита с Юлией ушли в гостиную, поручив Мари сварить кофе.

Его пили все вместе, почти не разговаривая, лишь обмениваясь отдельными фразами.

— Могу я выпить рюмку коньяка? — спросила Мари.

— Разумеется, — ответила ей Сулита. — И мне тоже палей.

«Лишь бы только и Сулита с горя не пристрастилась к вину, как Мари», — подумала Юлия. Она смотрела, как женщины пьют коньяк, и в душе жалела их, особенно Сулиту. «В Цюрихе у нее хранится огромное состояние, и тем не менее она не уехала, осталась в Венгрии. Она честно работает, не примкнула к реакционно настроенным кругам и даже без истерики и слез восприняла известие об изъятии у нее родового имения. Сейчас она поняла, что осталась без работы. Вайде стоит только позвонить — и ее вообще никуда не примут. Все двери перед ней будут закрыты. Мать похоронила, сына забрали, хорошо еще, что она не тронулась умом...»

— Сулита, скажи мне, почему ты отказалась от своих показаний? — спросила Юлия.

— Почему? — Сулита задумалась. — Ответить на это трудно. Знаешь, когда я увидела Габора в арестантской одежде, его глаза, такие печальные, полные боли, я почувствовала, что люблю его как никогда, поняла и что он меня очень любит. Я тут же решила: что бы со мной ни сделали, а я не могу стать его убийцей и ради него готова пойти на все... Вот когда я наконец поняла, почему он при последней встрече просил моей руки. Он хотел, чтобы я думала о нем, любила... Когда тебя кто-нибудь ждет, и в заключении жить легче...

А в это время майор ВНА Гизелла Матраи писала письмо в ЦК партии, в котором она с возмущением сообщала о вопиющем нарушении законности на процессе по делу Габора Лукача, о котором, как она убеждена, ничего не знают в секретариате, и требовала немедленного пересмотра этого дела, а также возвращения Габора Будаи родной матери.

Действительно, спустя три дня Сулите вернули сына, то ли по требованию генерала, то ли по просьбе Гизеллы Матраи, — для матери это было уже не так важно. Не пострадал и Бела Вайда, его даже ни в чем не упрекнули.

С возвращением маленького Габорки домой Сулита целыми днями играла с ним, водила гулять, показывала врачу, опасаясь за его здоровье. К счастью, ребенок был совершенно здоров.

Габорка рассказал, что все это время он находился в провинции, жил в каком-то замке. Там была школа, куда он ходил вместе с другими детьми, играл с ними, но очень часто плакал, просился к матери и тетушке Марии.

Куда только Сулита ни обращалась в отношении работы, ее никуда не брали. Незадолго до рождества ее вызвал к себе заместитель министра Михай Тот. Он был дружелюбен и вежлив, угостил кофе.

— Знаешь, Сулита, этот мир, видимо, сошел с ума. — Он обратился к ней на «ты» и смутился от этого. Его выручила Сулита.

— Дядюшка Михай, не стесняйтесь, называйте меня, как и раньше, на «ты».

— Спасибо. Я должен тебе сказать, что взять тебя на работу к себе в министерство я не могу, поскольку нам сообщили, что ты уволена из аппарата Совета Министров по политическим мотивам. Ты, так сказать, попала в число неблагонадежных, чему я, разумеется, не верю. Однако, как ты понимаешь, у меня нет возможности противостоять властям. — Сулита заметила, что Михай Тот был явно не в духе. — Я не знаю, до чего доведет нашу страну распространившийся в ней дух недоверия. Не знаю и того, кому это на руку. Как бы там ни было, а в настоящее время никто не чувствует себя в полной безопасности. В том числе и я сам. Но все же мне кое-что удалось для тебя сделать. Разыщи завтра директора издательства «Пегас» Белу Томчани, я лично говорил с ним о тебе. Он до сих пор благодарен мне за то, что я послал его сына на работу в Париж. Временно ты будешь заниматься переводами с английского и немецкого, которые неплохо оплачиваются. Ты знаешь, где находится издательство «Пегас»?

— Знаю. Значит, обратиться к Беле Томчани.

— А я поинтересуюсь, что за работу они тебе дадут. Ну, что нового? Как мама?

— Она умерла. Я похоронила ее три недели назад. Кровоизлияние в мозг. Хорошо еще, что она недолго мучилась. Вы, наверное, знаете, что мой дедушка, живший в Брашове, бесследно исчез. Ни на одно из моих писем он почему-то не ответил. Теперь у меня есть только сын да Мария.

Тот растерянно развел руками.

— А что сталось с тем майором?

— Несколько дней назад начался процесс. Возможно, что его приговорят к пожизненному заключению.

— А тебе это откуда известно?

— Я проходила свидетелем по его делу. Вернее говоря, лжесвидетельницей, но, к счастью, набралась смелости и отказалась от ранее данных мной показаний.

Михай Тот не поверил собственным ушам, когда Сулита рассказала ему о событиях последних недель.

— Я никак не пойму, зачем и кому нужно делать из невинных людей преступников. Несколько лет назад все у нас шло так хорошо...

— Несколько лет назад... Что было, то было... — Тот сокрушенно покачал головой: — Пойти в школу и оттуда забрать ребенка! Ума не приложу! Если бы об этом рассказывала не ты, ни за что не поверил бы.

На следующий день Сулита явилась к директору издательства Томчапи. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, с черными волосами, посеребренными на висках, и густыми, белыми как снег усами. На удивление вежливый, он, поговорив немного о Михае Тоте, пригласил в кабинет Вайанд Тиборне, стройную светловолосую женщину лет сорока. Директор любезно представил женщин друг другу.

— Называйте меня просто Пирошкой, — сказала блондинка, обращаясь к Сулите.

— Спасибо, а меня зовите Сулитой.

— Прошу сделать так, чтобы у нее всегда была работа, — сказал директор Пирошке. — Можно перевод, можно сверки.

— Пробный перевод давать?

— Не нужно. — Томчапи перевел взгляд на Сулиту и сказал: — Поддерживайте связь с Пирошкой. Если возникнут какие-нибудь проблемы, обращайтесь прямо ко мне.

Сулита почувствовала себя счастливой, думая о том, что порядочность и доброту никому и никогда не удастся убить. Придя домой, она пересчитала наличные

деньги: их оказалось без малого две тысячи форинтов, почти десять тысяч она хранила на сберегательной книжке. Если придется туго, можно будет продать что-нибудь из вещей. Мари вызвалась платить за квартиру, но Сулита не согласилась на это, тогда Мари настояла на том, чтобы с нее брали деньги за питание. Вот уже три недели как она изучала в университете венгерскую историю. Выполняя обещание, данное Габору, Юлия добилась зачисления девушки на философский факультет, хотя занятия там давно уже начались. Сулита тоже была довольна, что Мари начала учиться.

Незадолго до рождества к Сулите пришла Юлия. Она принесла Мари деньги за несколько небольших скульптур, которые удалось продать иностранным дипломатам. Сумма оказалась приличной, более тридцати тысяч форинтов. Мари положила деньги на сберегательную книжку.

— Если не будешь сорить деньгами, — поучала Мари Юлия, — этого тебе вполне хватит на два года, а там что-нибудь придумаем: продадим еще одну-две скульптуры, а если не найдем покупателя, то придется продать саму мастерскую.

— Уж на нее-то купцы в любой момент найдутся, — заметила Сулита, вспомнив мастерскую, где она встречалась с Габором и была счастлива.

Маленький Габорка играл с товарищем в соседней комнате, а взрослые сели в гостиной пить чай. За окном шел сильный снег, а они сидели в теплой квартире и мирно разговаривали. Стоило только Сулите вспомнить Габора и холодную камеру-одиночку, как она почувствовала почти физическую боль.

— Что тебе известно о Габоре?—спросила она Юлию.

— Точно не знаю, но, кажется, его приговорили к пожизненному заключению.

— А когда же закончился суд?

— Два дня назад, но это еще не точно.

— Почему же ты мне об этом не сказала?

— А я и сама не знала. Новый прокурор якобы снял с Габора обвинение по второму пункту, и потому тебя не вызывали.

— У Борбаша забрали это дело?

— Борбаш написал в ЦК разоблачительное письмо, а сам застрелился в своем кабинете. Мы расследовали это дело. Я лично читала составленное им письмо. Друзья Габора, прочтя письмо, за голову схватились.

— Что же там Борбаш написал, если это не секрет?

— Секреты там есть, но тебе я расскажу: тебе не вредно будет знать. Габор Лукач полностью невиновен. Его принудили дать показания о таких преступлениях, каких он никогда не совершал. Признания Винце Деме добились, прибегнув к методам принуждения. Точно так же поступили и с Белой Колесаром, которого принудили подписать заранее сфабрикованный протокол допроса, после чего он покончил с собой.

— Бедный старик, — вздохнула Сулита.

— У него осталось трое детей...

Даже рождественские праздники не принесли Сулите ни капли радости: она почти каждый день вспоминала Габора.

А когда на елке зажигали свечи, о Габоре думала не только Сулита, но и Мари, и Мария. У всех на глазах были слезы, но ни одна из них не спросила другую, почему та плачет.

А спустя два дня после Нового года к Сулите пришли два оперативника и ознакомили ее с постановлением, согласно которому ей запрещалось проживать в Будапеште. Тут же ей назвали новое место жительства — село Табайош в области Хайду-Бихар, где она должна остановиться на квартире у Балинта Герендаша, по улице Габора Бетлена, в доме № 5.

На лице Сулиты не дрогнул ни один мускул.

— Когда мы должны туда выехать?

— Сегодня. Мы отвезем вас на машине. Возьмите с собой только самое необходимое.

— А обжаловать я могу такое постановление?

— Обжалованию не подлежит. Об этом здесь написано.

— Вижу.

— Я тоже поеду! — решительно заявила Мария.

— Вы не поедете!

— Как это не поеду? Кто мне может это запретить? Куда хочу, туда и поеду!

Сулита подошла к Марии и начала ее уговаривать:

— Послушай меня, Мария. Тебе нужно остаться здесь: будешь беречь квартиру, она теперь твоя. Иногда сходишь на могилку к маме, отнесешь букетик цветов. Может, Габор вернется? Мари поможешь. А тебе запишу наш новый адрес, как-нибудь навестишь нас.

— Гражданка, не тяните время, собирайтесь! Нам пора ехать! — В голосе оперативника не чувствовалось

злобы, скорее, ему было жаль женщину, но приказ есть приказ.

— Извините, — обратилась Сулита к одному из мужчин, который показался ей старшим. — Мария сможет выслать нам кое-какие летние вещи почтой, чтобы не брать их сейчас?

— Думаю, что да. Разрешите закурить?

— Пожалуйста.

— Если быть откровенным, то мы впервые выполняем такое задание...

«Ну, наконец-то что-то, видимо, стронулось с места, — подумала Сулита. — Высылка все же лучше, чем тюремное заключение. А самое главное — я буду вместе с сыном».

В машине было тепло. Сулита и Габорка уселись на заднее сиденье. Ребенок некоторое время смотрел в окошко на заснеженные поля, поселки, перелески и скоро уснул. В Карцаге остановились и пообедали в корчме. Сопровождающие поели с аппетитом, Габорка тоже неплохо пообедал, и лишь одной Сулите кусок не лез в горло. Она погрузилась в думы.

«Жаль, что Габору не известно о нашем выселении. Что бы он сказал, если бы узнал, как я страдаю из-за него? Если бы я подтвердила на суде свои показания, то жила бы в столице, работала на старом месте и не знала никакой беды. Что ожидает меня в этом Табайопше?..»

Сулита хотела расплатиться за обед, но ее остановили:

— Деньги вам еще пригодятся.

— Спасибо.

В три часа дня они приехали в селение, в котором, если судить по двум соборам, стоявшим почти рядом на главной площади, жили католики и протестанты. Улица Габора Бетлена оказалась асфальтированной, по обе стороны ее росли высокие липы. Но сначала Сулиту отвезли в отделение полиции. Молодой старшина застыл по стойке «смирно», увидев предъявленное удостоверение.

Оперативник передал старшине конверт, а Сулите предложил сесть. Поговорив о чем-то со старшиной, он подошел к женщине и по-дружески сказал:

— Сударыня, старшина объяснит все, что имеет отношение к вашему пребыванию здесь... Надеюсь, что эта вынужденная прогулка будет недолгой. Всего хорошего. До свидания. — И, повернувшись к Габорке, добавил: — Сервус, молодой человек.

— До свидания.

— Смотри береги маму: ты же мужчина. — Немного помедлив, он поцеловал ребенка и направился к выходу.

— Скажите, как вас зовут? — спросила Сулита.

— Не имеет значения, сударыня.—И тихо добавил:— Один из многих. — Он ушел, но вскоре вернулся с двумя чемоданами в руках.

Из внутренней комнаты вышел заспанный сержант. Поздоровавшись и широко зевнув, он спросил Сулиту, кого она ждет.

— Господина старшину, — ответила она.

Вскоре старшина вошел в комнату, сел за стол и, еще раз прочитав письмо, полученное из столицы, достал толстую книгу и начал в ней что-то писать. Затем внес в книгу данные о Сулите и ребенке. Сделав это, достал из кармана металлический портсигар и, свернув цигарку, закурил.

— Умеете крутить цигарки? — спросил он у Сулиты.— Охотно угощу.

— Не умею, но попробую.

Старшина засмеялся первым, а вслед за ним засмеялся и сержант. Со второй попытки у Сулиты получилась довольно сносная цигарка. Она закурила и, затянувшись, так закашлялась, что чуть не выронила самокрутку на пол. Табак оказался крепким, у нее засаднило в горле, а из глаз выкатились две слезинки. Но она не сдалась и мужественно продолжала курить.

— Вернемся к делу, — проговорил старшина. — Я не знаю, в чем ваша вина, да это меня и не интересует. Вам запрещено проживать в столице, не так ли? Наше село определено вам как место жительства. В бумаге даже указано, где вам надлежит жить — у кулака Балинта Герендаша. Это третий дом отсюда, ясно?

— Ясно.

— Ну а теперь расскажу то, что вам следует знать о Балинте Герендаше. До раскулачивания он имел сто хольдов земли. Ее у него отняли, оставив всего пять хольдов. Раньше у него было три дома, остался один. Держать наемных рабочих ему запрещено. Вы понимаете, о чем я говорю? — Сулита кивнула.—Если же говорить откровенно, то Балинт хозяин хороший, рачительный. Землю он любит, понимает ее и отдает ей все, что она требует. Его участок сам за себя говорит, но работает он много. Он и тогда сам работал, когда у него было сто хольдов земли, лошади и вообще хозяйство. Я лично могу это подтвер-

дить, так как до войны работал у него. Он всем своим работникам говорил: «Ребята, работайте столько, сколько я, не больше, но так же честно». Ему еще и пятидесяти лет нет. К сожалению, жена у него больная: давно еще она упала с повозки и сломала бедро. Перелом сросся плохо, вот она теперь и переваливается, как утка, с боку на бок. Балинт тем не угодил новой власти, что его сын и дочка уехали за границу и теперь живут где-то в Канаде. Но и язык у Балинта длинный: видите ли, ему не нравится, как сейчас работают в сельхозкооперативе, он все ругает, критикует. На него и за это ополчились. И не столько здешние, кто его знает, ни партийный секретарь, ни руководство кооператива, а больше районное да областное начальство. Он, конечно, терпит — а что можно сделать? Все это я рассказываю вам для того, чтобы вы знали, в доме какого человека вам придется жить. За квартиру вам платить не надо, об этом сказано в решении. Имеете право пользоваться всеми помещениями, что есть в доме. Работать намерены?

— Где?

— Этого я не знаю. Может, в кооперативе, может, по хозяйству.

— На канатной фабрике всегда требуются рабочие руки, — заметил молчавший до этого сержант. — А не то на кирпичном заводе.

— Да, это верно. Сын первоклассник, да?

— Да.

— Сделаем, чтобы его приняли в школу, но это уже мое дело. При школе есть продленка, там и обедать можно. Тебя как зовут, сынок?

— Габором Будаи.

— Габор — это хорошо. Расти большим! — И, повернувшись к Сулите, старшина продолжал: — Теперь внимательно выслушайте то, что я сейчас буду говорить: это важно. Здесь вы будете жить под нашим надзором. Ясно? Никаких документов у вас не будет. Выезжать из села запрещено. В десять вечера должны быть дома. По воскресеньям утром обязаны являться в участок для регистрации. Понятно?

— Понятно. Выходит, меня сослали?

— Я бы скорее назвал это житьем под полицейским надзором. Если будете хорошо себя вести, все будет в порядке, без неприятностей. В селе у нас народ хороший, добрый. В случае чего непредвиденного обращайтесь ко мне... Ну, а теперь пошли.

Взяв чемоданы, Сулита пошла за старшиной.

Балинт Герендаш оказался плечистым и кряжистым, в густой ржавого цвета шевелюре которого проглядывала редкая седина. Из-под кустистых бровей смотрели зеленовато-голубые, пронизывающие насквозь глаза. Балинт был на целую голову выше Сулиты, его угловатое лицо, несмотря на зиму, покрывал загар. Жена Балинта, крупная женщина с испуганными глазами, стояла на кухне у плиты и готовила ужин. Сняв с огня кастрюлю, она вышла в комнату и, встав рядом с мужем, с любопытством уставилась на вошедших своими черными глазами.

— Добрый вечер, — поздоровался старшина.

— Здравствуйте, — ответил Балинт, — присаживайтесь. — И он показал рукой на деревянную скамью у стола. — Да поставьте вы свои чемоданы на пол.

Сулита повиновалась, а затем представилась Герендашу и его жене.

— И ты назови себя, сынок, — сказала Сулита.

Мальчик сказал, как его зовут.

— Янош, сынок, — сказал Герендаш, обращаясь к старшине Яношу Кевешу, — ты не откажешься выпить стопку палинки, а? И вы, сударыня...

— Выпью, дядюшка Балинт, — сказал полицейский, садясь на скамью. — Знаете, что я вам скажу? Вы должны благодарить бога коммунистов за то, что у вас поселили таких хороших людей.

Герендаш наполнил палинкой четыре рюмки.

— А я и радуюсь, милости просим.

Хотя самогонка была очень крепкой и драла горло, Сулита все же выпила все до дна. Жена Герендаша опрокинула свою стопку, даже не моргнув глазом.

— Могли поселить у нас и семью старого еврея... — заметила хозяйка старшине.

— Не встревай, знаешь, я этого не люблю! — оборвал Балинт жену, которая послушно встала и ушла в кухню готовить.

— Дядюшка Балинт, а вы знаете, что за постоялица у вас будет?

— Узнаю, если скажешь.

— Секретарша премьер-министра. Не кто-нибудь, а она самая...

Полицейский рассказал Герендашу то, что тому нужно было знать о Сулите, и после этого удалился.

— Могу я закурить? — спросила Сулита у Балинта.

— Кури, сколько вздумается, я сам всегда трубку курю, так что дым мне не мешает.

— Как мне вас можно звать? — спросила Сулита, закурив.

— А как хотите, можете дядюшкой Балинтом, а можете — кулаком или несчастным кулаком. — В голосе Герендаша сквозила обида и горечь.

— Дядюшка Балинт, не сердитесь на меня. Мы ведь не по своей воле сюда приехали. Нас привезли. У меня в Будапеште есть своя квартира.

— Я не сержусь! Что вы натворили?

— Ничего. Наша семья имела крупное земельное владение. Отец мой работал послом.

— Понятно. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, а потом и поужинаем. — Они прошли через горницу и оказались в большой, метров пять на пять, комнате. Два окна и одна дверь выходили на веранду. В комнате стояла огромная изразцовая печь. Она не топилась, и поэтому было так холодно, что Сулита начала мерзнуть. Мебели было вполне достаточно: две кровати, два шкафа, стол, четыре стула, на окнах тюлевые занавески.

— Сейчас затоплю печку, быстро тепло станет. — Герендаш открыл печную дверцу, и Сулита увидела, к своему удивлению, что дрова уже лежали в топке, оставалось только чиркнуть спичкой. Встав на колени, Балинт поджег бумагу, лежавшую под лучиной. — Знаете, когда в этой комнате жили в последний раз? Во время последних выборов в парламент. Сам Иштван Доби[1] тут ночевал, так как я был уполномоченным... От Партии мелких и сельских хозяев[2]. — Балинт махнул рукой. — Давно это было. Думаю, что вам здесь будет хорошо.

Они вышли в переднюю, к которой Герендаш несколько лет назад пристроил кухню и ванную. Из кухни одна

---

[1] Доби Иштван (1898—1968) — политический деятель; в 1919 г. участник вооруженной борьбы в защиту Венгерской советской республики. После освобождения один из руководителей Партии мелких сельских хозяев, представитель ее левого крыла. В 1949—1952 гг. Председатель Совета Министров, а с 1952 г. — Председатель Президиума ВНР.

[2] Партия мелких сельских хозяев—возникла в 1909 г. как партия зажиточного крестьянства, кулачества. После революции 1919 г. распалась и воссоздана после поражения революции. В годы второй мировой войны представители левого крыла партии участвовали в антифашистских и антивоенных акциях; вошла в состав Временного правительства после освобождения Венгрии, но занимала реакционные позиции, стремясь затормозить демократизацию страны.

дверь вела в комнату хозяев, а из коридора — в ванную.

— Здесь мы моемся, — пояснил Балинт. — Водопровода у нас нет, поэтому воду приходится носить и греть, но это все же лучше, чем ничего. Уборная у нас во дворе, пойдемте покажу.

Пока ходили во двор, Сулита замерзла.

«Ничего, нужно и к этому привыкать, — подумала она. — В конце концов, в подобных условиях живут миллионы людей, и если они это выносят, то и я вынесу как-нибудь. Вот только Габорке будет неудобно, но и он со временем привыкнет».

На ужин ели мясо с мучными рожками и овощным салатом. На столе стояли разные соленья и бутылка вина.

Сулита и Габорка так утомились и проголодались, что ели с большим аппетитом.

— Дядюшка Балинт, вы так добры к нам, что даже пригласили к столу, но я не могу обременять вас, давайте договоримся, сколько я вам должна платить, и за топливо тоже, чтобы и вы и я были довольны, — заговорила Сулита, когда они сидели за столом. — Правда, я не знаю, где у вас в селении можно купить дрова...

— Дрова я достану, а вы оплатите счет.

Тут в разговор вмешалась Ребекка, жена Герендаша:

— Дорогая, если вы захотите, сами можете готовить. Я вам в кладовке место освобожу, будете там хранить картофель, жир и другие продукты.

— Знаете, Ребекка, разрешите я вас так буду называть, все дело в том, что я не умею готовить: я вообще никогда в жизни не готовила.

— Сыночка родили, а готовить не умеете! — Хромоногая хозяйка сокрушенно покачала головой.

— Ну, Ребекка, что ты мелешь: когда это было, чтобы важные господа умели готовить? А если даже кто из них и научился, то где у них для этого время?

Сулита не поняла, то ли Балинт Герендаш хотел ее упрекнуть своими словами, то ли он просто изложил своей жене истину.

Некоторое время все ели молча, а потом Герендаш спросил свою квартирантку:

— Деньги у вас есть?

— Дня на два-три хватит. На работу мне бы устроиться куда-нибудь.

Герендаш разлил по стаканам вино и, никого не приглашая, выпил.

— Где же вы хотите работать?

— Не знаю, где примут.

— Этого и я не знаю. В сельхозкооперативе в такую пору работы нет, вернее, она есть, но на всех ее не хватает. Правда, у меня лично такое мнение, что если бы они хорошо наладили дело, то и работы бы всем хватило, но это уже их заботы. Есть тут и госхоз, но и там положение не лучше. — Он закурил. Ребекка собрала со стола посуду и ушла на кухню. — У вас сколько земли-то было?

— Кажется, две тысячи хольдов, точно я не знаю. А почему вас это интересует?

— А сколько людей работало на той земле, не скажете?

— Этого я вообще не знаю: я не вникала в хозяйственные вопросы. Но если я не ошибаюсь, то, кажется, пятнадцать человек работали постоянно.

— Госхоз был организован на земле семейства Венкхайма, у которого было пять тысяч хольдов. Венкхайм графом был, и всю его семью разными способами доконали-таки. Короче говоря, пять тысяч хольдов земли, и какой земли! Самый настоящий жирный чернозем: засоленные земли от нас находятся далеко. Так вот, на этой земле, если считать вместе с челядью, было человек пятьдесят, а сейчас в госхозе одних чиновников поболе будет. Но и это их дело. Правда, всем им надо платить зарплату, в том числе и в зимнее время, когда, можно сказать, работают одни животноводы да доярки. А вы вообще-то к физической работе привычны?

— Никогда не работала.

— Тогда не знаю, как у вас получится.

— Должно получиться. — Сулита бросила взгляд на сына и погладила его по голове.

— Понятно. Попытайтесь тогда найти что-нибудь на кирпичном заводе, там всегда рабочие нужны. Да и получше это будет, чем на канатной фабрике, хотя бы уже потому, что до него недалеко, намного ближе, чем до фабрики... Ну, идите ложитесь спать, а то ребенка совсем сморило.

Герендаш накидал в печь побольше дров, в постель положил горячий кирпич, чтобы она согрелась, и, пожелав Сулите спокойной ночи, направился к двери.

— Если хотите, я завтра могу свести вас на кирпичный: есть у меня там один-два человека знакомых, — проговорил он, остановившись на миг у порога.

И хотя печные изразцы и раскалились, комната еще не прогрелась за это время, и в ней было холодно. Завернутый в тряпку кирпич приятно согревал ноги. Сулита обняла сынишку, и Габорка быстро заснул. К ней же сон не шел. Она курила одну сигарету за другой, а сама пыталась понять, почему же судьба с ней так поступила. Такой участи она не заслуживала. А на что она могла надеяться? Собственно говоря, ни на что. Ладно, на работу она поступит, даже неважно, что ей придется делать, будет делать, лишь бы только прожить. Но разве это жизнь? Это не жизнь, а жалкое подобие ее. Человек, которого она любит, приговорен к бессрочному заключению, а если даже и освободят его, когда он станет совсем старым, то, оказавшись на воле, он встретится со старухой. Зачем им такая встреча? Да и вообще, зачем нужна такая жизнь?..

На глазах Сулиты появились слезы. Правда, у нее есть сын, и она должна жить ради него. Но какая жизнь ждет его? И кем он вырастет? С какими бы хорошими отметками он ни окончил среднюю школу, дальше ему не учиться: детей ссыльных не принимают в институты. Ладно, пусть так и будет. В конце концов, стыдиться здесь нечего: хороший рабочий больше зарабатывает и ценнее для общества, чем плохой дипломированный интеллигент. Вот взять хотя бы того же Михая Тота, он тоже, собственно, рабочий. Пусть Габорка станет квалифицированным рабочим, но где и кто его научит профессии?.. С нежностью она поцеловала сына в голову.

На следующий день Сулита решила, что, пока она не найдет работу, будет все дни с сыном.

Старшина Кевеш выполнил свое обещание и устроил Габорку в школу, договорившись с ее директором, Фараго Тиборне, о том, что она запросит из будапештской школы, где учился Габорка, его табель с отметками.

Сулита весь день провела с сыном, вымела двор, стараясь хоть как-то помочь Балинту Герендашу. Она научилась готовить пойло для свиней, а их у хозяина вместе с поросятами было четырнадцать голов. Двух свиней откармливали на убой. Сулита научилась ухаживать за домашней птицей. Вставала она рано утром и наблюдала со стороны, как дядюшка Балинт разговаривал с лошадьми, приводя их в порядок.

Однажды утром Сулита поднялась даже раньше супругов Герендаш. Она убрала в конюшне навоз, напоила лошадей, подбросила им в ясли свежего сена. Она не заметила, как в конюшню вошел Балинт и, остановившись,

не без любопытства наблюдал за тем, как Сулита работала. Затем он бесшумно приблизился к ней сзади и, крепко обняв, поцеловал в шею.

Сулита с трудом высвободилась из объятий хозяина и, повернувшись к нему лицом, направила на него вилы.

— Если еще раз вы попытаетесь повторить такое, — с ненавистью проговорила она, — клянусь богом, я вас убью!

Герендаш, не сказав ни слова, вышел из конюшни, а Сулита, обняв коня за шею, горько заплакала.

Немного успокоившись, Сулита приодела сына и пошла с ним в школу. Они пересекли площадь Ленина и вышли на улицу Красной Армии, где находилась школа. За несколько дней, что Сулита с сыном находились здесь, молва о ней разошлась по всему селу, рождая самые невероятные слухи. Одни говорили, что эта красивая столичная госпожа, наверное, имеет отношение к делу Райка, другие же утверждали свое, вот, собственно, почему за ней начали наблюдать. Сулита чувствовала, что оказалась в центре внимания селян.

Ведя Габорку за руку, она вошла в школьное здание. Учительская и кабинет директора располагались на первом этаже. Школьники, мальчики и девочки, бегали по коридору. Заметив новичка вместе с матерью, они с таким любопытством таращили на них свои глазенки, словно те прилетели с Марса. Габор, еще крепче стиснув ладонь Сулиты, тесно прижался к ней, словно боясь незнакомых ему детей.

Сулита постучала в дверь с табличкой «Директор». Ей никто не ответил. Она открыла дверь и увидела за письменным столом толстощекую Фараго Тиборне, прозванную учениками Толстушкой. Та ни разу еще не видела ни Сулиты, ни ее сына, но сразу же догадалась, что это они стоят на пороге.

— Подождите в коридоре, я позову, — вымолвила директриса, опустив голову к бумагам.

Сулита вышла в коридор и, сев на скамейку, стоявшую напротив директорской двери, стала ждать. Она не знала, что Фарагоне ненавидела всех худых и красивых женщин, ревнуя к ним своего симпатичного тридцатипятилетнего мужа, который наставлял ей рога с кем только мог. Тибор Фараго не разводился с женой только потому, что ее отец, Матиас Самош, был секретарем областного комитета партии. Однажды Самош недвусмысленно сказал своему зятю, что если тот попытается бросить его

дочь, то пусть пеняет на себя. Справедливости ради, следует сказать, что в день свадьбы невеста весила всего сорок восемь килограммов и слыла красивой девушкой. В двадцать три она родила премиленькую дочурку и сразу же после родов начала быстро толстеть. Врачи объясняли это каким-то гормональным заболеванием. С тех пор их брачная жизнь превратилась в сущий ад. Фараго менял любовниц как перчатки, о чем вольно или невольно узнавала его жена.

Разумеется, всего этого Сулита не знала, сидя на скамейке и чувствуя себя обиженной. Раздался звонок, и школьники разбежались по своим классам; из учительской одна за другой начали выходить преподавательницы, усталые и небрежно одетые. Они бросали беглые взгляды на курившую Сулиту, возможно завидуя ее модной дубленке, и шли дальше.

Наконец дверь директорского кабинета отворилась и Сулиту пригласили войти. Габорка поздоровался с директрисой как положено, Сулита — еле слышно.

Фарагоне ответила на приветствие вошедших кивком головы. Затем она, даже не предложив Сулите сесть, коротко спросила, что ей угодно.

— Меня к вам прислал старшина Янош Кевеш. Я — Сулита Читари, а это мой сын — Габор Будаи.

— Да, я вспомнила. Это вам запретили проживать в Будапеште, а ваш сын хочет учиться у нас.

— Да, поскольку это обязательно.

— Что — обязательно?

— Получение среднего образования. А раз на принудительное местожительство меня направили сюда, следовательно, мой сын должен учиться здесь. Насколько мне известно, другой школы в вашем селе нет.

— Да, это единственная школа. — Фарагоне надела очки. — А за что вас выселили из Будапешта?

— Точно я и сама не знаю, но, по мнению тех, кто это сделал, я якобы являюсь политически неблагонадежной.

— А до этого вы где работали?

— В Совете Министров, я была референтом премьер-министра по иностранным делам.

— Вы знаете иностранные языки?

— Английский и немецкий в совершенстве и относительно хорошо латынь и итальянский.

— А почему ваш ребенок носит фамилию Будаи?

— Потому что его отец Янош Будаи. Мы с ним разве-

лись, однако я не настаивала, чтобы сын носил мою фамилию.

— А где сейчас находится ваш муж?

— Мой бывший муж, насколько мне известно, живет в Вене, в английской зоне.

— А кто он по профессии?

— Был кадровым офицером, служил в авиации. Сбежал на Запад на самолете, но тогда я уже не была его женой.

— А до этого чем занимался ваш супруг?

— Служил кадровым офицером в старой армии, был летчиком-истребителем. На фронте его сбили, и он попал в русский плен, где стал партизаном...

— Хорош партизан.

— Каким он был партизаном, я не знаю, но он имеет четыре советские награды.

— Может, он еще и членом партии был?

— Да, был.

— И вы тоже?

— Нет.

— А это верно, что вы принимали участие в заговоре Райка?

— Я была лично знакома с Райком и другими людьми, но ни о каком заговоре я ничего не знала.

— Где вы будете работать?

— Там, где получу работу.

— У вашего сына есть учебники?

— С собой мы их не взяли, нам не дали времени на сборы, но мне их пришлют из Будапешта.

— Напишите туда как можно скорее, а до тех пор купите сыну тетради, карандаши, ручку.

— Понятно. Я бы хотела знать, имеется ли у вас продленная группа. Когда я начну работать, сын должен где-то находиться.

— Имеется, но в таком случае вам необходимо заранее заплатить за обеды.

Так Габорка стал учеником сельской школы.

На следующий день Сулита пошла в отдел кадров кирпичного завода. Сама того не желая, она выглядела такой красивой и элегантной, что, когда сказала о желании получить работу, все в отделе очень удивились и в один голос запротестовали: физическая работа не для нее. А начальник отдела кадров, однорукий Густав Винклер, прочтя автобиографию Сулиты, сначала хмыкнул, а затем, посмотрев на нее, сказал:

— Вы не выдержите тяжелой физической работы.
— Возможно, но я попытаюсь.
— Не знаю, имею ли я право принять вас на работу...
— Это чернорабочей-то не имеете права? У вас не военный завод. В таком случае позвоните старшине Кевешу, который отвечает за меня.

На работу Сулиту все же приняли. Рабочий день начинался в шесть утра и продолжался до двух часов дня. Сулита стала тележницей: она возила тележки с кирпичом из сушильного цеха на погрузочную площадку. Работа на самом деле оказалась очень тяжелой, от усталости Сулита буквально падала, но все же продолжала трудиться дальше, глядя на других женщин. К счастью, работа была такой, на которой не поговоришь.

Ребекка была настолько добра к Сулите, что утром сама будила Габорку, кормила его завтраком и провожала в школу. Вечером же из школы его забирала уже Сулита.

Время от времени Мария присылала по почте то, о чем ее просила бывшая хозяйка. Письма ее были пропитаны слезами и не содержали ничего хорошего, не считая того, что квартиру у них не отняли — помогли старания Юлии Хорват.

Наступила весна, а за ней — лето. Габорку необходимо было ради его будущего каким-то образом отправить в Будапешт. Мальчик с каждым днем становился все более робким и даже пугливым, он не выходил из дома, так как местные ребята преследовали его, били и ругали. Его боязливость проявлялась и в школе, где он, даже зная урок, не всегда мог ответить, за что получал плохие отметки.

Мария каждый месяц приезжала к ним в село, и тогда Габорка, словно забыв о том, что у него есть мать, прильпув к доброй старушке, становился смелее и даже начинал болтать. Сулита не жаловалась на свою судьбу, чтобы не огорчать Марию. Она даже прятала от нее свои огрубевшие руки, но старушка заметила это и сказала:

— Пропадешь ты здесь, моя золотая. Не для тебя такая жизнь.
— А ты знаешь лучшую? — Они сидели в саду под огромным орехом. — Лучше расскажи мне, что у вас там в столице нового.
— Говорят, что опять арестовали очень много людей — из политиков и из военных. И даже самого главного.
— И это верно?

— Так говорят, а правда это или нет, я не знаю. Юлия у нас давно не была. А вот то, что из нашего дома многих переселили, — это сущая правда.

— И кого же именно?

Мария начала перечислять фамилии, услышав которые Сулита ужаснулась. Видать, мало им было Райка, Палфи и других, теперь в числе арестованных оказались Янош Кадар, Сакашич[1], Марошан[2] и большая часть генералов.

Всего этого Сулита раньше не знала. Радио в доме не было, в гости она ни к кому не ходила, а большинство женщин, вместе с которыми она работала, были цыганками. Они не умели ни читать, ни писать. Их не о чем было и спрашивать. Директор же завода и главный инженер не разговаривали с ней.

В начале лета Сулита решила, что в воскресенье, когда она пойдет, чтобы отметиться в полиции, обязательно поговорит с Яношем Кевешем. В субботу вечером, за ужином, дядюшка Балинт, который после неудавшейся попытки овладеть Сулитой, ходил по дому молчком, вдруг сообщил новость:

— Яноша Кевеша тоже арестовали.

— За что же это? — дрожащим голосом спросила Сулита.

— За то, что он хорошим человеком был и не притеснял кулаков.

— А кто здесь кулаки?

— Все, кто числится в списках. Ну, сейчас над ними поиздеваются: на место Яноша назначен Йожеф Герцог.

— А кто он такой, этот Йожеф Герцог?

— Мерзавец, — заговорила Ребекка. — Сами узнаете.

---

[1] Сакашич Арпад (1888—1965) — журналист-публицист; с 1903 г. член Венгерской социал-демократической партии. В качестве одного из ее руководителей и представителей ее левого крыла активно способствовал объединению с.-д. партии с КПВ в июне 1948 г. В 1950 г. был незаконно репрессирован. После реабилитации принимал активное участие в общественной жизни страны.

[2] Марошан Дьердь — общественно-политический деятель, публицист. С 1927 г. — член Социал-демократической партии Венгрии. С 1943 г. — секретарь с.-д. п. После объединения с КПВ — член Политбюро и зам. генерального секретаря ВПТ. В 1950—1956 гг. был на основании ложных обвинений незаконно репрессирован, затем реабилитирован и кооптирован в партийное руководство. После подавления контрреволюционного мятежа 1956 г. принимал активное участие в консолидации.

На следующий день состоялось знакомство Сулиты с Герцогом, который сразу же начал поучать ее. Это был небольшого роста, кряжистый черноволосый мужчина, каждое второе слово которого представляло собой брань. Усадив Сулиту, он ходил перед ней взад и вперед и говорил, что он еще покажет таким шлюхам, как она... На своем участке он не потерпит ни заговоров, ни кулацких выступлений. Он знает, что нужно делать с такими преступниками.

Свое слово Герцог держал: он ежедневно обходил дворы так называемых кулаков, что-то проверял, кого-то наказывал, на кого-то писал донесения, отсылая их в район. За все это его даже хвалили. Вскоре в село прибыла новая партия административно высланных, которых также расселили по домам бывших кулаков. Среди них имелись и молодые, но в большинстве своем это были пожилые люди, не способные работать. Сулита с ними не сближалась. Несколько недель подряд она чувствовала себя неважно, у нее часто болела и кружилась голова, ей хотелось постоянно плакать, по утрам она просыпалась в поту. Было бы неплохо встать под душ и хорошенько вымыться, но душа тут не было. В ванную же нужно было прежде наносить воды. И она наносила.

Однажды утром, в пять часов, она уже стояла в ванной, когда туда ввалился Балинт Герендаш.

— Выйдите! Прошу вас, выйдите, а то я закричу! — умоляла Сулита, вытянув вперед руки.

— Ребекки дома нет, можешь орать сколько хочешь! — И верзила начал раздеваться.

Сулиту охватил такой страх, какого она еще никогда не испытывала. Сначала она словно оцепенела, потом начала защищаться как сумасшедшая. Но Герендаш, взволнованный ее близостью, наступал как бык. Схватив Сулиту за волосы, он запрокинул ее голову назад. Женщина кусалась, царапала его ногтями. Она была на грани потери сознания. Быть может, она упала бы в обморок, если бы Герендаш не бил ее по щекам. Сулита закричала. На крик матери в ванную прибежал Габорка и, увидев на полу барахтающуюся мать, борющуюся с Герендашем, выскочил во двор и не своим голосом закричал:

— Мамочку убивают! На помощь! Мамочку убивают! На помощь!

В дверях появились соседи, и Сулиту оставили силы. В себя она пришла уже на своей кровати.

— Ну, наконец-то, — с облегчением проговорил док-

тор, склонившийся над ней. — А я уж думал, что вы так и не очнетесь.

— Где мой сын?

— Не беспокойтесь, с ним ничего не случилось. Вы меня узнали?

— Вы — доктор.

— Я доктор Матэ Кулчар, главврач медпункта.

— Теперь вспомнила.

— Ничего опасного у вас нет: нервное истощение и шок. Если я не ошибаюсь, вы работаете на кирпичном?

— Да. С восьмого января.

— Я выпишу бюллетень: вам необходимо отдохнуть. Укол я вам сделал и выписал успокаивающее. Будете принимать по таблетке три раза в день. За вами есть кому ухаживать?

— Нет. Я ведь из выселенцев.

— Это я знаю. — Доктор взял руку Сулиты и стал считать пульс. — Неплохо. Скажите, вы помните, что с вами случилось?

— Можно я закурю?

— Если хотите, пожалуйста.

Сулита хотела было сесть и только тут заметила, что она голая.

— Я вас осматривал, все тело у вас избито. Закуривайте.

Сулита закурила.

— Ну, так что же вы помните?

Женщина закрыла глаза и, с трудом сдерживая слезы, рассказала о том, что с ней случилось.

— Знаете, это было что-то ужасное. Он меня бил, а я защищалась. Этого я до смерти не забуду. Потом я потеряла сознание...

— Вас допросят в полиции, расскажите там все, как было.

— Я боюсь, он же меня убьет. Вы не видели его глаз — просто ужас один!

— Герендаша бояться нечего, — успокоил ее врач.— Он умер от инфаркта.

Сулита долго молчала, а потом спросила:

— А тетушка Ребекка? С ней-то что?

— Я думаю, она рада такому исходу. Я знаю, сколько вынесла эта несчастная женщина. Рано или поздно она сама бы убила своего мужа. Ее вам бояться не стоит. У вас есть просьбы?

— Я бы не хотела потерять работу.

— Вы ее не потеряете. Я сам позвоню на завод. А другие просьбы?

— Если можно — отослать телеграмму.

— Продиктуйте адрес и текст.

В телеграмме Сулита просила Марию приехать на несколько дней.

Когда доктор ушел, Сулита осталась ненадолго одна. Вскоре к ней пришел Габорка, а вслед за ним жена Герендаша. Ребекка была вся в черном, но по ее лицу не было заметно, чтобы она плакала. Попросив у Сулиты прощения за случившееся, она присела на край кровати.

— Я знала, чувствовала, что это произойдет. Пусть его господь в могиле покарает: это был злой и жестокий человек. Я с ним всю жизнь страдала. Вы, дорогая, и не догадываетесь, сколько девушек загубил этот злодей. Это он сделал меня калекой. Вам, дорогая, я могу откровенно рассказать об этом. Сейчас уже могу. Ни с какой повозки я не падала, нет. Когда я на хуторе однажды хотела помочь Панке Хантош, которую он хотел изнасиловать, он избил меня вилами, да так, что перебил мне одну ногу и повредил таз. Чтобы не пугать вас, я вам этого раньше не рассказывала. Может, и нужно было бы сказать. Знаете, большая часть земли принадлежала мне. Он, можно сказать, на земле и женился, а не на мне... — Жалобы из уст Ребекки так и лились одна за другой. Она заплакала. Но это была скорбь не о муже, а о своей сломанной, полной печали жизни, о загубленной молодости. Сулита сжала ей руку и успокоила.

На следующий день, вечером, приехала Мария. Бедная женщина, не зная, что и думать, всю дорогу мысленно молилась. Узнав о случившемся, она сильно рассердилась на тех, кто до сих пор сносил такое. Мария едва удерживалась от слез — не хотела, чтобы Габорка видел ее плачущей. От ее глаз не ускользнуло, что Сулита так сильно переживает случившееся, что даже похудела, под глазами образовались мешки, а в темных волосах появились седые нити.

— Ах ты, бедная моя сиротинка, — вздыхала добрая Мария. — Что с тобой сделали! В чем ты провинилась?

— Оставь это, Мария. Этим горю не поможешь. Что слышно о Габоре?

— Ничего я не знаю. В газетах писали, что снова кого-то казнили.

— Я ничего не знаю. Радио не слушаю, газет не читаю.

Так даже лучше, по крайней мере, не расстраиваю себя напрасно. Знаешь, Мария, до чего я додумалась? Человеку лучше всего тогда, когда его даже завтрашний день не интересует. Сейчас меня можно обрадовать только известием, что Габор жив.

Мария пожала плечами.

— Не пугай меня! — Сулита схватила Марию за руку. — Я не знаю, что я сделаю, если Габора не будет в живых!

— Ты о сыне лучше думай, а не о Габоре. Если он жив, то освободится только через пятнадцать лет, а это ох как долго, золотая моя, очень долго. Тебе уже за сорок будет.

— Пятнадцать лет... Это действительно очень много. Габорке исполнится двадцать пять лет. Послушай меня, Мария: Габорку ты должна забрать с собой в Будапешт, ему здесь очень плохо.

— Знаю.

— Откуда?

— Из постановления. А ты разве не получила копии его?

— Нет... — Сулита вцепилась в руку Марии. — Рассказывай! Что за постановление должна я получить?

— Свекор твой, как только узнал о том, что с тобой произошло, куда только не обращался, чтобы тебе разрешили вернуться в Будапешт. К министрам ходил, но его не приняли. Он написал прошение, да не одно, а много. Но ответа не получал. Тогда он начал все сначала. Доказывал, что произошла ошибка, что ты честный человек и никогда не нарушила ни одного закона. И вот на этой неделе он получил письмо из МВД. В нем говорилось, что твое дело пересмотрели, но безрезультатно. Что же касается Габорки, на него постановление о переселении не распространяется и его можно забрать обратно...

Сулита с облегчением вздохнула: теперь, что бы с ней ни случилось, Габорки это не коснется. В Будапеште его никто не будет ненавидеть, и особенно ее успокаивало то, что дедушка Будаи воспитает внука достойным человеком.

Через несколько дней Мария уезжала в Будапешт, увозя с собой Габорку. Расставание было тяжелым, у Сулиты едва не разорвалось сердце. Габорка же перенес расставание с матерью довольно спокойно: знал, что едет к дедушке, да еще вместе с Марией. Здесь у него не было ни одного друга, чувствовал он себя плохо. А теперь ему

будет что рассказать в городе о сельской жизни. Сулита проводила Марию с сыном до станции и махала вслед поезду до тех пор, пока он не скрылся вдали.

Доктор Кулчар продолжал держать Сулиту на бюллетене.

— А беды не будет от этого? — беспокоилась Сулита. — Я уже хорошо себя чувствую.

— Это мне решать, сударыня. Ваше дело — продолжать принимать лекарство, отдыхать и не мучить себя. У вас есть что читать?

— Да, я хожу в библиотеку. Сейчас как раз взялась за романы Томаса Манна.

— Это хорошо, только «Волшебную гору» оставьте напоследок: я бы не хотел, чтобы вы сорвались. Скажите, разве вам так уж обязательно работать на кирпичном заводе?

— Не обязательно, но где-то нужно работать.

Они сидели во дворе под ореховым кустом, которого не было видно с улицы. Ребекка поставила на стол кувшин с вином и удалилась. Кулчара она полюбила за то, что тот исцелил ее душу. Доктор налил вина, выпил.

— Что-нибудь придумаем, — сказал он.

На похороны Герендаша Сулита не пошла. Домой Ребекка вернулась уставшей. Она рассказала, что из чистого любопытства на похороны собралось много народа: всех интересовало, как она будет скорбеть. Она, конечно, не плакала и даже чуть было не рассмеялась, когда священник говорил о ее Балинте как о чтящем бога человеке и любящем муже.

Сулита помогла Ребекке покормить скотину, потом вымела двор.

Вечером за ужином Ребекка сказала ей:

— Сулита, не ходи-ка ты больше на кирпичный, оставайся у меня. Вдвоем мы как-нибудь обработаем пять хольдов. Ты женщина проворная, быстро всему научишься. Нужные машины у меня есть, имеются две лошади, к тебе, как я посмотрю, уже привыкли.

— Я не знаю, а что нужно делать?

— На гектаре земли убрать кукурузу. Правда, для двоих это не такая уж легкая работа, но кого-нибудь позову на помощь. Потом картошку выкопать нужно. Виноградник есть у меня небольшой, но он подождет до конца октября. Осенью вспашку и посев тоже нужно будет провести. Вся эта работа, но платить тебе я буду в два раза больше, чем ты получаешь на кирпичном...

Сулита закрыла бюллетень, удивив доктора Кулчара своим решением поработать у Ребекки, но отговорить ее от этого ему так и не удалось.

— Попытаюсь, мне терять нечего, — объяснила Сулита.

— Но ведь вы не знаете, как тяжела крестьянская работа. — Разведя руками, он добавил: — Я вижу, вы упрямая. Не позволяете себе сломаться. Возможно, вы и правы, но лекарство, что я вам прописал, пока попринимайте.

Сулита начала уважать доктора, который был с ней откровенен. В воскресенье утром он навестил Сулиту, и они долго разговаривали. Доктор с удивлением наблюдал за этой хрупкой женщиной, у которой нашлось столько воли и решимости. Она загорела, окрепла не только физически, но и духовно.

На рассвете ее уже можно было видеть в поле, рядом с лошадьми, нежно разговаривающей с ними. Она работала и под горячим солнцем, и в проливной дождь, и в ветер, и в сильный снегопад. От усталости иногда плакала. Слезы текли по ее лицу, а она вспоминала Габора, который сидит в тюрьме. В такие моменты она садилась куда-нибудь и, подперев голову руками, пыталась представить себе Габора, но ей это не всегда удавалось. Чаще всего она видела его таким, каким запомнила в суде: наголо остриженным, в арестантской одежде...

Сны она видела редко: от усталости засыпала как убитая. Но уж если видела, то в них обязательно был Габор. Он целовал ее, ласкал. Потом она неожиданно просыпалась.

Раз в неделю она писала свекру, Габорке и Марии и регулярно получала от них ответы. В каждом из них родные спрашивали, в чем она нуждается, но Сулита всегда отказывалась от помощи.

За два дня до рождества перед ее домом остановилась легковая машина. Сначала Сулита испугалась, но, услышав голосок Габорки, успокоилась.

— Мама, мамочка! — закричал мальчик и бросился бегом к ней.

Сулита чуть не задушила сына в объятиях.

В калитку вошла Юлия Хорват. Сулита обрадовалась еще больше: вот уж действительно рождественский сюрприз! Они обнялись.

Ребекка зарезала двух кур, решив, что уж если к ним

пожаловали гости из Будапешта, так пусть отведают такой лапши и паприкаша, каких никогда не ели.

Ночью прошел снегопад, и Габорка захотел слепить снеговика. Взрослые разрешили: если озябнет, то отогреется в теплой комнате.

Сулита и Юлия уселись поближе к изразцовой печке.

Юлия рассказала о том, кого репрессировали за это время. Судя по всему, это была вторая волна разбирательств по делу о заговоре Райка. Сначала привлекли руководителей социал-демократической партии Сакашича, Марошана, Анну Кетли [1] и бог знает кого еще. Потом очередь дошла до руководителей Мартовского фронта [2]. Видимо, мир совсем сошел с ума.

— Как здесь прошли выборы? — поинтересовалась Юлия.

— Я даже и не знаю. Я в них не участвовала. Знаю только, что выбрали совет и председателя.

— А разве газет ты не читаешь?

— Нет. И радио не слушаю. Если выпадет свободное время, то книги читаю немного.

— И много в селе выселенных?

— Пожалуй, семей двадцать. По воскресеньям я встречаюсь с ними в полиции. Я ни с кем из них не знакома, поздороваюсь — и скорее домой: не хочу, чтобы меня заподозрили в каком-нибудь заговоре, мне и так бед хватает, да и им тоже. Скажи, что ты знаешь о Габоре?

Не успела Юлия ответить, как дверь с шумом распахнулась и в комнату буквально ворвался старшина Герцог с автоматом на плече. Сапоги его и шапка были запорошены снегом.

— Ну, что тут творится? Сговариваетесь? А не хотите ли сесть за решетку на несколько лет? Я вам что говорил? — Он сердито уставился на Сулиту. — Я вам говорил, что вы без моего разрешения не имеете права принимать гостей!

— Вы мне этого не говорили.

— Выходит, я вру?

---

[1] Кетли Анна (1889—1976) — один из лидеров Венгерской социал-демократической партии, представительница крайне правого, реакционного крыла партии.

[2] Мартовский фронт — демократическое политическое движение, созданное в Венгрии в марте 1930 г. на основе объединения антифашистских сил при активном участии коммунистов. Просуществовал до лета 1939 г.

— Этого я не знаю. — Сулита смело посмотрела старшине в глаза.

— Ну хорошо. Это мы скоро проверим. — И, повернувшись к Юлии, спросил: — А вы кто такая?

Юлия закурила и, убрав пачку в карман, спокойно сказала:

— Выйдите, затем снова войдите, поздоровайтесь, а потом мы поговорим.

Лицо старшины стало лиловым.

— Вас по морде били когда-нибудь?

— До сих пор не били.

— Тогда сейчас будут. Пошли со мной в участок!

— Боюсь, что это вы со мной пойдете. — Юлия достала из сумочки свое удостоверение и показала его полицейскому. — Я майор госбезопасности Юлия Хорват. Читайте, если умеете читать.

Узнав удостоверение, Герцог побледнел, хотел было доложить, но не смог и только простонал.

— Об обещанном вами битье по морде мы поговорим несколько позднее. Ровно в пятнадцать часов будьте в участке. У меня все!

— Прошу разрешения...

— Идите.

Герцога словно ветром сдуло.

Сулита печально посмотрела на Юлию и спросила:

— Теперь ты поняла?

— Я много что поняла, Сулита.

— Ты стала майором госбезопасности?

— Наш отдел присоединили к ним, но мы по-прежнему остаемся армейскими офицерами. Это не столь важно. Давай поговорим о Габоре.

— Что с ним?

Юлия сначала закурила, а потом тихо сказала:

— Его приговорили к смертной казни. Наши предположения оказались неверными. Вновь назначенный прокурор построил свое обвинение против Габора на основе твоих письменных показаний.

— Но я же отказалась от них, и Борбаш поддержал меня!

— Так-то оно так, но председатель трибунала назначил заседание на другой день. И новый прокурор предъявил Габору новые обвинения. Я не хотела тебе об этом говорить, но ты сама спросила.

— И...

Юлия знала, что хотела спросить Сулита.

— Его уже нет в живых. Перед смертью я разговаривала с Габором. Он был спокоен. Сказал мне, что для него очень важно было услышать твой отказ от показаний. Очень важно. Он сказал, что для него это все. Да, так. Я привезла тебе письмо от него. Когда прочтешь, мы его сожжем.

Сулита дрожащими руками взяла конверт и достала из него письмо.

«Моя дорогая!

Я не люблю прощаться. Ты была великолепна. Я все понял и потому умру спокойно, хотя и не понимаю до сих пор, почему я должен умереть. Я очень откровенен с тобой и не хочу уносить с собой в могилу ложь. Я очень люблю тебя — и как Жан Дюран, и как Габор Лукач. Лучше тебя на свете я никого не встречал. Я знаю, что и ты тоже любила меня. Ради этого одного стоило жить на свете. Сулита! Тебе тоже очень тяжело. Быть может, даже тяжелее, чем мне, ведь тебе приходится жить среди сумасшедших. Но, поверь мне, честных людей гораздо больше и эта страна принадлежит им. Скоро власть в ней тоже будет принадлежать им. И эти люди будут служить правде, нам, вам, и живым, и мертвым, которые умерли за идеи социализма при столь странных обстоятельствах. Вам нужно жить ради того, ради чего мы умираем невиновными. Я верю в то, что наша смерть не была напрасной. Воспитай из своего сына патриота социалистической Венгрии. Моими последними мыслями будут мысли о тебе.

Габор».

Сулита плакала. Она прочитала письмо несколько раз, словно хотела заучить каждое слово и каждую букву из него.

Наконец Юлия взяла письмо из рук Сулиты и, разорвав, бросила в горящую печку.

— А теперь наберись мужества и силы. Ничего сделать ты уже не можешь.

— Могу, — прошептала Сулита, вдруг почувствовав, что жизнь без Габора потеряла всякий смысл.

С этого момента она двигалась, говорила, ела, отвечала на вопросы словно лунатик — душой она была где-то далеко-далеко.

После обеда Сулита со слезами попрощалась с сыном, который никак не хотел отпускать ее и умолял:

— Мама, мамочка, не плачь, пожалуйста!

— Я уже не плачу, видишь? Будь хорошим мальчиком, очень хорошим. Береги дедушку и бабушку, и Марию тоже.

Она еще долго стояла на засыпанной снегом дороге, снег хлопьями падал на нее, а она смотрела на удаляющуюся автомашину.

Вечером Сулита смела с дорожки снег. Прошла в ванную и тщательно вымылась. Затем собрала все снотворное и успокоительное, какое нашла в ящике стола. Написала коротенькое письмо и, заклеив конверт, надписала адрес. Потом легла в постель и, проглотив почти две горсти лекарств, закрыла глаза. Сулита думала о Габоре, о светловолосом, слегка курчавом Жане Дюране. Мастерская скульптора... Он подошел к ней, взял руку и увлек за собой; они шли, окруженные сиянием, куда-то поднимались, куда-то падали, и этим падениям, казалось, не будет конца.

12

28 сентября 1954 года военный трибунал, пересматривавший дело майора Габора Лукача, полностью реабилитировал его.

Юлия Хорват предъявила комиссии по организации перезахоронения письмо, написанное перед смертью Сулитой Читари. Несчастная женщина просила в нем, чтобы ее похоронили вместе с Габором Лукачем.

Последняя просьба Сулиты Читари была выполнена. Прах обоих влюбленных похоронили с воинскими почестями.

СОДЕРЖАНИЕ

Беркеши А.

Б48 Испытания: Роман/Авторизованный пер. с венг. Г. Г. Афанасьева. — М.: Воениздат, 1988. — 444 с.

ISBN 5—203—00151—0

В романе крупного современного прозаика воссоздается широкая картина венгерской действительности от начала второй мировой войны и до конца 60-х годов. Автор увлекательно рассказывает о деятельности венгерских коммунистов в условиях подполья, об их борьбе за выход из войны, показывает истоки движения Сопротивления и корни венгеро-советской дружбы, опираясь на которую венгерский народ создал новое, народное государство.

Главный герой романа коммунист Габор Лукач, жизнь которого изобилует всевозможными коллизиями, выдерживает испытания на верность родине, своему служебному долгу и любимой женщине.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Б $\frac{4703000000—112}{068(02)—88}$ 157—88

ББК 84.4 Вн

АНДРАШ БЕРКЕШИ

ИСПЫТАНИЯ

Роман

Авторизованный перевод с венгерского Г. Г. Афанасьева
Редактор *В. А. Никольский*
Редактор (литературный) *Е. И. Малявин*
Художник *А. Я. Салтанов*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *Е. А. Петухова*

ИБ № 2978

Сдано в набор 02.09.87. Подписано в печать 27.11.87. Г-12283.
Формат $84\times108/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 14. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,74. Уч.-изд. л. 25,75.
Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/2990. Зак. 435. Цена 2 р. 90 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

В 1988 ГОДУ В ВОЕНИЗДАТЕ ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ:

ВАЙЯН Р. СТРАННАЯ ИГРА: Роман: Пер. с франц. 13 л. — (В пер.): 1 р. 70 к.

В романе известного французского писателя, публициста и драматурга Роже Вайяна раскрывается широкая панорама борьбы французских патриотов против гитлеровских захватчиков и местных коллаборационистов.

Автор говорит о решающей роли Советского Союза в разгроме фашизма и освобождении народов Европы от нацистской тирании.

С большим художественным мастерством писатель дает бытовые зарисовки жизни французского общества в тяжкие годы оккупации.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

ФЕЛИЗАТТИ М., САНТИНИ А. «АГАВА»: Роман: Пер. с итал. 13 л. — (В пер.): 1 р. 50 к.

Книга итальянских авторов представляет собой политический детектив, в котором раскрываются негативные стороны современной итальянской действительности.

«Агава» — одна из тайных организаций военно-промышленного комплекса. Роман позволит читателю понять размах и цели преступной антинародной деятельности реакционных кругов Италии, их связи с международным милитаризмом.

Напряженный сюжет романа привлечет внимание широкого круга читателей.

«БЕЛЫЕ ЛИНИИ». Сборник: Повесть и рассказы: Пер. с чешск. 25 л. — (В пер.): 2 р. 80 к.

В сборник включены произведения современных чехословацких писателей — документальная повесть Р. Шулига «От расплаты не уйти» и рассказы И. Прохазки о работе инспектора службы безопасности Яна Земана.

В повести и рассказах на богатом фактическом материале раскрывается история органов безопасности ЧССР, их мужественная борьба против врагов социалистического строя.

Произведения сборника отличаются напряженностью сюжета и вызовут интерес широкого круга читателей.

ПЫН ДЕХУАЙ. ВОСПОМИНАНИЯ. Пер. с кит. 25 л.— (В пер.): 1 р. 80 к.

Автор книги, бывший министр обороны КНР, член Политбюро ЦК КПК.

В воспоминаниях китайский маршал дает глубокий анализ событий «культурной революции», приводит обширный фактический материал.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ПРИМИРЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО: Романы: Пер. с исп. 23 л.— (В пер.): 2 р. 60 к.

В книгу вошли два романа кубинских писателей, объединенные темой борьбы кубинского народа против происков американского империализма.

В романе Д. Ибаньеса «Примирение невозможно» показана трудная и полная опасностей работа кубинских контрразведчиков. Автор рисует образы отважных бойцов «невидимого фронта», которые, находясь в стане врага, до конца выполняют свой священный долг перед родиной.

Роман Э. Сирулеса «Пограничники» повествует о становлении пограничных войск Республики Куба, о службе пограничников в наши дни. Основанный на подлинных фактах, роман рисует яркую картину тревожных будней славных защитников рубежей острова Свободы.

Книга рассчитана на массового читателя.

ЗИНКЭ Х. НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ: Повести: Пер. с рум. 24 л.— (В пер.): 2 р. 70 к.

Хараламб Зинкэ — известный румынский писатель, автор многих произведений приключенческого жанра.

В сборник включены три повести. «Неизбежный финал» и «Дело одинокого летчика» посвящены самоотверженному труду сотрудников органов госбезопасности, раскрывших и обезвредивших группу агентов империалистических разведок. В повести «Отважный» показано, как румынским разведчикам удалось сорвать контрудар немецко-фашистских полчищ в районе Бухареста, когда румынская армия вела боевые действия против гитлеровских войск.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.